№ 284
№ 1431

СОЧИНЕНІЯ

ДРЕВНИХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ АПОЛОГЕТОВЪ.

СПб 264
19558.

ИЗДАНЫ ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ, СО ВВЕДЕНІЯМИ И ПРИМѢЧАНІЯМИ,

СВЯЩЕННИКОМЪ

П. ПРЕОБРАЖЕНСКИМЪ.

Татіанъ. — Аѳинагоръ. — Св. Ѳеофилъ Антіохійскій. — Ермій. — Мелитонъ Сардійскій. — Минуцій Феликсъ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.
1867.

БИБЛИОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНАЯ

60
Соч

Библиотека
Общественных Наук
Академии Наук СССР
2233
53

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, января 20 дня 1867 г.

Цензоръ Докторъ Богословія Протоіерей *П. Терновскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

1. О Татіанѣ и его апологіи. 2

Татіана рѣчь противъ Эллиновъ 11

2. Объ Аѳинагорѣ и его сочиненіяхъ 61

I. Аѳинагора Аѳинянина философа христіанскаго прошеніе о христіанахъ 67

II. О воскресеніи мертвыхъ 123

3. О св Ѳеофилѣ Антіохійскомъ и его книгахъ къ Автолику. 165

Ѳеофила къ Автолику: книга I 169

» II 184

» III 231

4. Объ Ерміѣ, сочинителѣ Осмѣянія языческихъ философовъ 263

Осмѣяніе философовъ 265

5. О Мелитонѣ Сардійскомъ и его сочиненіяхъ 277

Рѣчь Мелитона къ импер. Антонину 286

6. О Минуціѣ Феликсѣ и его сочиненіи «Октавій» 303

Октавій 307

ТАТІАНЪ И ЕГО АПОЛОГІЯ.

О ТАТІАНѢ И ЕГО АПОЛОГІИ.

Татіанъ — второй писатель-апологетъ христіанства, имя котораго послѣ св. Іустина сохранилось до насъ вмѣстѣ съ его «рѣчью противъ Эллиновъ» (*).

Свѣдѣнія о жизни Татіана скудны и большею частію заимствуются изъ его апологіи; а свидѣтельства современныхъ и позднѣйшихъ писателей очень немного пополняютъ пробѣлы, оставленные имъ самимъ. Отечествомъ своимъ онъ называетъ Ассирію (Рѣчь прот. Элл. гл 42). Если Климентъ александрійскій (**), Епифаній (***) и другіе указываютъ вмѣсто-того на Сирію, то справедливо можно объяснить это не только легкостью замѣны одного слова другимъ, но и тѣмъ, что Сирія была главнымъ поприщемъ позднѣйшей и болѣе извѣстной дѣятельности Татіана. Когда родился

(*) Литература, относящаяся къ Татіану и его трудамъ. *Тенцеля*—de Iustino Martyre, Athenagora, Theophilo Antiocheno, Tatiano 1686, *Нурри*—dissertatio in Tatiani Assyri opera, *Марана* — prolegomena къ его изданію апологетовъ (въ Cursus Patrologiae—Миня), изъ новѣйшихъ *Даніеля*—Tatianus der Apologet. 1837

(**) Клим. Strom. III, 12. § 81

(***) Епиф adv haer. I 1.

Татіанъ, объ этомъ не говорятъ ни самъ онъ, ни другіе писатели. Если предположить, что онъ послѣ путешествій своихъ по различнымъ странамъ прибылъ наконецъ въ Римъ не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду, а это прибытіе его послѣдовало еще при жизни св. Іустина (150—166 г), то съ вѣроятностію можно полагать время его рожденія въ концѣ первой или въ началѣ второй четверти II-го вѣка по Р. Х. Съ раннихъ лѣтъ жизни, любознательный умъ Татіана стремился усвоить все, что входило въ составъ греко-римскаго образованія и особенно въ кругъ занятій риторовъ или софистовъ: миѳологію и литературу, философію и исторію. По обычаю тогдашнихъ риторовъ, онъ путешествовалъ по разнымъ странамъ обширной римской имеріи, посѣщалъ славнѣйшія школы Востока и Запада, изучалъ образованность, нравы, обычаи и религіозные обряды различныхъ народовъ Азіи и Европы, и своими многосторонними познаніями пріобрѣлъ себѣ почетное имя между образованными людьми (гл 1.).

Но не суетной славы ритора искала его душа, а строгой, нравственно возвышающей истины, рѣшенія высшихъ вопросовъ о Богѣ и мірѣ: для этой цѣли онъ съ особеннымъ вниманіемъ изучалъ религію народовъ, и даже принялъ посвященіе въ таинства грековъ, вѣроятно элевзинскія (гл. 29). Плодомъ такихъ изученій было горькое разочарованіе. Миѳологія съ ея непристойными нелѣпостями, которыхъ не могло прикрасить и аллегорическое истолкованіе миѳовъ, богослуженіе съ лицемѣріемъ жрецовъ и безнравственностію народа, искусство, порабощенное плоти и распутству, философія полная противорѣчій и разногласій, съ равнодушіемъ или даже пренебреженіемъ къ истинѣ и правдѣ, тщеславіемъ и корыстолюбіемъ ея учителей и учениковъ: вотъ что представилось строго-пытливому духу Татіана. Съ такими впечатлѣніями и опытами онъ прибылъ наконецъ въ Римъ и въ этомъ

средоточіи матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ тогдашняго міра онъ встрѣтилъ въ поразительномъ соединеніи всю ложь, нестроеніе, безобразіе коренныхъ стихій и направленій духовной жизни язычества. Глубоко пораженный въ благороднѣйшихъ и священнѣйшихъ требованіяхъ своего духа, Татіанъ пришелъ въ раздумье, погрузился въ самого себя и спрашивалъ, гдѣ же найдти истину, въ которой душа его жаждала мира для себя (гл. 29).

Среди тщательныхъ исканій истины въ руки Татіана попались христіанскія книги Свящ. Писанія. Тотчасъ на него подѣйствовала безыскуственность рѣчи, простота писателей, удобопонятность ученія о твореніи міра, предвѣденіе будущаго, превосходство нравственныхъ предписаній и возвышенность догмата объ единомъ Богѣ. Далѣе Татіанъ увидѣлъ высоко-нравственную жизнь христіанъ, чуждую корыстолюбія и тщеславія (гл. 11), особенно цѣломудріе и возвышенный характеръ христіанскихъ женщинъ (гл. 33 и 34), единомысліе въ вѣрѣ, согласіе съ нею въ жизни (гл. 26 и 32) и готовность скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ вѣры (гл. 4); наконецъ убѣдившись, что священныя писанія христіанъ гораздо древнѣе всѣхъ самыхъ древнихъ памятниковъ эллинской образованности, Татіанъ рѣшился отъ нея перейдти къ «варварской мудрости» христіанства. Обращеніе его послѣдовало, вѣроятно, въ Римѣ. Здѣсь онъ познакомился съ Іустиномъ и былъ его ученикомъ или слушателемъ, какъ говоритъ св. Ириней (adv. haer. 1, 28). Трудно опредѣлить, сколько онъ обязанъ былъ своимъ обращеніемъ именно Іустину, но изъ словъ самого Татіана (гл. 31) можно видѣть не только глубокое уваженіе его къ этому христіанскому философу, но и особенно тѣсныя отношенія между ними, по которымъ оба они терпѣли гоненія, оба подвергались опасностямъ особенно со стороны циника Кресцента.

Подобно Іустину, онъ также подвизался въ распространеніи и защищеніи христіанскаго ученія и можетъ-быть преемствовалъ ему въ должности наставника основаннаго имъ училища въ Римѣ. Родонъ, писавшій опроверженіе ученія Маркіона, самъ называетъ себя ученикомъ Татіана (Евс. Ц Ист. V, 13).

Послѣ мученической смерти св. Іустина Татіанъ недолго оставался въ Римѣ. Онъ отправился на востокъ, въ Сирію и по своему рѣзкому, склонному къ крайностямъ, аскетическому характеру, впалъ въ гностическія лжеученія. Дальнѣйшая внѣшняя судьба его и кончина совершенно неизвѣстны. Время его смерти полагаютъ около 175 года.

Главнѣйшія заблужденія Татіана, по показаніямъ Иринея, Ипполита, Климента александрійскаго и другихъ церковныхъ писателей, состояли въ томъ, что онъ допускалъ невидимые эоны, подобно Валентину (Ирин.), объяснялъ слова въ книгѣ Бытія: «да будетъ свѣтъ», какъ просьбу деміурга къ высшему Богу (Клим. и Оригенъ), отрицалъ возможность спасенія Адама, какъ главы непослушанія (Ирин. Ипполит.), отвергалъ бракъ, почитая его блудодѣяніемъ (Ирин.), осуждалъ употребленіе мяса и вина (Іерон. Епиф. Θеодоритъ), и поэтому былъ, если не основателемъ, какъ полагаетъ Евсевій, то однимъ изъ значительныхъ представителей секты энкратитовъ. Іеронимъ (Comment in Galat. c. 6) приписываетъ сверхъ того Татіану докетическій образъ мыслей о плоти Христа (*).

Что касается литературной дѣятельности Татіана, то Евсевій и Іеронимъ говорятъ, что онъ написалъ очень много

(*) См. *Ирин.* adv haer I, 28, *Ипполит.* Refutat haer VIII, 16 *Климент.* Strom III Ecl. proph., *Ориг.* de Oratione § 13, *Тертулл.* de jejun 15 и de praescr. haer. 52, *Епифан.* haer 46, *Θеодорит.* haeret fab I, 20. Кромѣ того у Евс. и Іерон въ указанныхъ мѣстахъ

книгъ (Евс. Ц. Ист. VV, 16 и 29; Іерон. catal. 29). Но изъ нихъ дошла до насъ только его апологія христіанства, а прочія извѣстны намъ только по заглавіямъ или очень небольшимъ отрывкамъ. Самъ Татіанъ говоритъ, что онъ написалъ сочиненіе «о животныхъ» (гл. 15), и какъ видно изъ связи его словъ, въ немъ разсуждалъ не только о безсловесныхъ существахъ, но и о человѣкѣ (*). Климентъ александрійскій (Strom, III, 12) приписываетъ ему книгу «о совершенствѣ по ученію Спасителя.» Евсевій (V, 13) упоминаетъ, что онъ трудился надъ «книгою вопросовъ» (προβλημάτων), въ которой изъяснялись темныя и трудныя мѣста Св. Писанія; и еще составилъ сводъ евангелій, и далъ ему имя διὰ τεσσάρων (по четыремъ). Свойства и составъ этого послѣдняго весьма замѣчательнаго труда донынѣ составляетъ предметъ спора между учеными, по недостатку точныхъ и обстоятельныхъ показаній древнихъ церковныхъ писателей (**). Еще во время Ѳедорита (+458) существовало значительное количество Татіанова діатессарона и вотъ что сообщаетъ о немъ Ѳеодоритъ (haer. fab. 1, 20). Татіанъ составилъ евангеліе названное діатессаронъ, опустивши родословія Христа и другія мѣста, показывающія, что Господь по плоти происходилъ отъ сѣмени Давидова. Этимъ евангеліемъ пользовались не только послѣдователи Татіана, но и православные христіане, какъ книгою весьма удобною, не зная лукавства этого свода. Самъ Ѳеодоритъ нашелъ болѣе 200 экземпляровъ его въ церквахъ своего округа (Кира), отобралъ ихъ и замѣнилъ каноническими евангеліями четырехъ евангелистовъ.

(*) Кромѣ того Татіанъ намекаетъ на другое сочиненіе (гл. 16) и обѣщаетъ (гл. 40) книгу «противъ тѣхъ, которые разсуждали о божественныхъ дѣлахъ.»

(**) См. Даніеля Tatian der Apologet, и Земиша, Tatiani Diatessaron. Vratisl. 1856.

Но лучше и полезнѣе всѣхъ произведеній Татіана, — какъ говоритъ Евсевій (IV, 29) — его апологія христіанства, подъ заглавіемъ: «Рѣчь противъ эллиновъ». Она была написана вскорѣ по обращеніи его къ вѣрѣ Христовой, когда онъ еще не уклонился къ гностическимъ лжеученіямъ. Это видно изъ того, что онъ говоря о матеріи (гл. 5 и 6) приписываетъ сотвореніе ея истинному Богу, утверждаетъ воскресеніе тѣлъ человѣческихъ и воплощеніе Сына Божія (гл. 21), говоритъ, что нѣтъ ничего худаго въ твореніи, какъ оно вышло изъ рукъ Божіихъ (гл. 17), и ясно признаетъ свободу воли человѣческой и зло почитаетъ злоупотребленіемъ этой способности (гл. 11): положенія совершенно противоположныя гностическимъ началамъ.—При всей видимой нестройности по своей внѣшней формѣ, апологія Татіана представляетъ раскрытіе одной главной мысли о рѣшительномъ превосходствѣ христіанской религіи предъ язычествомъ. Защищая христіанство апологетъ очень часто превращаетъ свою рѣчь въ нападеніе на противниковъ своихъ. Съ первыхъ же словъ онъ открываетъ свою рѣчь обличеніемъ эллиновъ за то, что они гордятся своею образованностію, своими искусствами, науками и учрежденіями: все, что они имѣютъ по этой части, не ихъ изобрѣтеніе, но заимствовано отъ другихъ не-эллинскихъ народовъ, и многое притомъ искажено ими (гл. 1); эллинскіе философы также не представляютъ ничего достойнаго уваженія, будучи подвержены различнымъ порокамъ, спорамъ и несогласіямъ между собою (2—3). Поэтому нѣтъ основанія ненавидѣть христіанъ за то, что они оставляютъ эллинизмъ, и во всемъ будучи покорны законному правительству, чтутъ единаго истиннаго Бога и скорѣе готовы умереть, нежели отвергнуться Его (гл. 4).

Послѣ такого вступленія Татіанъ раскрываетъ въ *первой* части своей рѣчи (5 — 30 гл.) внутреннее достоинство христі-

анской религіи и превосходство ея предъ язычествомъ какъ въ отношеніи къ догматамъ такъ и къ нравственности и ея внѣшнимъ проявленіемъ. Для сего онъ излагаетъ христіанское ученіе о единомъ Богѣ, невидимомъ и непостижимомъ, Творцѣ видимаго и невидимаго, и о Словѣ, рожденномъ изъ Его существа прежде созданія всего, о сотвореніи міра, ангеловъ и человѣка, ихъ паденіи, о способѣ возстанія падшаго человѣка, о воскресеніи тѣла. За тѣмъ въ противоположность высоко-нравственной жизни христіанъ изображаетъ разныя стороны жизни эллинской, какъ плодъ и выраженіе религіознаго сознанія — публичныя зрѣлища съ актерами, борцами и гладіаторами, мелочность философовъ и грамматиковъ, и проч., и наконецъ объясняетъ переходъ свой въ христіанство. Во *второй* части апологетъ доказываетъ историческими свидѣтельствами языческихъ писателей глубочайшую древность христіанской религіи, поставляя въ сравненіе Моисея съ одной стороны, а съ другой Гомера и предшествующихъ поэтовъ (31—41). Въ заключеніи (42) онъ объясняется о самомъ себѣ, своей родинѣ, прежнемъ образѣ мыслей и о сознательномъ принятіи новаго ученія, которому онъ ненамѣренъ измѣнить.

Апологія Татіана была въ великомъ уваженіи въ древнія времена христіанства, несмотря на то, что онъ помрачилъ славу своего имени заблужденіями, въ которыя впалъ въ позднѣйшій періодъ своей жизни. Ею пользовались какъ образцомъ, изъ нея приводили отрывки въ своихъ сочиненіяхъ Аѳинагоръ, Климентъ александрійскій, Тертулліанъ, Евсевій и друг. Въ ней писатель является христіаниномъ, свободнымъ отъ чистогностическихъ мнѣній; но вмѣстѣ человѣкомъ весьма образованнымъ, хорошо знакомымъ со всѣми отраслями греческой литературы, въ которомъ съ обширною ученостію соединяется остроуміе и способность метко вы-

ставить слабыя стороны языческой жизни. Къ сожалѣнію, подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ глубоко развращенной среды современнаго ему общества и представителей его интересовъ и стремленій, Татіанъ не умѣлъ сохранить спокойное безпристрастіе и строгое уваженіе къ истинѣ. Справедливо нападая оружіемъ порицанія и насмѣшки на языческое многобожіе, публичныя игры и зрѣлища, пустоту философіи того времени, особенно въ лицѣ циниковъ, и пр., онъ безпощадно относится ко всему прошлому греческаго народа, не признаетъ за нимъ никакихъ заслугъ, оспариваетъ славу благороднѣйшихъ людей древности (напримѣръ, Платона), которымъ платили дань уваженія другіе апологеты христіанства, особенно учитель Татіана св. Іустинъ.

Свящ. П. Преображенскій.

ТАТІАНА

РѢЧЬ ПРОТИВЪ ЭЛЛИНОВЪ.

1. Не будьте, эллины, враждебно расположены къ варварамъ (1) и не питайте ненависти къ ихъ ученіямъ. Ибо, какое изъ вашихъ учрежденій получило начало не отъ варваровъ (2)? Славнѣйшіе изъ Телмиссянъ (3) изобрѣли искусство предсказывать по снамъ; Карійцы — искусство предузнавать по звѣздамъ, Фригійцы и древнѣйшіе изъ Исаврянъ по полету птицъ, Кипряне по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Астрономію изобрѣли Вавилоняне, магію Персы, геометрію Египтяне, письмена Финикіяне. Поэтому перестаньте называть своими изобрѣтеніями то, что переняли отъ другихъ. Орфей научилъ васъ поэзіи и пѣнію; онъ же ввелъ у васъ посвященіе въ таинства. Тусканцы изобрѣли пластику; лѣтописи Египтянъ научили васъ составленію исторій.

(1) Подъ варварами разумѣются здѣсь всѣ племена и народы, не принадлежащіе къ образованной греческой націи,—какъ народы восточные вообще (Персы, Египтяне и пр.), такъ въ особенности Евреи вмѣстѣ съ христіанами.

(2) Подобное см. у Климента александр. (Strom. I. c. 16.), у Θеодорита (decur. and affect. lib. 1) и Григ. Назіанз. (Orat. 3).

(3) Жители Телмисса, города карійскаго, въ 60 стадіяхъ отъ Галикарнасса, были знамениты своими предсказаніями.

А отъ Марсія и Олимпа вы приняли искусство играть на флейтѣ: они оба Фригійцы, оба изъ поселянъ, открыли гармонію звуковъ на этомъ инструментѣ. Тирренцы изобрѣли игру на трубѣ, Циклопы обработываніе мѣди; писать письма выдумала, по свидѣтельству Геллапника, женщина нѣкогда бывшая царицею Персовъ, которой имя было Атосса. Итакъ оставьте это высокомѣріе и не хвалитесь своимъ краснорѣчіемъ; вы, когда сами хвалите себя, употребляете пристрастныхъ защитниковъ. Необходимо, чтобы тѣ, которые приписываютъ себѣ подобную славу, если только они мудры, ожидали свидѣтельства отъ другихъ, и чтобы были согласны между собою и въ произношеніи словъ. А только у васъ однихъ употребляется въ разговорахъ не одна и та же рѣчь: не одно и то же нарѣчіе у Дорійцевъ и Аттиковъ, и Еолійцы говорятъ не такъ, какъ Іонійцы. Когда такое разногласіе существуетъ между тѣми, у которыхъ не слѣдовало бы ему быть, то не могу рѣшить, кого я долженъ называть эллиномъ. Притомъ, что всего безразсуднѣе,—вы гоняетесь за выраженіями несродными вамъ, и нерѣдко употребляя слова иностранныя, сдѣлали языкъ свой смѣшаннымъ. Поэтому я отказался отъ вашей мудрости, хотя весьма славился въ ней. Вотъ какъ говоритъ комикъ о вашихъ мудрецахъ: «Это безплодныя виноградныя лозы, болтуны, собраніе ласточекъ; исказители искусства» (4). Ревнители этой мудрости кричатъ во все горло и каркаютъ подобно воронамъ. И въ самомъ дѣлѣ, краснорѣчіе вы употребляете на неправду и клевету; за деньги продаете свободу вашего слова и часто, что̀ нынѣ признаете справедливымъ, то въ другое время представляете зломъ. Поэзія служитъ у васъ къ тому, чтобы изо-

(4) Аристофан. Ran 92.

бражать битвы, любовныя похожденія боговъ и растлѣнность души.

2. Что хорошаго пріобрѣли вы отъ философствованія? кто изъ отличившихся въ немъ былъ чуждъ тщеславія? Діогенъ, который хвастался своею бочкою и хвалился воздержаніемъ, съѣлъ неваренаго полипа, и пораженный болѣзнію внутренностей, умеръ жертвою невоздержанія. Аристиппъ, ходившій въ пурпурной одеждѣ, согласно своему убѣжденію, велъ распутную жизнь. Платонъ философъ былъ проданъ Діонисіемъ за обжорство (5). Аристотель, который неразумно положилъ предѣлъ Провидѣнію и ограничилъ счастіе тѣми предметами, которые ему нравились, вопреки долгу наставника, слишкомъ льстилъ Александру, забывши, что онъ еще юноша; и этотъ ученикъ, вполнѣ согласно съ уроками Аристотеля, заключилъ друга своего (6) какъ льва или леопарда, и такъ возилъ его съ собою за то, что тотъ не захотѣлъ воздавать ему поклоненія. Точно также онъ слѣдовалъ наставленіямъ учителя, когда показывалъ на пирахъ мужество и храбрость и пронзилъ копьемъ самого дорогаго друга своего (7), а послѣ того плакалъ и лишалъ себя пищи, подъ предлогомъ печали, чтобы не подвергнуться ненависти близкихъ своихъ. Смѣшны для меня и нынѣшніе послѣдователи его ученія; между тѣмъ какъ утверждаютъ, что Провидѣніе не простирается на подлунныя вещи, они будучи ближе къ землѣ, чѣмъ луна, и находясь ниже ея орбиты, берутъ на самихъ себя

---

(5) Татіанъ, а также Тертулліанъ (Apolog. c. 46) и другіе изъ писателей церкви, по невѣденію повторяютъ клевету на Платона, пущенную его врагами. См *Acta* Platons Leben u. Schriften, также *Карпова* въ его изданіи Твореній Платона въ русскомъ переводѣ

(6) Каллисѳена.

(7) Клита.

попеченіе о томъ, что оставлено Провидѣніемъ. По ученію Аристотеля не могутъ быть счастливы тѣ, которые не имѣютъ ни красоты, ни богатства, ни здоровья тѣлеснаго, ни знатности. И такіе-то люди пусть считаются философами.

3. Не могу одобрить Гераклита, который будучи только самому себѣ обязанъ своимъ знаніемъ и гордясь этимъ, говорилъ: «Я изслѣдовалъ себя.» Не похвалю и того, что онъ скрылъ свою поэму ([8]) въ храмѣ Артемиды для того, чтобы въ послѣдствіи выдать ее за таинственное произведеніе; и какъ знающіе это утверждаютъ, трагикъ Эврипидъ часто ходившій въ то мѣсто и читавшій тамъ, спустя немного передалъ тщательно для потомства мракъ Гераклита. Но смерть послѣдняго обличила его невѣжество. Ибо когда онъ сдѣлался боленъ водянкою, то, дѣйствуя въ отношеніи къ медицинѣ также какъ въ философіи, обложилъ себя испражненіемъ быковъ; когда навозъ окрѣпъ и стянулъ все тѣло, то онъ отъ разрыва умеръ. Нечего также слушать и Зенона, который учитъ, что чрезъ сожженіе тѣ же люди опять воскреснутъ на такіе же подвиги, именно: Анитъ и Мелитъ для обвиненія, Бузирисъ для умерщвленія своихъ гостей, Геркулесъ для возобновленія геройскихъ подвиговъ. Онъ въ этомъ ученіи о сожженіи вводитъ больше людей нечестивыхъ, чѣмъ праведныхъ, потому что одинъ только былъ Сократъ, одинъ Геркулесъ, и другихъ подобныхъ людей было немного, а напротивъ очень мало. А злыхъ людей найдется гораздо больше, чѣмъ добрыхъ. По его также мнѣнію Богъ есть виновникъ зла и пребываетъ въ нечистыхъ мѣстахъ, въ червяхъ

([8]) Т. е. сочиненіе Гераклита «О естествѣ (περὶ φύσεως). По темнотѣ его, и самъ авторъ еще у древнихъ получилъ прозваніе «темнаго» (σκοτεινός). На это сочиненіе Татіанъ намекаетъ немного послѣ, называя его «мракомъ Гераклита.»

и въ дѣлающихъ непотребное. Хвастовство Эмпедокла обличили огненныя изверженія въ Сициліи, потому что онъ не будучи богомъ готовъ былъ обмануть, будто онъ Богъ ([9]). Смѣюсь надъ бабьими сказками Ѳерекида, Пиѳагора, принявшаго его мнѣніе, и Платона, который былъ въ этомъ его подражателемъ, хотя нѣкоторые не хотятъ этого признать ([10]). Кто одобритъ открытыя брачныя соитія Кратеса, или лучше кто не оставитъ безумную ярость языка подобныхъ ему философовъ и не обратится къ изслѣдованію того, что по истинѣ хорошо? Посему не должны привлекать васъ торжественныя собранія философовъ, которые вовсе не философы, которые противорѣчатъ сами себѣ и болтаютъ, что каждому придетъ на умъ. Много и у нихъ распрей; одинъ другаго ненавидитъ, спорятъ между собою во мнѣніяхъ, и по своему тщеславію избираютъ себѣ высшія мѣста. Вмѣсто того, чтобы предупредительно раболѣпствовать царственнымъ лицамъ или льстить начальникамъ, надлежало, чтобы они ожидали, пока важныя особы сами придутъ къ нимъ.

4. Зачѣмъ вы, эллины, какъ въ кулачномъ бою, хотите возбудить противъ насъ общественныя власти? За что я подвергаюсь ненависти, какъ самый преступный человѣкъ, если не хочу пользоваться учрежденіями нѣкоторыхъ? Велитъ ли царь платить подати? я готовъ. Велитъ ли господинъ служить и повиноваться? я признаю себя рабомъ. Ибо человѣка нужно почитать почеловѣчески; но бояться должно только Бога, Котораго нельзя видѣть человѣческими глазами и выразить никакимъ искусствомъ. Если мнѣ велятъ отвергнуть-

([9]) Онъ бросился въ пылающую Этну и тѣмъ какъ будто бы хотѣлъ достигнуть того, чтобы подумали, что онъ исчезъ и взятъ на небо; но выброшенная изъ горы обувь его показала противное. *Маранъ.*

([10]) Разумѣется здѣсь ученіе о метемпсихозѣ или переселеніи душъ.

ся Его, въ этомъ только не послушаюсь и скорѣе умру, чѣмъ покажу себя лжецомъ и неблагодарнымъ. Богъ нашъ не получилъ начала во времени, потому что Онъ одинъ безначаленъ и Самъ есть начало всего. «Богъ есть Духъ» ([11]) не живущій въ матеріи ([12]), но Создатель вещественныхъ духовъ и формъ матеріальныхъ, Онъ невидимъ и неосязаемъ, ибо Онъ самъ виновникъ вещей чувственныхъ и вещей невидимыхъ. Его мы познаемъ чрезъ твореніе Его, и невидимое могущество Его постигаемъ чрезъ дѣла Его ([13]). Не хочу поклоняться творенію, созданному Имъ для насъ. Солнце и луна для насъ сотворены; какъ же я буду поклонаться слугамъ своимъ? Какъ я признаю за боговъ деревья и камни? Духъ, проникающій матерію, ниже божественнаго Духа; и такъ какъ онъ уподобляется душѣ, не достоинъ почести одинаковой съ совершеннымъ Богомъ. Кромѣ того мы не должны умилостивлять неизъяснимаго Бога посредствомъ какихъ-либо даровъ; ибо Онъ ни въ чемъ не нуждается и потому не долженъ быть нами преклоняемъ, какъ нуждающійся. Но я изложу яснѣе наше ученіе.

5. Богъ былъ въ началѣ: а начало есть, какъ мы приняли, разумная сила ([14]). Господь всего, будучи основаніемъ всего, прежде сотворенія міра былъ одинъ; поелику же Онъ

([11]) Сн. Іоан IV, 24.

([12]) Апологетъ не отрицаетъ здѣсь вездѣприсутствіе и вседѣйственность Бога, но споритъ противъ пантеистическаго ученія стоиковъ, которые представляли Бога подобнымъ душѣ, живущей въ тѣлѣ, и проникающимъ всѣ матеріальныя явленія природы.

([13]) Сн. Римл. 1, 20.

([14]) Выраженіе «въ началѣ (ἐν ἀρχῇ)» означаетъ бытіе Божіе до сотворенія міра, а непосредственно затѣмъ употребленное слово «начало» указываетъ на начало въ смыслѣ принципа или основанія бытія, которое есть разумная, духовная сила (λογικὴ δυνάμις), а не что-либо физическое или вещественное

есть сила и основаніе видимаго и невидимаго, то вмѣстѣ съ съ Нимъ было все; съ Нимъ существовало, какъ разумная сила, и само Слово, бывшее въ Немъ. Волею Его простаго существа произошло Слово, и Слово произошло не напрасно ([15])—оно становится перворожденнымъ дѣломъ Отца. Оно, какъ мы знаемъ, есть начало міра. Родилось же Оно чрезъ сообщеніе, а не чрезъ отсѣченіе. Ибо что отсѣчено, то отдѣляется отъ первоначала. А что произошло чрезъ сообщеніе и приняло свободное служеніе, то не уменьшаетъ того, отъ кого произошло. Какъ отъ одного факела зажигается много огней, и притомъ свѣтъ перваго факела не уменьшается отъ зажженія многихъ факеловъ: такъ и Слово, происшедшее отъ могущества Отца, не лишило Родителя Слова. Вотъ и я говорю, а вы слушаете, но отъ передачи слова я бесѣдующій не лишаюсь слова, но произнося звуки я хочу привести у васъ въ порядокъ ту матерію, которая прежде была безъ порядка. И какъ Слово, въ началѣ рожденное, въ свою очередь произвело нашъ міръ, создавши Самъ себѣ вещество, такъ и я, по подражанію Слову, будучи возрожденъ и просвѣщенъ познаніемъ истины, благоустрояю смѣшеніе сродной матеріи Матерія не безначальна, какъ Богъ, и не имѣетъ власти равной съ Богомъ, какъ безначальная; но она получила начало и не отъ кого-нибудь другаго произошла, а произведена единымъ Творцемъ всего.

6. Посему мы вѣруемъ, что по окончаніи всего будетъ воскресеніе тѣлъ—не такъ какъ учатъ стоики, по мнѣнію ко-

([15]) Выраженіе «волею Его простаго существа» не заключаетъ въ себѣ позднѣе явившейся аріанской мысли, а даетъ видѣть въ рожденіи Сына Божія или Слова не дѣйствіе физической, какъ бы вещественной необходимости, а духовное, какъ актъ воли въ безусловно-духовномъ существѣ Божіемъ.

10559.

БИБЛІОТЕКА ЦЕНТРАЛЬНОГО АНТИВЕ... МУЗЕЯ

торыхъ послѣ нѣкоторыхъ періодовъ времени одни и тѣ же существа всегда являются и погибаютъ безъ всякой пользы,— но однажды, по исполненіи нашихъ вѣковъ, и единственно ради возстановленія однихъ человѣковъ для суда. Судъ же производятъ надъ нами не Миносъ, не Радамантъ, прежде смерти которыхъ будто бы ни одна душа, какъ баснословятъ, не была судима, — но Самъ Богъ Творецъ будетъ судьею. Хотя вы назовете насъ пустословами и болтунами, но для насъ это не важно, потому что мы вѣруемъ вслѣдствіе вотъ какихъ основаній. Какъ я, не существуя прежде рожденія, не зналъ, кто я былъ, а только пребывалъ въ сущности плотскаго вещества, а когда я, не имѣвшій прежде бытія, родился, то самымъ рожденіемъ удостовѣрился въ своемъ существованіи; такимъ же точно образомъ я родившійся, чрезъ смерть переставая существовать и быть видимымъ, опять буду существовать, по подобію того, какъ нѣкогда меня не было, а потомъ родился. Пусть огонь истребитъ мое тѣло, но міръ приметъ это вещество, разсѣевшееся подобно пару; пусть погибну въ рѣкахъ или моряхъ, пусть буду растерзанъ звѣрями, но я сокроюсь въ сокровищницѣ богатаго Господа. Человѣкъ слабый и безбожникъ не знаетъ, что сокрыто; а Царь Богъ, когда захочетъ, возстановитъ въ прежнее состояніе сущность, которая видима для Него одного.

7. Небесное Слово, Духъ ([16]) получившій бытіе отъ Отца и Слово родившееся отъ разумнаго могущества, по примѣру Отца родившаго Его, сотворило человѣка—во образъ безсмертія, дабы какъ Богъ безсмертенъ, такъ и человѣкъ, по-

([16]) Духъ здѣсь означаетъ вообще духовное существо

лучившій причастіе божества, имѣлъ также и безсмертіе. Впрочемъ Слово, прежде сотворенія человѣковъ, создало ангеловъ. Тотъ и другой видъ творенія созданъ свободнымъ и не по естеству добрымъ, ибо это принадлежитъ одному Богу, а люди могутъ дѣлаться добрыми по свободному опредѣленію воли своей, такъ что нечестивый по справедливости будетъ наказанъ, потому что сдѣлался худымъ чрезъ себя, и праведникъ по достоинству получитъ похвалу за добрыя дѣла, потому что онъ по свободѣ своей не преступалъ воли Божіей. Таково дѣло по отношенію къ ангеламъ и человѣкамъ. Слово же, по своему могуществу имѣя въ Себѣ предвидѣніе того, что имѣетъ произойдти не по опредѣленію судьбы, но отъ свободнаго произволенія избирающихъ, предсказывало будущія событія, останавливало зло запрещеніями, и похвалою поощряло тѣхъ, которые пребывали въ добрѣ. И когда люди послѣдовали одному (ангелу), который по своему первородству былъ мудрѣе прочихъ, и приняли его за Бога, хотя онъ возсталъ противъ закона Божія, то могущество Слова отлучило отъ общенія съ Собою, какъ начальника безумія, такъ и послѣдователей его. Вслѣдствіе этого сотворенный по образу Божію оставляется высшимъ духомъ ([17]) и дѣлается смертнымъ, а тотъ первородный за свое преступленіе и безразсудство сталъ демономъ; вмѣстѣ съ нимъ и тѣ, которые подражали ему и увлеклись его мечтаніями, составили полкъ демоновъ и по причинѣ свободной воли преданы своему безумію.

8. Эти послѣдніе сдѣлали людей жертвою своею отступничества. Они, показавши людямъ порядокъ расположенія

([17]) Т.-е. духомъ, какъ высшимъ началомъ души, которое есть образъ и подобіе Божіе

звѣздъ, какъ играющіе въ кости, ввели судьбу, которая чужда справедливости, ибо судья ли кто или подсудимый, такими сдѣлались по опредѣленію судьбы; убійцы и убиваемые, богачи и бѣдняки — порожденія той же судьбы, и всякое рожденіе, какъ на сценѣ, доставляетъ наслажденіе тѣмъ, которые, какъ говоритъ Гомеръ.

Смѣхъ несказанный воздвигли... [18]

Какъ не признать смертными (боговъ), которые смотрятъ на единоборцевъ и каждый покровительствуетъ своему (изъ единоборцевъ), или того, кто женится, растлѣваетъ отроковъ, и дѣлаетъ блудъ, кто смѣется и сердится, кто убѣгаетъ и получаетъ рану? Ибо они своими дѣйствіями, которыми открыли себя людямъ, каковы они,— возбуждаютъ и людей подражать имъ. И сами демоны вмѣстѣ съ вождемъ своимъ Зевесомъ, не подчинены ли также судьбѣ, такъ какъ они поработились тѣмъ же страстямъ, какимъ и люди? Кромѣ того какъ почитать тѣхъ, у которыхъ величайшее разногласіе во мнѣніяхъ? Говорятъ, что Рея, называемая у жителей фригійскихъ горъ Цибелою, узаконила отсѣченія постыдныхъ членовъ изъ-за Атиса, котораго она любила; напротивъ, Афродитѣ нравились брачныя совокупленія; Армемида—волшебница, Аполлонъ—врачъ. Аѳина и Эскулапъ раздѣлили между собою капли крови послѣ отсѣченія головы у Горгоны, любовницы Нептуна, отъ которой произошли Пегасъ конь и Хризаоръ: этими каплями крови Эскулапъ возвращалъ здоровье, а другая посредствомъ той же крови сдѣлалась человѣкоубійцею и производительницею войнъ. Мнѣ кажется, аѳиняне, не желая унизить этой бо-

[18] Гом Иліад. 1, 599 и Одисс VIII, 326

гини, приписали землѣ сына, рожденнаго отъ совокупленія съ Гефестомъ, чтобы не думали, что Минерва Гефестомъ лишена дѣвства, какъ Аталанта—Мелеагромъ. Ибо Гефестъ совершенно хромой, дѣлавшій кольца и серьги, этими женскими украшеніями сумѣлъ обольстить неимѣвшую матери и сиротствующую дѣвочку ([19]). Посидонъ управляетъ кораблями, Марсъ любитъ войны, Аполлонъ музыкантъ, Діонисъ дѣлается тираномъ Θивянъ, Кронось цареубійцею. Зевесъ совокупляется съ дочерью и она отъ него родитъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ элевсинскія таинства, драконъ таинственный ([20]) и Орфей, который говоритъ: затворите двери для непосвященныхъ ([21]). Плутонъ похищаетъ Прозерпину и его дѣянія дѣлаются мистеріями; Деметра оплакиваетъ дочь и аѳиняне этимъ прельщаютъ нѣкоторыхъ ([22]). Въ храмѣ Аполлона есть мѣсто, называемое Омфалъ, которое почитается гробницею Діониса. Я хвалю тебя, Дафна, за то, что ты, побѣдивши невоздержность Аполлона, обличила его прорицательное искусство, такъ какъ это искусство не помогло ему угадать, что̀ находится около тебя. Пусть скажетъ мнѣ стрѣлометатель (Аполлонъ), какъ Зефиръ убилъ Гіацинта. Зефиръ побѣдилъ его, и хотя трагикъ-поэтъ говоритъ: «вѣтерокъ, драгоцѣннѣйшая колесница боговъ», но Аполлонъ былъ побѣжденъ слабымъ вѣткомъ и потерялъ своего любимца ([23]).

([19]) Т.-е. Аѳину или Менерву, которая родилась изъ головы Юпитера.

([20]) Т.-е употреблявшійся въ элевзинскихъ таинствахъ. подъ видомъ дракона Зевсъ соблазнилъ свою дочь Прозерпину.

([21]) См. увѣщаніе къ Эллин. гл. 15

([22]) Плачь Деметры (или Цереры) послужилъ поводомъ къ установленію мистерій у аѳинянъ, которые посвящаемымъ въ нихъ обѣщали разныя блага.

([23]) Зефиръ вѣяніемъ своимъ обратилъ пущенный Аполлономъ дискъ на голову его любимца Гіацинта.

9. Вотъ каковы демоны. Они-то изобрѣли судьбу. Основаніемъ къ этому для нихъ послужило помѣщеніе животныхъ на небѣ. Ибо они удостоили небесной почести животныхъ, съ которыми жили по низверженіи съ неба, пресмыкающихся, плавающихъ въ водахъ, четвероногихъ, живущихъ на горахъ,—для того, чтобы думали, что и они пребываютъ на небесахъ, и чтобы посредствомъ расположенія звѣздъ убѣдить, что жизнь на землѣ, чуждая разума, согласна съ разумомъ; такимъ образомъ гнѣвливъ ли кто или терпѣливъ, воздержанъ или невоздержанъ, богатъ или бѣденъ кто, такимъ бываетъ отъ назначенія тѣхъ, которые располагаютъ рожденіемъ; ибо распредѣленіе Зодіака есть дѣло боговъ. Если свѣтъ одного изъ нихъ, такъ говорятъ, сильнѣе, то онъ отнимаетъ славу у прочихъ; и кто побѣжденъ нынѣ, опять можетъ быть побѣдителемъ. Они съ удовольствіемъ занимаются семью планетами какъ игроки въ кости. Но мы выше судьбы, и вмѣсто блуждающихъ демоновъ знаемъ одного Господа неизмѣннаго; и не подчиняясь судьбѣ, отвергаемъ и ея законоположителей. Скажи мнѣ, ради Бога, Триптолемъ ли посѣялъ пшеницу и послѣ печали облагодѣтельствовалъ аѳинянъ? Почему же Деметра прежде потери дочери не благодѣтельствовала людямъ? На небѣ показываютъ собаку, дочь Эригоны, также Скорпіона, помощника Артемиды, Хирона, Центавра, дѣву Аргою, пополамъ разсѣченную, и Каллисту медвѣдицу. Какимъ же образомъ небо оставалось не украшеннымъ прежде нежели они произвели вышеупомянутыя дѣянія? Кому не покажется смѣшнымъ созвѣздіе Дельтотонъ, помѣщенное между звѣздами, потому ли, что какъ думаютъ нѣкоторые, оно имѣетъ одинаковую фор-

му съ островомъ Сициліею ([24]), или по первой буквѣ Зевеса (Διος), какъ думаютъ другіе? Почему же Сардинія или Кипръ не почтены на небѣ? Или почему фигуры буквъ именъ братьевъ Зевеса, получившихъ въ удѣлъ царства, не помѣщены между звѣздами? Какимъ образомъ связанный и изгнанный изъ своего царства Кроносъ поставляется распорядителемъ судьбы? Какъ даритъ царства онъ, который самъ уже не царствуетъ? Итакъ оставьте эту болтовню и не нарушайте справедливости напрасною ненавистію къ намъ.

10 Въ миѳологіи говорилось о превращеніи нѣкоторыхъ людей,—у васъ и боги превращаются. Рея дѣлается деревомъ, Юпитеръ дракономъ (для обольщенія) Прозерпины, сестры Фаэтона яблоками; Латона ничтожнымъ животнымъ, отъ чего островъ, называемый нынѣ Делосъ, нѣкогда назывался Ортигія ([25]). Скажи пожалуй,— богъ дѣлается лебедемъ, принимаетъ видъ орла, и содержа у себя Ганимеда виночерпіемъ, предается гнусной связи съ нимъ? Зачѣмъ мнѣ почитать боговъ, которые любятъ дары и сердятся, если не получаютъ ихъ? Пусть они управляютъ судьбой, я не хочу покланяться блуждающимъ звѣздамъ. Что это за волосъ Вереники? Гдѣ были ея звѣзды прежде, нежели она умерла? ([26]) Какимъ образомъ Антиной, красивый юноша, по смерти помѣщенъ на лунѣ? Кто возвелъ его туда? Вѣрно кто-нибудь, подкупленный наградою, причислилъ его къ богамъ подобно тому, какъ нѣкоторые были подкуплены для

([24]) Т -е форму тріугольника, какъ греч. буква дельта.

([25]) Что авторъ говоритъ о Латонѣ, то Аполлодоръ и Гигинъ приписываютъ сестрѣ ея Астеріи, которая будто бы превратилась въ перепела (ὄρτυγα).

([26]) Вскорѣ по смерти Вереники волосъ ея былъ причисленъ къ звѣздамъ.

того, чтобы вопреки совѣсти и съ оскорбленіемъ боговъ свидѣтельствовать, что цари вознеслись на небо? Зачѣмъ вы святотатствуете въ отношеніи къ Богу? Зачѣмъ вы обезображиваете Его твореніе? Ты закалаешь овна и ему же поклоняешься; телецъ есть на небѣ, а ты убиваешь подобнаго ему (на землѣ). Такъ называемый Енгонасій ([27]) подавляетъ вредное животное, и удостоивается чести орелъ, пожирающій Прометея, создателя человѣка. Хорошъ Цикнъ, хороши сыновья Зевеса, похитители дочерей Левкиппа([28]); еще лучше ихъ Елена, которая, оставивши бѣлокураго Менелая, ушла за чалмоноснымъ и покрытымъ золотомъ Парисомъ. Справедливъ и Софронъ, который поселилъ эту блудодѣйцу въ елисейскія поля. Но эта дочь Тиндара не включена въ число безсмертныхъ и Эврипидъ справедливо представляетъ ее убиваемою Орестомъ.

11. Итакъ, какимъ образомъ я могу допустить рожденіе по судьбѣ, когда вижу такихъ распорядителей ея? Не хочу царствовать, не желаю быть богатымъ, отказываюсь отъ военачальства, ненавижу блудъ; не замышляю плавать на кораблѣ ради ненасытной жадности, не вступаю въ борьбу для полученія вѣнцовъ; я свободенъ отъ безумнаго честолюбія, презираю смерть, я выше всякаго рода болѣзни, печаль не снѣдаетъ моей души. Если я рабъ, сношу рабство; если свободенъ, не хвастаюсь благородствомъ своимъ. Я вижу, что одно и то же солнце для всѣхъ, что одна смерть постигаетъ всѣхъ, живетъ ли кто въ удовольствіяхъ или въ бѣдности. Богатый сѣетъ и бѣдный пользуется тѣмъ же по-

([27]) Т.-е. Геркулесъ (ὁ ἐν γόνασι καθήμενος) онъ опираясь на правое колѣно, лѣвою ногою подавляетъ голову дракона.

([28]) Поллуксъ и Касторъ.

сѣвомъ. Богачи умираютъ, такой же исходъ жизни имѣютъ и нищіе. Богатые нуждаются въ очень многомъ, хотя пользуются довѣренностію и честію; а бѣдный и умѣренный легче достигаетъ того, чего онъ желаетъ для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбія? Что за судьба, что ты умираешь всякій разъ, какъ предаешься похотямъ? Умри для міра, отвергнувъ его безуміе; живи же для Бога, и познавъ Его отвергни древнее рожденіе. Мы сотворены не для того, чтобы умирать, но умираемъ по своей винѣ. Свободная воля погубила насъ; бывши свободными, мы сдѣлались рабами, продали себя чрезъ грѣхъ. Богомъ ничего худаго не сотворено,—мы сами произвели зло; а кто произвелъ его, можетъ снова отвергнуть его.

12. Мы знаемъ два вида духовъ, изъ которыхъ одинъ называется душею, а другой выше души, и есть образъ и подобіе Божіе. Тотъ и другой духъ находился въ первыхъ человѣкахъ, такъ что они съ одной стороны состояли изъ вещества, съ другой были выше его. Дѣло вотъ въ чемъ. Ясно, что устройство міра и все твореніе произошло изъ вещества, самое же вещество сотворено Богомъ; вещество было грубо и необразовано прежде, чѣмъ раздѣлились элементы, а по раздѣленіи ихъ сдѣлалось украшеннымъ и благоустроеннымъ. Итакъ, небо и звѣзды на немъ состоятъ изъ вещества, и земля со всѣми предметами, находящимися на ней, имѣетъ такой же составъ, такъ что все имѣетъ одинаковое происхожденіе. Не смотря на то есть нѣкоторое различіе между вещественными тварями: одна прекраснѣе другой, а другая прекрасна сама по себѣ, но уступаетъ ей, какъ болѣе прекрасной. Такъ, строеніе тѣла представляетъ одинъ составъ

и имѣетъ одну и ту же причину своего происхожденія; не смотря на то есть между частями его различіе по достоинству: иное—глаза, иное—уши, иное украшеніе волосяное, составъ внутренностей, мозговъ, костей и нервовъ; но при такомъ различіи частей тѣла въ общемъ составѣ его находится величайшая гармонія. Подобнымъ образомъ и міръ, заключающій въ себѣ болѣе или менѣе прекрасныя произведенія могущества Творца, по волѣ Его получилъ вещественный духъ ([29]). Въ этомъ можетъ ясно убѣдиться тотъ, кто не отвергаетъ съ гордостію Божественныхъ откровеній, въ разныя времена изложенныхъ письменно, которыя дѣлаютъ читающихъ ихъ любезными Богу. Итакъ демоны—такъ вы ихъ называете—которые составлены изъ вещества и получили отъ него духъ, сдѣлались невоздержными и безнравственными; одни изъ нихъ обратились къ болѣе чистому веществу, а другіе избрали болѣ низкое и по подобію его расположили жизнь свою. Имъ-то вы, эллины, покланяетесь,—существамъ, которыя произошли изъ матеріи и уклонились отъ надлежащаго порядка. Они въ своемъ безуміи увлеклись гордостію и возмутившись покусились восхитить себѣ божество. Господь же всего попустилъ быть имъ въ обольщеніи до тѣхъ поръ, пока міръ окончится разрушеніемъ, придетъ Судія и всѣ люди, которыя, несмотря на препятствія отъ демоновъ, стремились къ познанію совершеннаго Бога, въ день суда получатъ полнѣйшую похвалу за свои подвиги.—Итакъ есть духъ въ звѣздахъ, духъ въ ангелахъ, духъ въ растеніяхъ, духъ въ человѣкахъ, духъ въ животныхъ;и хотя онъ одинъ и тотъ же, но имѣетъ въ себѣ различія. Спѣшите къ намъ

([29]) Или жизненный духъ, который находится, въ разной степени во всѣхъ тваряхъ, но который не то, что Духъ Божій, см. выше гл. 4.

желающіе научиться, ибо не расчитываемъ ни на краснорѣчія, ни на вѣроятныя доказательства, ни на софистическіе извороты, но пользуемся словами Божественнаго происхожденія. Вы не отвергаете скиѳянина Анахарсиса и не считаете низкимъ учиться у тѣхъ, которые слѣдуютъ законоположенію варваровъ. Примите наши догматы по крайней мѣрѣ такъ, какъ вы принимаете (астрономическія) предсказанія Вавилонянъ, послушайте нашихъ словъ, какъ вы слушаете пророчествующаго дуба ([30]). Послѣднее, о чемъ мы упомянули,—продѣлки изступленныхъ демоновъ; а наше ученіе такъ высоко, что міръ не можетъ обнять его.

13. Душа сама по себѣ не безсмертна, эллины, но смертна. Впрочемъ она можетъ и не умирать. Душа, не знающая истины умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ, а послѣ при концѣ міра воскресаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, и получаетъ смерть чрезъ нескончаемыя наказанія. Но если она просвѣщена познаніемъ Бога, то не умираетъ, хотя и разрушается на время. Сама по себѣ она есть ни что иное, какъ тьма, и нѣтъ въ ней ничего свѣтлаго. Къ этому относятся слова: «тьма не объяла свѣта» ([31]). Ибо не душа сохранила духъ, но сама имъ сохранена, и свѣтъ объялъ тьму. Слово есть Божественный свѣтъ, а тьма—душа чуждая вѣдѣнія. Посему если она живетъ одна, то уклоняется къ веществу и умираетъ вмѣстѣ съ плотію; а когда она соединена съ божественнымъ духомъ, то не лишена помощи, но восходитъ туда, куда возводитъ ее духъ. Ибо жилище духа на небѣ, а душа имѣетъ земное происхожденіе. Въ началѣ духъ обиталъ вмѣстѣ съ душею, но потомъ оставилъ ее, потому что она не захотѣла слѣдовать ему.

([30]) Т.-е. прорицанія додонскаго оракула.
([31]) Іоан. 1, 5.

Хотя она удержала въ себѣ нѣкоторыя искры могущества его, но отдѣлившись отъ него, не могла созерцать высшихъ вещей; ища Бога, она по заблужденію вымыслила многихъ боговъ, послѣдуя ухищреніямъ демоновъ. Духъ Божій не во всѣхъ присутствуетъ, но пребываетъ только въ нѣкоторыхъ, праведно живущихъ людахъ, и соединясь съ ихъ душею, посредствомъ откровеній возвѣстилъ и прочимъ душамъ о сокровенныхъ вещахъ. И души, повинующіеся мудрости, привлекли къ себѣ родственнаго имъ Духа, а не покорныя и отвергнувшія служителя пострадавшаго Бога ([32]) показали себя болѣе богоборцами, нежели богочтителями.

14. Таковы и вы, эллины; на словахъ болтливы, а умомъ глупы: вы признали владычество многихъ, а не одного, и рѣшились послѣдовать демонамъ, какъ будто они могущественны. Какъ разбойникъ будучи безчеловѣченъ, обыкновенно одерживаетъ верхъ надъ подобными себѣ дерзостію своею; такъ и демоны, дошедшіе до крайней степени злобы, обольстили невѣдѣніемъ и пустыми вымыслами души ваши, отлученныя отъ Духа Божія. Имъ не легко умереть, потому что не имѣютъ плоти; но они живя творятъ дѣла смерти, и сами умираютъ всякій разъ, когда научаютъ грѣху своихъ послѣдователей. И то, что въ настоящее время составляетъ ихъ преимущество, именно что они не умираютъ подобно людямъ, останется съ ними и тогда, когда будутъ подвергнуты мученіямъ: они не будутъ причастниками вѣчной жизни, и вмѣсто смерти не получатъ блаженнаго безсмертія. Какъ мы, которыхъ смерть нынѣ такъ легко постигаетъ, послѣ нея получимъ безсмертіе съ блаженствомъ или мученіе съ безсмертіемъ, такъ и демоны, которые насто-

([32]) Т -е Господа Іисуса Христа, коего служителемъ называется Св. Духъ, приготовлявшій чрезъ пророчества путь грядущему Спасителю.

ящую жизнь употребляютъ для грѣха и даже во время жизни своей умираютъ, опять будутъ имѣть безсмертіе такое же, какое имѣли, когда жили, и будутъ раздѣлять участь тѣхъ людей, которые добровольно исполняли все, что во время жизни ихъ предписывали имъ демоны. У людей не меньше ли видовъ грѣха бываетъ по причинѣ краткости ихъ жизни, чѣмъ у вышеупомянутыхъ демоновъ, которые много грѣшатъ въ продолженіе безконечнаго времени?

15. Итакъ намъ должно теперь искать снова то, что потеряли, соединить свою душу съ святымъ духомъ и вступить въ союзъ съ Богомъ. Душа человѣческая не проста, но состоитъ изъ многихъ частей; она образована такъ, чтобы могла проявляться посредствомъ тѣла, ибо душа никогда не является безъ тѣла, и плоть не воскресаетъ безъ души. Человѣкъ не есть, какъ опредѣляютъ тѣ, которые кричатъ на подобіе вороновъ ([33]), животное (только) разумное, способное имѣть умъ и знаніе; по ихъ ученію и самыя безсловесныя окажутся способными имѣть умъ и знаніе. Но одинъ человѣкъ есть образъ и подобіе Божіе: разумѣю не того человѣка, который дѣлаетъ, что свойственно животнымъ, но того, который, ставши выше человѣчества, приблизился къ самому Богу. Впрочемъ объ этомъ я подробнѣе изложилъ въ книгѣ «о животныхъ». А теперь главнымъ образомъ слѣдуетъ сказать о томъ, что въ чемъ состоитъ образъ и подобіе Божіе. Что не можетъ быть сравниваемо, то ничто иное есть, какъ самое сущее, а что сравнивается, то есть только подобіе. Совершенный Богъ безплотенъ, а человѣкъ есть плоть. Душа есть связь плоти; а плоть есть вмѣстилище души.

([33]) Какихъ философовъ разумѣетъ здѣсь авторъ—невидно, но вѣроятно—стоиковъ.

Если существо, такъ составленное, будетъ держать себя на подобіе храма, то Богъ благоволитъ обитать въ немъ чрезъ духа, Имъ посылаемаго. Если же храмина человѣка не такова, то онъ будетъ превосходить животныхъ только членораздѣльными звуками, а во всемъ прочемъ образъ жизни его будетъ такой же, какъ у нихъ, и онъ не есть уже подобіе Божіе. Всѣ демоны не имѣютъ никакой плоти, но у нихъ духовный составъ на подобіе огня или воздуха. Только тѣмъ, которые укрѣплены Духомъ Божіимъ, можно видѣть тѣла демоновъ; а прочимъ, то-есть, душевнымъ, никакъ нельзя. Ибо высшее не можетъ быть обнято низшимъ. Поэтому же природа демоновъ не даетъ мѣста покаянію. Ибо они суть сіяніе вещества и зла. ([34]) Вещество хотѣло владычествовать надъ душею, и демоны по своей свободѣ передали людямъ законы смерти; люди же, послѣ утраты безсмертія, смертію чрезъ вѣру ([35]) побѣдили смерть, и чрезъ покаяніе имъ дано такое названіе, какое приписываетъ слово: «немного они умалены предъ ангелами» ([36]). Кто побѣжденъ, опять можетъ побѣдить, если устранитъ причину смерти. А какая эта причина, легко могутъ видѣть тѣ, которые желаютъ безсмертія.

16. Демоны, которые повелѣваютъ людьми, не суть души людей. Ибо какъ онѣ и по смерти могутъ дѣйствовать? Развѣ допустить, что человѣкъ, который при жизни былъ не-

([34]) Авторъ вѣроятно имѣетъ въ виду слова посл. къ Евр. 1, 3, гдѣ Христосъ называется сіяніемъ славы Отчей. Какъ Господь по этому самому былъ неподверженъ грѣху, такъ напротивъ демоны, будучи сіяніемъ вещества и всякаго зла, непрестанно стремятся къ грѣху и людей увлекаютъ въ грѣхъ и смерть

([35]) Т-е. въ истиннаго Бога, ради котораго вѣрующій умираетъ для міра и грѣха

([36]) Псал. 8, 6.

разуменъ и слабъ, по смерти получаетъ болѣе могущественную силу? Но это неправда, какъ мы доказали въ другомъ мѣстѣ ([37]). Притомъ трудно предположить, чтобы безсмертная (душа), которой препятствовали тѣлесные члены ([38]), дѣлалась умнѣе, когда отдѣлится отъ тѣла. Демоны, по своей злобѣ неистовствуя надъ людьми, обольщаютъ ихъ поникшія долу души разнообразными и коварными ухищреніями и препятствуютъ имъ возвыситься къ жизни небесной. Но отъ насъ не скрыто существующее въ мірѣ, и божественное удобопріемлемо для насъ, если придетъ къ намъ та сила, которая дѣлаетъ души безсмертными. И душевные люди видятъ демоновъ, когда послѣдніе являются людямъ, для того ли, чтобы увѣрить ихъ въ своемъ существованіи, или для того, чтобы повредить имъ въ чемъ-нибудь, какъ это дѣлаютъ злоумышленные друзья врагамъ своимъ, или наконецъ для того, чтобы склонить подобныхъ себѣ ([39]) къ ихъ обоготворенію. Еслибы имъ можно было, то они разрушили бы и самое небо съ прочими тварями. Но теперь они не дѣлаютъ того, ибо не могутъ; но посредствомъ низшаго вещества завоевываютъ вещество подобное себѣ. И если кто хочетъ побѣдить ихъ, то пусть отринетъ вещество. Ибо вооруженный бронею небеснаго Духа можетъ спасти все, охраняемое Имъ. Въ нашемъ веществѣ бываютъ болѣзни и нестроенія; когда они случаются, демоны приписываютъ себѣ причины ихъ, потому что нападаютъ на человѣка въ то же время,

([37]) Здѣсь авторъ намекаетъ или на другое сочиненіе свое объ этомъ предметѣ, неизвѣстное намъ, или на вышеупомянутое сочиненіе «о животныхъ».

([38]) Авторъ иронически называетъ душу безсмертною ибо по его собственному мнѣнію душа разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ и потомъ въ день суда возстаетъ съ нимъ для безсмертія.

([39]) Т -е. людей душевныхъ, которые лишены божественнаго Духа.

какъ постигаетъ его болѣзнь. Иногда даже бурею злобы своей потрясаютъ весь составъ тѣла нашего; но поражаемые словомъ силы Божіей со страхомъ удаляются и больной исцѣляется.

17. Касательно симпатій и антипатій, о которыхъ учитъ Демокритъ, что сказать мнѣ кромѣ того, что по пословицѣ человѣкъ изъ Абдеры говоритъ глупо? Какъ тотъ другъ Геркулеса, отъ котораго получилъ названіе этотъ городъ, былъ съѣденъ, какъ говорятъ, конями Діомида: такъ и этотъ философъ, который гордился дружбою съ волхвомъ Останомъ, въ день конца міра будетъ преданъ на пожраніе вѣчному огню. И вы если не оставите смѣхъ, будете преданы тѣмъ же мученіямъ, какимъ волхвы. Посему эллины, послушайте меня проповѣдующаго какъ будто съ высокаго мѣста, не смѣйтесь и не обращайте вашего неразумія на провозвѣстника истины. Болѣзнь не уничтожается чрезъ антипатію и бѣсноватый не излѣчивается привѣсками изъ кожицы. Но демоны нерѣдко приходятъ къ людямъ: и кто боленъ и мучится любовью или ненавистію и желаніемъ мести, беретъ ихъ себѣ въ помощники. Вотъ какую продѣлку они употребляютъ. Какъ начертанія буквъ и составленныя изъ нихъ слова не могутъ сами по себѣ показать содержащейся въ нихъ мысли, но люди установили для себя знаки своихъ мыслей и изъ извѣстнаго сочетанія ихъ узнаютъ то, для означенія чего установленъ и самый порядокъ буквъ; такъ точно ни различные корни, ни употребленіе нервовъ и костей, сами по себѣ ничего не производятъ; но служатъ средствомъ для лукавства демоновъ, которые опредѣлили, для чего каждое изъ нихъ годно. Какъ скоро они увидятъ, что люди готовы принять ихъ помощь,—тотчасъ овладѣваютъ они и

порабощаютъ ихъ себѣ. Что хорошаго помогать блуду? Хорошо ли содѣйствовать нѣкоторымъ въ ненависти? Прилично ли врачеваніе бѣсноватыхъ приписывать веществу, а не Богу? Они коварно удаляютъ людей отъ богопочтенія, заставляя ихъ вѣрить въ травы и корни. Еслибы Богъ сотворилъ ихъ для такого употребленія, какое изъ нихъ дѣлаютъ люди, то Онъ былъ бы виновникомъ зла. Богъ сотворилъ все въ хорошемъ видѣ; но безнравственность демоновъ воспользовалась тѣмъ, что есть въ мірѣ, для дѣланія зла; и это есть доказательство ихъ злобы, а не дѣло (Бога) совершеннаго. Какимъ образомъ я при жизни былъ бы не золъ, а по смерти, когда я ничего не дѣлаю, мои остатки, которые не двигаются и даже не чувствуютъ, будутъ производить нѣчто возбуждающее чувство? Какъ можетъ оказать помощь другому во мщеніи тотъ, кто умеръ несчастнѣйшею смертію? Еслибы онъ это могъ, то гораздо болѣе постарался бы прогнать отъ себя собственнаго врага; ибо кто можетъ помогать другимъ, тотъ гораздо болѣе въ состояніи отомстить за себя.

18. Медицина и все, что относится къ ней, представляетъ такое же коварство ([40]). Если кто врачуется веществомъ, имѣя вѣру въ него, тѣмъ болѣе онъ уврачуется, если прибѣгнетъ къ Богу. Какъ яды суть вещественные составы, такъ и цѣлительныя средства такой же природы. Хотя мы отвергаемъ худшее вещество, но нѣкоторые часто покушаются лѣчить посредствомъ соединенія худыхъ веществъ съ другимъ и пользуются зломъ для пріобрѣтенія добра. Но какъ тотъ, который обѣдалъ съ разбойникомъ, хотя бы

([40]) Авторъ говоритъ здѣсь о медицинѣ, поколику она была соединена съ суевѣріемъ или невѣріемъ и отвращала отъ Бога, виновника природы и цѣлительной силы веществъ.

самъ не былъ разбойникъ, получаетъ наказаніе за то, что пировалъ съ нимъ, такъ точно тотъ, кто самъ не худъ, но сообщается съ зломъ и употребляетъ его для полученія мнимаго добра, за общеніе съ зломъ будетъ наказанъ Богомъ-Судіею. Почему вѣрующій дѣйственности вещества не хочетъ вѣровать Богу? Почему не обращаешься къ могущественнѣйшему Господу и предпочитаешь лѣчить самого себя также, какъ собака лѣчится травою, олень эхидною, свинья раками рѣчными, левъ обезьянами? Зачѣмъ ты боготворишь то, что находится въ мірѣ? Для чего тебя за излѣченіе ближняго называютъ благодѣтелемъ? Повинуйся силѣ слова. Демоны не исцѣляютъ людей, но хитростію своею берутъ ихъ въ плѣнъ къ себѣ. Достойный великаго удивленія Іустинъ сказалъ, что демоны подобны разбойникамъ. Какъ послѣдніе обыкновенно берутъ въ плѣнъ живыми нѣкоторыхъ людей, а потомъ за выкупъ возвращаютъ ихъ роднымъ; такъ и тѣ, которыхъ почитаютъ за боговъ, вселясь въ тѣла какихъ-либо людей и потомъ посредствомъ сновидѣній внушивши мысль о своемъ присутствіи, велятъ такимъ людямъ выдти на народъ, и, насытившись мірскими вещами въ виду всѣхъ, отлетаютъ отъ больныхъ и возвращаютъ имъ прежнее здоровье, уничтоживъ болѣзнь, которую сами они произвели.

19. Впрочемъ, вы, которые не имѣете понятія объ этомъ, учитесь у насъ, знающихъ все это. Вы говорите о презрѣніи смерти и проповѣдуете о воздержаніи. Но философы ваши такъ далеки отъ воздержанія, что нѣкоторые ежегодно получаютъ отъ римскаго царя шестьсотъ золотыхъ монетъ не для какого-нибудь полезнаго дѣла, но для того, чтобы они не даромъ носили отпущенную бороду. И Крес-

центъ, который свилъ себѣ гнѣздо въ великомъ городѣ ([41]), превосходилъ всѣхъ въ педерастіи и былъ весьма сребролюбивъ. Этотъ презритель смерти такъ боялся ея, что старался причинить смерть, какъ зло, Іустину, а также и мнѣ, за то, что онъ, проповѣдуя истину, обличалъ философовъ въ сластолюбіи и лжи. Какихъ философовъ онъ преслѣдовалъ, кромѣ васъ однихъ? Если вы говорите, что не должно бояться смерти, и въ этомъ согласны съ нашимъ ученіемъ, то не ищите смерти, какъ Анаксархъ, ([42]) по безумной любви къ славѣ отъ человѣковъ, но будьте презрителями смерти вслѣдствіе познанія Бога. Прекрасно устроенъ міръ, но худо живутъ въ немъ; приходится видѣть, какъ тѣ, которые не знаютъ Бога, осыпаются похвалами и рукоплесканіями, подобно какъ въ общественныхъ собраніяхъ. Что такое ваши прорицанія? Почему прельщаетесь ими? Потому что они служатъ страстямъ, господствующимъ въ мірѣ. Ты хочешь вести войну и обращаешься къ Аполлону, совѣтнику убійствъ. Хочешь похитить дѣвицу,—и желаешь, чтобы демонъ помогалъ тебѣ въ этомъ. Ты боленъ самъ отъ себя, и хочешь, чтобы при тебѣ присутствовали боги, подобно тому, какъ Агамемномъ былъ окруженъ десятью совѣтниками. Какая-то женщина, напившись воды, приходитъ въ изступленіе, и отъ ладана дѣлается безумною, а ты говоришь, что она пророчествуетъ. Аполлонъ былъ ~~былъ~~, провидецъ будущаго и наставникъ прорицателей, но самъ обманулся насчетъ Дафниса. Скажи, пожалуста, дубъ прорицаетъ и птицы предвѣщаютъ будущее,—а ты ниже живот-

([41]) Т.-е. въ Римѣ О Кресцентѣ, врагѣ христіанъ и особенно Іустина и самаго Татіана, см. св. Іустина Апол. II, гл. 3.

([42]) Объ Анаксархѣ говоритъ Лаертій (de vita philos. IX. c. 10), см. Тертул. Apolog. c, 50.

ныхъ и растеній? Хорошо бы тебѣ сдѣлаться деревомъ прорицающимъ или лежать подобно птицамъ. Кто тебя дѣлаетъ корыстолюбивымъ, тотъ и пророчествуетъ тебѣ о пріобрѣтеніи богатства; кто возбуждаетъ возмущенія и войны, тотъ и предсказываетъ о побѣдѣ на войнѣ. Если будешь выше страстей, то будешь презирать все находящееся въ мірѣ. Если мы—люди съ такими убѣжденіями, то не преслѣдуйте насъ ненавистію, но оставьте демонокъ и послѣдуйте единому Богу: «все Имъ (сотворено) и безъ Него ничего не сотворено.» ([43]) Если и есть вредоносное въ тваряхъ, это произошло вслѣдствіе грѣха нашего. Я постараюсь доказать это: только вы слушайте, и вѣрующій уразумѣетъ.

20. Когда лѣчишься лѣкарствами,—это я по снисхожденію допускаю тебѣ,—ты все-таки долженъ успѣхъ приписывать Богу. Міръ доселѣ привлекаетъ насъ къ себѣ, и я по слабости обращаюсь къ веществу. Духъ совершенный окрилялъ душу; когда она грѣхомъ прогнала его, онъ улетѣлъ, какъ птенецъ, и она упала на землю. Лишившись небеснаго сожитія, она возжелала общенія съ низшимъ. Демоны лишились прежняго своего жилища, прародители изгнаны; первые низвержены съ неба, а послѣдніе изгнаны изъ земли, только не изъ здѣшней, но изъ той, которая превосходнѣе. Итакъ мы должны желать прежняго состоянія и бросить все, что этому препятствуетъ. Небо не безгранично, оно имѣетъ границы и заключено въ предѣлахъ. Далѣе сего есть міръ высшій, который не знаетъ перемѣнъ погоды, производящихъ различныя болѣзни, но имѣетъ благорастворе́ніе воздуха, постоянный день и свѣтъ недоступный для здѣшнихъ людей. Землеописатели, сколько доступно было человѣку, составили

([43]) Іоан. 1, 3

описаніе странъ, но не зная, что сказать о странахъ дальнѣйшихъ, которыхъ не могли видѣть, они въ извиненіе своего незнанія ссылались на приливы и отливы морскія, на то, что моря наполнены травами или иломъ, на недоступность странъ по причинѣ сильнаго жара или холода или льда. Мы же чего не знаемъ, узнали чрезъ пророковъ, которые твердо вѣрили, что небесный духъ получитъ вмѣстѣ съ душею одѣяніе смертности (44) и предвозвѣщали то, чего прочія души не знали. И всякій, кто нагъ, можетъ пріобрѣсть это украшеніе и возвратиться къ прежнему сродству.

21. Мы не безумствуемъ, эллины, и не вздоръ говоримъ, когда проповѣдуемъ, что Богъ родился въ образѣ человѣка. Вы порицаете насъ, но сравните свои басни съ нашими разсказами. Минерва, говорятъ, приняла видъ Деифоба изъза Гектора, Аполлонъ долговолосый въ угожденіе Адмету пасъ кривоногихъ быковъ; жена Юпитера пришла старухой къ Семелѣ. Допуская такія вещи, какъ можете вы смѣяться надъ нами? Вашъ Эскулапъ умеръ, и тотъ, который въ Θеспіяхъ обезчестилъ въ одну ночь пятьдесятъ дѣвицъ, умеръ среди пожирающаго пламени, въ которое самъ бросился. Прометей, прибитый къ Кавказу, понесъ наказаніе за свое благодѣяніе оказанное людямъ. Зевсъ, по вашему, завистливъ, и посредствомъ сновидѣнія обманулъ людей съ намѣреніемъ погубить ихъ (45). Посему, въ виду вашихъ собственныхъ сказаній принимайте насъ, по крайней мѣрѣ, какъ передающихъ сказанія подобныя вашимъ. Но мы не имѣемъ ничего нелѣпаго, а ваши разсказы чистый вздоръ. Если вы

(44) Т.-е. духъ снова соединится съ душею и ея тѣломъ по воскресеніи.

(45) См. Иліад. II, 6—12.

говорите о рожденіи боговъ, то этимъ признаете ихъ смертными. Почему Гера теперь не родитъ? Состарѣлась ли она или нѣтъ вѣстника, который бы васъ извѣстилъ объ этомъ?(46) Послушайтесь меня, эллины, и не объясняйте иносказательно ни басенъ, ни боговъ вашихъ. Допустивши это, вы уничтожите своихъ боговъ. Ваши боги или нечестивы, если они таковы, какими представляете ихъ, или если обратить ихъ въ естественныя явленія (47), они уже не то, что вы говорите. Но покланяться стихіямъ я и самъ не буду, и другихъ склонять къ тому не стану. Метродоръ Лампсакійскій въ книгѣ о Гомерѣ очень неразумно все обращалъ въ аллегорію. Онъ говорилъ, что Гера, Аѳина и Зевсъ не то, чѣмъ представляютъ ихъ люди, воздвигающіе имъ храмы и жертвенники, но что они суть части природы и сочетанія стихій ея. Вы должны будете сказать, что и Гекторъ, Ахиллесъ, Агамемнонъ и всѣ прочіе эллины и варвары вмѣстѣ съ Еленою и Парисомъ принадлежать къ той же природѣ и введены для складности, потому что никто изъ нихъ не существовалъ. Но я говорилъ это только условно, а въ самомъ дѣлѣ наше познаніе о Богѣ неприлично сравнивать съ мнѣніями тѣхъ, которые погрузились въ вещество и нечистоту.

22. И какія у васъ учрежденія? Кто не осмѣетъ ваши торжественныя собранія, учреждаемыя на общественный счетъ, которыя установлены въ честь злыхъ демоновъ и обращаютъ людей къ постыднымъ дѣламъ? Я не разъ видалъ одного человѣка, и при видѣ его удивлялся, а потомъ

(46) См. подобн. у Аѳинагора (Leg pro Chv. с. 18) и у Ѳеофила (ad Aut II, с 5).

(47) Т -е. посредствомъ аллегорическаго истолкованія. См увѣщ къ Эллин. гл. 2

чувствовалъ презрѣніе, потому что онъ по наружности представлялъ ложно то, чего нѣтъ у него внутри. Я видѣлъ, какъ онъ пышничалъ и вполнѣ предавался нѣгѣ, то сверкалъ глазами, то размахивалъ руками и неистовствовалъ съ грязнымъ лицемъ, то представлялъ Афродиту, то Аполлона. Онъ одинъ является обличителемъ всѣхъ боговъ, представителемъ суевѣрія, порицателемъ геройскихъ подвиговъ, изобразителемъ убійствъ, наставникомъ блуда и корыстолюбія, учителемъ разврата, поводомъ къ смертнымъ приговорамъ ([48]), и при всемъ томъ всѣ его хвалятъ. Но я отвергъ всю ложь его, его нечестіе, его занятія и наконецъ самого этого человѣка. А васъ увлекаютъ подобные люди, и вы порицаете тѣхъ, которые не раздѣляютъ вашихъ чувствъ. Я не хочу разѣвать ротъ (отъ удивленія), когда многіе поютъ, не хочу, чтобы тотъ, кто дѣлаетъ кривлянія и неестественныя движенія, возбудилъ во мнѣ такія же страсти. Что удивительнаго или прекраснаго совершается у васъ? Посредствомъ носа производятъ постыдныя звуки, дѣлаютъ неприличныя движенія, на сценѣ учатъ какъ блудодѣйствовать, и это видятъ сыновья и дочери ваши. Хороши у васъ аудиторіи, гдѣ разсказываются срамныя дѣла ночныя, гдѣ услаждаютъ слушателей произношеніемъ гнусныхъ рѣчей. Достойны похвалы и поэты ваши лжецы, которые фигурными словами обольщаютъ слушателей.

23. Я видѣлъ людей, которые озабочены упражненіемъ тѣла и обременены своею дородностію: имъ предлагаютъ

([48]) Нерѣдко сценическія представленія вели къ осужденію знаменитыхъ людей. такова напр судьба Сократа, коего Аристофанъ представилъ въ своихъ «Облакахъ». Но особенно впослѣдствіи на языческихъ зрѣлищахъ пробуждалась въ черни жажда крови христіанъ. См. Тертулл. de spectac. c. 27

награды и вѣнцы, ихъ вызываютъ учредители игръ, не къ прекрасному подвигу, но къ тому, чтобы затѣять споръ и ссору, и кто сильнѣе дерется, тотъ получаетъ вѣнецъ. И это еще меньшее изъ золъ; а о большихъ кто можетъ говорить безъ возмущенія? Нѣкоторые предавшись праздности, изъ-за мотовства продаютъ себя на смерть: бѣдный продаетъ себя,— богатый покупаетъ убійцъ. Свидѣтели сидятъ, а гладіаторы бьются одинъ на одинъ безъ всякой причины, и никто не приходитъ на помощь. Это ли у васъ хорошія дѣла? Высшій между вами по достоинству собираетъ войско человѣкоубійцъ и хвалится тѣмъ, что онъ питаетъ разбойниковъ; выходятъ отъ него разбойники и всѣ вы сходитесь на зрѣлище, какъ судіи нечестія отчасти учредителя зрѣлища, отчасти и самыхъ единоборцевъ. И тотъ, кто не присутствовалъ при убійствѣ, скорбитъ, что ему не было суждено быть зрителемъ злодѣйскихъ, безбожныхъ и преступныхъ дѣйствій. Вы убиваете животныхъ, чтобы ѣсть мясо, и покупаете людей, чтобы доставить душѣ пищу изъ человѣческаго тѣла и питаете ее самымъ безбожнымъ пролитіемъ крови. Разбойникъ убиваетъ, чтобы получить что-нибудь, а богатый покупаетъ единоборцевъ для убійства.

24. Какую пользу принесетъ мнѣ тотъ, кто въ трагедіи Эврипида бѣснуется и разыгрываетъ лице матереубійцы Алкмеона, кто обезобразилъ свой видъ, страшно разѣваетъ ротъ, носится съ мечемъ, неистово кричитъ и является въ окровавленной одеждѣ? Прочь отъ меня басни Акусилая; прочь отъ меня такого же рода стихи Менандра. За чѣмъ я буду удивляться баснословному игроку на флейтѣ? Зачѣмъ мнѣ, надобно Аристоксену, дѣлать изысканія о Θивянинѣ

Антигенидѣ ([49])? Уступимъ вамъ эти пустыя дѣла. А вы или повѣрьте нашему ученію, или также оставьте насъ при нашихъ вѣрованіяхъ.

25. Что удивительнаго и великаго дѣлаютъ ваши философы? Они оставляютъ одно плечо непокрытымъ, отпускаютъ длинные волосы, отращаютъ бороду, носятъ звѣриныя ногти; они говорятъ, что ни въ чемъ не нуждаются; но какъ Протей ([50]) нуждаются въ кожевникѣ для сумы, въ портномъ для одежды, въ дровосѣкѣ для палки, въ богачахъ и въ поварѣ для своей прожорливости. Человѣкъ, подражающій собакѣ! ты не знаешь Бога, и уклоняешься къ подражанію животнымъ; ты публично кричишь съ важностію человѣка небѣднаго, и самъ за себя мстишь: когда не получаешь, то ругаешься, и философія дѣлается у тебя искусствомъ наживаться. Ты слѣдуешь ученію Платона, и вотъ эпикурейскій софистъ открыто возстаетъ на тебя. Опять, ты хочешь слѣдовать Аристотелю, и тебя ругаетъ какой-нибудь послѣдователь Демокрита. Пиѳагоръ говоритъ, что онъ былъ нѣкогда Евфорбомъ, ([51]) и въ своемъ ученіи (о переселеніи душъ) преемствовалъ Ферекиду; Аристотель же колеблетъ безсмертіе души. Вы, которые рѣзко переходите отъ одного ученія къ другому противоположному и несогласны между собою, вооружаетесь на тѣхъ, которые согласны ([52]).

([49]) Антигенидъ — знаменитый игрокъ на флейтѣ; Аристоксенъ—писатель, который не только занимался философіей, но составилъ и сочиненія по части инструментальной музыки.

([50]) Протей—циникъ Перегринъ, послѣ принявшій прозваніе Протея. Авторъ здѣсь изображаетъ философовъ—такъ-называемыхъ циниковъ.

([51]) Евфорбъ—храбрый троянецъ, который сперва ранилъ Патрокла а потомъ былъ убитъ Менелаемъ. (Гом. Илиад. XVI, 806) Пиѳагоръ, который допускалъ переселеніе душъ, утверждалъ, что онъ былъ сперва этимъ Евфорбомъ.

([52]) Т.-е. противъ христіанъ.

Нѣкоторые говорятъ, что Богъ есть тѣло, а я говорю, что Онъ безтѣлесенъ; говорятъ, что міръ неразрушимъ; а я утверждаю, что разрушится; говорятъ, что сожженіе міра бываетъ въ разныя времена; а я говорю, что это будетъ одинъ разъ; судіями признаютъ Миноса и Радаманта, а я самого Бога; безсмертіе приписываютъ одной душѣ, а я и тѣлу вмѣстѣ съ душею. Чѣмъ мы вредимъ вамъ, эллины? Почему вы ненавидите, какъ самыхъ отъявленныхъ злодѣевъ, тѣхъ, которые слѣдуютъ слову Божію. Мы не ѣдимъ человѣческаго мяса (53): вы лжесвидѣтельствуете, когда говорите такъ; а у васъ Пелопсъ дѣлается ужиномъ для боговъ, хотя былъ любимцемъ Посидона, Кроносъ пожираетъ дѣтей и Зевсъ поглощаетъ Митиса.

26 Перестаньте величаться чужими словами и, подобно галкѣ, украшаться не своими перьями. Если каждый городъ возьметъ отъ васъ собственное свое изреченіе, то ваши софизмы потеряютъ силу. Вы изслѣдуете, что такое Богъ, но не знаете, что въ васъ есть; и, разиня ротъ на небо, падаете въ ямы. Ваши книги, подобны лабиринтамъ, а читающія ихъ—бочкѣ Данаидъ. Что вы раздѣляете время, называя одно прошедшимъ, другое настоящимъ, а иное будущимъ? Какимъ образомъ будущее можетъ настать, когда существуетъ настоящее? Но какъ плаватели на морѣ, когда корабль несется по водамъ, по неопытности думаютъ, что горы бѣгутъ (а не корабль ихъ), такъ и вы не замѣчаете, что вы сами проходите, а вѣкъ стоитъ, пока угодно Сотворившему его. Зачѣмъ меня обвиняете, когда излагаю свое ученіе, зачѣмъ спѣшите ниспровергнуть всѣ мои убѣжденія? Не такъ же ли

(53) См. Іустина Апол. I, гл. 16. Это обвиненіе было взводимо на христіанъ по ложному истолкованію таинства Евхаристіи.

вы родились какъ и мы, и приняли участіе въ томъ же порядкѣ міра? Зачѣмъ вы присвоиваете мудрость только себѣ, тогда какъ вы не имѣете ни другаго солнца, ни другаго восхода звѣздъ, ни лучшаго происхожденія, ни даже смерти, отличной отъ другихъ людей? Грамматики положили начало вашему пустословію, вы, раздѣляя мудрость, удалили себя отъ истинной мудрости и имена частей ея приписали людямъ. Бога же вы не знаете; и споря между собою, сами ниспровергаете другъ друга. Поэтому всѣ вы ничто; хотя присвояете себѣ даръ слова, но разсуждаете, какъ слѣпой съ глухимъ. Къ чему у васъ строительныя орудія, тогда какъ не умѣете строить? Къ чему ваши рѣчи, когда сами вы далеки отъ дѣлъ, ибо въ счастіи надмѣваетесь, а въ неудачахъ упадаете духомъ? Ваши дѣйствія несообразны съ разумомъ; ибо въ собранія вступаете съ пышностію, а съ ученіемъ своимъ прячетесь въ углахъ? Посему-то, когда мы узнали, что вы таковы,—мы оставили васъ, и уже не трогаемъ вашего, по слѣдуемъ слову Божію. Зачѣмъ ты, скажи мнѣ, поднимаешь войну изъ-за буквъ? Зачѣмъ, какъ въ кулачномъ бою, скрадываешь произношеніе ихъ запкаясь подобно аѳинянамъ, тогда какъ тебѣ приличнѣе говорить ближе къ природѣ? Если ты, не будучи аѳинянином, говоришь по-аттически, то скажи мнѣ, почему не говоришь по-дорически? Почему одно для тебя представляется слишкомъ грубымъ, а другое болѣе пріятнымъ для разговоровъ?

27. Если привлекаетъ тебя образованность ихъ, то почему ты вооружаешься на меня, если я принимаю такія мнѣнія, которыя мнѣ нравятся? Не нелѣпо ли, что насъ ненавидятъ безъ всякаго изслѣдованія и по несправедливому предубѣжденію, тогда какъ разбойника не наказываютъ по одному

только обвиненію прежде чѣмъ тщательно изслѣдуется справедливость его ([54]). Діагоръ былъ аѳинянинъ, но вы его наказали за то, что издѣвался надъ таинствами аѳинскими; и однако читаете его фригійскія книги ([55]), а насъ ненавидите. Вы сохраняете толкованія Льва и не терпите обличеній отъ насъ; вы имѣете у себя мнѣнія Аппіона о богахъ египетскихъ, а насъ изгоняете, какъ крайнихъ безбожниковъ. У васъ показываютъ гробницу Зевса олимпійскаго, хотя нѣкто говоритъ, что Критяне лгутъ ([56]). Собраніе множества боговъ есть ничто . И хотя Эпикуръ, презритель ихъ, отправлялъ священныя обязанности къ нимъ ([57]), но я не буду скрывать предъ правителями то понятіе, какое я имѣю о Богѣ и Его владычествѣ надъ всѣмъ. Зачѣмъ ты совѣтуешь мнѣ лгать насчетъ моего вѣрованія? Ты говоришь , что презираешь смерть; зачѣмъ же убѣждаешь меня избѣжать ея хитростію? У меня не оленье сердце, а ваши рѣчи походятъ на болтовню Ѳерсита. Какъ я повѣрю тому, кто говоритъ, что солнце есть огненная масса, а луна (другая) земля ([58])? Это словопреніе а не раскрытіе истины. Не безразсудно ли вѣрить разсказамъ о Геркулесѣ въ книгахъ Геродота, въ которыхъ говорится о высшей землѣ, съ которой будто бы упалъ левъ, убитый Геркулесомъ? Что пользы въ аттической рѣчи, философскихъ соритахъ, силлогистическихъ доказательствахъ, въ измѣреніи

([54]) См. Іуст. I Апол. гл 4, Аѳинаг. (Suppl. p. Chr.) и Тертулл. (Apolog. 2).

([55]) Т.-е. книги, въ которыхъ Діагоръ излагаетъ исторію Цибелы и другихъ божествъ, принятыхъ Эллинами изъ Фригіи, съ тѣмъ, чтобы отвратить людей отъ ихъ богопочитанія. Кромѣ Діагора, упоминается ниже Левъ Пеллей и Аріонъ граматикъ, которые отвергали боговъ признавая ихъ за людей или за физическія явленія.

([56]) Критяне хвастались, что у нихъ находится гробница Зевса.

([57]) Т.-е. не смѣлъ открыто предъ толпою отвергать боговъ.

([58]) Авторъ намекаетъ на Анаксагора.

земли, расположеніи звѣздъ и обращеніи солнца? Заниматься подобными вопросами свойственно человѣку, который налагаетъ на себя мнѣнія, какъ законы.

28. Поэтому я отвергъ и ваши законоположенія. Долженъ быть одинъ и общій для всѣхъ образъ жизни. А теперь, сколько городовъ, столько законодательствъ, такъ что одни почитаютъ гнуснымъ то, что, по мнѣнію другихъ, прекрасно. Такъ эллины признаютъ незаконнымъ брачное сожительство съ матерью, а у персидскихъ маговъ это почитается прекраснымъ установленіемъ; педэрастія осуждается варварами, но она пользуется особымъ преимуществомъ у Римлянъ, которые стараются собирать стада мальчиковъ, на подобіе коней пасущихся.

29. Когда я увидѣлъ все это, когда ознакомился съ мистеріями, изслѣдовалъ различные виды богопочтенія, совершаемые людьми женоподобными и гермафродитами, когда и у Римлянъ нашелъ, что Зевсъ Латіаръ услаждается человѣческою кровью и человѣкоубійцами, что Артемида недалеко отъ великаго города занимается подобными же дѣяніями, и что въ другихъ мѣстахъ тотъ или другой демонъ служитъ причиною злодѣйствъ: тогда я углубился въ самого себя и изслѣдовалъ, какимъ образомъ могу найдти истину. Въ то время, какъ умъ мой разсматривалъ все лучшее, я напалъ на однѣ книги варварскія, которыя древнѣе эллинскихъ ученій, и столь божественны, что не могутъ быть сравниваемы съ ихъ заблужденіями; и я повѣрилъ этимъ книгамъ, по простотѣ ихъ рѣчи, безыскусственности писателей, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣденію будущаго, превосходству правилъ и наконецъ по ученію объ единомъ Властителѣ надъ всѣмъ. Итакъ душа моя, вразумленная Богомъ, поняла,

что однѣ книги влекутъ за собою осужденіе, а другія разрушаютъ рабство, находящееся въ мірѣ, освобождаютъ насъ отъ многихъ начальниковъ и безчисленныхъ тирановъ и даютъ намъ то, чего—не скажу, чтобы мы не получили прежде, но что получивши, не сохранили по заблужденію.

30. Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія заблужденія, какъ дѣтскія бредни. Природа зла, какъ извѣстно, сходна съ природою самыхъ малыхъ сѣмянъ; ибо хотя зло отъ малаго съ нашей стороны повода усиливается, за то можно опять его разрушить, если мы вѣруемъ словамъ Божіимъ и сами не разсѣеваемся. Богъ предлагаетъ намъ нѣкое скрытое сокровище. когда мы раскапываемъ его, то покрываемся пылью, но за то мы упрочиваемъ за собою обладаніе имъ. Кто владѣетъ всѣмъ этимъ сокровищемъ, тотъ пріобрѣлъ драгоцѣннѣйшія богатства. Эти слова относятся къ нашимъ единомысленникамъ. Что же сказать вамъ, эллины, кромѣ того, чтобы вы не порицали лучшихъ себя, и если кто называется варваромъ, не находили въ этомъ повода къ презрѣнію. Ибо если хотите, вы можете найдти причину, почему одни не въ состояніи понимать языка другихъ; и если вы желаете изслѣдовать наше ученіе, то я предложу легкое для васъ и пространное объясненіе.

31. Думаю, что теперь кстати доказать, что наша философія древнѣе ученій эллинскихъ. Предѣлами у насъ будутъ Моисей и Гомеръ, потому что они оба жили въ древнѣйшія времена; послѣдній древнѣе всѣхъ поэтовъ и историковъ, а первый родоначальникъ всей мудрости у варваровъ. Итакъ возьмемъ ихъ для сравненія, и мы найдемъ, что наше ученіе древнѣе не только образованности эллиновъ,

но и самаго изобрѣтенія письменъ. Сошлюсь не на своихъ писателей, но воспользуюсь эллинскими. Первое было бы неудачно, потому что вы не примете ихъ; а послѣднее представляется удивительнымъ, когда я сражаясь съ вами вашимъ же оружіемъ, заимствую у васъ доказательства незаподозрѣнныя вами. О поэзіи Гомера, его происхожденіи и времени, когда онъ процвѣталъ, изслѣдовали слѣдующіе древнѣйшіе писатели. Ѳеогенъ Регинскій, бывшій въ царствованіе Камбиза,—Стезимбротъ Тасскій, Антимахъ Колофонскій, Геродотъ Галикарнасскій и Діонисій Олинѳскій, послѣ нихъ Эфоръ Кумскій, Филохоръ Аѳинскій, Мегаклидъ и Хамелеонъ—перипатетики; потомъ грамматики: Зенодотъ, Аристофанъ, Каллимахъ, Кратесъ, Эратосѳенъ, Аристархъ и Аполлодоръ. Изъ числа ихъ Кратесъ говоритъ, что Гомеръ жилъ прежде возвращенія Гераклидовъ, спустя восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны; по Эратосѳену спустя сто лѣтъ отъ взятія Трои, по Аристарху около Іонійскаго переселенія, бывшаго спустя сто сорокъ лѣтъ послѣ Троянскихъ событій, по Филохору—послѣ Іонійскаго переселенія при архонтѣ аѳинскомъ Архиппѣ, спустя сто восемьдесятъ лѣтъ послѣ Троянской войны. Аполлодоръ говоритъ, что Гомеръ жилъ спустя сто лѣтъ послѣ Іонійскаго переселенія, то есть, спустя двѣсти сорокъ лѣтъ послѣ Троянской войны. Нѣкоторые говорили, что онъ былъ за девяносто лѣтъ до Олимпіадъ, то есть спустя триста семнадцать лѣтъ послѣ взятія Трои; другіе полагали время его жизни еще позднѣе и говорили, что Гомеръ былъ современникомъ Архилоха,—а Архилохъ жилъ около двадцать третьей Олимпіады, во времена Гигеса Лидянина, въ пятьсотыхъ годахъ послѣ Троянской войны. Того, что мы ска-

зали вкратцѣ о времени жизни вышеупомянутаго поэта т. е. Гомера и о разногласіи писателей, говорившихъ о немъ, достаточно для тѣхъ, которые могутъ внимательно изслѣдовать эти свидѣтельства. Можно бы конечно доказать и ложность мнѣній о самыхъ происшествіяхъ. У кого не согласна хронологія, у того и исторія не можетъ быть истинной. Не отъ того ли бываютъ ошибки въ счисленіи времени, что излагаютъ неистинное?

32. Но у насъ нѣтъ пустаго стремленія къ славѣ, ни разногласія во мнѣніяхъ. Мы отдѣлились отъ общепринятаго и земнаго ученія, мы повинуемся заповѣдямъ Божіимъ, слѣдуетъ закону Отца нетлѣнія и отвергли мнѣнія человѣческія; не одни богатые у насъ философствуютъ, но и бѣдные даромъ пользуются ученіемъ; ибо все, что исходитъ отъ Бога такъ высоко, что нельзя заплатить за нихъ дарами мірскими. Мы допускаемъ всѣхъ кто хочетъ слушать, будетъ ли онъ старикъ или юноша; и всякому вообще возрасту у насъ воздается честь; впрочемъ распутство отъ насъ далеко. И мы не лжемъ, говоря это. Прекрасно было бы, если бы преклонилось ваше упорство въ невѣріи; но если и не будетъ этого, все-таки наша вѣра останется твердою опираясь на Божіемъ свидѣтельствѣ. Вы смѣетесь, но нѣкогда восплачете. Не глупо ли, что вы удивляетесь Нестору, который усиливается сравняться съ юношами въ битвахъ, тогда какъ онъ съ трудомъ отсѣкаетъ по старческой слабости упряжъ у коней; а смѣетесь надъ тѣми, которые у насъ борятся съ старостію и размышляютъ о дѣлахъ Божественныхъ? Кто не будетъ смѣяться надъ вами, когда вы говорите объ Амазонкахъ, Семирамидѣ и нѣкоторыхъ другихъ воинственныхъ женщинахъ, а нашихъ дѣвицъ пори-

цаете? Ахиллесъ былъ юноша и однако вѣрятъ, что онъ имѣлъ много благородства: Неоптолемъ былъ также молодъ, но храбръ; Филоктетъ былъ слабъ, но божество нуждалось въ немъ для взятія Трои. Каковъ былъ Θерситъ? Но онъ начальствовалъ надъ войскомъ и не подвергался бы порицанію за свою остроконечную и лысую голову, еслибы не имѣлъ глупости болтать безъ мѣры. Желающихъ у насъ философствовать мы не испытываемъ по лицу, и не судимъ по наружности о приходящихъ къ намъ. Ибо мы думаемъ, что крѣпость духа можетъ быть у всѣхъ, хотя бы они были слабы тѣлами. Ваши же сужденія исполнены зависти и великой глупости.

33. Поэтому я рѣшился посредствомъ вещей, которыя вы сами уважаете, доказать разумность нашихъ учрежденій и безразсудство вашихъ. Послушайте, до чего доходитъ пустота у эллиновъ,— вы, которые говорите, что мы занимаемся пустяками среди женщинъ и юношей, среди дѣвицъ и старухъ и насмѣхаетесь надъ нами за то, что мы не съ вами. Произведенія искусствъ заключаютъ въ себѣ много вздора, хотя уважаютъ ихъ болѣе беговъ вашихъ; относительно женщинъ вы ведете себя непристойно. Лизиппъ сдѣлалъ изъ мѣди статую Праксиллы, которая ничего полезнаго не сказала въ стихахъ своихъ, Менестратъ—Леархиды, Силаніонъ—блудницы Сапфы, Навкидъ—Эрвины Лезбосской, Воискъ—Миртиды, Кефизодотъ—Миры-Византской, Гомфъ—Праксигориды и Амфистрадъ Клиты. Что сказать о статуяхъ Аниты, Телезиллы и Мистиды? Эвтикратъ и Кефизодотъ сдѣлали статую первой, Никератъ второй, Аристодотъ третьей. Эвтикратъ сдѣлалъ статую Мнезархиды Ефесянки, Силанніонъ Коринны, Эвтикратъ—Θалархиды Аргос-

ской. Я упомянулъ объ этихъ женщинахъ, для того, чтобы вы не думали, что у насъ дѣлается что-нибудь странное и чтобы вы, въ виду этихъ памятниковъ, находящихся предъ глазами, не насмѣхались надъ тѣми женщинами, которыя у насъ философствуютъ. Сапфо была блудница, безстыдная женщина, и сама воспѣвала свое распутство; а у насъ всѣ женщины цѣломудренны, и дѣвицы сидящія за прялками поютъ божественныя пѣсни гораздо лучше, чѣмъ эта дѣвица ваша. Посему вы должны стыдиться того, что вы ученики презрѣнныхъ женщинъ, а смѣетесь надъ женщинами, преданными нашему ученію, и надъ общественными собраніями, которыя онѣ посѣщаютъ. Что за прекрасное ученіе произвела вамъ Главкиппа, родившая чудовище, какъ показываетъ ся мѣдная статуя, сдѣланная Никератомъ Аѳинянином, сыномъ Евктемона? Если она родила слона, почему же воздается ей общественная почесть? Праксителъ и Геродотъ сдѣлали вамъ статую распутной Фрины, а Эвтикратъ Пантевхиды, сдѣлавшейся беременною отъ прелюбодѣя. Диоменъ своимъ искусствомъ передалъ потомству память Византиды, царицы Феонской, за то, что она родила чернаго младенца. Я осуждаю и Пиѳагора, который представилъ Европу сидящею на быкѣ, и васъ, которые уважаете за искусство этого обличителя Зевса (59). Смѣюсь и надъ искусствомъ Мирона, который изобразилъ тельца и на него возложилъ Нику, такъ-какъ онъ, похитивъ дочь Агенора, получилъ награду за свое прелюбодѣйство и невоздержаніе. Геродотъ Олинѳскій изобразилъ Гликеру, блудницу и Аргосскую мызыкантшу. Врі-

(59) Зевсъ, превратившись въ быка, похитилъ Еврону, дочь Агенора.

аксисъ поставилъ статую Пазифеѣ; вспоминая ея распутство, вы едва не желаете, чтобы и нынѣ были подобныя женщины. Какая-то Меланиппа была мудра и за это Лизистратъ сдѣлалъ ея статую; а вы не вѣрите, чтобы у насъ были мудрыя женщины.

34. Конечно весьма достоинъ чести тиранъ Фаларисъ пожиравшій грудныхъ дѣтей, котораго изображеніе сдѣлалъ Полистратъ Ампракіотъ и котораго донынѣ показываютъ какъ дивнаго мужа. Агригентинцы боялись смотрѣть на такой видъ этого людоѣда, а люди, заботящіеся объ образованіи, гордятся, что видятъ его изображеніе. Не преступно ли то, что у васъ чествуется братоубійство, потому что вы смотрите на изображенія Полиника и Этеокла, тогда какъ вы должны бы зарыть ихъ вмѣстѣ съ художникомъ Пиѳагоромъ? Истребляйте памятники нечестія. За чѣмъ я буду ради Периклемена, разсматривать и цѣнить какъ что-нибудь удивительное изображеніе женщины, родившей тридцать человѣкъ дѣтей? Слѣдовало бы питать отвращеніе къ той, которая принесла такъ много плодовъ невоздержанія и подобіе которой у Римлянъ представлено въ свиньѣ, удостоенной за такое же дѣло священнаго служенія. Марсъ любодѣйствовалъ съ Афродитою, и Андронъ изобразилъ вамъ Гармонію, родившуюся отъ нихъ. Софронъ, написавшій пустяки и нелѣпости, болѣе прославился посредствомъ мѣдной статуи, существующей и донынѣ. Баснописца Эзопа прославили навсегда не однѣ басни, но и пластическое искусство Аристодама И какъ вамъ не стыдно клеветать на честность нашихъ женщинъ, когда у васъ столько женщинъ — поэтовъ пустѣйшихъ и развратницъ, столько преступныхъ мужчинъ? Что хорошаго

мнѣ въ томъ, если узнаю, что Еванта родила въ Перепатѣ, или если буду удивляться искусству Каллистрата, или смотрѣть на Нееру Калліада, которая была блудница? Лаида была распутная женщина, а Турнъ сдѣлалъ памятникъ ея распутству. Отъ чего не приводитъ васъ въ стыдъ распутство Гефестіона, хотя Филонъ искусно представилъ образъ его? Или зачѣмъ вы ради Леохара чествуете Ганимеда гермафродита, какъ-будто владѣете чѣмъ-то прекраснымъ? Пракситель также изобразилъ какую-то развратную женщину. Лучше было бы, если бы, оставивши всѣ такія вещи, вы искали того, что по истинѣ прекрасно; лучше бы, еслибъ вы отказались отъ вымысловъ Филенида и Элифантида ([60]) и не гнушались нашимъ образомъ жизни.

35. То, что мною изложено, я узналъ не отъ другихъ: я путешествовалъ по многимъ странамъ, самъ занимался въ качествѣ софиста вашими науками, изучалъ искусства и различныя изобрѣтенія, и наконецъ, живя въ Римѣ самъ видѣлъ различныя статуи туда перенесенныя вами. Я не стараюсь, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе, подтверждать свои мысли чужими мнѣніями, но излагаю то, что самъ видѣлъ и узналъ. Поэтому-то я распростился и съ римскимъ высокомѣріемъ и съ холоднымъ аѳинскимъ краснорѣчіемъ, съ различными ученіями и принялъ нашу варварскую философію. Я началъ было излагать, какимъ образомъ она древнѣе вашихъ учрежденій, но на время отклонился отъ этого, а теперь возвращусь къ разсужденію объ ученіи нашемъ. Только не тяготитесь моими уроками и не возражайте болтовнею и пустяками, говоря: «Татіанъ выше эллиновъ, выше множества философствовавшихъ, онъ слѣдуетъ

([60]) Это писатели о гнусныхъ дѣлахъ. См. Іустина 2 апол. гл. 15.

новому ученію варваровъ». Что худаго въ томъ, что человѣкъ подобострастный прочимъ людямъ обличаетъ ихъ въ явномъ невѣжествѣ? Что нелѣпаго по примѣру роднаго вамъ мудреца ([61]), всегда старѣть и всему учиться?

36. Пусть Гомеръ ([62]) былъ не позже троянской войны, а современникомъ ея, и даже сражался съ Агамемнономъ, пусть, если кто хочетъ, думаютъ, что онъ жилъ прежде изобрѣтенія буквъ. Окажется, что вышеупомянутый Моисей на много лѣтъ древнѣе взятія Троя, или даже жилъ гораздо прежде построенія Троп и временъ Троя и Дардана. Для доказательства этого я приведу въ свидѣтели Халдеевъ, Финикіянъ и Египтянъ. И къ чему много распространяться? Тому, кто беретъ на себя трудъ убѣждать слушателей, нужно говорить о дѣлѣ какъ можно короче. Берозъ Вавилонянинъ, жрецъ вавилонскаго Бела, современникъ Александра, написавшій для Антіоха, третьяго царя послѣ Александра, исторію халдеевъ въ трехъ книгахъ и изложившій подвиги царей, говоритъ объ одномъ изъ нихъ, по имени Навуходоносорѣ, который предпринялъ походъ противъ Финикіянъ и Іудеевъ. Мы знаемъ, что эта война была предсказана нашими пророками и случилась гораздо позднѣе Моисея, за семьдесятъ лѣтъ до владычества Персовъ. Берозъ весьма достовѣрный писатель: это доказывается тѣмъ, что Юба, писавшій объ Ассиріянахъ, говоритъ, что онъ узналъ исторію у Бероза; а онъ написалъ двѣ книги объ Ассиріянахъ.

37. Послѣ Халдеевъ, у Финикіянъ мы находимъ слѣдующее: у нихъ было три писателя: Θеодотъ, Ипсикратъ

([61]) Т.-е. Солона.

([62]) Съ этой главы до конца Татіанова рѣчь буквально приводится у Евсевія (Praepar. evang. c. 11).

и Мохъ. Книги ихъ переведены на греческій языкъ Хетомъ, который также тщательно написалъ жизнеописанія философовъ. Въ этихъ историческихъ книгахъ разказывается о похищеніи Европы при одномъ изъ царей, о пришествіи Менелая въ Египетъ и о происшествіяхъ при Хирамѣ, который отдалъ дочь свою въ замужество за Соломона царя Іудейскаго и доставлялъ ему всякаго рода дерево для построенія храма. О томъ же самомъ написалъ и Менандръ Пергаменъ. Но время жизни Хирама уже близко къ Троянской войнѣ; и Соломонъ, современникъ Хирама, жилъ гораздо позже временъ Моисея.

38. У Египтянъ также есть точныя историческія записки, и событія, бывшія у нихъ, описалъ Птоломей, только не царь, но жрецъ Мендеса. Онъ, разсказывая о дѣяніяхъ царей, говоритъ, что Іудеи при царѣ египетскомъ Амазисѣ вышли изъ Египта, подъ предводительствомъ Моисея, въ тѣ страны, которыя они заняли. Онъ такъ говоритъ: «Амазисъ былъ современникъ царя Инаха». Послѣ него грамматикъ Апіонъ, человѣкъ очень ученый, въ четвертой книгѣ о Египтянахъ, а всѣхъ книгъ его пять, между прочимъ говоритъ, «что Амазисъ, современникъ Инаху Аргосскому, разрушилъ Аварисъ, какъ Птоломей Мендесскій написалъ въ своихъ лѣтописяхъ». А время, которое протекло отъ Инаха до разрушенія Трои, заключаетъ въ себѣ двадцать поколѣній и это доказывается такимъ образомъ.

39. Вотъ какіе были цари у Аргосцевъ: Инахъ, Фороней, Аписъ, Кріазисъ, Тріопасъ, Аргій, Форвантъ, Кротопасъ, Стенелай, Данай, Линкей, Притъ, Авасъ, Акризій, Персей, Стенелай, Евристей, Атрей, Тіестъ и Агамемнонъ,

въ осьмнадцатый годъ царствованія коего взята Троя. Всякій разсудительный человѣкъ долженъ тщательно замѣтить, что у Грековъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, еще не было ни одного письменнаго историческаго памятника. Ибо Кадмъ, который передалъ имъ буквы, спустя много поколѣній пришелъ въ Беотію. Послѣ же Инаха при Форонеѣ люди наконецъ перешли отъ дикой и пастушеской жизни къ болѣе свободному образу жизни. Поэтому, если Моисей былъ современникъ Инаху, то онъ древнѣе Троянской войны на четыреста лѣтъ. И это видно изъ преемства царей Аттическихъ, Македонскихъ, Птолемейскихъ и Антіохійскихъ. Посему, если знаменитѣйшія происшествія у эллиновъ были записаны и сдѣлались извѣстны послѣ Инаха, то значитъ, это было и послѣ Моисея. Ибо Форонею, преемнику Инаха, современникомъ у Аѳинянъ былъ Огигъ, при которомъ былъ первый потопъ; а за Форбантомъ слѣдовалъ Актей, отъ котораго Аттика названа Актеею. Современниками Тріопа были Прометей, Эпиметей, Атласъ, Кекропсъ и Іонъ. При Кротопѣ былъ пожаръ Фаэтона и потопъ Девкаліона. Во время Стенела было царствованіе Амфиктіона, пришествіе Даная въ Пелопонесъ, основаніе Дарданіи Дарданомъ и возвращеніе Европы въ Критъ изъ Финикіи. При Линкеѣ была похищена Прозерпина, основанъ храмъ въ Элевзинѣ, введено Триптолемомъ земледѣліе, Кадмъ пришелъ въ Ѳивы и царствовалъ Миносъ. При Притѣ была война Евмолпа противъ Аѳинянъ. При Акризіи было пришествіе Пелопса изъ Фригіи, прибытіе Іона въ Аѳины, царствованіе втораго Кекропса, подвиги Персея и Діониса, появленіе ученика Орфеева Музея. Въ царствованіе Агамемнона была взята Троя.

40. И такъ изъ сказаннаго видно, что Моисей жилъ ранѣе древнихъ героевъ, войнъ, демоновъ. Поелику же онъ древнѣе по времени, то ему должно вѣрить болѣе, нежели эллинамъ, которые, не признавая того, заимствовали у него ученія, ибо многіе изъ ихъ софистовъ, по своему любопытству познакомившись съ писаніями Моисея и подобныхъ ему философовъ, старались передѣлать ихъ ученіе, во первыхъ для того, чтобы думали что они говорятъ что-нибудь свое,—во вторыхъ, для того, чтобы то, чего они не понимали, прикрыть вымышленной словесной оболочкою, придавая истинѣ видъ басни. Впрочемъ о томъ, что говорили образованные люди у эллиновъ о нашемъ законѣ и объ исторіи постановленій, сколь многіе и какіе писатели упоминали объ этомъ,—будетъ показано въ книгѣ «противъ тѣхъ, которые разсуждали о Божественныхъ дѣлахъ».

41. А теперь особенно важно со всею точностію показать, что Моисей древнѣе не только Гомера, но и писателей, древнѣйшихъ Гомера, какъ-то: Лина, Филаммона, Ѳамирида, Амфіона, Музея, Орфея, Демодока, Фемія, Сивиллы, Эпименида Критскаго, пришедшаго въ Спарту, Аристея Проконнесскаго, написавшаго исторію Аримасповъ, Асвола Центавра, Исатида, Дримона, Евкла Кипрскаго, Ора Самосскаго и Пронапида Аѳинскаго. Линъ былъ учителемъ Геркулеса; а Геркулесъ на одно поколѣніе былъ ранѣе Троянской войны, какъ это видно изъ того, что сынъ его Тлиполемъ уже воевалъ противъ Трои. Орфей былъ современникомъ Геркулеса, ибо сочиненія, которыя выдаютъ подъ подъ его именемъ, говорятъ, принадлежатъ Ономакриту Аѳинянину, жившему въ царствованіе Пизистрадитовъ около

пятидесятой Олимпіады. Ученикомъ же Орфея былъ Музей. Объ Амфіонѣ нечего говорить ученымъ, что онъ за два столѣтія жилъ до троянскихъ событій, Демодокъ и Фемій жили во время самой троянской войны; одинъ былъ у жениховъ ([63]) а другой у Феаковъ. Ѳамиридъ и Филаммонъ жили немного прежде ихъ. Итакъ, я со всевозможною точностію, мнѣ кажется, написалъ вамъ о сочиненіяхъ въ какомъ-либо родѣ и о времени ихъ. Но чтобы вполнѣ докончить изслѣдуемый предметъ, укажу еще тѣхъ, которые почитались мудрецами Миносъ, который почитается первымъ во всякомъ родѣ мудрости и въ законодательствѣ, жилъ при преемникѣ Даная—Линкеѣ въ одинадцатомъ поколѣніи послѣ Инаха, Ликургъ, родившійся гораздо позже взятія Трои, далъ законы Лакедемонцамъ за сто лѣтъ до Олимпіадъ. Драконъ жилъ около тридцать девятой Олимпіады, Солонъ около сорокъ шестой Пиѳагоръ около шестьдесятъ второй. А Олимпіады, какъ мы сказали ([64]), установлены спустя четыреста семь лѣтъ послѣ троянскихъ событій. Послѣ этихъ доказательствъ, не стану много говорить о времени жизни семи мудрецовъ. Ибо если древнѣйшій изъ нихъ Ѳалесъ жилъ около пятидесятой Олимпіады, то нѣтъ уже нужды говорить о другихъ мудрецахъ, которые жили послѣ него.

42. Вотъ что, эллины, для васъ написалъ я, Татіанъ, послѣдователь варварской философіи, уроженецъ ассирійской земли, слѣдовавшій первоначально вашему ученію, а

([63]) Гом. Одис 1, 154, VIII, 44

([64]) См гл 31,

потомъ принявшій то, которое теперь исповѣдую. Я наконецъ узналъ Бога и Его твореніе, и готовъ предстать предъ вами для изслѣдованія ученія, и не измѣню своимъ убѣжденіямъ относительно Бога

АѲИНАГОРЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ОБЪ АѲИНАГОРѢ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Въ надписаніи къ апологіи, принадлежащемъ, по мнѣнію ученыхъ, самому Аѳинагору, онъ называетъ себя аѳинянином, философомъ христіанскимъ. Дальнѣйшихъ подробностей жизни этого апологета исторія не сохранила намъ. Два только писателя говорятъ объ Аѳинагорѣ: святый Меѳодій и Филиппъ Сидетъ. Первый приводитъ одно мѣсто изъ апологіи Аѳинагора (*); другой сказалъ только нѣсколько словъ, и то подлежащихъ большому сомнѣнію; Евсевій и Іеронимъ хранятъ глубокое молчаніе объ этомъ писателѣ (**). Вотъ что говоритъ Сидетъ: «Начальникомъ Александрійской школы былъ Аѳинагоръ. Онъ жилъ во времена Адріана и Антонина, и представилъ имъ свою апологію въ защиту христіанъ. Онъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру уже и въ то время, когда ходилъ еще въ тогѣ философа, и былъ на-

(*) Апол гл 24. См. у Епиф. Haer. XLIV, 21, и Фотія Bibl Cod. 234.

(**) Нѣкоторые (Бароній, ad. d 18 ian., Тиллемонъ, и др) принимаютъ Аѳинагора за одно лицо съ мученикомъ Аѳиногеномъ, который, по свидѣтельству св. Василія Великаго (о Св. Духѣ. Гл. 29), сложилъ хвалебную пѣснь въ честь третьей ипостаси Св. Троицы, и предалъ ее ученикамъ своимъ, когда осужденъ былъ на сожженіе. Такое сближеніе основывается лишь на нѣкоторомъ созвучіи двухъ именъ—Аѳинагора и Аѳиногена, и на предполагаемой только ошибкѣ, допущенной переписчиками твореній Аѳиногена. Этотъ мученикъ пострадалъ въ Севастіи въ Арменіи, вмѣстѣ съ другими, въ царствованіе Діоклитіана.

чальникомъ въ школѣ академиковъ. Намѣреваясь писать противъ христіанства, для вѣрнѣйшаго достиженія своей цѣли приступилъ къ чтенію свящ. книгъ, и плѣненный благодатію Св. Духа, подобно великому Павлу, сдѣлался проповѣдникомъ того самаго ученія, противъ котораго возставалъ. Ученикомъ его былъ Климентъ александрійскій, у котораго обучался Пантенъ.» (См. *Dodwel.* Dissert in Irenaeum, ad calcem.) Но и это почти единственное свидѣтельство много оспориваютъ, потому что оно въ частныхъ своихъ показаніяхъ прямо расходится съ свидѣтельствомъ церковнаго историка Евсевія, который и жилъ прежде Филиппа и сочиненіями своими (историческими) далеко превосходитъ жалкую, по отзывамъ Сократа (Церк. Ист. кн. 17 гл. 27.) и патр. Фотія, (Cod. XXXV), компиляцію Филиппову, съ громкимъ названіемъ *исторіи христіанства.* Такъ, напр., невѣрно Сидетъ утверждаетъ, будто Аѳинагоръ былъ начальникомъ александрійской школы: ибо въ такомъ случаѣ непонятно, какимъ образомъ могли бы оставаться въ неизвѣстности творенія столь знаменитаго лица даже для Евсевія? Далѣе, Климентъ александрійскій былъ не учителемъ, а ученикомъ Пантена: объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ Евсевій (Ц. Ист. кн. 5. гл. 10) и Фотій (Cod. CIX).

Самъ апологетъ въ началѣ своего сочиненія *о воскресеніи мертвыхъ* свидѣтельствуетъ, что онъ написалъ не мало сочиненій, доставившихъ ему почетное имя философа; но изъ всѣхъ ихъ до насъ дошли только два: *апологія* и трактатъ *о воскресеніи мертвыхъ.*

Апологія есть лучшее произведеніе Аѳинагора. Она представлена была Марку Аврелію и сыну его Коммоду, а не Луцію Веру. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ самой апологіи. Такъ, Аѳинагоръ (гл. 37) говоритъ: «Кто съ большею справедливостію можетъ получить просимое, какъ не мы, ко-

торые молимся о вашей власти, чтобы *сынъ наслѣдовалъ отцу по праву царствованія*»... Выраженіе: «чтобы сынъ наслѣдовалъ отцу», никакъ не можетъ относиться къ Марку Аврелію и Луцію Веру: они оба были усыновлены Антониномъ, и ни одинъ изъ нихъ не могъ быть отцемъ другаго. Далѣе, въ той же апологіи Аѳинагоръ, желая сколько-нибудь приблизить къ разумѣнію язычниковъ величайшую тайну пребыванія Сына въ Отцѣ, употребляетъ весьма удачное сравненіе, указавъ не плотское происхожденіе сына царскаго отъ царя Но это сравненіе не имѣло бы никакого смысла, если бы эти самыя слова были обращены къ Марку Аврелію и Луцію Веру, двумъ братьямъ, чего, конечно, не могъ не знать Аѳинагоръ. Время написанія апологіи 166 или 177 годъ. Прежде этого времени не было даже и повода къ ея появленію, ибо, по свидѣтельству исторіи, во все царствованіе Марка Аврелія гоненіе на христіанъ существовало въ эти два года. Не лишенъ интереса и тотъ вопросъ, какъ могъ Аѳинагоръ представить свою апологію римскому императору? Самый удобный для этого случай былъ, вѣроятно, тотъ, что въ 176 году Аврелій предпринималъ путешествіе въ Грецію Сирію и Египетъ. Аѳинагоръ *аѳинянинъ* имѣлъ возможность представить свою апологію *въ Аѳинахъ*. Съ другой стороны, благочестивая, пламенная ревность о благѣ единовѣрныхъ могла подвигнуть мужественнаго апологета предпринять нелегкое путешествіе и въ самый Римъ. Но что апологія *дѣйствительно* была представлена императорамъ, а не написана только въ формѣ защитительной: въ этомъ удостовѣряютъ насъ первыя же почти строки апологіи, гдѣ апологетъ обращается къ правителямъ, и потомъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ прямо или косвенно авторъ относится къ нимъ съ тѣми похвалами, которыя онъ могъ позволить себѣ, не нарушая долга справедливости...

Вся апологія состоитъ: изъ вступленія и опроверженія взводимыхъ на христіанъ обвиненій. Во вступленіи апологетъ, послѣ обращенія къ императорамъ, изображаетъ бѣдственное положеніе своихъ единовѣрцевъ, невинно гонимыхъ при тѣхъ самыхъ государяхъ, которые отличаются мудрою вѣротерпимостію —большею частію за одно имя христіанина. Вслѣдъ за тѣмъ, Аѳинагоръ опровергаетъ обвиненіе въ безбожіи, и съ этою цѣлію приводитъ, въ главныхъ чертахъ, христіанское исповѣданіе вѣры, показывая, что христіане признаютъ единаго Бога, верховнаго Творца вселенной, троичнаго въ лицахъ. Философы и поэты, которые только догадочно признавали единство Божіе, не были почитаемы безбожниками: тѣмъ менѣе можно обвинять въ этомъ христіанъ, которые свое ученіе основываютъ на свидѣтельствѣ пророковъ. Тяжкимъ обвиненіемъ также падало на христіанъ то, что они, удаляясь безстыдныхъ сборищъ языческихъ, тайно составляли свои собранія, о которыхъ народная молва разносила самые безобразные толки... Апологетъ, строго храня законъ церкви не посвящать чуждыхъ въ тайны христіанской дисциплины, открываетъ, однакожь, сколько находитъ нужнымъ для своей цѣли, внутреннюю сторону христіанской жизни своихъ единовѣрцевъ.

Сближая апологію Аѳинагора съ такимъ же произведеніемъ другаго знаменитаго христіанскаго писателя Іустина, мы находимъ нѣсколько весьма сходныхъ положеній, высказываемыхъ ими обоими. Такъ, оба единогласно и открыто свидѣтельствуютъ, что христіанъ обвиняютъ за одно только имя; тотъ и другой требуютъ отъ правителей суда для христіанъ равномѣрнаго для римскихъ подданныхъ всѣхъ вѣроисповѣданій; источникъ ненависти язычниковъ къ христіанамъ и гоненія первыхъ на послѣднихъ, по убѣжденію обоихъ апологетовъ скрывается въ вѣчной, непримиримой враждѣ порока

къ добродѣтели, необыкновенное мужество христіанъ среди мученій, изумлявшее самихъ мучителей, и тотъ и другой апологеть объясняютъ непреоборимою надеждою христіанъ на Бога, и непоколебимою увѣренностію въ блаженной вѣчной жизни загробной; видимъ также, большое сходство въ нѣкоторыхъ *личныхъ* мнѣніяхъ Іустина и Аѳинагора, напр. касательно христіанскаго ученія о паденіи ангеловъ. Но нельзя не видѣть и разницы въ твореніяхъ этихъ двухъ писателей. Стремясь къ одной цѣли, они шли не однимъ путемъ. Аѳинагоръ, сравнительно съ св. Іустиномъ, очень мало приводитъ свидѣтельствъ изъ свящ. книгъ пророческихъ, а старается путемъ строгаго, безпристрастнаго разсужденія довести образованныхъ читателей своихъ до убѣжденія въ тщетѣ языческаго вѣрованія. Также собственными словами языческихъ философовъ и поэтовъ, хорошо извѣстными судіямъ и правителямъ, онъ старается представить справедливыми многія мнѣнія христіанскія и нелѣпыми — многія убѣжденія языческія. Отъ такого направленія всего сочиненія произошла и другая внѣшняя особенность. Въ рѣчи Аѳинагора слышится образованный, разборчивый въ словахъ ораторъ, старающійся подѣйствовать сколько на умъ своихъ читателей—силою мысли, столько же и на ихъ слухъ—гармоніею и пріятностію рѣчи; слышится ораторъ, хорошо знающій тѣ пріемы, которые указывало древнее словесное искусство своимъ адептамъ для снисканія благоволенія своихъ слушателей или читателей.

Другое произведеніе Аѳинагора содержитъ въ себѣ раскрытіе той величайшей истины, что смерть есть конецъ — мученій, а не бытія человѣческаго, и что будетъ время, когда всѣ воскреснутъ, будутъ жить вѣчно, съ тѣлами. Авторъ сперва устраняетъ сомнѣнія и опровергаетъ возраженія, какія представлялись въ его время и со стороны враговъ хри-

стіанскаго ученія о воскресеніи, и какія раждались въ душѣ самихъ вѣрующихъ. И послѣ этого, уже положительно раскрываетъ истину воскресенія тѣлъ, указывая на *цѣль*, для которой сотворенъ человѣкъ, на его *природу* и, наконецъ, на необходимость должнаго *возмездія* за добрыя и худыя дѣла, котораго, однакожь, въ *настоящей* жизни мы не видимъ Но это возможно только при томъ условіи, если души умершихъ опять соединятся съ тѣлами, т. е. по *воскресеніи*. Имѣя въ виду цѣль, съ которою и побужденіе, по которому написанъ трактатъ о воскресеніи, можно думать, что весьма невеликъ былъ промежутокъ *времени*, отдѣлявшій появленіе въ свѣтъ представляемыхъ нами въ переводѣ двухъ произведеній Аѳинагора, хотя и нельзя съ точностію опредѣлить годъ написанія.

Подлинность апологіи и трактата «о воскресеніи» не подвергалась сомнѣнію. Оба эти произведенія сохранились до нашего времени въ нѣсколькихъ манускриптахъ — частію отдѣльно, частію въ составѣ съ сочиненіями другихъ писателей, напр. Іустина. Въ томъ же видѣ они были издаваемы и въ свѣтъ: иногда на двухъ языкахъ — греческомъ и латинскомъ, иногда на которомъ-нибудь однимъ изъ нихъ. (*)

Вл. Ловягинъ.

(*) Новѣйшія изданія сочиненій Аѳинагора помѣщены въ 6 т. Cursus Compl. Patrol. ser-graec. и въ Corpus apolog. *Otto*. На русскій языкъ была переведена только апологія (въ Христ. Чтеніи 1843 г.) и то съ большими сокращеніями.

АѲИНАГОРА

АѲИНЯНИНА ФИЛОСОФА ХРИСТІАНСКАГО ПРОШЕНІЕ О ХРИСТІАНАХЪ.

Марку Аврелію Антонину, и Люцію, Аврелію Коммоду, самодержцамъ армянскимъ, сарматскимъ, и, что всего выше-философамъ.

1. Великіе Государи! Въ вашей имперіи народы держатся разныхъ обычаевъ и законовъ, и никому изъ нихъ не возбраняется закономъ и страхомъ наказанія слѣдовать отечественнымъ постановленіямъ, какъ бы ни были они смѣшсиы. Троянецъ называетъ Богомъ Гектора и покланяется Елнѣ, почитая ее Адрастіею, лакедемонянинъ боготворитъ Агамемнома-Зевса и Филоною, дочь Тиндара; житель Тинедоса—Теннеса; аѳинянинъ приносигъ жертвы Ерехѳею-Посидону, в въ тоже время аѳиняне совершаютъ обряды и мистеріи въ честь Аграулы и Пандросы (1), хотя онѣ призваны не-

(1) Аграула и Пандроса—дочери Кекропса, которымъ Аѳина передала Эрехѳея младенца, до половины имѣвшаго видъ змѣи, въ ящикѣ съ запрещеніемъ открывать его. Когда онѣ открыли его, увидѣли дитя, обвитое змѣею (или дитя въ видѣ змѣи) и были ею умерщвлены.

честивыми за то, что открыли ящикъ. Однимъ словомъ, у всѣхъ племенъ и народовъ люди совершаютъ жертвоприношенія и мистеріи. какія имъ угодны. А египтяне признаютъ за боговъ кошекъ, крокодиловъ, змѣй, аспидовъ, собакъ. И ко всѣмъ имъ снисходите и вы и законы, въ той мысли, что нечестиво и беззаконно совершенно не признавать Бога, и необходимо, чтобы каждый почиталъ боговъ какихъ ему угодно, дабы люди страхомъ божества удерживались отъ преступленій. А насъ ненавидите за одно имя ([2])? Не обманывайтесь молвою, подобно толпѣ, — ибо не имя достойно ненависти, а преступленіе—суда и наказанія. Потому-то всѣ прославляютъ вашу кротость, милосердіе, снисхожденіе ко всякому и человѣколюбіе; каждый пользуется одинаковыми правами, города же пользуются честію, сообразно съ своимъ достоинствомъ, и вся имперія по вашей мудрости наслаждается глубокимъ миромъ. Только намъ, называющимся христіанами, вы не оказываете вашего вниманія, и даже позволяете гнать, притѣснять и мучить насъ, тогда какъ мы не дѣлаемъ ничего худаго, и какъ будетъ доказано дальше въ рѣчи, преимущественно предъ всѣми питаемъ самыя святыя достодолжныя расположенія къ божеству и вашей власти ([3]), и все это за одно имя, которое вооружаетъ противъ насъ толпу. Я осмѣлился раскрыть предъ вами ваше положеніе, чтобы изъ этой рѣчи вы узнали, что мы страдаемъ вопреки справедливости, вопреки всякому закону и здравому разуму,—и умоляю васъ обратить сколько-нибудь вниманія и на насъ, чтобы, наконецъ, клеветники

([2]) Т. е. христіанъ.

([3]) Сн. Іуст 1 апол. 17, Тертулл. ad Scapul. с 2

перестали подвергать насъ смерти. Ибо не въ томъ дѣло, что враги наши посягаютъ на нашу честь или отнимаютъ у насъ какое-либо другое большее благо, — мы презираемъ эти блага, хотя для многихъ они кажутся достойными заботъ, такъ какъ мы научены не только бьющему не воздавать тѣмъ же и не судиться съ тѣми, кто нападаетъ на насъ и грабитъ, но и подставлять для удара другую часть головы тѣмъ, кто ударитъ по щекѣ, и отдавать и верхнее платье тѣмъ, кто отниметъ нижнее (4) Но когда отдадимъ деньги, хотятъ лишить насъ самой жизни, взводя на насъ множество преступленій, которыя и не приходили намъ даже и на мысль, но скорѣе свойственны клеветникамъ нашимъ и имъ подобнымъ.

2. Конечно, если кто можетъ обличить насъ въ великомъ или маломъ преступленіи, мы не просимъ избавить насъ отъ наказанія, но признаемъ справедливымъ нести наказаніе, какъ бы ни было оно сильно и жестоко. Но если обвиненіе основывается на одномъ имени, — ибо что до сегодня говорятъ объ насъ, есть пустая и неразумная людская молва, и ни одинъ христіанинъ не былъ обличенъ въ преступленіи, — то долгъ вашъ, величайшіе, человѣколюбивые и мудрѣйшіе государи, закономъ оградить насъ отъ обидъ, дабы, какъ во всей имперіи каждый порознь и цѣлые города пользуются вашими благодѣяніями, и мы могли благодарить васъ и похвалиться тѣмъ, что избавились отъ клеветъ. Ибо несообразно съ вашимъ правосудіемъ, чтобы между тѣмъ какъ прочіе, обвиняемые въ преступленіи, не подвергаются наказанію прежде дознанія ихъ вины, — въ отношеніи къ намъ имя больше значило, нежели судебныя ули-

(4) См. Мѳ. V, 39; сн. Лук. VI, 39.

ки, потому что судьи не изслѣдуютъ, сдѣлалъ ли подсудимый какое-нибудь преступленіе, но ставятъ въ вину самое имя, какъ преступленіе. Между тѣмъ имя само по себѣ не считается ни хорошимъ, ни худымъ, а оказывается дурнымъ или добрымъ по худымъ или добрымъ дѣламъ, которыя подразумѣваются подъ нимъ. Вы сами лучше знаете это, какъ занимавшіеся философіей и всякаго рода ученостію. Поэтому тѣ, которые призываются къ суду у васъ, хотя бы ихъ обвиняли въ величайшихъ преступленіяхъ, бываютъ благодушны, зная, что вы будете изслѣдовать жизнь ихъ, и не обратите вниманія ни на имена ихъ, если они ничего не значатъ, ни на обвиненія въ преступленіяхъ, если они ложны, они законнымъ порядкомъ получаютъ приговоръ, осуждающій или оправдывающій. Этого-то принадлежащаго всѣмъ права просимъ и мы, чтобы не преслѣдовали насъ ненавистью и не наказывали за то что мы называемся христіанами, — ибо какое отношеніе нашего имени къ преступленію? но пусть судятъ насъ по тому дѣлу, за которое кто-нибудь позоветъ на судъ, и либо отпускали насъ, когда оправдаемся отъ обвиненія, либо подвергали наказанію, если доказано наше преступленіе,— не за имя, потому что нѣтъ ни одного христіанина-преступника, если только онъ нелицемѣрно держится этого ученія, а за преступленіе. Такъ, мы видимъ, судятся и философы (5). Ни одинъ изъ нихъ прежде судебнаго изслѣдованія не считается у судьи за добраго или худаго только по его наукѣ или занятію, но если кто изъ нихъ окажется виновнымъ въ преступленіи, то подвергается наказанію, не навлекая на самую философію никакого нареканія,—ибо онъ

(5) Такое же доказательство встрѣчается у Іустина (апол. 1. гл. 4) Тертуллиана (Apol. с 46)

виновенъ, какъ не истинный философъ, а наука невинна,— если же оправдается отъ обвиненій, то отпускается. Пусть поступаютъ также и съ нами: пусть изслѣдуется жизнь обвиняемыхъ, а имя останется свободнымъ отъ всякаго обвиненія. Но, начиная защищать свое ученіе, считаю необходимымъ просить васъ, величайшіе самодержцы, выслушать безпристрастно и безъ предъубѣжденія, не увлекаясь народною и неразумною молвою, но обратить и на наше ученіе свойственную вамъ любовь къ знанію и истинѣ. Тогда и вы не погрѣшите по невѣдѣнію, и мы, освободясь отъ безразсудной молвы толпы, успокоимся отъ преслѣдованій.

3. Насъ обвиняютъ въ трехъ преступленіяхъ: въ безбожіи, въ яденіи человѣческаго мяса, подобно Тіесту, въ гнусныхъ кровосмѣшеніяхъ Эдиповскихъ. Но если это правда не щадите никакого пола и возраста, наказывайте безъ мѣры преступленія, совершенно истребите насъ съ женами и дѣтьми, если кто-нибудь изъ христіанъ живетъ на подобіе звѣрей. Да и звѣри не питаются животными однородными себѣ; они совокупляются по закону природы и въ одно опредѣленное для дѣторожденія время, а не по неистовой похоти, и бываютъ признательны къ тѣмъ, кто благодѣтельствуетъ имъ (6). Если же кто неистовѣе самыхъ звѣрей, то за такія преступленія какое наказаніе онъ понесетъ, которое было бы достойнымъ возмездіемъ его преступности? Если же это вымыслъ и пустыя клеветы,—естественное слѣдствіе того, что порокъ противоположенъ добродѣтели, и по закону божескому противное возстаетъ на противное;—если мы ничего такого преступнаго не дѣлаемъ, что вы сами

(6) Это указаніе на дѣйствія животныхъ соотвѣтствуетъ тремъ обвиненіямъ взводившимся на христіанъ—въ яденіи подобныхъ себѣ, незаконныхъ совокупленіяхъ и въ безбожіи.

свидѣтельствуете, запретивъ доносы (7): то вамъ остается изслѣдовать нашу жизнь, ученіе, доброе расположеніе къ вамъ, вашему дому и власти и наше повиновеніе.— и такимъ образомъ, наконецъ, даровать намъ права, хоть одинаковыя съ нашими гонителями. Тогда мы побѣдимъ ихъ, будучи готовы и жизнь свою отдать за истину.

4. Итакъ, я буду отвѣчать на каждое изъ обвиненій, дабы не было смѣшнымъ оставить безъ опроверженія тѣхъ, которые высказываютъ ихъ. Что касается до обвиненія въ безбожіи, напрасно взводимаго на насъ, то аѳиняне справедливо обвинили въ безбожіи Діагора, который не только сдѣлалъ общеизвѣстнымъ орфическое ученіе и разглашалъ между народомъ елевсинскія и кабирскія таинства и разрушилъ деревянную статую Геркулеса, чтобы сварить рѣпу, но и открыто проповѣдывалъ, что вовсе нѣтъ Бога. А намъ, которые отличаемъ Бога отъ матеріи, и учимъ, что иное вещество, и иное Богъ, и что между ними величайшее разстояніе,—ибо Богъ не сотворенъ и вѣченъ, и можетъ быть постигаемъ только умомъ и мыслію, а матерія сотворена и тлѣнна, — справедливо ли дается названіе безбожниковъ? Еслибы мы, имѣя столько основаній къ богопочтенію, — благочиніе, гармонію во всемъ, величіе, красоту, стройность міра, мыслили подобно Діагору: тогда справедливо почитали бы насъ безбожниками, и имѣли бы причину преслѣдовать насъ. Но такъ какъ наше ученіе признаетъ единаго Бога, творца этой вселенной, Который Самъ не сотворенъ, ибо сущее не получаетъ бытіе, а только не сущее,—но все

(7) Разумѣются указы императоровъ Адріана (см 1 апол. Іустина гл. 68), Антонина благочестиваго (у Евсев. IV, 26) и самого Марка Аврелія, о которомъ см у Тертулл apolog. с 5.

сотворилъ Словомъ Своимъ: то мы напрасно терпимъ то и другое—и худую молву и преслѣдованіе.

5. Поэты и философы, любомудрствовавшіе о Богѣ, не казались безбожниками. Такъ, Эврипидъ, сомнѣваясь въ бытіи тѣхъ, которые по общему предразсудку несправедливо называются богами, говоритъ:

«Если есть Зевсъ на небѣ, то онъ не долженъ бы человѣка дѣлать несчастнымъ»

А о Богѣ, который постигается мыслію, онъ же согласно съ разумомъ учитъ:

Видишь ли ты Вышняго, который и эѳиръ безпредѣльный и землю объемлетъ вокругъ властными дланями? Его Зевсомъ называй и почитай Богомъ.

Онъ не зналъ природы тѣхъ боговъ, которымъ обыкновенно давались имена:

«Зевса.. Кто этотъ Зевсъ, я не знаю развѣ по названію» (8)

И не видѣлъ, на какомъ основаніи давались имъ самыя имена. Ибо къ чему служатъ названія для тѣхъ предметовъ, сущность которыхъ не существуетъ? Бога же (невидимаго) онъ познавалъ изъ дѣлъ, разсматривая явленія воздуха, эѳира и земли и возвышаясь къ сокровенному. Онъ понималъ, что Тотъ есть Богъ, Кто сотворилъ всѣ вещи и Духомъ Своимъ управляетъ ими, и утверждалъ и различіе Бога отъ вещей и вмѣстѣ Его единство. Съ нимъ согласенъ и Софоклъ, который относительно природы божественной, преисполнившей красотою дѣла свои говоритъ, что «Единъ по истинѣ, единъ есть Богъ, сотворившій небо и пространную землю» (9).

(8) См. этотъ стихъ въ припис. Іустину соч. О единовласт. гл 5.

(9) См въ приписываемыхъ Іустину Увѣщаніи къ эллин. гл 18 и О единовластительствѣ гл. 2.

6. И Филолай говоря, что все содержится Богомъ, какъ бы въ крѣпости, показываетъ и единство Его и превосходство надъ матеріею. Также Лисій и Опсимъ ([10]),—одинъ изъ нихъ называетъ Бога невыразимымъ числомъ, а другой избыткомъ самаго большаго изъ чиселъ предъ ближайшимъ. Такъ, если десять есть самое большое число, какъ думаютъ пиѳагорейцы, потому что оно четверочастное и содержитъ въ себѣ всѣ отношенія числа и гармоніи ([11]), а девять есть ближайшее къ нему: то Богъ есть единица, т. е. Онъ единъ; ибо высшее число только единицею превосходитъ ближайшее къ нему меньшее. Также Платонъ и Аристотель. Впрочемъ, приводя слова этихъ философовъ о Богѣ, я не намѣренъ подробно излагать ихъ ученіе; ибо знаю, что на сколько вы превосходите всѣхъ мудростію и силою власти, на столько возвышаетесь надъ всѣми и основательнымъ изученіемъ всякаго знанія, усвоивши каждую отрасль учености такъ, какъ не усвоили себѣ другіе, занимающіеся только одною отраслію. Но такъ какъ безъ приведенія именъ философовъ невозможно показать, что не одни мы почитаемъ Бога единымъ: то я и обратился къ ихъ мнѣніямъ. Итакъ, Платонъ говоритъ: «Зиждителя и отца всего и найдти не легко и нашедши возвѣстить Его всѣмъ невозможно» ([12]), разумѣя здѣсь единаго и вѣчнаго Бога. Хотя онъ признаетъ и другихъ боговъ, напр. солнце, луну и звѣзды: но признаетъ ихъ сотворенными. «Боги боговъ, которыхъ я создатель и отецъ твореній, которыя не могутъ разрушиться безъ моей воли;

([10]) Лисій и Опсимъ—послѣдователи Пиѳагора, о которыхъ упоминаетъ Ямвлихъ (Vit. Pythag. с. 36).

([11]) Число десять называется четверочастнымъ, потому что *одинъ, два, трп и четыре*, будучи сложены, составляютъ десять.

([12]) См. въ Тимеѣ, сн. Іустина II Апол. гл. 10.

а все связанное можетъ разрѣшиться.» Итакъ, если не безбожникъ Платонъ, который признаетъ единаго Творца вселенной, несотвореннаго Бога: то не безбожники и мы, которые признаемъ и почитаемъ Бога, Который все сотворилъ Словомъ и все содержитъ Духомъ Своимъ. Аристотель и его послѣдователи, признавая Бога единаго, представляютъ Его въ видѣ какого-то сложнаго животнаго, состоящаго изъ души и тѣла; тѣломъ его почитаютъ эѳиръ, блуждающія звѣзды и сферу неподвижныхъ звѣздъ, которыя двигаются кругообразно; а душею разумъ, который управляетъ движеніемъ тѣла, и самъ въ себѣ не движимый, служитъ причиною его движенія. Стоики, хотя допускаютъ много наименованій божества, соотвѣтственно различнымъ измѣненіямъ матеріи, въ которой, по ихъ мнѣнію, пребываетъ духъ Божій, но на самомъ дѣлѣ признаютъ единаго Бога. Ибо если Богъ есть художественный огонь ([13]), проходящій въ произведеніяхъ міра и заключающій въ себѣ первоначальныя основанія, по которымъ все происходитъ съ необходимостію; и если духъ Его проникаетъ весь міръ: то, по ихъ мнѣнію, единъ Богъ, который называется Зевсомъ по огненной (τοζέον) части вещества, Гера ([14]) по воздуху (ἀέρα), и другими именами, соотвѣтственно каждой части матеріи, которую онъ проникаетъ.

7. Итакъ, если всѣ вникавшіе въ начала вселенной, хотя по большей части невольно, согласны въ томъ, что божество едино; если и мы признаемъ Богомъ того, кто устроилъ этотъ міръ: то почему же тѣмъ позволено безнаказанно

([13]) Т. е. отличный отъ огня обыкновеннаго, естественнаго, — такой, который все дѣлаетъ разумно, мѣрою, вѣсомъ и числомъ.

([14]) Или—Юнона.

и говорить и писать о божествѣ, что̀ хотятъ, а намъ запрещено это закономъ, хотя мы можемъ подтвердить истинными свидѣтельствами и доказательствами то, что мы думаемъ и во что правильно вѣруемъ, именно, что Богъ единъ. Поэты и философы догадочно касались этого предмета, какъ и другихъ, по сродству духа своего съ божественнымъ, движимые каждый своею душею испытать, не удастся ли ему найдти и познать истину. Но въ нихъ не оказалось столько способности, чтобы постигнуть истину, потому что думали пріобрѣсти познаніе о Богѣ не отъ Бога, а каждый самъ собою; посему каждый изъ нихъ различно училъ и о Богѣ, и о матеріи, и о формахъ, и о мірѣ. А что̀ мы знаемъ и во что вѣруемъ, въ томъ имѣемъ свидѣтелями пророковъ, которые по вдохновенію отъ божественнаго Духа возвѣщали и о Богѣ и о вещахъ божественныхъ. Конечно, и вы, возвышаясь надъ прочими мудростію и благоговѣніемъ къ истинно божественному, — согласитесь, какъ неразумно отказаться отъ вѣры Духу Божію, который двигалъ устами пророковъ, какъ инструментами ([15]), и обратиться къ мнѣніямъ человѣческимъ.

8. Что отъ начала единъ есть Богъ Творецъ всего, это вы увидите изъ слѣдующихъ соображеній, которыя составляютъ разумное оправданіе нашей вѣры. Если отъ начала было два бога или многіе: то они находились или въ одномъ и томъ же мѣстѣ, или каждый въ своемъ собственномъ. Но въ одномъ и томъ же мѣстѣ быть они не могли. Ибо если они боги, то не подобны другъ другу; но они

([15]) Сн. гл. 9. Такимъ подобіемъ для изъясненія божественнаго вдохновенія пользовались и другіе отцы: Увѣщаніе къ эллин. гл. 8, Θеоф. къ Автол. II, 9, Клим. Strom. VI, 18; Макар. бесѣд. 47, гл. 14.

не подобны, потому что безначальны: всѣ существа, имѣющія начало, подобны своимъ образцамъ; а безначальныя существа не подобны, потому что не произошли отъ кого другаго или по какому-нибудь образцу. Но скажутъ, что они составляютъ изъ себя одного и Богъ одинъ также, какъ рука и глазъ и нога суть части одного тѣла? Такъ, еслибы дѣло шло о человѣкѣ, напр. о Сократѣ, такъ какъ онъ рожденъ и подверженъ тлѣнію, состоитъ изъ частей и можетъ быть раздѣленъ на части: а Богъ, какъ безначальный, безстрастный и нераздѣлимый, конечно, не состоитъ изъ частей. Если же каждый изъ нихъ существуетъ отдѣльно, а Богъ Творецъ міра находится выше сотвореннаго и окрестъ всего, что Онъ сотворилъ и устроилъ: то гдѣ будетъ другой богъ, гдѣ прочіе? Ибо если міръ, имѣя круглую форму, замыкается небесными кругами, а Творецъ міра обитаетъ надъ твореніемъ, управляя имъ посредствомъ своего промышленія, то гдѣ будетъ мѣсто другаго бога или прочихъ боговъ? Его нѣтъ въ мірѣ, который принадлежитъ другому, нѣтъ и окрестъ міра, ибо и надъ нимъ Богъ, Творецъ міра. Если же его нѣтъ ни въ мірѣ, ни окрестъ міра, такъ какъ все, что около міра, объемлется тѣмъ же Богомъ,—то гдѣ же оно? Выше міра и Бога? Въ другомъ мірѣ или окрестъ другаго? Но если въ другомъ мірѣ или около него: то онъ уже не около насъ, ибо онъ не владычествуетъ надъ міромъ, и самъ не великъ могуществомъ, ибо онъ пребываетъ въ ограниченномъ мѣстѣ. Если же этого мѣста нѣтъ и въ другомъ мірѣ, ибо Богъ Творецъ все наполняетъ, ни окрестъ другаго, ибо все Имъ объемлется: то и его самого нѣтъ, какъ нѣтъ мѣста, въ которомъ бы онъ обиталъ. И что дѣлаетъ онъ, когда есть другой Богъ,

которому принадлежитъ этотъ міръ, и самъ онъ обитая выше Творца міра, не находится ни въ мірѣ, ни окрестъ міра? Развѣ есть какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ бы пребывалъ онъ? Но надъ нимъ Богъ и все Божіе. Какое можетъ быть мѣсто, когда Богъ Творецъ наполняетъ все надъ міромъ? Промышляетъ ли онъ? Если не промышляетъ, то ничего не сотворилъ. Если же онъ ничего не творитъ и не промышляетъ; если нѣтъ никакого другаго мѣста, гдѣ бы онъ находился: то есть только этотъ изначальный и единый Богъ Творецъ міра.

9. Еслибы мы основывались на такихъ только умствованіяхъ: то иному показалось бы наше ученіе человѣческимъ, но наши умозаключенія подтверждаются свидѣтельствами пророковъ. Думаю, что и вамъ, какъ любознательнѣйшимъ и ученѣйшимъ не безызвѣстны писанія Моисея или Исаіи и Іереміи и прочихъ пророковъ, которые въ изступленіи ума своего ([16]) движимые Духомъ Божіимъ, возвѣщали то, что имъ было внушаемо, ибо Духъ употреблялъ ихъ также, какъ музыкантъ надуваетъ флейту. Что же они? «Господь Богъ нашъ, —говорятъ они,—никто другой не сравнится съ Нимъ» ([17]). И еще: «Я Богъ первый и послѣдній: и кромѣ Меня нѣтъ Бога.» Также: «прежде Меня не было инаго Бога, и по Мнѣ не будетъ. Я Богъ, и нѣтъ кромѣ Меня» ([18]). И о величіи Божіемъ: «небо престолъ Мой, земля же подножіе ногъ Моихъ: какой домъ соорудите Мнѣ? или какое есть мѣсто покоя Моего» ([19]). Впрочемъ предоставляю вамъ про-

([16]) Κατ' ἔκστασιν; подобное выраженіе встрѣчается у Іустина (Раз. съ Триф. гл. 115· ἐν εκστάσει), и Тертулліана (adv. Marc. IV, с 22)

([17]) Исход. XX, 2—3.

([18]) Исаіи XLIV, 6, XLIII, 10—11.

([19]) Исаія LXVI, 1

читать самыя книги, и тщательно изслѣдовать въ нихъ заключающіяся пророчества, чтобы, по надлежащемъ обсужденіи, вы могли отвратить гоненія на насъ.

10. Я достаточно доказалъ, что мы не безбожники, когда признаемъ единаго Бога безначальнаго, вѣчнаго, невидимаго и безстрастнаго, необъятнаго и неизмѣримаго, постигаемаго однимъ умомъ и разумомъ, преисполненнаго свѣтомъ и красотою, духомъ и неизреченною силою, Который словомъ Своимъ все сотворилъ и устроилъ, и все содержитъ. Мы также признаемъ и Сына Божія: и никому да не покажется смѣшнымъ, что у Бога есть Сынъ. Ибо мы представляемъ Бога Отца и Сына не такъ, какъ баснословятъ поэты, у которыхъ боги нисколько не лучше людей ([20]). Сынъ Божій есть Слово Отца, какъ Его идея и какъ дѣйственная сила ([21]), ибо по Нему и чрезъ Него все сотворено, потому что Отецъ и Сынъ суть одно. А такъ какъ Сынъ въ Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ, по единству и силѣ духа ([22]), то Сынъ Божій—умъ и слово Отца. Если вамъ по превосходному разумѣнію вашему желательно знать, что̀ такое Сынъ;

([20]) Сн. Іуст. I, Апол гл. 4, Рѣчь къ эллин. гл. 1—4, Увѣщ. къ эллин. гл. 2, О единовл гл 6, Татіана Рѣчь къ эллин. гл. 8.

([21]) Ἐν ἰδέᾳ καὶ ἐνεργείᾳ. Эти слова поясняются дальнѣйшими: ибо по Нему (πρὸς αὐτοῦ καὶ δι᾽ αὐτοῦ) все сотворено.» Сынъ Божій есть Слово (λογος), или Разумъ, 1) (въ идеальномъ смыслѣ) какъ первообразная идея или образецъ, такъ какъ все сотворено сообразно съ Нимъ; 2) (въ реальномъ смыслѣ) какъ дѣйствующая сила, ибо все получило бытіе чрезъ Него, — Онь есть и Первообразъ всѣхъ вещей и Начало ихъ дѣйствительнаго бытія

([22]) Здѣсь именемъ духа означается не лице Св. Духа, но духовная природа Отца и Сына и общая имъ божеская сущность. Подобное встрѣчается кромѣ Аѳинагора, и у другихъ писателей церковныхъ. См. Іустина I Апол. гл. 33, Татіан. Рѣчь къ эллин. гл. 7, Ѳеофил. къ Автол. II, 10, Тертулл adv. Marc. III, 16: Spiritus Creatoris, qui est Christus, Apolog c. 21, adv. Hermog. c. 18.

то я скажу кратко: Онъ есть первое рожденіе Отца, не такъ, чтобы оно получило бытіе во времени, — ибо Богъ, какъ вѣчный умъ и вѣчно словесное (λογικός) существо искони имѣлъ въ Себѣ Самомъ слово (λόγος), но Онъ произшелъ отъ Него для того, чтобы быть идеею и дѣйственною силою для всѣхъ матеріальныхъ вещей, которыя находились въ видѣ безкачественной природы и недѣйственной земли,—легчайшія частицы были смѣшаны съ тяжелѣйшими. Наши слова подтверждаетъ и Духъ пророчественный: «Господь создалъ Меня какъ начало путей своихъ въ дѣла Свои» ([23]). Утверждаемъ, что и этотъ самый Духъ Святый, дѣйствующій въ пророкахъ, исходитъ отъ Бога, подобно лучу солнечному, истекая изъ Него и возвращаясь къ Нему. Итакъ, кто послѣ сего не удивится, услышавъ, что называютъ безбожниками тѣхъ, которые исповѣдуютъ Бога Отца и Бога Сына и Духа Святаго и признаютъ ихъ единство въ силѣ ([24]) и различіе въ порядкѣ? Впрочемъ этимъ не ограничивается наше богословское ученіе: но мы признаемъ и множество ангеловъ и служителей, которыхъ Творецъ и Зиждитель міра Богъ чрезъ Свое Слово поставилъ и распредѣлилъ управлять стихіями и небесами и міромъ, и всѣмъ, что въ немъ, и благоустройствомъ ихъ.

11. Не удивляйтесь, что я подробно излагаю наше ученіе: я хочу, чтобы вы не увлекались общимъ безразсуднымъ мнѣніемъ, и могли знать истину. И самыми правилами, которыми мы руководствуемся, правилами, которыя не отъ человѣка происходятъ, но изречены и преподаны Богомъ, мы

([23]) Притч. VIII, 22. Св. Іустинъ также относитъ это мѣсто Писанія къ Слову какъ зиждительному началу міра. Разг. съ Триф. гл. 61.

([24]) Точнѣе: «силу въ единствѣ (εν τῇ ἑνώσει δυναμιν).

можемъ убѣдить васъ, не почитать насъ за безбожниковъ. Какія же эти правила, въ которыхъ мы воспитываемся? «Говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, молитеся за гонящихъ васъ: да будете сынами Отца вашего, Который на небесахъ, Который повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и благими и посылаетъ дождь на праведныхъ и на неправедныхъ» ([25]). Здѣсь позвольте мнѣ, какъ защищающему дѣло предъ царями-философами, возвысить голосъ и смѣло во всеуслышаніе сказать: между тѣми, которые разбираютъ силлогизмы, разрѣшаютъ обоюдности, показываютъ происхожденіе словъ, или объясняютъ слова подобозначущія и однозначущія, и категоріи и аксіомы, что̀ такое подлежащее, и что̀ такое сказуемое, и которые обѣщаютъ такими и подобными рѣчами сдѣлать слушателей счастливыми; есть ли между ними столь очистившіееся въ душѣ, чтобы не только не ненавидѣли враговъ, но и любили ихъ; не только не злословили тѣхъ, которые напередъ злословили ихъ, — это еще не такъ важно,—но и благословляли и молились за тѣхъ, которые злоумышляютъ на ихъ жизнь? Напротивъ, они постоянно заняты изысканіемъ этихъ тонкостей съ злымъ намѣреніемъ, и всегда стараются сдѣлать какое нибудь зло, считая дѣломъ своимъ искусство въ словахъ, а не доказательство посредствомъ дѣлъ. А у насъ вы найдете людей необразованныхъ, ремесленниковъ и старицъ, которые, правда, не въ состояніи доказать пользу нашего ученія словомъ, но дѣломъ подтверждаютъ его нравственную благотворность. Они не слова затверживаютъ, но совершаютъ добрыя дѣла ([26]);

([25]) Лук. VI, 27. 28, Матѳ. V, 44. 45.

([26]) Подобное см. у Іустина I Апол гл. 16; Увѣщ. къ элл. гл. 35, Татіан. гл. 26. Кипріанъ въ нач. своей книги О благѣ терпѣнія говоритъ: «мы философы не на словахъ, а въ дѣйствіяхъ, ...non loquimur magna, sed vivimus, тоже у Минуція Фел. Octav. c. 38. § 8.

не ударяютъ, когда ихъ бьютъ; не жалуются въ судѣ, когда отнимаютъ у нихъ имѣніе; подаютъ нуждающимся, и любятъ ближняго, какъ самихъ себя.

12. Итакъ, стали ли бы мы соблюдать себя въ такой чистотѣ, еслибы мы не признавали, что Богъ бодрствуетъ надъ человѣческимъ родомъ? Конечно, нѣтъ. Но такъ какъ мы вѣруемъ, что отдадимъ отчетъ во всей настоящей жизни Богу, сотворившему и насъ и міръ: то мы избираемъ жизнь воздержную, человѣколюбивую и уничиженную, — зная, что здѣсь не можемъ потерпѣть, хотябы насъ лишали жизни, никакого зла, которое бы сравнялось съ благами, намъ уготованными тамъ отъ Великаго Судіи за кроткую, человѣколюбивую и скромную жизнь. Платонъ сказалъ, что Миносъ и Радаманѳъ будутъ судить и наказывать злыхъ ([27]); а мы говоримъ,—Миносъ ли какой или Радаманѳъ или отецъ ихъ— и онъ не избѣгнетъ суда Божія. Почитаютъ благочестивыми такихъ людей, которые настоящую жизнь полагаютъ въ томъ, чтобъ «ѣсть и пить, ибо утромъ умремъ» ([28]), которые смерть почитаютъ глубокимъ сномъ и забвеніемъ,— сонъ и смерть суть близнецы ([29]), а насъ, людей, которые настоящую жизнь почитаютъ маловажною, которые стремятся къ тому одному, чтобы познать Бога и Его Слово, и какое единеніе Сына съ Отцемъ, какое общеніе Отца съ Сыномъ, что̀ такое Духъ, въ чемъ единство этихъ Существъ и различіе соединенныхъ Духа, Сына и Отца, — которые знаютъ,

---

([27]) Платон. Горгій. Сн. Іуст. I, Апол. гл. 8.

([28]) Исаіи XXII, 13, 1 Кор. XV, 32.

([29]) Эти слова взяты изъ Гомер. Иліад. XVI, 672. Основаніе, почему смерть уподобляется сну, представляетъ самъ Аѳинагоръ въ соч. «О воскресеніи» гл. 16).

что ожидаемая жизнь много выше всякаго выраженія, если только мы перейдемъ туда чистыми отъ всякой неправды, которые до того человѣколюбивы, что любятъ не друзей только: «ибо если любите любящихъ васъ,—говоритъ (Писаніе),—и если взаймы даете тѣмъ, которые даютъ вамъ, какую награду будете имѣть» ([30]),—насъ, когда мы таковы и ведемъ такую жизнь, чтобъ избѣжать осужденія, насъ не считаютъ благочестивыми?... Вотъ малое изъ векикаго и немногое изъ многаго, чтобы не утомить васъ бо́льшимъ. Тѣ, которые испытываютъ медъ или молоко, и по малой части узнаютъ о всемъ, хорошо ли оно.

13. Впрочемъ такъ какъ многіе изъ обвиняющихъ насъ въ безбожіи, которымъ и во снѣ не приснилось познать Бога, по своему невѣжеству и несмыслію въ предметахъ естественныхъ и божественныхъ, измѣряютъ благочестіе числомъ жертвъ, и обвиняютъ насъ въ томъ, что мы не признаемъ тѣхъ же боговъ, какихъ чтутъ ваши города: то прошу васъ, самодержцы, обратите вниманіе на два предмета, и вопервыхъ на то, почему мы не приносимъ жертвъ. Создатель вселенной и Отецъ не имѣетъ нужды ни въ крови, ни въ дымѣ, ни въ благоуханіи цвѣтовъ и куреній, будучи Самъ—совершеннѣйшее благоуханіе и не имѣя недостатка ни въ чемъ внутри или внѣ ([31]). Но для Него самая большая жертва та, если мы знаемъ, Кто распростеръ и окружилъ небеса, и утвердилъ землю на подобіе центра, Кто собралъ воду въ моря и отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, Кто украсилъ

([30]) Лук. VI, 32. 34. Матѳ. V, 46.

([31]) Подобное см. у Іустина I Апол. гл. 9 и 13, Посл. къ Діогн. гл. 3; Тертулл. ad. Scapul. 3, Минуц. Фел. Octav. c. 32, § 2; Ирин. adv. haer. IV, 14, § 3.

эѳиръ звѣздами и повелѣлъ землѣ производить всякія сѣмена, Кто сотворилъ животныхъ и создалъ человѣка. Если мы, признавая Бога Создателемъ, Который все содержитъ и наблюдаетъ вѣдѣніемъ и всеуправляющею мудростію, воздѣваемъ къ небу чистыя руки: то какія еще нужны Ему жертвоприношенія?

И боговъ — приношеніемъ жертвы, обѣтомъ смиреннымъ
Винъ возліяньемъ и дымомъ куреній смягчаетъ и гнѣвныхъ
Смертный молящій, когда онъ предъ ними виновенъ и грѣшенъ (32).

Что мнѣ всесожженія, въ которыхъ Богъ не нуждается? Ему нужно приносить жертву безкровную и служеніе разумное.

14. А что мы не признаемъ и не чтимъ тѣхъ боговъ, какихъ чтутъ ваши города, — это упрекъ совершенно безразсудный. Сами тѣ, которые обвиняютъ насъ въ безбожіи за то, что мы не почитаемъ тѣхъ боговъ, которыхъ они признаютъ, не согласны между собою касательно боговъ. Такъ, аѳиняне признали за боговъ Келея и Метаниру (33), лакедемоняне—Менелая, и ему приносятъ жертвы и совершаютъ празднества; а троянцы, не желая даже слышать это имя, прославляютъ Гектора, жители Кея — Аристея (34), котораго почитаютъ за Зевеса и Аполлона; Ѳасцы (35) —

---

(32) Гомера Ил. IX, 499—501.

(33) Келей и Метанира были родители Триптолема, у которыхъ Церера во время поисковъ дочери своей Прозерпины пользовалась гостепріимствомъ. Ovid. Fast VI. 508.

(34) Κεῖοι — жители Кея (Κέος), одного изъ цикладскихъ острововъ, гдѣ родились поэты Синонидъ и Вакхилидъ.

(35) Жители острова Ѳаса (Θάσος нынѣ Тасо), на Эгейскомъ морѣ, который въ древности былъ весьма обиленъ хлѣбомъ и виномъ, но осо-

Θеагена, который совершилъ убійство на олимпійскихъ играхъ; самосцы чтутъ Лизандра послѣ столь многихъ убійствъ и другихъ злодѣяній; Алкманъ и Гезіодъ([36])Медею; киликійцы—Ніобу; сицилійцы — Филиппа, сына Вутакида ([37]); амаѳусійцы ([38])—Онесила; карѳагеняне—Гамилькара. Но и цѣлаго дня не достанетъ, чтобы пересказать обо всѣхъ народахъ. Итакъ, если сами они разногласятъ между собою касательно своихъ боговъ, то зачѣмъ обвиняютъ насъ, что мы не согласны съ ними? А не смѣшно ли то, что дѣлается у египтянъ? Въ храмахъ, во время торжественныхъ собраній, они бьютъ себя въ грудь, плача по нимъ, какъ по умершимъ, и вмѣстѣ приносятъ жертвы, какъ богамъ ([39]). И нисколько не удивительно: они и животныхъ признаютъ богами, и по смерти ихъ стригутъ себѣ голову, погребаютъ ихъ въ храмахъ и установляютъ общественный плачъ. Итакъ, если мы нечестивы потому, что не чтимъ тѣхъ боговъ, какихъ чтутъ другіе, то нечестивы и всѣ города, всѣ народы, потому что всѣ они почитаютъ не однихъ и тѣхъ же боговъ ([40]).

беннно былъ замѣчателенъ золотыми рудами, коихъ слѣда нынѣ не находится.

([36]) Алкманъ — лирическій поэтъ, жившій въ VII вѣкѣ до Р Хр, отъ котораго до насъ дошли только небольшіе отрывки.—Это мѣсто въ сочиненіи Аѳинагора, по мнѣнію ученыхъ, испорчено въ спискахъ, ибо Аѳинагоръ представляетъ разныя ложныя вѣрованія народовъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Слова Алкманъ и Гезіодъ, бывшія первоначально, на поляхъ, какъ имена свидѣтелей, подтверждающихъ мысль, въ послѣдствіи переписчиками внесены въ текстъ.

([37]) О Филиппѣ, родомъ кротонцѣ, который по смерти былъ удостоенъ божеской почести, см. Геродот. V, с. 47.

([38]) Т. е. жители Амаѳунта, древнѣйшаго города на остр. Кипрѣ. Онесилъ былъ братъ Георга царя саламинскаго, на остр. Кипрѣ. Герод. V, с. 104 и слѣд.

([39]) См. Минуц. Фел. Octav. с. 21, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: «Не смѣшно ли—оплакивать то, что чтишь, или чтить то, что оплакиваешь? А въ этомъ состоятъ египетскія священнодѣйствія.»

([40]) То же доказательство употребляетъ Тертулліанъ. «Почитая не

15. Но пусть они почитаютъ однихъ и тѣхъ же боговъ. Что же? Если многіе, не умѣя различить, что̀ такое вещество, и что̀ такое Богъ, и какое между ними различіе, поклоняются сдѣланнымъ изъ вещества идоламъ: то неужели для нихъ и мы, которые отдѣляемъ и различаемъ безначальное и происшедшее, сущее и несущее, постигаемое умомъ и воспринимаемое чувствомъ, и каждому изъ этихъ предметовъ даемъ приличное названіе, неужели и мы станемъ покланяться идоламъ? Если вещество и Богъ одно и то же, только два названія одного и того же предмета, то мы поступаемъ нечестиво, не почитая за боговъ камни и дерева, золото и серебро. Если же они весьма различны между собою, различны столько, сколько художникъ и матеріалъ для его работы, то за что насъ обвиняютъ? Ибо какъ горшечникъ относится къ глинѣ: — глина есть матеріалъ, а горшечникъ-художникъ,— такъ относятся между собою и Богъ Создатель и вещество, повинующееся Его художеству. Но какъ глина сама собою, безъ помощи искусства не можетъ сдѣлаться сосудомъ: такъ и удобоизмѣняемое вещество безъ художника—Бога не получила бы ни разнообразія, ни формы, ни красоты. Не ставимъ мы глинянаго сосуда выше горшечника, ни чашъ и золотыхъ блюдъ выше сдѣлавшаго ихъ художника; но если есть въ нихъ что нибудь хорошее по искусству, хвалимъ художника, и онъ пользуется славою за сосуды; такъ и относительно вещества и Бога, — слава и честь устроенія міра по справедливости принадлежатъ не веществу, а Богу, его Создателю. Посему, еслибы мы тѣ

однихъ и тѣхъ же боговъ—говоритъ онъ—вы оскорбляете тѣхъ, кого не чтите. Предпочтеніе одного не можетъ быть безъ порицанія другаго, такъ какъ и избраніе одного не можетъ быть безъ отверженія другаго. Apol. c. 13. Adv. Nat. I, c. 10. Сн. Іустина I Апол. гл. 24.

или другіе виды вещества принимали за боговъ, то мы оказались бы не имѣющими никакого понятія о Богѣ истинномъ, ибо въ такомъ случаѣ мы равняли бы съ вѣчнымъ разрушимое и тлѣнное.

16. Прекрасенъ міръ, какъ своимъ величіемъ и расположеніемъ звѣздъ, которыя находятся въ наклонномъ кругѣ (Зодіака) и у сѣвера, такъ и сферическимъ видомъ своимъ; но не ему, а Создателю его должно покланяться. Подданные, приходя къ вамъ, не останавливаются на великолѣпіи вашего жилища, пренебрегши воздать почтеніе вамъ, правителямъ и владыкамъ, отъ которыхъ могутъ получить себѣ нужное: но, мимоходомъ взглянувъ на царское жилище и подивившись великолѣпному убранству его, вамъ, средоточію всего ([41]), воздаютъ почести. Впрочемъ вы, цари, строите царскія жилища для самихъ себя, а міръ сотворенъ не потому, чтобы Богъ имѣлъ въ немъ нужду; Богъ Самъ для Себя есть все, свѣтъ неприступный, міръ совершенный ([42]), духъ, сила, разумъ. Посему, если міръ есть органъ благозвучный и стройный: то я покланяюсь не органу, а тому, кто настроилъ его и извлекаетъ звуки, и производитъ согласную пѣснь. И на состязаніяхъ распорядители игръ не увѣнчиваютъ цитръ, минуя художниковъ, играющихъ на нихъ ([43]). Если міръ, какъ говоритъ Платонъ, есть художественное произведеніе Божіе: то удивля-

([41]) Πάντα ἐν πᾶσιν. Подобное выраженіе употребляетъ ап. Павелъ о Богѣ (1 Кор. XV, 28) и о Христѣ (Колос. III, 11).

([42]) Подобныя выраженія находятся еще у Тертулліана (adv. prax. с. 5): «прежде всего Богъ былъ одинъ, Самъ Себѣ будучи міромъ, мѣстомъ и всѣмъ», также у Минуц. Фел. с. 18, § 7 «Богъ прежде міра Самъ былъ Себѣ вмѣсто міра.»

([43]) Такой же примѣръ представляетъ и Тертулліанъ (ad nat. II, с. 5). Сн. Ирин. ad. haer. II, с. 25, § 2.

ясь его красотѣ, я возношусь къ его Художнику. Или пусть міръ будетъ сущностію и тѣломъ Бога, какъ думаютъ перипатетики; вмѣсто того, чтобы поклоняться Богу, причинѣ движенія въ этомъ тѣлѣ,—мы не будемъ припадать къ этимъ бѣднымъ и слабымъ стихіямъ, не будемъ поклоняться безстрастнымъ воздухомъ, какъ выражаются они, страдательному веществу. Или пусть кто признаетъ части міра силами Божіими. Мы будемъ воздавать служеніе не этимъ силамъ, а ихъ Творцу и Владыкѣ. Я не прошу у вещества того, чего оно само не имѣетъ, и, вмѣсто Бога, не служу стихіямъ ([44]), которыя ничего не могутъ болѣе, нежели сколько имъ повелѣно. Хотя онѣ и прекрасны на видъ, благодаря искусству Создателя; но, по природѣ своей, онѣ тождественны съ веществомъ. Съ этимъ согласенъ и Платонъ: «то, что мы называемъ. говоритъ онъ, небомъ и міромъ, хотя и много получило благъ отъ Отца: но оно причастно тѣлу, поэтому не можетъ не подлежать измѣненію» ([45]). Итакъ, если я, удивляясь прекрасному устройству неба и стихій, не покланяюсь имъ, какъ богамъ, зная, что онѣ подлежатъ разрушенію: то какъ я буду называть богами тѣ вещи, которыхъ художники люди извѣстны мнѣ? Разсудите объ этомъ, прошу васъ, хоть немного.

17. Въ защиту своего дѣла мнѣ должно представить точныя доказательства и касательно именъ боговъ, что онѣ новы, и касательно изображеній ихъ, что онѣ сдѣланы, такъ сказать, вчера или третьяго дня. И вы сами достовѣрно знаете это, какъ лучше всѣхъ знакомые со всѣми древно-

---

([44]) Здѣсь разумѣются не первоначальные элементы міра каковы напр. воздухъ или огонь, вода и пр., а солнце, луна и звѣзды. *Маран.*

([45]) Платона polit. (Opp. ed. Bipont. Vol. VI, p. 30). *Otto.*

стями. Итакъ, я утверждаю, что Орфей, Гомеръ и Гезіодъ дали и имена и генеалогію тѣмъ, кого называютъ они богами. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и Геродотъ: «Я думаю, что Гезіодъ и Гомеръ жили за четыреста лѣтъ до меня, не болѣе: они-то составили для эллиновъ ѳеогонію, дали прозванія богамъ, раздѣлили между ними почести и искусства, и обозначили ихъ видъ» ([46]). А изображенія ихъ не были въ употребленіи, пока не было пластики, живописи и ваянія, пока не явились Саврій самосскій, Кратонъ сикіонскій, Клеанѳъ коринѳскій и дѣвушка коринѳская. Саврій изобрѣлъ черченіе, изобразивъ на солнцѣ тѣнь лошади, а Кратонъ—живопись, нарисовавъ на выбѣленной доскѣ тѣни мущины и женщины, а та дѣвушка изобрѣла пластику: питая любовь къ одному человѣку, она начертила на стѣнѣ тѣнь его спящаго: отецъ ея, обрадованный совершеннымъ сходствомъ, — онъ былъ горшечникъ,—вырѣзалъ рисунокъ и наполнилъ глиною. Это изображеніе и теперь еще хранится въ Коринѳѣ ([47]). Жившіе послѣ нихъ Дедалъ и Ѳеодоръ милетскій прибавили къ тому дѣланіе статуй и ваяніе. Вообще, время появленія изображеній и статуй такъ недавне, что можно бы поименовать художника каждаго бога. Такъ, статую Артемиды ефесской и Аѳины, или лучше Аѳилы,—Аѳилою называется она, какъ говорятъ люди, знающіе тайны, потому что такъ ([48]) она была въ древности сдѣлана изъ оливковаго дерева,— и статую ея же въ сидячемъ положеніи сдѣлалъ Ендій, ученикъ Дедала. Аполлонъ пиѳійскій есть произведеніе Ѳеодора

([46]) Герод. Histor II, c. 53.
([47]) См. также у Плинія XXXV, c. 12.
([48]) Ἄ-ξηλυς, т. е. съ одною грудью, подобно амазонкамъ. *Маранъ.*

и Телекла, Аполлонъ делосскій и Артемида—искусство Идектея и Ангелліона, Гера самосская и аргивская—дѣло рукъ Смилида, а остальныя статуи произведеніе Фидія; Венера книдская въ видѣ Гетеры—произведеніе Праксителя; Асклипій епидаврскій — работа Фидія. Кратко сказать, нѣтъ ни одной статуи, которая не получила бы своего существованія отъ человѣка. Итакъ, если онѣ боги, то почему не существовали отъ начала? Почему онѣ моложе тѣхъ, кто сдѣлалъ ихъ? Почему нужны были имъ люди и ихъ искусство, чтобы существовать? Онѣ—земля, камни, вещество и искусная работа!

18. Но нѣкоторые говорятъ, что это только изображеніе, а боги—тѣ, въ честь которыхъ сдѣланы эти изображенія, что моленія, которыя обращаются къ симъ послѣднимъ, и жертвы относятся къ богамъ и совершаются для нихъ; что нѣтъ другаго средства, кромѣ этого, приблизиться къ богамъ, ибо трудно видѣть боговъ открыто ([49]), и въ подтвержденіе справедливости этого представляютъ дѣйствія нѣкоторыхъ идоловъ: поэтому изслѣдуемъ, какая сила заключается въ именахъ боговъ. Но прежде нежели начну это изслѣдованіе, я попрошу васъ, величайшіе самодержцы, простить человѣку, высказывающему истинныя сужденія. Я намѣренъ не обличать идоловъ, а опровергая клеветы представить оправданіе нашего вѣрованія. Вы на самихъ себѣ можете получить понятіе о царствѣ небесномъ; ибо какъ вамъ, отцу и сыну, получившимъ царство свыше, ибо «душа царева въ рукѣ Божіей,» говоритъ пророческій духъ ([50]),

([49]) Гомер. Иліад. XX, 131.
([50]) Притч. XXI, 1.

все покоряется: такъ все подчинено Богу, и Его Слову, какъ нераздѣльному отъ Него Сыну. Итакъ, прежде всего обратите вниманіе на слѣдующее. Не отъ начала, какъ говорятъ, боги существовали, но каждый изъ нихъ родился также, какъ рождаемся и мы. Въ этомъ всѣ согласны. Такъ, Гомеръ говоритъ:

Безсмертныхъ отецъ Океанъ и матерь Тѳѳиса ([51]).

А Орфей, который первый изобрѣлъ имена боговъ, изложилъ ихъ генеалогію и разсказалъ подвиги каждаго изъ нихъ, и который считается у нихъ достовѣрнѣйшимъ богословомъ, такъ что ему и Гомеръ слѣдовалъ во многомъ, особенно касательно боговъ, Орфей первое рожденіе боговъ производитъ изъ воды:

...Океанъ, отъ коего все родилось ([52]).

Вода, по его ученію, была началомъ всего, изъ воды образовался илъ, а изъ нихъ произошло животное—драконъ, къ которому приросла голова льва; въ срединѣ же двухъ головъ ([53]) было лице бога, по имени Геркулеса, или Кроноса. Этотъ Геркулесъ родилъ яйцо необыкновенной величины; которое когда наполнилось, отъ сильнаго давленія родителя распалось на двое: верхняя часть приняла образъ неба, а нижняя земли. Такъ произошла богиня тѣлесная земля. Небо, смѣшавшись съ землею, произвело женщинъ Клото, Лахезу и Атропу, и мужчинъ сторукихъ Коттиса Гигиса, Вріарея и Циклоповъ, Вронтиса, Стероциса и Ар-

([51]) Илад. XI4, 302 См. Іустин. Увѣщ. къ Элл. 2.
([52]) См. Ил. XIV, 246. См. Іустин. тамъ же гл. 5.
([53]) Т е. головы дракона или головы льва.

госа. Узнавъ, что эти дѣти лишатъ его власти, оно связало ихъ и низвергло въ тартаръ. Поэтому, разгнѣванная земля произвела Титановъ. «Почтенная Гея произвела небесныхъ сыновъ, которымъ дали названіе Титановъ, такъ какъ они мстили звѣздоносному небу» (54).

19. Таково первоначальное происхожденіе и боговъ, почитаемыхъ у язычниковъ, и всленной. Что же изъ сего слѣдуетъ? То, что каждое существо, признаваемое божествомъ, имѣетъ начало бытія. А если было время, когда они не существовали, какъ говорятъ о нихъ повѣствующіе о богахъ: то — они не боги. Ибо безначальное вмѣстѣ и вѣчно; а то, что получило бытіе, подвержено и тлѣнію. И я говорю тоже, что и философы. «Надобно различать, что есть всегда сущее и неимѣющее начала, и что — бывающее, но никогда не сущее» (55). Платонъ, разсуждая объ умопостигаемомъ и чувственномъ, учитъ, что умопостигаемое, всегда сущее не имѣетъ начала; а не-сущее, чувственное получило бытіе во времени, имѣетъ начало и конецъ. Подобнымъ образомъ и стоики говорятъ, что все будетъ истреблено огнемъ, и снова будетъ существовать, такъ какъ міръ получитъ другое начало. Если, по ихъ мнѣнію, при всемъ томъ, что существуютъ двѣ причины, одна дѣйствующая и управляющая, т. е. промышленіе, а другая—страждущая и измѣняемая, т. е. вещество, невозможно однако, чтобы міръ, получившій начало, и при промышленіи о немъ оставался неизмѣняемымъ: то какъ могутъ

---

(54) Эти стихи находятся въ числѣ пѣсней Орфея въ изданіи Гермала. Orphic (Lips. 1805).

(55) Плат Tim. См. Іуст. увѣщ къ Эллин. гл. 22

пребывать неизмѣнными боги, которые не существуютъ по своей природѣ, но получили начало бытія? Чѣмъ же лучше вещества эти боги, произшедшіе изъ воды? Но и не вода— начало всего, какъ они думаютъ: ибо изъ простыхъ и однородныхъ стихій что̀ могло бы произойдти? Веществу нуженъ художникъ, а художнику вещество. И какимъ образомъ отпечатлѣлись бы формы безъ вещества и художника? Не основательно и то, будто вещество древнѣе Бога: потому что причина производящая необходимо должна существовать прежде того, что отъ нея происходитъ.

20. Еслибы нелѣпое ихъ ученіе о богахъ ограничивалось только тѣмъ, что почитали боговъ происшедшими и получившими свое бытіе изъ воды: то я, доказавъ, что все получившее начало бытія подвержено разрушенію, перешелъ бы къ прочимъ обвиненіямъ противъ насъ. Но они, кромѣ того, приписали имъ тѣлесныя формы: бога Геркулеса представляютъ въ видѣ извивающагося дракона ([56]); иныхъ называютъ сторукими; о дочери Зевса, которую онъ родилъ отъ матери Реи или Деметры, говорятъ, что она имѣла, кромѣ двухъ естественныхъ глазъ, еще два глаза на лбу, птичій носъ на задней части шеи и рога; отъ чего Рея, испугавшись чудовищности своего дѣтища, бѣжала отъ него и не давала ему сосцовъ; посему она таинственно называется Аѳйлою, а обыкновенно называется Прозерпиною, и Корою, будучи, впрочемъ не одно и тоже съ Аѳиною, которая называется также Корою отъ зрачка (Κόρη). Притомъ и подвиги ихъ, какъ они думаютъ, описали съ точностію.

([56]) Въ такомъ видѣ былъ изображенъ у Египтянъ создатель міра, которымъ у Грековъ почитался Геркулесъ. *Маранъ*

Такъ, будто Кроносъ отрѣзалъ срамные члены у своего отца, свергнулъ его съ колесницы, и умертвилъ своихъ дѣтей мужескаго пола, пожравъ ихъ; а Зевсъ, связавъ своего отца, низвергнулъ его въ тартаръ, также какъ и Уранъ своихъ сыновей; воевалъ съ титанами за власть, и преслѣдовалъ мать свою Рею за то, что она отказалась вступить съ нимъ въ бракъ; когда же она сдѣлалась драконовою самкою, и онъ превратился въ дракона и совокупился съ нею, связавъ ее такъ-называемымъ Геркулесовымъ кольцомъ, каковаго смѣшенія символомъ служитъ жезлъ Гермеса; потомъ онъ сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ дочерью своею Прозертиною, и изнасиловавъ ее, въ видѣ дракона, и имѣлъ отъ нея сына Діониса. Итакъ необходимо сказать по крайней мѣрѣ слѣдующее: что добраго или полезнаго въ этихъ разсказахъ, чтобы мы могли повѣрить, будто Кроносъ, Зевсъ, Кора и другіе суть боги? Тѣлесныя ли формы? Но кто изъ разсудительныхъ и привыкшихъ къ размышленію повѣритъ, что эхидна родилась отъ Бога? Орфей говоритъ: «Фанисъ родилъ другое дѣтище страшное изъ священной утробы, ужасную на видъ Эхидну, у которой были волосы на головѣ, и лицо пріятное, прочія же части начиная съ верха шеи похожи были на страшнаго дракона» ([57])? Или кто допуститъ, что тотъ же Фанисъ первородный богъ, ибо онъ вышелъ изъ яйца,— имѣлъ тѣло или видъ дракона, или, что былъ пожранъ Зевсомъ, чтобъ ему быть неприступнымъ? Если они ничѣмъ не отличаются отъ самыхъ низкихъ животныхъ, ибо очевидно, божество должно отличаться отъ тварей земныхъ и произшедшихъ изъ вещества: то они — не боги.

([57]) См между Орфеевыми отрывками у Германа Orphic. II.

Зачѣмъ же намъ обращаться къ нимъ, когда рожденіе ихъ подобно рожденію скотовъ, а сами они—звѣровидны и безобразны?

21. Даже, еслибъ они говорили, будто боги имѣютъ плоть, кровь, сѣмя и страсти гнѣва и похоти: и тогда нужно было бы всѣ эти рѣчи считать вздоромъ и достойными смѣха. Ибо въ Богѣ нѣтъ ни гнѣва, ни похоти и пожеланія, ни дѣтороднаго сѣмени. Пусть бы они имѣли плоть, по крайней мѣрѣ пусть будутъ они выше гнѣва и ярости, чтобъ Аѳина не видна была

Гнѣвная на Зевса отца, а ее волновала свирѣпая злоба ([58]),

и чтобы Гера не являлась такъ:

Гера же гнѣва въ груди не сдержала, воскликнула къ Зевсу ([59]).

Они должны быть выше скорби

Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце ([60]).

Я и людей тѣхъ называю невѣжественными и грубыми, которые предаются гнѣву и скорби. Но если «отецъ людей и боговъ» оплакиваетъ сына, говоря:

Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
Днесь суждено подъ рукою Патрокловой пасть ([61]).

и не можетъ воплями своими спасти его отъ опасности:

Зевсовъ сынъ Сарпедонъ! не помогъ громовержецъ и сыну ([62]):

то кто не упрекнетъ въ безразсудствѣ тѣхъ людей, кото-

([58]) Гом. Иліад. IV, 23.
([59]) Гом. Ил IV, 24.
([60]) Гом. Ил. XXII, 168.
([61]) Гом. Ил. XVI, 433 и слѣд
([62]) Тамъ же XVI, 522.

рые на основаніи таковыхъ басней являютъ себя чтителями божества, а лучше сказать — безбожниками? Пусть боги имѣютъ плоть, но не подвергаются ранамъ, пусть Афродита не уязвляется Діомедомъ въ тѣло:

Ранилъ меня Діомедъ, предводитель Аргосцевъ надменный ([63]),

или отъ Арея въ душу:

Какъ надо мной хромоногимъ, Зевесова дочь Афродита
Гнусно ругается, съ грознымъ Ареемъ губительнымъ богомъ
Сочетавшись...
... И прекрасную плоть растерзалъ ([64]).

Страшный въ войнахъ, помощникъ Зевса противъ титановъ является слабѣйшимъ Діомеда:

Свирѣпствовалъ словно Арей сотрясатель копья ([65]).

Замолчи, Гомеръ: Богъ не неистовствуетъ. А ты представляешь мнѣ его и злодѣемъ, и губителемъ людей:

Бурный Арей, истребитель народовъ, кровью покрытый! ([66]),

и описываешь его прелюбодѣяніе и оковы:

Мало-по-малу и онъ и она усыпились. Вдругъ цѣпи
Хитрой Ифеста работы упавъ, ихъ схватили съ такою
Силой, что не было средства имъ тронуться членомъ ([67]).

И какъ много другихъ такихъ же нечестивыхъ бредней они разсказываютъ? Уранъ оскопляется, Кроносъ связывается и низвергается въ тартаръ, титаны дѣлаютъ возстаніе, Стиксъ умираетъ въ битвѣ: даже и смертными они оказываются; влюбляются другъ въ друга, влюбляются въ людей.

([63]) Тамъ же V, 376.
([64]) Гом. Одисс. VIII, 308 и слѣд Илиад V, 858.
([65]) Гом. Ил XV, 605.
([66]) Гом. Ил. V, 31.
([67]) Гом. Одисс. VIII, 296—298.

Мощный Эней: отъ Анхиза его родила Афродита,
Въ рощахъ, на холмахъ Идейскихъ богиня, почившая съ смертнымъ ([68])

Не влюбляются ли они? не страдаютъ ли? Поллинно боги они, и не коснется ихъ никакая страсть!... Еслибы Богъ по божественному домостроительству и принялъ плоть, и тогда развѣ Онъ есть уже рабъ похоти?

Такая любовь никогда ни къ богинѣ ни къ смертной
Въ грудь не вливалася мнѣ и душею моей не владѣла!
Такъ не любилъ я, плѣняся младой Пксіона супругой,
Ни Данаей прельстясь, бѣлоногою Акризія дщерью,
Ни владѣя младой знаменитаго Феникса дщерью,
Ни прекраснѣйшей смертной плѣняся Алкменою въ Ѳивахъ
Даже Семелой, родившею радость людей — Діониса,
Такъ не любилъ я плѣнясь лѣпокудрой царицей Деметрой,
Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера! ([69]).

Говорящій такъ получилъ начало бытія, подверженъ тлѣнію и ничего божественнаго не имѣетъ. Кромѣ того, боги прислуживаютъ людямъ:

«О царственный домъ Адмета, гдѣ я, хоть и богъ, терпѣливо довольствовался рабскою трапезой ([70])»

И пасутъ стада:

«Пришедши въ эту страну, я пасъ быковъ хозяина моего и охранялъ его домъ ([71]).

Значитъ Адметъ выше бога. О прорицатель и мудрецъ, предвѣщающій другимъ будущее! Не предсказалъ погибели своего любимца ([72]) и даже умертвилъ друга ([73]) своими

([68]) Гом. Ил II, 820 и слѣд.

([69]) Гом. Ил. XIV, 315—327. Такъ говоритъ Юпитеръ къ Юнонѣ или Герѣ. См. увѣщ. къ Элл гл. 2

([70]) Слова Аполлона. Еврипид. Alcest 1 и слѣд.

([71]) Тамъ же

([72]) Т е. Ахилеса. См увѣщ. къ Элл гл. 2.

руками. «А я полагалъ, говоритъ Эсхилъ, осмѣивая лжепророчествованіе Аполлона, — что божественныя уста Феба неложны и исполнены пророческаго вѣдѣнія. Тотъ, который поетъ, который присутствуетъ на пиршествѣ, который сказалъ это,—тотъ самый умертвилъ моего сына ([74]).

22. Но все это можетъ быть, поэтическіе вымыслы, которые имѣютъ смыслъ естественный: «Зевсъ означаетъ огонь, какъ говоритъ Емпедоклъ,—Юнона и Плутонъ жизненное начало и слезы Нистиды воды источниковъ» ([75]). Итакъ, если Юпитеръ—огонь, Юнона — земля, Плутонъ—воздухъ и Нистида—вода, а огонь, вода, воздухъ суть стихіи: то ни одинъ изъ нихъ—не богъ, ни Юпитеръ, ни Юнона, ни Плутонъ; потому что ихъ составъ и происхожденіе — изъ вещества, которое раздѣлено Богомъ. «Огонь, вода, земля и пріятная вершина воздуха, и притомъ дружба...» Онѣ безъ дружбы существовать не могутъ, смѣшиваясь отъ несогласія: кто же можетъ сказать, что онѣ—боги? Главное начало—дружба, по словамъ Емпедокла, и ему повинуются—составныя вещи, начало же господствуетъ; итакъ, если мы допустимъ, что одна и та же сила и управляемаго и господствующаго: то незамѣтнымъ для себя образомъ сдѣлаемъ вещество тлѣнное, текучее и измѣняемое равночестнымъ нерожденному и вѣчному, и всегда одинаковому въ себѣ—Богу. Зевсъ есть пламенѣющее вещество, по ученію стоиковъ, Гера—воздухъ (ἀήρ), какъ показываетъ и самое названіе, если его прибавить къ нему самому и произнести заразъ; Посидонъ —

([73]) Гіацинта, сына Амиксы, который былъ убитъ Аполлономъ по неосторожности во время ихъ игры.

([74]) Отрывокъ изъ неизвѣстнаго сочиненія Эсхила.

([75]) Эти стихи находятся и у Діогена Лаэрт. VIII, 76.

вода (πόσις). Другіе иначе объясняютъ это въ отношеніи къ природѣ. Такъ, Юпитера называютъ воздухомъ въ двухъ естествахъ, мужескомъ и женскомъ; другіе—временемъ года, которое сообщаетъ благорастворѐніе ему, почему онъ одинъ избѣжалъ Кроноса. Къ стоикамъ же нужно сказать: если вы признаете одного высочайшаго Бога вѣчнаго и безначальнаго, а составныя вещи— видоизмѣненіемъ вещества, и утверждаете, что духъ Божій, проникая вещество, по разнымъ его измѣненіямъ, получаетъ такое или другое названіе: то виды вещества будутъ — тѣломъ Бога; а когда стихіи исчезнутъ отъ сожженія, то по необходимости исчезнутъ вмѣстѣ съ видами и названія ихъ, и останется одинъ только духъ Божій! Итакъ, кто же будетъ признавать богами тѣхъ, чьи тѣла, по своей матеріи, подвержены измѣненію и тлѣнію? Чтоже касается тѣхъ, которые говорятъ, что Кроносъ — время, Рея — земля, которая зачинаетъ и рождаетъ отъ Кроноса, почему и называется матерію всѣхъ, а онъ рождаетъ и пожираетъ рожденныхъ; что отсѣченіе у него мужескаго члена означаетъ совокупленіе мущины съ женщиною, отдѣляющее и передающее сѣмя женщинѣ и производящее на свѣтъ человѣка, заключающаго въ себѣ вожделѣніе, т е. Венеру; что неистовство Сатурна противъ его дѣтей означаетъ обращеніе времени, измѣняющее предметы одушевленные и неодушевленные, а узы и тартаръ — означаютъ время, измѣняющееся по временамъ года и исчезающее: такимъ мы скажемъ. Если Кроносъ есть время, то измѣняется; если онъ годовая пэремѣна, то смѣняется; если — мракъ или холодъ или влажное вещество: то изъ этого ничто не пребываетъ неизмѣннымъ; а божество — безсмертно, неподвижно и неизмѣняемо; слѣдовательно, не есть Богъ

ни Кроносъ, ни его изображеніе. Что касается Зевса, то если онъ есть происшедшій отъ Кроноса воздухъ, котораго мужескій полъ—Юпитеръ, а женскій—Юнона, почему она и сестра и жена его; то измѣняется; если же онъ — время года: то смѣняется; а божество не измѣняется и не смѣняется. Но для чего много распространяться и утруждать васъ: сами вы лучше знаете то, что сказано каждымъ изъ тѣхъ, кто объяснялъ это въ отношеніи къ природѣ, или что писатели думали о естествѣ, или что говорятъ объ Аѳинѣ. которую считаютъ разумомъ, распростертымъ во всемъ, или объ Изидѣ, которую считаютъ сущностію вѣка, изъ которой всѣ произошли, и чрезъ которую всѣ существуютъ, или объ Озирисѣ, который умерщвленъ братомъ Тифономъ и котораго члены Изида искала, вмѣстѣ съ сыномъ Оромъ, и нашедши украсила гробницею доселѣ называемою Озиридской. Вращаясь туда и сюда около видовъ вещества, они отступаютъ отъ Бога, созерцаемаго разумомъ, а обоготворяютъ стихіи и ихъ части, давая имъ разныя названія: посѣвъ хлѣба называютъ Озирисомъ (поэтому-то, говорятъ, въ мистеріяхъ при обрѣтеніи членовъ его, или плодовъ, они восклицаютъ къ Исидѣ: «нашли мы, радуемся»); виноградный плодъ — Діонисомъ, а самое дерево — Семелою; свѣтъ солнечный — молніей ([76]). Такимъ-то образомъ богословствуютъ тѣ, которые обоготворяютъ басни, не замѣчая, что все приводимое ими въ защиту боговъ подтверждаетъ то, что говорится противъ нихъ. Какое отношеніе имѣетъ Европа и Тавръ и Цикнъ и Леда къ землѣ и

([76]) Разумѣется молнія, отъ которой сгорѣла Семела. Ovid. Metam. III, 308.

воздуху, такъ чтобы нечестивое совокупленіе съ ними Зевса было соединеніемъ земли и воздуха? Отступивъ отъ величія Божія и не будучи въ состояніи подняться разумомъ выше, ибо не имѣютъ стремленія къ небесному обиталищу, — они остановились на видахъ матеріи и низпадши долу боготворятъ измѣненія стихій, подобно тому, какъ еслибы кто нибудь принялъ за кормчаго корабль, на которомъ онъ плыветъ. Но какъ корабль, хотя бы былъ снабженъ всѣмъ нужнымъ, ничего не значитъ, если нѣтъ на немъ кормчаго: такъ и стихіи, хотя устроенныя, безполезны безъ промысла Божія. Корабль самъ по себѣ не будетъ плавать: такъ и стихіи безъ Создателя не будутъ двигаться.

23. Вы, превосходя всѣхъ умомъ, можетъ быть спросите: какимъ же образомъ дѣйствуютъ нѣкоторые изъ идоловъ, если не боги тѣ, которымъ мы воздвигаемъ статуи? Ибо невозможно, чтобы бездушныя и неподвижныя изображенія дѣйствовали сами по себѣ, безъ движущаго. Что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и городахъ, у тѣхъ или другихъ народовъ бываютъ нѣкоторыя дѣйствія подъ именемъ идоловъ, этого не отвергаемъ и мы; но если одни получали отъ нихъ пользу, а другіе вредъ, мы не почитаемъ поэтому богами тѣхъ, которые производили то и другое. Впрочемъ, тщательно изслѣдуемъ, какимъ образомъ по мнѣнію вашему дѣйствуютъ идолы, и кто дѣйствуетъ, присвояя себѣ ихъ имена. Но, приступая къ объясненію того, кто дѣйствуетъ въ идолахъ, и что это—не боги, нахожу нужнымъ воспользоваться нѣкоторыми свидѣтельствами и философовъ. Вопервыхъ, Ѳалесъ, какъ говорятъ тщательно изучавшіе его ученіе,—различаетъ бога, демоновъ и героевъ. Бога онъ почитаетъ умомъ міра, подъ демонами разумѣетъ духовныя су-

щества, а подъ героями — души людей, отдѣлившіяся (отъ тѣлъ), отъ добрыхъ—добрыя, а отъ злыхъ—злыя. Платонъ, который о прочемъ иначе разсуждаетъ, также различаетъ—Бога безначальнаго, потомъ подвижныя и неподвижныя звѣзды, созданныя безначальнымъ для украшенія неба, и демоновъ: о послѣднихъ онъ самъ говоритъ отказывается и совѣтуетъ слушать тѣхъ, которые уже говорили о нихъ. «О прочихъ же демонахъ, говоритъ онъ, разсуждать, и знать ихъ происхожденіе—свыше нашихъ силъ; а должно вѣрить прежде говорившимъ о нихъ, которые были потомками боговъ, какъ утверждаютъ они, и хорошо знали о своихъ предкахъ. Нельзя же не вѣрить дѣтямъ боговъ, хоть бы они говорили и безъ достаточныхъ и необходимыхъ доказательствъ; и такъ какъ по увѣренію ихъ, они разсказываютъ о близкомъ для нихъ: то слѣдуя обычаю должно вѣрить имъ. Поэтому согласно съ ними, и намъ о происхожденіи боговъ должно думать и говорить такимъ образомъ: отъ земли и неба родились дѣти Океанъ и Тефиса; а отъ нихъ—Поркъ, Кроносъ и Рея, и другіе съ ними, отъ Кроноса и Реи—Зевсъ и Гера и всѣ, которые какъ мы знаемъ, называются братьями; а также и прочіе потомки сихъ послѣднихъ» (77). Итакъ, неужели тотъ, кто созерцалъ вѣчный умъ и постигаемаго мыслію Бога, и раскрылъ его свойства, именно что истинно сущее, единоестественное есть благо отъ Него происходящее, т. е. истина; кто разсуждалъ касательно первой силы, также о томъ, что «все во власти царствующаго надъ всѣмъ, и все для Него, и Онъ причина всего;»

---

(77) Плат Tim p. 40. То же мѣсто приводится у Клим. Алекс. (Strom. V. с. 13, § 85) у Евсевія (Praep evang. II, с. 7. XIII, сс. 1. 14

о второмъ, о третьемъ: неужели онъ считалъ выше своихъ силъ узнать истину о тѣхъ существахъ, которыя были производимы отъ подлежащихъ чувствамъ земли и неба? Этого нельзя сказать. Но такъ какъ онъ признавалъ, что боги не могутъ ни рождать, ни рождаться, — потому что получающее начало бытія имѣетъ и конецъ; и что еще труднѣе того переувѣрить народъ, безъ изслѣдованія вѣрившій баснямъ: поэтому онъ и сказалъ, что выше его знать и говорить о происхожденіи прочихъ демоновъ; ибо онъ не могъ ни мыслить, ни говорить, чтобы боги раждались. Другія слова Платона: «великій царь неба Зевсъ, ѣдущій на быстрой колесницѣ, шествуетъ первый, устрояя все и управляя; за нимъ слѣдуетъ воинство боговъ и демоновъ» ([78]), относятся не къ тому Зевсу, о которомъ говорится, что онъ родился отъ Кроноса. Здѣсь именемъ Зевса называется Творецъ вселенной. Это показываетъ и Платонъ: не находя возможнымъ назвать его другимъ выразительнымъ именемъ, онъ употребилъ общенародное слово, не какъ свойственное Богу, но какъ для всѣхъ понятное, потому что невозможно разсуждать о Богѣ понятно для всѣхъ; онъ прибавилъ и слово: великій, чтобъ отличить небеснаго отъ земнаго, отъ того, который моложе неба и земли, моложе даже критянъ, которые похитили его, чтобъ онъ не былъ умерщвленъ отцомъ.

24. Нужно ли напоминать вамъ о поэтахъ или приводить другія мнѣнія, вамъ, которые изучили всякое знаніе? Достаточно сказать слѣдующее: еслибы поэты и философы не признавали,

---

([78]) Плат. Plaed. См. увѣщ. къ Эллин гл. 31

что Богъ одинъ, и не почитали боговъ одни—за демоновъ, другіе—за вещество, иные — за людей: то было бы справедливо преслѣдовать насъ, когда мы различаемъ Бога и вещество, и ихъ сущности. Мы признаемъ Бога и Сына Его — Слово и Духа Святаго, именно составляющихъ одно по силѣ своей Отца, Сына и Духа; ибо Сынъ есть умъ, Слово, мудрость Отца, а Духъ есть истеченіе Его, какъ свѣтъ отъ огня. Такъ же мы допускаемъ и другія силы, которыя властвуютъ надъ веществомъ и чрезъ вещество, и изъ которыхъ одна враждебна Богу, не въ томъ смыслѣ, чтобъ она была что либо противоборствующее Богу, какъ напр., вражда — дружбѣ у Емпедокла, или ночь — дню въ небесныхъ явленіяхъ (ибо еслибы что нибудь противостало Богу, то лишилось бы бытія и было бы разрушено могуществомъ и силою Божіею), но эта сила противна благости Божіей, которая свойственна Ему и соприсуща, какъ цвѣтъ тѣлу, и безъ которой Онъ не существуетъ (не такъ, чтобъ она была Его часть, но она есть необходимая принадлежность, соединенная и нераздѣльная съ Нимъ, подобно какъ огню свойственно быть краснымъ, и эѳиру — голубымъ) и есть духъ обращающійся около вещества, который сотворенъ отъ Бога, какъ и прочіе Ангелы сотворены Имъ, и поставленъ для управленія веществомъ и его видами ([79]). Богъ сотворилъ Ангеловъ для промышленія о вещахъ, сотворенныхъ Имъ, такъ что Богу принадлежитъ всеобъемлющее и общее промышленіе обо всемъ, а промышленіе о частяхъ —

([79]) Эти слова духъ обращающійся... приводятся св. Меѳодіемъ Патарскимъ у Епиф Наеч. 64 с 21

ангеламъ, къ нимъ приставленнымъ ([80]). Какъ у людей есть свобода выбирать добро и зло (ибо вы не награждали бы добрыхъ и не наказывали бы злыхъ, еслибы порокъ и добродѣтель не были въ ихъ власти, и одни оказываются исправными въ томъ, что имъ поручено отъ васъ, а другіе— невѣрными): такъ и у ангеловъ. Одни изъ нихъ, свободные, какими и сотворены были отъ Бога, пребыли въ томъ, къ чему Богъ сотворилъ ихъ и опредѣлилъ; а другіе злоупотребили и своимъ естествомъ и предоставленною имъ властію. Таковы: князь вещества и видовъ его, и другіе изъ тѣхъ, которые были около него, какъ главнаго, помощниками (вы знаете, что мы ничего бездоказательнаго не говоримъ, а излагаемъ то, что возвѣщено пророками),—послѣдніе возъимѣли вожделѣніе къ дѣвамъ и были побѣждены плотію; а тотъ сдѣлался небреженъ и лукавъ въ управленіи ему ввѣренномъ. Отъ совокупившихся съ дѣвами родились такъ-называемые исполины. Не удивляйтесь, если и поэты нѣчто сказали объ этихъ исполинахъ: между мудростію и божественною и мірскою такое же разстояніе, какое между истиною и вѣроятностію: первая — небесная, а вторая земная; и благодаря начальнику вещества «мы умѣемъ говорить много ложнаго, похожаго на истину» ([81]).

25. Сіи-то ангелы, низпадшіе съ неба и обитающіе въ воздухѣ и на землѣ и уже не могущіе взойдти на небо,

---

([80]) Приписываемое ангеламъ промышленіе о частяхъ міра нисколько не исключаетъ божескаго о нихъ промышленія, а выражаетъ только то, что они по ограниченности своей природы согласно съ волею Божіею имѣютъ попеченіе о малыхъ (сравнительно) вещахъ, между тѣмъ какъ Богъ о всемъ промышляетъ и всѣмъ управляетъ. Послѣдняя мысль особенно сильно выражается у Аѳинагора въ трактатѣ о воскресеніи гл. 18.

([81]) Гезіод. Theog. 27.

равно и души исполиновъ, которыя суть собственно демоны, блуждающіе вокругъ міра, производятъ дѣйствія, одни именно демоны,—соотвѣтственныя природѣ, какую они получили, а другіе, именно ангелы,—тѣмъ вожделеніямъ, которыя они возъимѣли. Князь же вещества, какъ видно изъ самыхъ событій, изобрѣтаетъ и устрояетъ противное благости Божіей. «Часто при размышленіи тревожитъ меня вопросъ: случай ли или Богъ управляетъ жизнію людей; сверхъ чаянія и не по правдѣ одни выходятъ изъ домовъ безъ средствъ къ жизни, а другіе счастливы» ([82]). И это неожиданное и несправедливое благополучіе и злосчастіе привело Эврипида въ недоумѣніе, кому принадлежитъ такое управленіе земными дѣлами, о которомъ можно сказать: «и такъ, видя это, какъ мы скажемъ, что существуетъ родъ боговъ, или какъ мы подчиняемся законамъ» ([83]). Это побудило и Аристотеля сказать, что поднебесная не управляется Промысломъ, между тѣмъ вѣчный Промыслъ Божій постоянно бодрствуетъ надъ нами:

«Земля по необходимости, хочетъ ли не хочетъ ли, производитъ растенія, и питаетъ мой скотъ» ([84])

и въ отношеніи къ отдѣльнымъ людямъ онъ дѣйствуетъ по заслугамъ каждаго, сообразно съ истиною, а не съ людскимъ мнѣніемъ; а прочія вещи управляются закономъ разума сообразно съ общимъ ихъ устройствомъ. Но такъ какъ происходящія отъ противнаго духа демонскія вліянія и дѣйствія производятъ такіе безпорядочные случаи, и возмущаютъ

([82]) Отрывокъ изъ неизв стихотвор. Эврипида.
([83]) Отрыв изъ неизв. стихотв. Эврипида.
([84]) Эврип Cycl 332.

людей разнообразными способами, отдѣльно и въ цѣлыхъ народахъ, по частямъ и вообще, чрезъ отношеніе къ веществу и чрезъ сочувствіе съ божественнымъ, извнутри и извнѣ: поэтому нѣкоторые немаловажные люди пришли къ мысли, что этотъ міръ существуетъ не по какому нибудь закону, а управляется и движется неразумнымъ случаемъ. Они не понимали, что въ устройствѣ вселенной нѣтъ ничего безпорядочнаго и случайнаго, а напротивъ, каждая часть ея произошла разумно, почему и не преступаетъ установленнаго для ней порядка; также и человѣкъ, по волѣ Создавшаго его, подлежитъ опредѣленному порядку, какъ въ отношеніи къ происхожденію своему, которое подчиняется одному общему закону, такъ и къ устройству своего тѣла, не уклоняющемуся отъ закона, и въ отношеніи къ концу жизни, одинаковому и общему для всѣхъ. Только въ отношеніи къ свойственному ему разуму и къ дѣйствію правящаго веществомъ князя и его демоновъ, каждый человѣкъ движется и дѣйствуетъ различно, хотя всѣ имѣютъ общую имъ способность разсуждать.

26. Демоны, о которыхъ мы говорили, привлекаютъ язычниковъ къ идоламъ; ибо они привязаны къ крови жертвъ и ею услаждаются, а боги, которые нравятся толпѣ и коихъ имена даны статуямъ, были люди, какъ можно видѣть изъ ихъ исторіи. Демоны же присвоили себѣ эти названія, — чему доказательствомъ служитъ дѣятельность каждаго изъ нихъ. Иные отсѣкаютъ тайные члены, именно Рея; иные ранятъ и поражаютъ, какъ Артемида ([85]), а почитаемая въ Тавридѣ умерщвляетъ иностранцевъ. Я не буду говорить о тѣхъ,

([85]) Т. е. Арицинская (Діана). Овид Fast III, 271

которые сами себя терзаютъ ножами и бичами, и о другихъ родахъ демоновъ, ибо Богу несвойственно побуждать къ тому, что противно природѣ: «Когда демонъ готовитъ человѣку зло, то напередъ повреждаетъ его умъ» ([86]). А Богъ, какъ совершенно благій, всегда благодѣтельствуетъ. Такимъ образомъ, иные—тѣ, кто дѣйствуетъ чрезъ статуи, и иные, въ честь кого воздвигаются эти статуи, — важнѣйшимъ подтвержденіемъ этому служатъ Троя и Парій: одинъ изъ этихъ городовъ имѣетъ статуи Нериллина, который жилъ въ наше время, Парій—статуи Александра и Протея, гробница и статуя Александра до сихъ поръ на площади ([87]). Прочія статуи Нериллина служатъ общественнымъ украшеніемъ,—если только и онѣ составляютъ украшеніе города; а одна изъ нихъ славится тѣмъ, что прорицаетъ и врачуетъ болящихъ, и за это троянцы боготворятъ статую, украшаютъ золотомъ и вѣнками. Что касается статуй Александра и Протея, — объ этомъ вы знаете, что онъ самъ бросился въ огонь около Олимпіи — то говорятъ, что статуя Протея издаетъ прорицанія, а въ честь статуи Александра ([88]), устрояются на общественный счетъ жертвоприношенія и праздники, какъ будто внемлющему Богу. Кто же Нериллинъ-ли, Протей и Александръ производятъ это въ

([86]) Неизвѣстенъ авторъ этого стиха.

([87]) Кто былъ Нериллинъ, неизвѣстно. Александръ здѣсь разумѣется какой-нибудь обманщикъ изъ числа тѣхъ, которыхъ не мало ходило въ Греціи и Азіи во время Аѳинагорово Протей — извѣстный циническій философъ, котораго представилъ Лукіанъ въ сочиненіи о смерти Перегрина.

([88]) Здѣсь нами опущенъ стихъ о Парисѣ, сынѣ Пріама изъ Гомер. Илады III, 39, который по общему мнѣнію ошибочно внесенъ сперва читателемъ на поле, а потомъ переписчикомъ и въ самый текстъ.

статуяхъ или природа вещества? Но вещество ихъ — мѣдь: чтоже можетъ сдѣлать сама по себѣ мѣдь, которую можно снова измѣнить въ другую форму, какъ Амазисъ у Геродота превратилъ тазъ въ изображеніе бога? И сами Нериллинъ, Протей и Александръ, что больше могутъ сдѣлать для болящихъ? Ибо что теперь, по разсказамъ, производитъ статуя, то производила она и тогда, когда Нериллинъ былъ еще живъ и боленъ.

27. Итакъ, что же? Прежде всего неразумныя и мечтательныя движенія представленій души то такіе, то другіе образы частію заимствуютъ отъ вещества, частію сами по себѣ создаютъ и производятъ. Это случается съ душею особенно тогда, когда она прилѣпляется къ духу вещества и смѣшивается съ нимъ, когда она взираетъ не на небесное и Творца вселенной, а долу, на земныя вещи, вообще на землю, какъ будто она только плоть и кровь, а не чистый духъ. Такія неразумныя и мечтательныя движенія души производятъ видѣнія, соединенныя съ страстнымъ влеченіемъ къ вещественнымъ изображеніямъ. Когда нѣжная и удобопреклонная душа, невѣдущая и неопытная въ твердомъ ученіи, чуждая истины и не постигающая Отца и Гворца вселенной, исполнится ложныхъ о себѣ представленій: то обращающіеся около вещества демоны, жаждущіе жертвеннаго дыма и крови, обольстители людей, — призвавъ себѣ на помощь эти увлекающія толпу обманчивыя движенія души, и дѣйствуя на умы людей, внѣдряютъ въ нихъ эти видѣнія, какъ бы они происходили отъ идоловъ и статуй; и когда душа сама собою, какъ безсмертная, разумно движется, предузнавая будущее или испытуя настоящее: то демоны присвояютъ себѣ эту славу.

28. Но необходимо также, согласно съ обѣщаніемъ нашимъ ([89]), сказать нѣсколько объ именахъ боговъ. Геродотъ и Александръ, сынъ Филиппа, въ письмѣ къ матери,—объ нихъ обоихъ говорятъ, что они въ Иліополѣ, въ Мемфисѣ и Θивахъ входили въ бесѣду съ жрецами,—увѣряютъ, будто они слышали отъ этихъ, что боги были люди. Геродотъ говоритъ: «они доказывали, что тѣ, изображенія коихъ существуютъ, были дѣйствительно такими, но отъ боговъ весьма отличны; что прежде этихъ людей царствовали въ Египтѣ боги, которые не имѣли ничего общаго съ людьми, и всегда управлялъ который нибудь одинъ изъ нихъ; и что потомъ царствовалъ тамъ Оръ, сынъ Озириса, котораго Эллины называютъ Аполлономъ; онъ, по низверженіи Тифона, былъ послѣднимъ царемъ въ Египтѣ. Озирисъ же по гречески назывался Діонисъ. Таковы были какъ прочіе, такъ и послѣдній царь Египта» ([90]). Отъ нихъ имена боговъ перешли къ Эллинамъ. Аполлонъ былъ сынъ Діониса и Изиды, какъ говоритъ тотъ же Геродотъ: «Аполлона и Артемиду почитаютъ дѣтьми Діониса и Изиды, а Латону ихъ кормилицею» ([91]). Ихъ почитали происшедшими съ неба первыми царями, и частію по незнанію истиннаго богопочитанія, частію же изъ благодарности къ ихъ начальствованію возводили въ боговъ и вмѣстѣ съ женами. «Теперь всѣ Египтяне приносятъ имъ въ жертву воловъ чистыхъ и тельцовъ, самокъ же не позволительно приносить имъ, такъ какъ онѣ посвящены Изидѣ, которой статуя имѣетъ видъ женщины съ бычачьими рогами, какъ Греки изо-

([89]) См. гл. 17.
([90]) Герод Histor. II с. 144
([91]) Герод Hist. II с. 156.

бражаютъ Іо» ([92]). Кто же больше заслуживаетъ довѣрія къ своимъ разсказамъ, какъ не тѣ, которые, по преемству рожденія, сынъ отъ отца, приняли какъ жречество, такъ и исторію? Не вѣроятно, чтобы жрецы, почитавшіе идоловъ, лгали, когда говорили, что это были люди. Еслибы одинъ только Геродотъ говорилъ, что по сказаніямъ Египтянъ боги ихъ оказываются людьми, и такъ какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ: «Я не намѣренъ поредавать сказаній о богахъ, какія слышалъ я, кромѣ только ихъ именъ»,—не слѣдовало бы еще вѣрить ему, какъ баснописцу. Но такъ какъ Александръ и Гермесъ, прозванный Трисмегистомъ, и весьма многіе другіе—я не буду перечислять каждаго порознь,—приписывали имъ вѣчное происхожденіе ([93]): то не остается никакого основанія сомнѣваться, что цари были возведены въ боговъ, что боги были людьми; это говорятъ и ученѣйшіе изъ Египтянъ, которые, называя богами воздухъ, землю, солнце, луну, считаютъ прочихъ боговъ смертными людьми, и храмы гробницами ихъ. То же говоритъ Аполлодоръ въ книгѣ о богахъ. Геродотъ же называетъ страсти ихъ мистеріями. «Какъ совершается празднество въ честь Изиды въ городѣ Бузирисѣ,—я уже прежде сказалъ. Послѣ жертвоприношенія бичуютъ себя всѣ мущины и всѣ женщины, многія тысячи людей; а какъ именно бичуютъ себя, неприлично мнѣ разсказывать» ([94]). Если они боги: то безсмертны; если же бичуются ради ихъ страданій и это составляетъ ихъ мистеріи, то они—люди». Еще тотъ же Геродотъ говоритъ: «въ городѣ Саисѣ, въ храмѣ Аѳины есть и гробни-

([92]) Тамъ же II, 41.
([93]) Это говорится иронически
([94]) Герод. тамъ же II, 61.

ца того, чье имя назвать считаю неприличнымъ въ этомъ случаѣ,—подлѣ святилища, у задней стѣны храма Аѳины. Есть также озеро, обложенное кругомъ камнемъ, такой величины, какой, какъ мнѣ кажется, озеро въ Хелосѣ, называемое круглымъ. Въ этомъ озерѣ представляютъ ночью страданія его ([95]) и это Египтяне называютъ мистеріями» ([96]). И показываютъ не только гробницу Озириса, но и то, какъ онъ набальзамированъ. «Когда къ нимъ приносятъ трупъ, то они показываютъ принесшимъ деревянныя изображенія умершихъ, отдѣланныя посредствомъ живописи, и превосходнѣйшимъ называютъ изображеніе того, чье имя сказать считаю неприличнымъ при этомъ случаѣ» ([97]).

29. Такъ же говорятъ и изъ Эллиновъ важнѣйшіе поэты и историки, напр. о Гераклѣ:

Звѣрскій Гераклъ посрамивши Зевесовъ законъ и накрытый Имъ гостелюбно для странника столъ, убійство свершилъ..... ([98])

Не удивительно, что онъ будучи таковъ, пришелъ въ неистовство, и воспламенивъ костеръ, сжегъ себя. Объ Эскулапѣ Гезіодъ говоритъ:

«Отецъ людей и боговъ воспламенился, и устремившись съ Олимпа ослѣпительною молніею, умертвилъ любезнаго сына Леты, движимый гнѣвомъ.»

И Пиндаръ:

«И мудрость побѣждается корыстью. Развратило и его (Эскулапа) обильною наградою золото, показанное въ рукахъ. Кроніонъ бросивъ руками молнію, мгновенно лишилъ дыханія, и она нанесла смерть.»

([95]) Т. е. Озириса

([96]) Герод. тамъ же II, 170.

([97]) Герод. тамъ же, II, 86.

Итакъ, они были или боги: тогда не питали бы страсти къ золоту,—

о золото, высшее сокровище смертныхъ, предъ которымъ ни мать, ни дѣти не имѣютъ такой привлекательности:

ибо божество ни въ чемъ не нуждается и выше пожеланія,—такъ же были бы и безсмертны; или были люди, и потому они злы по неразумію и жадны до богатства. Говорить ли мнѣ много о Касторѣ, или Полидевкѣ, или объ Амфіареѣ, которые, такъ сказать, вчера или третьяго дня родились людьми отъ людей, а теперь почитаются за боговъ, если и Инона послѣ ея неистовства и страданій почитается божествомъ?

Мореплаватели назвали ее Левкатеей,

и сынъ ея

«божественный Палемонъ призовется мореходцами» [98]?

30. Если люди самые гнусные и богоненавистные удостоились чести быть богами; если Семирамида, дочь Дерцеты, женщина сладострастная и кровожадная, признана богинею Сирійскою, и если изъ-за Дерцеты Сиріяне поклоняются голубямъ и Семирамидѣ; ибо, по баснословію Ктезія, эта женщина, что впрочемъ невозможно, превратилась въ голубя:—то что удивительнаго, если одни за власть названы богами отъ подвластныхъ имъ? Сивилла, о которой упоминаетъ и Платонъ, говоритъ: «было десятое поколѣніе смертныхъ людей послѣ того какъ случился потопъ первыхъ людей, и царствовали Сатурнъ и Титанъ и Іапетъ, которыхъ люди называли лучшими дѣтьми земли и неба, прилагая имъ имена земли и неба, такъ какъ они были первые изъ лю-

---

[98] Гомер. Одисс. XXI, 28 29.

[99] Эти два стиха, сохраненные Аѳинагоромъ, взяты изъ Эврипидо

дей» (100). Другіе признаны богами за силу, какъ Геракл и Персей; иные за искусство, какъ Эскулапъ? Такую честь предоставляли имъ или подчиненные, или сами начальствующіе и изъ сихъ—одни по страху, другіе по уваженію къ нимъ пріобрѣли это названіе. Антиной за человѣколюбіе вашихъ предковъ къ своимъ подданнымъ достигъ того, что его признали богомъ: а потомки ихъ безъ изслѣдованія приняли это. «Критяне всегда лживы: ибо тебѣ, царь, сдѣлали Критяне гробницу, ты же не умеръ.» А самъ ты, Каллимахъ, вѣруя въ рожденіе Зевса, какъ не вѣришь его погребенію, и такимъ образомъ затемняя истину, проповѣдуешь и невѣдущимъ о смерти его? Когда ты видишь пещеру: то вспоминаешь о рожденіи Реи; а когда видишь гробницу (Зевса)—стараешься скрыть его смерть. Развѣ не знаешь, что вѣченъ только безначальный Богъ? Подлинно, или недостовѣрны миѳы о богахъ, разсказываемые народомъ и поэтами, и потому излишне и почитаніе ихъ;—ибо тѣ и не существуютъ, о которыхъ ложны сказанія; — или, если несомнѣнно ихъ рожденіе, ихъ любовныя дѣла, человѣкоубійства, похищенія, отсѣченія членовъ, молніи: то они уже не существуютъ и окончили жизнь; такъ какъ они получили начало бытія, а прежде не существовали. Какое же основаніе—однимъ событіямъ вѣрить, а другимъ не вѣрить, когда поэты разсказываютъ объ нихъ для большаго прославленія боговъ? Ибо не лгали же о страстяхъ ихъ тѣ, которые

вой «Иноны» Инона и ея сынъ Милицертъ, превратившись въ морскихъ боговъ, стали называться—первая Левкотеей, а вторый Палемономъ.

(100) Oracc Sibyll III, 108—113 ed. Alexandre, vol. (Paris 1841)

считали ихъ богами, и прославляли ихъ дѣянія.—Итакъ, мы не безбожники, такъ какъ признаемъ Бога, Творца вселенной, и Его Слово: это доказано по мѣрѣ моихъ силъ, хотя и не вполнѣ соотвѣтственно важности предмета.

31. Насъ обвиняютъ также въ какихъ-то пиршествахъ и нечестивыхъ смѣшеніяхъ, дабы казалось, что не безъ причины ненавидятъ насъ, и вмѣстѣ надѣясь страхомъ отвлечь насъ отъ образа нашей жизни, или тяжестію обвиненій сдѣлать правителей строгими и неумолимыми къ намъ. Но они издѣваются надъ тѣми которые знаютъ, что искони, не въ наше только время, по какому-то божественному закону и разуму, порокъ обыкновенно враждуетъ противъ добродѣтели. Такъ и Пиѳагоръ былъ сожженъ вмѣстѣ съ другими тремя стами человѣкъ; Гераклитъ и Демокритъ—первый былъ изгнанъ изъ города Ефеса, другой—изъ Авдеръ, бывъ признанъ за сумашедшаго, и Сократъ былъ Аѳинянами осужденъ на смерть. Но какъ они, по отношенію къ своей добродѣтели, не потерпѣли никакого вреда отъ молвы народной: такъ неосновательныя клеветы нѣкоторыхъ нисколько не помрачаютъ правоты нашей жизни, ибо мы имѣемъ похвалу отъ Бога. Впрочемъ я отвѣчу и на эти обвиненія. Я увѣренъ, что вы находите меня правымъ и потому, что я уже сказалъ Превосходя всѣхъ умомъ, вы согласитесь, что тѣ, которые образцемъ всей жизни имѣютъ Бога,—такъ чтобы каждый изъ насъ былъ предъ Нимъ чистымъ и неукоризненнымъ, — тѣ и въ мысляхъ никогда не допустятъ ни малѣйшаго грѣха. Ибо еслибы мы были убѣждены, что существуетъ одна только настоящая жизнь на землѣ: то еще можно было бы подозрѣвать, что мы служимъ плоти и крови, или предаемся ко-

рыстолюбію и сладострастію; но такъ какъ мы знаемъ, что Богъ и ночью и днемъ присущъ нашимъ мыслямъ и словамъ, что весь Онъ — свѣтъ и видитъ находящееся въ нашемъ сердцѣ: то мы также убѣждены, что, оставивъ настоящую жизнь, будемъ жить другою жизнію, лучшею здѣшней, небесною, а не земною, — ибо будемъ пребывать у Бога и съ Богомъ, неизмѣнными и безстрастными душею, не какъ плоть, хотя и будемъ имѣть плоть, но какъ небесный духъ,—или если мы увлеклись грѣхомъ вмѣстѣ съ другими, насъ постигнетъ жизнь худшая, въ огненныхъ мученіяхъ; ибо создалъ насъ Богъ не какъ овецъ или скотовъ, не понапрасну и не для того, чтобы мы погибли и уничтожились. Поэтому-то невѣроятно, чтобы мы добровольно грѣшили и подвергали себя наказанію великаго Судіи.

32. Нисколько не удивительно, если они приписываютъ намъ то, что говорятъ о своихъ богахъ, торжествуя страсти ихъ подъ именемъ мистеріи. Только если они стали обвинять насъ въ распутствѣ и безразличномъ совокупленіи: то имъ слѣдовало бы напередъ возненавидѣть Зевса, который имѣлъ дѣтей отъ матери Реи и дочери Коры и женился на собственной сестрѣ, или выдумавшаго это Орфея, который представилъ Зевса болѣе преступнымъ и нечестивымъ, чѣмъ самый Ѳіестъ; ибо послѣдній сдѣлалъ кровосмѣшеніе съ дочерью по оракульскому изрѣченію, желая остаться царемъ и отмстить за себя. Мы же такъ далеки отъ подобныхъ преступленій, что намъ не позволено даже смотрѣть съ вожделѣніемъ. «Кто смотритъ на женщину, говоритъ (Господь нашъ), съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣй-

ствовалъ въ сердцѣ своемъ» ([101]). Итакъ, о тѣхъ, которымъ непозволительно употреблять зрѣніе ни на что больше того, на что Богъ сотворилъ глаза, чтобы т. е. они были для насъ свѣтомъ,—которые считаютъ сладострастный взглядъ за прелюбодѣяніе, такъ какъ глаза устроены для другаго назначенія, — и которые ожидаютъ суда даже за мысли: о тѣхъ можно ли думать, что они ведутъ развратную жизнь? Мы смотримъ не на законы человѣческіе, отъ которыхъ можетъ укрыться иной злодѣй, — я въ началѣ показалъ вамъ, владыки, что наше ученіе богооткровенное,— но у насъ есть законъ, который повелѣлъ соблюдать величайшую непорочность между нами самими и ближними. По этому, смотря по возрасту, иныхъ мы считаемъ сыновьями и дочерями, другихъ братьями и сестрами, и престарѣлымъ отдаемъ честь какъ отцамъ и матерямъ. Кого мы называемъ братьями и сестрами и прочими родственными именами, о тѣхъ мы весьма заботимся, чтобы тѣла ихъ оставались неповрежденными и неразтлѣнными. Еще слово говоритъ намъ: «если кто повторитъ цѣлованіе, потому что это нравится ему,» (то согрѣшаетъ); и прибавляетъ: «итакъ, съ величайшею осторожностію должно быть употреблено лобзаніе или лучше привѣтствованіе, что бы оно не лишило насъ вѣчной жизни, если хоть сколько-нибудь будетъ осквернено помышленіемъ.» ([102])

33. Посему, имѣя надежду вѣчной жизни, мы презираемъ здѣшнія житейскія дѣла и даже душевныя удовольствія.

([101]) Мѳ. V, 28

([102]) Эти два изреченія заимствованы Аѳинагоромъ изъ какой-либо апокрифической книги или вѣрнѣе—изъ толкованія христ писателя на евангельскія изреченія (Мѳ. V, 29)

И жену каждый изъ насъ, которую онъ взялъ по установленнымъ у насъ законамъ, имѣетъ только для дѣторожденія. Какъ земледѣлецъ, бросивъ въ землю сѣмена, ожидаетъ жатвы и больше уже не сѣетъ· такъ и у насъ мѣрою пожеланія служитъ дѣторожденіе. Между нами найдешь даже многихъ и мущинъ и женщинъ, которые состарѣваются безбрачными, надѣясь тѣснѣе соединиться съ Богомъ ([103]). Если жизнь дѣвственная и цѣломудренная болѣе приближаетъ къ Богу, а худой помыслъ и пожеланіе удаляетъ отъ Него: то мы, избѣгая худыхъ помысловъ, тѣмъ паче избѣгаемъ такихъ дѣлъ. Ибо наше богопочтеніе состоитъ не въ заботѣ о словахъ, но въ доказательствахъ и ученіи дѣлами: нужно или оставаться такимъ, какимъ кто родился, или вступать въ одинъ бракъ; ибо второй бракъ есть благовидное прелюбодѣяніе. «Кто разведется, говоритъ (Господь),—съ женою своею, и женится на другой, тотъ прелюбодѣйствуетъ» ([104]), не позволяя ни отпускать ту, которую кто лишилъ дѣвства, ни жениться на другой. Отступающій отъ первой жены, хотя бы она и умерла, есть прикровенный прелюбодѣй, какъ потому, что преступаетъ распоряженіе Божіе, ибо въ началѣ Богъ сотворилъ одного мужа и одну жену,—такъ и потому что разрушаетъ самую тѣсную связь плоти съ плотію, происшедшую чрезъ половое совокупленіе.

34. Таковы-то наши правила, наши нравы. О, для чего

([103]) О цѣломудріи и дѣвствѣ у древнихъ христіанъ говорятъ еще Іустинъ (1 апол гл. 15), Оригенъ (с Cels. 1, 26) Тертулліанъ (apol. c. 9, ad uxor 1, 6) Минунцій Феликсъ (Octav. 31).

([104]) Мѳ. XIX, 9.

мнѣ говорить, о чемъ лучше умолчать? ([105]) Мы слышимъ пословицу: «блудница укоряетъ цѣломудренную.» Ибо тѣ, которые устроили торжище блудодѣянія и предлагаютъ юношамъ гнусныя пристанища всякаго постыднаго удовольствія, и даже мущинъ не щадятъ, совершая студодѣянія мущины на мущинахъ, и всячески оскорбляя красивѣйшія и благообразнѣйшія тѣла, и безчестя сотворенную Богомъ красоту—ибо красота на землѣ не сама собою происходитъ, но посылается по распоряженію и мысли Божіей,—тѣ самые обвиняютъ насъ за то, что̀ сознаютъ за собою и что приписываютъ своимъ богамъ, какъ нѣчто похвальное и достойное боговъ своихъ. Прелюбодѣи и дѣторастлители оскорбляютъ цѣломудренныхъ и единобрачныхъ, живя подобно рыбамъ, которыя поглощаютъ встрѣчныхъ и преслѣдуютъ сильная слабѣйшую. И вотъ что значитъ ѣсть плоть человѣческую: вопреки законамъ, которые вы и предки ваши установили для соблюденія всякой справедливости оказывать надъ людьми жестокія насилія, такъ что посылаемыхъ вами правителей народовъ не достаетъ для суда надъ тѣми, которымъ заповѣдано не уклоняться, когда бьютъ ихъ, и благословлять, когда злословятъ ихъ. Ибо для нихъ недовольно быть справедливыми,—а справедливость состоитъ въ томъ, чтобы воздавать равнымъ равное,—но надлежитъ еще быть добрыми и терпѣливыми.

35. Итакъ, кто изъ здравомыслящихъ можетъ сказать, когда таковъ нашъ образъ жизни, что мы человѣкоубійцы?

([105]) Ἀπορρητα. Здѣсь разумѣются или христіанскія таинства, о которыхъ умалчивали предъ невѣрующими древніе писатели, или далѣе перечисляемыя гнусности язычниковъ.

Ибо не возможно ѣсть мясо человѣческое, не убивъ напередъ кого-нибудь. Первое—ложь ([106]), а на счетъ втораго ([107]), если кто спроситъ ихъ, видали ли они то, о чемъ говорятъ: то никто не будетъ такъ безстыденъ, чтобы сказать, будто онъ видѣлъ это. У насъ есть и слуги, у иныхъ больше, у другихъ меньше, отъ которыхъ невозможно скрыться: однако и изъ нихъ никто не говорилъ такой наглой лжи объ насъ. Ибо тѣхъ, которые, какъ извѣстно, не хотятъ смотрѣть и на справедливо казнимаго: тѣхъ кто обвинитъ въ человѣкоубійствѣ или человѣкоядѣніи? Кто не стремится съ любовію на зрѣлища борьбы гладіаторовъ и звѣрей, особенно если они даются вами? Но мы, думая, что смотрѣть на убійство почти то же, что совершать оное, отказываемся отъ такихъ зрѣлищъ. Какъ же мы, которые даже не смотримъ на убійства, чтобы не пріобщиться преступленію, можемъ сами быть убійцами? Если мы утверждаемъ, что женщины, вытравляющія зародившихся младенцевъ, дѣлаютъ человѣкоубійство и дадутъ Богу отчетъ за вытравленіе: то какъ же сами станемъ убивать человѣка? Ибо не свойственно одному и тому же человѣку—почитать находящагося еще во чревѣ младенца живымъ существомъ, о которомъ также печется Богъ, и умерщвлять того, который родился для жизни; не свойственно не бросать родившагося, такъ какъ бросающіе совершаютъ дѣтоубійство, и въ то же время—убивать уже вскормленнаго. Мы во всемъ и всегда равны и одинаковы, подчиняясь разуму, а не владычествуя надъ нимъ.

([106]) Т е христіане человѣкоубійцы.
([107]) Т. е что они ѣдятъ младенцевъ.

36. Какой же человѣкъ, вѣрующій въ воскресеніе, согласится сдѣлаться гробомъ тѣхъ, которые имѣютъ воскреснуть? Невозможно, чтобы одни и тѣже люди вѣровали въ воскресеніе тѣлъ нашихъ и вмѣстѣ употребляли ихъ въ пищу, какъ неимѣющія воскреснуть, были убѣждены, что земля нѣкогда возвратитъ своихъ мертвецовъ, и вмѣстѣ думали, что тѣла, которыя схоронены кѣмъ-либо въ его внутренности, отъ него не потребуются. Напротивъ кто думаетъ, что не будетъ суда за эту жизнь, какъ бы ни проводилъ ее — хорошо или худо, ни воскресенія, но что вмѣстѣ съ тѣломъ погибаетъ и какъ бы угасаетъ и душа, тѣ по всей вѣроятности не удержатся ни отъ какого преступнаго дѣйствія А кто убѣжденъ, что никто не укроется отъ суда Божія и что самое тѣло понесетъ наказаніе вмѣстѣ съ душею, для которой оно служило орудіемъ неразумныхъ влеченій и страстей, тѣ — весьма основательно думать — будутъ избѣгать и малѣйшаго грѣха. И если кому кажется вздоромъ то, что истлѣвшее, разрушившееся и совершенно уничтожившееся тѣло снова придетъ въ прежній составъ, то не вѣрующіе могутъ обвинять насъ развѣ только въ простотѣ ума, а не въ худой нравственности, ибо заблужденіемъ своимъ мы никому не вредимъ. Можно было бы показать что не мы одни признаемъ воскресеніе тѣлъ, но и многіе философы, но это теперь неумѣстно: насъ упрекнули бы въ томъ, что въ настоящее изслѣдованіе вводимъ постороннія разсужденія, если бы стали говорить, напримѣръ, объ умопостигаемомъ и о чувственныхъ вещахъ и ихъ устройствѣ, или о томъ, что безтѣлесное существуетъ прежде тѣлъ, и что вещи чувственныя, хотя онѣ первыя поражаютъ наши чувства, явились послѣ умопостигаемыхъ существъ, такъ-какъ тѣла составились

изъ безтѣлесныхъ началъ чреаъ ихъ совокупленіе и чувственное произошло изъ умопостигаемаго, ибо по ученію Пиѳагора и Платона ничто не препятствуетъ, чтобы тѣла послѣ своего разрушенія опять составились изъ тѣхъ же стихій, изъ которыхъ онѣ произошли первоначально. Но мы отложимъ разсужденіе о воскресеніи.

37. Вы же, государи, во всѣхъ отношеніяхъ, и по природѣ и по своему образованію, столь благіе, умѣренные, человѣколюбивые и достойные царства, удостойте вашего царскаго одобренія меня за то, что я опровергъ клеветы и доказалъ наше благочестіе, кротость и благонравіе. Какіе люди болѣе заслуживаютъ получить просимое, какъ не мы, которые молимся за вашу власть, чтобы сынъ, какъ требуетъ справедливость, наслѣдовалъ отъ отца царство, и чтобы ваша власть болѣе и болѣе утверждалась и распространялась и все вамъ покорствовало? Это полезно и для насъ, чтобы намъ вести жизнь тихую и безмятежную [108] и охотно исполнять ваши повелѣнія.

[108] 1 Тимоѳ. II, 2

АѲИНАГОРА

АѲИНЯНИНА ФИЛОСОФА ХРИСТІАНСКАГО О ВОСКРЕСЕНІИ МЕРТВЫХЪ.

---

1. Ко всякому положенію и ученію, выражающему истину вещей, прирастаетъ нѣчто ложное, прирастаетъ не потому, чтобъ это естественно развивалось изъ какого-либо начала, или отъ какой-либо причины, свойственной каждой вещи, но оно привносится тѣми, которые нарочито измышляютъ зловредное сѣмя для искаженія истины. Въ этомъ можно убѣдиться, вопервыхъ, изъ примѣра тѣхъ, которые въ древности занимались философскими изслѣдованіями, изъ взаимнаго разногласія ихъ какъ съ древнѣйшими, такъ и съ современными имъ, а также изъ самой путаницы относительно нынѣ занимающихъ вопросовъ. Такіе люди ни одной истины не оставили не оклеветанною: ни существа Божія, ни Его вѣдѣнія, ни дѣятельности, ни всего того, что необходимо съ симъ связано и предписываетъ намъ образъ благочестія Одни совершенно и рѣшительно отвер-

гаютъ истину въ этихъ предметахъ, другіе извращаютъ ихъ по своимъ воззрѣніямъ, а иные стараются подвергнуть сомнѣнію самое очевидное Посему, я думаю, тотъ, кто занимается изслѣдованіемъ этихъ предметовъ, долженъ имѣть двоякаго рода доказательства: однѣ (непрямыя)—въ защиту истины, а другія (прямыя) въ подтвержденіе истины однѣ въ защиту истины противъ невѣрующихъ или сомнѣвающихся, а другіе въ подтвержденіе истины для благомыслящихъ и охотно принимающихъ истину. Поэтому, желающіе разсуждать объ этихъ предметахъ должны всегда имѣть въ виду, что̀ именно нужно въ тотъ или другой разъ, и съ симъ сообразовать свои доказательства, и самый порядокъ раскрытія ихъ приспособлять къ потребности, а не пренебрегать тою или другою нуждою, тѣмъ или другимъ мѣстомъ, свойственнымъ каждому предмету для того, чтобы казаться выдерживающими всегда одно и тоже начало. Конечно, въ отношеніи къ доказыванію и естественной послѣдовательности, доказательства прямыя, подтверждающія истину, должны предшествовать доказательствамъ непрямымъ, защищающимъ истину; но что касается до большей пользы тѣхъ или другихъ доказательствъ, то на оборотъ, непрямыя должны предшествовать доказательствамъ прямымъ. Такъ и земледѣлецъ не можетъ съ пользою бросать въ землю сѣмена, если напередъ не очиститъ ее отъ травъ дикихъ и вредныхъ для бросаемыхъ добрыхъ сѣмянъ; и врачъ не можетъ впускать въ больное тѣло какое-нибудь изъ цѣлительныхъ веществъ, если напередъ не очиститъ его отъ находящейся въ немъ злокачественной матеріи или не удержитъ ея притока. Такъ и желающій учить истинѣ, говоря объ истинѣ, не можетъ убѣдить никого, пока ка-

кое-нибудь ложное мнѣніе господствуетъ въ умѣ слушателей и противится словамъ его. Посему, имѣя въ виду большую пользу и мы иногда излагаемъ доказательства истины непрямыя прежде тѣхъ, которые прямо подтверждаютъ истину. Такимъ же образомъ поступить я нахожу небезполезнымъ и теперь въ разсужденіи о воскресеніи, обращая вниманіе на потребность Ибо и касательно этого предмета одни совершенно не вѣруютъ, другіе сомнѣваются, и изъ тѣхъ, которые принимаютъ первыя основанія (1), нѣкоторые колеблются умомъ подобно сомнѣвающимся и что̀ всего безразсуднѣе, они находятся въ такомъ состояніи, не имѣя никакого повода къ невѣрію въ самой сущности дѣла, и не находя сказать никакой основательной причины, почему они не вѣруютъ или колеблются.

2. Будемъ разсуждать такъ. Безспорно, что не всякое невѣріе бываетъ у нѣкоторыхъ безъ основанія и по безразсудному предубѣжденію, но иногда происходитъ отъ основательной причины и осторожности въ изысканіи истины: оно имѣетъ справедливое основаніе, когда самый предметъ, которому не вѣруютъ, представляется невѣроятнымъ, но не вѣрить тому, что само не есть невѣроятно, свойственно людямъ, не имѣющимъ здраваго сужденія относительно истины. Итакъ тѣ, которые не вѣруютъ или сомнѣваются касательно воскресенія, должны не по тому, что̀ кажется имъ безъ всякаго разсужденія и что̀ нравится людямъ развратнымъ, произносить о немъ сужденіе, но или допустить происхожденіе людей безъ всякой причины,—а это весьма

(1) Т е. на которыхъ утверждается истина воскресенія мертвыхъ,—всемогущество Бога и сотвореніе міра по Его волѣ, о чемъ и говоритъ Аѳинагоръ въ 1-й части своего трактата

легко опровергнуть,—или полагая причину существующаго въ Богѣ, смотрѣть на этотъ догматъ какъ на начало, и изъ него доказывать, что воскресеніе не имѣетъ никакой вѣроятности. А это они сдѣлаютъ, если будутъ въ состояніи доказать, что Богъ или не можетъ или не хочетъ— тѣла мертвыя или совершенно уже разрушившіяся опять соединить и собрать такъ, чтобы вышли тѣ же самые люди Если же они это не могутъ, то пусть отстанутъ отъ такого безбожнаго невѣрія и не кощунствуютъ надъ тѣмъ, надъ чѣмъ не должно. Ибо утверждаютъ ли они что Богъ не можетъ, или что Онъ не хочетъ этого. — въ томъ и другомъ случаѣ они говорятъ неправду, какъ видно будетъ изъ нижеслѣдующаго. Невозможнымъ для кого-нибудь справедливо признается дѣло, если онъ или не знаетъ, какъ его сдѣлать, или не имѣетъ достаточной силы хорошо исполнить то, что̀ знаетъ. Ибо незнающій того, что должно быть сдѣлано, не можетъ и предпринять и исполнить то, чего не знаетъ, а хорошо знающій то, что̀ должно сдѣлать, изъ чего и какъ сдѣлать, но или вовсе не имѣющій силы совершить знаемое, или не имѣющій достаточной силы, и не начнетъ дѣла, если онъ благоразуменъ и внимателенъ къ своимъ силамъ; приступивъ же необдуманно̀, не окончитъ предположеннаго. Но Богъ не можетъ не знать природы имѣющихъ воскреснуть тѣлъ, цѣлыхъ ли членовъ или ихъ частей, не можетъ не знать, куда поступаетъ каждая частица по разрушеніи тѣлъ и какая изъ стихій приняла каждую частицу, разрушившуюся и соединившуюся съ сроднымъ себѣ, хотя для людей совершенно неуловимы частицы тѣлъ опять соединившіяся съ сродными себѣ частями вселенной. Ибо Тотъ, Который прежде устроенія каждой

вещи зналъ прирору будущихъ стихій, изъ которыхъ должны произойти тѣла человѣческія, и тѣ части ихъ, изъ которыхъ Онъ намѣревался взять пригодное для устройства тѣла человѣческаго,—Тотъ, очевидно, и послѣ разрушенія цѣлаго тѣла не можетъ не знать, куда поступила каждая изъ частицъ, которыя Онъ употребилъ для полнаго образованія каждаго тѣла. Что касается до господствующаго теперь у насъ порядка вещей и до нашего сужденія о прочемъ,—намъ труднѣе напередъ знать то, чего еще нѣтъ, но для величія Божія и Его премудрости то и другое естественно и одинаково легко — напередъ знать несуществующее и знать разрушившееся.

3. Что могущество Божіе достаточно для воскрешенія тѣлъ, это доказываетъ самое происхожденіе ихъ. Ибо если Богъ въ первоначальномъ твореніи создалъ несуществовавшія тѣла человѣческія и самыя начала ихъ, то Онъ и разрушившіяся какимъ-либо образомъ воскреситъ съ такою же легкостію, такъ какъ для Него и это равно возможно. Такому ученію нисколько не вредитъ то, будетъ ли кто производить первыя начала тѣлъ человѣческихъ изъ вещества или изъ стихій, какъ первоначальныхъ основъ, или изъ сѣмянъ. Ибо какой силѣ свойственно было образовать вещество, по ихъ мнѣнію, безобразное, украсить безвидное и неустроенное многими и различными формами, части стихій соединить въ одно, и сѣмя единое и простое раздѣлить на многое, разчленить безчленное и дать жизнь безжизненному: той же самой силѣ свойственно соединить разрушившееся, воздвигнуть лежащее, опять оживотворить умершее и тлѣнное измѣнить въ нетлѣніе. Тому же Творцу и той же силѣ и премудрости свойственно и то, что рас-

хищено множествомъ разныхъ животныхъ, обыкновенно нападающихъ на такія тѣла и питающихся ими, извлечь изъ нихъ и присоединить опять къ собственнымъ членамъ и ихъ составамъ, хотя бы оно поступило въ одно животное, хотя бы во многія, хотя бы изъ нихъ въ другія, хотя бы вмѣстѣ съ ними разрушившись обратилось въ первыя начала по естественному на нихъ разложенію. это послѣднее особенно, повидимому, смущаетъ нѣкоторыхъ даже и изъ отличающихся мудростію, которымъ, не знаю почему, казались сильными такія недоумѣнія, представляемыя толпою.

4. Обыкновенно говорятъ, что многія тѣла погибшихъ при кораблекрушеніяхъ и въ рѣкахъ дѣлаются пищею рыбъ, также многія тѣла умирающихъ на войнѣ, или по другой какой-нибудь горестной причинѣ и несчастію лишающихся погребенія, пожираются встрѣчными животными. Когда такимъ образомъ тѣла истребятся и составляющія ихъ части и члены распредѣлятся по многимъ животнымъ, и посредствомъ питанія соединятся съ тѣлами питающихся: то, вопервыхъ, говорятъ, невозможно ихъ отдѣленіе, и къ тому, вовторыхъ, присоединяютъ еще болѣе затруднительное Такъ какъ изъ животныхъ, напитавшихся тѣлами человѣческими, нѣкоторыя годны въ пищу людямъ и проходя чрезъ ихъ чрево соединяются съ тѣлами потребившихъ ихъ: то по необходимости части людей, которыя сдѣлались пищею принявшихъ ихъ животныхъ, поступаютъ въ тѣла другихъ людей, такъ какъ напитавшіяся ими животныя препровождаютъ принятую пищу къ тѣмъ людямъ, для которыхъ сами они послужили пищею. Далѣе трагически говорятъ о дѣтяхъ, которыхъ родители вслѣдствіе голода или бѣшенства рѣшились пожрать, также о дѣтяхъ, съѣденныхъ

родителями по козням врагов, об известной мидийской трапезе (2), о трагических вечерях Θиеста, и приводят другие подобные несчастные случаи, происходившие у Еллинов и варваров. Этим доказывают, как они думают, невозможность воскресения, так как невозможно, чтобы одне и те же части воскресали вместе с теми и другими телами,—но или тела первых из них не могут составиться, когда части, из которых они состояли, перешли к другим людям, или, если эти части возвратятся к первым телам, тела последних будут неполными.

5. Но такие люди, мне кажется, во-первых, не разумеют могущества и премудрости Создателя и Распорядителя вселенной, Который приготовил для каждого животного пищу сродную и соответственную его естеству и роду, и не всякому веществу предоставил входить в соединение или смешение со всяким телом, и не затрудняется в отделении того, что соединилось, но позволяет естеству каждой твари делать или испытывать то, что ему свойственно, а иногда и препятствует, и все допускает или изменяет по Своей воле и сообразно с Своею целию. При этом надобно сказать, что они не обратили внимания на силу и свойство каждого из существ, которыя служат в пищу, и тех, которыя ими питаются. Иначе они знали бы, что не все что принимает кто-нибудь, уступая внешней необходимости, обращается в сродную пищу животному, но иное тотчас по принятии окружающими желудок частями портится и изблевывается, отделяется или иным образом извергается,

(2) Гарпагъ по невѣдѣнію съѣлъ члены сына своего, предложенные Астіагомъ. Герод. I. 119.

такъ что не подвергается даже первоначальному и естественному пищеваренію, а не только что не соединяется съ питающимся существомъ. Равнымъ образомъ, и не все, что сварилось и подверглось первоначальному измѣненію, вполнѣ поступаетъ въ питающіяся части тѣла, ибо иное въ самомъ чревѣ утрачиваетъ питательную силу, а иное послѣ вторичнаго измѣненія и переваренія въ печени отдѣляется и соединяется съ чѣмъ-либо другимъ, не имѣющимъ питательной силы. И послѣ измѣненія совершающагося въ печени, не все поступаетъ въ пищу людямъ, но отдѣляется въ обыкновенныхъ изверженіяхъ, и та пища, которая остается, иногда въ самыхъ питаемыхъ членахъ и составахъ превращается во что-нибудь другое, смотря по преобладанію избыточествующаго и болѣе обильнаго вещества, которое обыкновенно повреждаетъ или въ себя обращаетъ то, что къ нему привходитъ.

6. Итакъ, если животныя весьма различны по своей природѣ и самая естественная пища измѣняется сообразно съ родомъ и тѣлеснымъ устройствомъ каждаго изъ нихъ, и притомъ пища каждаго животнаго подвергается троякому очищенію и отдѣленію: то непремѣнно должно повреждаться и выходить, куда слѣдуетъ, или превращаться во что-нибудь другое—все чуждое питанію животнаго, какъ неспособное соединиться съ нимъ, а естественная и соотвѣтствующая силамъ питаемаго животнаго сила питающаго вещества поступаетъ въ него надлежащими путями, и будучи совершенно очищена естественными очищеніями, становится дѣйствительнымъ приращеніемъ существа; эту именно только пищу всякой, истинно понимающій дѣло, назоветъ пищею, такъ какъ она отвергаетъ все, что чуждо и вредно для со-

ставъ питаемаго животнаго и служитъ великимъ бременемъ при наполненіи желудка и утоленіи голода. Такая-то пища— въ этомъ никто не усомнится—соединяется съ питаемымъ тѣломъ, смѣшивается и сродничется со всѣми его частями и составами, а та, которая иного свойства и чужда природѣ, скоро портится, если встрѣтится съ сильнѣйшимъ веществомъ или легко портитъ другое, если само сильнѣе его, и обращается въ негодные соки и ядовитые качества, какъ не приносящая ничего роднаго или соотвѣтственнаго питаемому тѣлу Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то что у многихъ животныхъ отъ такого рода пищи происходитъ боль или опасное поврежденіе или смерть, когда они отъ сильнаго голода примутъ вмѣстѣ съ пищею что-либо ядовитое и противное ихъ природѣ, это совершенно гибельно для питающагося тѣла, потому что полезны для питанія животныхъ только родныя имъ и согласныя съ ихъ природою вещества, а противное причиняетъ вредъ. Итакъ, если по различію природы животныхъ различны виды свойственной имъ пищи и изъ нея не все, что приметъ животное, и не всякая часть ея вполнѣ соединяется съ питаемымъ тѣломъ, но только то, что очищено посредствомъ всяческаго пищеваренія и вполнѣ измѣнилось для соединенія съ извѣстнымъ тѣломъ и сдѣлалось сообразнымъ съ питаемыми частями: то, очевидно, что ничто противное природѣ никогда не соединяется съ ними, такъ какъ оно не составляетъ родной и соотвѣтственной имъ пищи, но или самымъ желудкомъ извергается въ видѣ твердомъ и испорченномъ, прежде чѣмъ произведетъ какой-либо другой сокъ, или оставаясь въ немъ долѣе, производитъ страданіе или болѣзнь трудно излечимую, которая повреждаетъ естествен-

ную пищу или и самую плоть, нуждающуюся въ пищѣ. И хотя иногда оно бываетъ устранено, при помощи какихъ-нибудь лекарствъ или лучшей пищи или естественныхъ силъ: но и тогда выходитъ съ немалымъ вредомъ, такъ какъ не приноситъ ничего сроднаго съ естествомъ тѣла, съ которымъ оно не можетъ соединиться.

7. Еслибы даже кто допустилъ, что изъ такихъ веществъ пища,—пусть останется за нею это названіе, какъ употребительнѣйшее,—хотя она и противна природѣ тѣла однако войдетъ въ него, раздробится и измѣнится во что-нибудь влажное или сухое, въ теплое или холодное, и тогда изъ такого предположенія противникамъ не будетъ никакой пользы, ибо воскресшія тѣла составятся опять изъ своихъ собственныхъ частей, а изъ упомянутыхъ веществъ ни одно не будетъ ихъ частію, даже не будетъ имѣть и вида или мѣста части, и притомъ не останется навсегда въ воспринявшихъ его членахъ тѣла, и при воскресеніи ихъ не воскреснетъ, такъ какъ для поддержанія жизни тогда не будутъ нужны ни кровь, ни влага, ни желчь, ни воздухъ. Ибо въ чемъ прежде нуждались тѣла когда они питались, въ томъ не будутъ нуждаться и тогда, потому что вмѣстѣ съ скудостію и тлѣніемъ питавшихся тѣлъ уничтожится нужда и въ питающихъ веществахъ. Посему, хотя бы кто и предположилъ, что измѣненіе производимое этою пищею, простирается даже до плоти: и въ такомъ случаѣ не будетъ никакой необходимости, чтобы плоть, такимъ образомъ измѣнившаяся, соединившись съ тѣломъ какого нибудь другаго человѣка, послѣ опять входила, какъ часть, въ полный составъ его, потому что сама плоть не сохраняетъ на всегда принятаго имъ вещества, да и то, что ею принято,

неостается неизмѣнно тамъ, куда привзошло, но подвергается многоразличнымъ измѣненіямъ, причиняемымъ то печалью или заботами, то скорбями или трудами или болѣзнми, и перемѣнами отъ жара или холода, между тѣмъ какъ жидкости, измѣняющіяся вмѣстѣ съ плотію и жиромъ не принимаютъ пищи для того, чтобы остаться тѣмъ, что они суть Если же такія измѣненія испытываетъ плоть то всякій пойметъ, что плоть, питаемая несроднымъ ей, терпитъ еще больше перемѣнъ, то утучняясь и расширяясь отъ принятыхъ ею веществъ, то извергая ихъ изъ себя какимъ-либо образомъ, и уменьшаясь отъ одной или отъ многихъ изъ сказанныхъ выше причинъ: остается же въ членахъ только то, что способствуетъ ихъ соединенію, укрѣпленію или согрѣванію, что избрано природою и соединяется съ веществами, которыми восполняется естественная жизнь и истощаніе отъ житейскихъ трудовъ. Такимъ образомъ, если обсудить какъ слѣдуетъ то, что мы теперь изслѣдовали и даже допустить предположенія, выставляемыя противниками, то нельзя доказать истины того, что они утверждаютъ, — чтобы тѣла человѣческія когда нибудь смѣшивались съ другими, подобными имъ, по невѣдѣнію ли кто, введенный въ обманъ другимъ, вкусилъ такого тѣла, или самъ по себѣ отъ голода или въ припадкѣ сумасшествія осквернилъ себя тѣломъ однороднаго съ нимъ существа, хотя и намъ не безъизвѣстню звѣри, которые имѣютъ человѣческій видъ, или имѣющіе природу людей и звѣрей, какихъ обыкновенно представляютъ отважнѣйшіе изъ поэговъ.

8. А что сказать о тѣлахъ человѣческихъ, которыя не назначены въ пищу ни одному животному, и которымъ, по достоинству природы, опредѣлена могила только въ землѣ,

такъ какъ Творецъ не назначилъ и другое какое изъ животныхъ въ пищу животнымъ того же вида, хотя предоставилъ онъ свойственную природѣ ихъ пищу находить въ животныхъ разнаго съ ними рода. Если противники могутъ доказать, что тѣла людей назначены въ пищу людямъ: то ничто не препятствуетъ признать, что людямъ ѣсть другъ друга естественно, какъ и другое что дозволенное природою, и пусть дерзающіе говорить наслаждаются тѣлами возлюбленныхъ своихъ, и угощаютъ ими своихъ пріятелей, какъ самымъ приличнымъ кушаньемъ. Но такъ какъ это нечестиво даже и говорить и вкушеніе плоти человѣческой людьми есть дѣло самое отвратительное и самое гнусное, и ужаснѣе всякаго беззаконнаго и противоестественнаго ядѣнія или дѣйствія, такъ-какъ съ другой стороны противоестественное никогда не можетъ поступить въ пищу нуждающимся въ ней членамъ и составамъ, а непоступающее въ пищу не можетъ соединиться съ тѣмъ, чего оно не питаетъ: то и тѣла людей никогда не могутъ соединиться съ подобными имъ тѣлами, для которыхъ эта пища противоестественна хотя нерѣдко проходитъ чрезъ ихъ чрево по какому нибудь ужасному несчастію; но имѣя питательной силы и разсѣявшись по тѣмъ частямъ вселенной, отъ которыхъ получили первоначальное свое происхожденіе, вещества соединяются съ сими послѣдними на время, на сколько каждому изъ нихъ придется: потомъ же они опять отдѣляются отъ нихъ премудростію и силою Того, Кто снабдилъ всякое животное существо свойственными ему силами — и соотвѣтственно природѣ соединяются каждое съ своимъ, хотя бы были онѣ сожжены огнемъ, или сгнили въ водѣ, хотя бы были поглощены звѣрями или другими животными, хотя бы иной членъ, отторгнутый отъ

цѣлаго тѣла, разложился прежде прочихъ членовъ. Соединившись опять другъ съ другомъ они займутъ прежнее мѣсто, чтобы составить то же тѣло, и дать новую жизнь тому, что умерло и совершенно разрушилось. Впрочемъ распространяться объ этомъ болѣе не благовременно, потому что это признается всѣми, по крайней мѣрѣ тѣми, кто не полузвѣри

9. Такъ какъ много есть болѣе полезнаго, что можно сказать о настоящемъ предметѣ изслѣдованія, то я не хочу теперь останавлится на доводахъ тѣхъ, которые прибѣгаютъ къ дѣламъ человѣческимъ и къ производителямъ ихъ людямъ и говорятъ, что послѣдніе не могутъ возобновить свои произведенія, если онѣ разобьются или обветшаютъ отъ времени, или инымъ образомъ повредятся, которые потомъ изъ примѣра горшечниковъ и ваятелей стараются доказать, что и Богъ нежелаетъ, а еслибы и желалъ, не можетъ воскресить умершее и разрушившееся тѣло; эти люди не понимаютъ, что чрезъ это они тягчайшимъ образомъ оскорбляютъ Бога, ставя на одинъ уровень силы совершенно различныхъ существъ, или лучше, самыя природы существъ ими обладающихъ, и искуственное наравнѣ съ естественнымъ. Останавливаться на нихъ стыдно; безразсудно поистинѣ опровергать мысли поверхностны и пустыя. Гораздо приличнѣе и всего справедливѣе сказать, что невозможное у людей возможно у Бога (5). Посредствомъ этого весьма умѣстнаго соображенія вмѣстѣ со всѣми вышеизложенными разумъ доказываетъ что (воскресеніе тѣлъ) дѣло воможное, значитъ оно не невозможно для Бога. Но кромѣ того оно и не неугодно волѣ Его.

---

(5) См. Лук XVIII, 27. Матѳ. XIX, 26

10. Неугодное Богу бываетъ неугодно Ему или какъ несправедливое или какъ недостойное. И опять, несправедливость можно усматривать или по отношенію къ самому имѣющему воскреснуть, или по отношенію къ кому-нибудь другому внѣ его. Но очевидно, что воскресеніе не дѣлаетъ несправедливости никому изъ посторонихъ существъ, которыя считаются въ числѣ существующихъ. Ни духовныя существа не будутъ обижены воскресеніемъ людей,—ибо воскресеніе людей не послужитъ никакимъ препятствіемъ для ихъ бытія, ни вредомъ, ни оскорбленіемъ, не будутъ обижены—ни безсловесныя животныя, ни бездушныя твари; ибо эти и не будутъ существовать послѣ воскресенія, а въ отношеніи къ несуществующему нѣтъ мѣста никакой несправедливости. Еслиже кто допуститъ, что и онѣ будутъ всегда существовать, и тогда онѣ не получатъ обиды отъ возобновленія тѣлъ человѣческихъ. Ибо если теперь будучи подчинены роду человѣческому, служа нуждамъ людей, находясь подъ игомъ и въ рабствѣ всякаго рода, онѣ не терпятъ отъ сего никакой несправедливости, тѣмъ болѣе тогда, когда люди будутъ безсмертны, чужды недостатка и уже не станутъ нуждаться въ употребленіи ихъ., онѣ освобожденныя отъ всякаго рабства не будутъ обижаться. Еслибы даже онѣ имѣли голосъ, то не стали бы обвинять Создателя, будто онѣ несправедливо унижены предъ людьми тѣмъ, что неудостоены одинаковаго съ ними воскресенія. Ибо существамъ, у которыхъ природа неодинакова, Справедливый не можетъ дать и конецъ одинаковый. Кромѣ того, у кого нѣтъ никакого понятія о справедливости, у тѣхъ не бываетъ и жалобы на несправедливость. Равнымъ образомъ нельзя сказать и того, чтобы представлялась какая несправ-

ведливость по отношенію къ самому человѣку воскрешаемому. Онъ состоитъ изъ души и тѣла; но тогда не будетъ сдѣлана несправедливость ни по отношенію къ душѣ, ни по отношенію къ тѣлу. Никто разсудительный не скажетъ, что будетъ обижена душа; иначе онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергнетъ и настоящую жизнь. Ибо если нынѣ, обитая въ тѣлѣ тлѣнномъ и подверженномъ страданію, она не терпитъ чрезъ это никакой несправедливости; тѣмъ болѣе для нея не будетъ обиды, когда станетъ обитать въ тѣлѣ нетлѣнномъ и чуждомъ страданія. И въ отношеніи къ тѣлу не будетъ никакой несправедливости. Ибо если нынѣ оно тлѣнное, существуя вмѣстѣ съ неглѣннымъ, не терпитъ обиды: то очевидно, само сдѣлавшись нетлѣннымъ и существуя вмѣстѣ съ нетлѣннымъ, чрезъ это не будетъ обижено. Нельзя сказать и того, чтобы недостойнымъ Бога дѣломъ было воскресить и составить разрушившееся тѣло. Ибо если не было недостойно Его создать тѣло худшее, т. е. тлѣнное и подверженное страданію: тѣмъ болѣе не недостойно Его создать лучшее, т. е. тѣло нетлѣнное и чуждое страданія.

11. Такимъ образомъ я доказалъ посредствомъ основныхъ истинъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій каждый пунктъ нашего изслѣдованія, и оказывается яснымъ, что воскресеніе разрушившихся тѣлъ есть дѣло и возможное и угодное и достойное Создателя. Чрезъ это же доказана и ложность противнаго мнѣнія и неосновательность доводовъ людей невѣрующихъ. Нужно ли еще говорить о взаимномъ отношеніи одного пункта съ другимъ и связи ихъ между собою, если только умѣстно упоминать о связи того и другаго, какъ будто они раздѣлены какою-либо противоположностію? Не должно ли сказать, что то, что Богъ можетъ сдѣ-

лать, Ему и желательно, и угодное Богу непремѣнно возможно и сообразно съ достоинствомъ желающаго? Выше достаточно сказано о томъ, что иное—доказательства истины прямыя, и иное — непрямыя, какое между ними различіе, и когда и по отношенію къ кому тѣ или другія бываютъ полезны. Но ничто не препятствуетъ, для общей пользы и для связи прежде сказаннаго съ тѣмъ, что далѣе буду говорить, начать рѣчь опять съ того же самаго и съ того, что близко къ этому. Одному роду доказательствъ естественно надлежитъ занимать первое мѣсто, а другое должно сопутствовать первому, наподобіе тѣлохранителя, пролагать путь и отстранять все, что препятствуетъ и противится. Ибо прямыя доказательства истины, какъ необходимыя всѣмъ людямъ для твердости въ убѣжденіи и спасенія, занимаютъ первое мѣсто и по природѣ своей, и по порядку, и по пользѣ: по природѣ своей, такъ-какъ онѣ доставляютъ познаніе о вещахъ; по порядку, такъ-какъ онѣ существуютъ въ томъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ доказываютъ; а по пользѣ, такъ-какъ способствуютъ твердости въ убѣжденіи и спасенію тѣхъ, которые познаютъ. А непрямыя доказательства истины и по природѣ своей и по силѣ стоять ниже; ибо менѣе значитъ обличать ложь, нежели подтверждать истину, и по порядку оно занимаетъ второе мѣсто; ибо имѣетъ силу только по отношенію къ ложно мыслящимъ, а ложное мнѣніе раждается отъ пришлаго сѣянія и извращенія истины. Но хотя это дѣйствительно такъ, послѣднія доказательства часто поставляются на первомъ мѣстѣ и бываютъ иногда болѣе полезны, такъ-какъ служатъ къ истребленію и предочищенію обременяющаго нѣкоторыхъ невѣрія и сомнѣнія или ложнаго мнѣнія тѣхъ, кто только-что приступаетъ къ истинѣ. Тѣ

и другіл направляются къ одной цѣли, — ибо къ благочестію ведутъ и тѣ доказательства, которыя обличаютъ ложь, и тѣ, которыя подтверждаютъ истину,—однако онѣ не одно и тоже: однѣ, какъ я сказалъ, необходимы для всѣхъ вѣрующихъ и заботящихся объ истинѣ и собственномъ спасеніи, а другія бываютъ полезнѣе иногда, нѣкоторымъ и по отношенію къ нѣкоторымъ. Объ этомъ сказалъ я кратко для напоминанія о томъ, что уже было сказано. Теперь же нужно приступить къ дѣлу и доказать истинность ученія о воскресеніи — какъ на основаніи той причины, по которой и для которой произошелъ первый человѣкъ и потомки его,— хотя они произошли неодинаковымъ образомъ,—такъ и на основаніи общей природы всѣхъ людей, какъ людей; равно и на основаніи будущаго суда, который произведетъ надъ ними Создатель за все время жизни каждаго изъ нихъ и за всякія дѣйствія, —въ справедливости котораго никто не станетъ сомнѣваться.

12. Доказательство на основаніи причины будетъ то, если мы разсмотримъ, случайно ли и напрасно сотворенъ человѣкъ, или для чего нибудь; если для чего нибудь, то для того ли онъ сотворенъ, чтобы ему жить и оставаться въ той природѣ, съ какою онъ произошелъ, или для пользы кого-нибудь другаго; если для пользы другаго, то для пользы ли самого Создателя, или кого-нибудь иного изъ близкихъ къ Нему и удостоившихся бо́льшаго попеченія. Разсматривая это болѣе общимъ образомъ, мы находимъ, что всякій благоразумный и приступающій къ какому нибудь дѣйствію по основательному обсужденію, не дѣлаетъ напрасно ничего, если дѣйствуетъ съ намѣреніемъ, но или для собственной пользы или для пользы кого-нибудь другаго, о

комъ онъ заботится, или для самаго дѣла, къ произведенію коего онъ побуждается нѣкоторымъ естественнымъ влеченіемъ и наклонностію. Напримѣръ — употребимъ сравненіе, чтобы пояснить нашу мысль, — человѣкъ строитъ домъ для собственной пользы, дѣлаетъ для быковъ и верблюдовъ или другихъ животныхъ, въ которыхъ онъ нуждается, приличную каждому изъ нихъ кровлю, не для собственной пользы. если судить по видимости, хотя относительно послѣдней цѣли она именно имѣется въ виду, но ближайшимъ образомъ для пользы тѣхъ, о которыхъ онъ заботится; раждаетъ дѣтей не для собственной пользы и не для кого-нибудь другаго изъ близкихъ къ себѣ, но для того, чтобы рожденные имъ существовали и жили, сколько возможно, преемствомъ дѣтей и потомковъ утѣшаясь въ своей кончинѣ и думая такимъ образомъ обезсмертить смертное. Такъ бываетъ у людей. И Богъ, конечно, сотворилъ человѣка не напрасно, — ибо Онъ премудръ, а никакое дѣло премудрости не бываетъ напрасно, — и не для собственной пользы; ибо Онъ ни въ чемъ не нуждается; Тому, кто совершенно ни въ чемъ не нуждается, ничто изъ созданнаго Имъ не можетъ служить къ собственной Его пользѣ. Также и не для кого нибудь изъ созданныхъ Имъ твореній Онъ сотворилъ человѣка. Ибо никто изъ одаренныхъ разумомъ и сужденіемъ не сотворенъ и не творится для пользы другаго большаго или меньшаго существа, но для собственной ихъ жизни и пребыванія. И разумъ не находитъ какой-нибуль пользы, которая была бы причиною сотворенія людей, ни для безсмертныхъ существъ, которыя не имѣютъ ни въ чемъ недостатка и отнюдь не нуждаются для своего бытія ни въ какомъ содѣйствіи отъ людей, — ни для безсловесныхъ животныхъ, которыя по при-

родѣ своей подвластны людямъ и исполняютъ для нихъ служ бы, какія каждому изъ нихъ свойственны, а не созданы для того, чтобы пользоваться людьми, ибо несправедливо употреблять начальствующее и управляющее на служеніе низшимъ, или разумное подчинять неразумнымъ, которыя неспособны къ начальствованію. Итакъ, если человѣкъ сотворенъ не безъ причины и не напрасно,—ибо ничто изъ сотвореннаго Богомъ не напрасно, въ отношеніи къ намѣренію Создателя,—и не для пользы самого Создателя или кого-нибудь другаго изъ твореній Божіихъ: то очевидно, что если смотрѣть на первую и общую причину всѣхъ вещей, Богъ сотворилъ человѣка ради Себя самого, ради благости и премудрости, созерцаемой во всѣхъ созданіяхъ, а если разсматривать причину ближайшую къ сотвореннымъ людямъ—для жизни самихъ сотворенныхъ, и притомъ для жизни, которая не на краткое время возжигается, а потомъ совершенно угасаетъ. Такую жизнь, по моему мнѣнію, Богъ удѣлилъ животнымъ пресмыкающимся, летающимъ и плавающимъ или, вообще сказать, всѣмъ безсловеснымъ; а тѣмъ, которые носятъ въ себѣ образъ самого Творца, владѣютъ умомъ и одарены разумнымъ смысломъ, Творецъ опредѣлилъ вѣчное существованіе, чтобъ они, познавая своего Творца и Его силу и премудрость, и слѣдуя закону и правдѣ, безболѣзненно пребывали во вѣки съ тѣмъ, съ чѣмъ проводили предшествующую жизнь, находясь въ тлѣнныхъ и земныхъ тѣлахъ. Тѣ существа, которыя сотворены для кого-нибудь другаго, по справедливости перестаютъ существовать, когда прекращаютъ свое бытіе тѣ, для которыхъ они сотворены, и не будутъ по напрасну существовать, такъ какъ въ твореніяхъ Божіихъ напрасное не имѣетъ мѣста. Но тѣ су-

щества, которыя сотворены для самого бытія своего и жизни, такъ какъ причина бытія соединена съ самою ихъ природою и усматривается только въ самомъ ихъ бытіи, никогда не могутъ подвергнуться ни отъ какой причины совершенному уничтоженію ихъ бытія. Если причина ихъ бытія всегда усматривается въ самомъ ихъ бытіи: то всегда должно сохраняться созданное такимъ образомъ живое существо, дѣлая и испытывая то, что ему свойственно, причемъ та и другая часть, изъ которыхъ оно состоитъ, проявляется свойственнымъ себѣ образомъ: именно душа существуетъ и пребываетъ съ тою природою своею, съ какой она сотворена, и совершаетъ свойственное себѣ, — а ей свойственно управлять тѣлесными стремленіями и все, что происходитъ, всегда опредѣлять и измѣрять надлежащими признаками и мѣрами, — а тѣло стремится по природѣ своей къ тому, что́ ему свойственно, и принимаетъ назначенныя ему измѣненія, а послѣ всѣхъ прочихъ, относящихся къ возрастамъ, къ виду, къ величинѣ,—и самое воскресеніе. Ибо воскресеніе есть нѣкоторый видъ измѣненія и притомъ самый послѣдній изъ всѣхъ; это — измѣненіе того, что еще останется въ то время, на лучшее.

13. Увѣренные въ этомъ не меньше, какъ и въ томъ, что уже совершилось, и разсматривая свою природу, мы любимъ и эту жизнь при всей ея скудости и тлѣнности, какъ сообразную съ настоящимъ состояніемъ нашимъ, и твердо надѣемся на жизнь въ нетлѣніи, которую не по человѣческимъ выдумкамъ воображаемъ, обольщая себя ложными ожиданіями; мы вѣруемъ неложному ручательству, — намѣренію Сотворившаго насъ, съ какимъ Онъ создалъ человѣка изъ безсмертной души и тѣла, даровалъ ему умъ и врож-

денный законъ для соблюденія и сохраненія того, что дано отъ Него и что̀ потребно для разумной жизни; мы хорошо знаемъ, что Онъ и не создалъ бы такое живое существо и не украсилъ бы его всѣмъ для всегдашней жизни, если бы не хотѣлъ, чтобы эта тварь всегда пребывала. Итакъ, если Творецъ всего создалъ человѣка для того, чтобы онъ былъ причастникомъ разумной жизни, и чтобы онъ сдѣлавшись созерцателемъ Его величія и сіяющей во всемъ мудрости, всегда пребывалъ въ такомъ созерцаніи, согласно съ намѣреніемъ Его и съ природою, какую получилъ человѣкъ: то причина сего созданія удостовѣряетъ въ непрерывности его существованія, а непрерывность — въ воскресеніи, безъ котораго человѣкъ не существовалъ бы всегда. Изъ сказаннаго очевидно, какъ причиною созданія человѣка и намѣреніемъ Творца ясно доказывается воскресеніе. Если же такова причина, по которой человѣкъ введенъ въ міръ, то необходимо разсмотрѣть и то, что естественно или по порядку слѣдуетъ за этимъ. А по порядку изслѣдованія послѣ причины сотворенія слѣдуетъ природа сотворенныхъ людей; за природою же сотворенныхъ — праведный судъ объ нихъ Творца и послѣ всего этого — послѣдняя цѣль ихъ. Итакъ изслѣдовавши самое первое, нужно за тѣмъ разсмотрѣть природу человѣческую.

14. Доказательство истины ученія или какихъ-либо предметовъ, подлежащихъ изслѣдованію, сообщаетъ неложную достовѣрность положеніямъ тогда, когда заимствуется не откуда нибудь извнѣ и не изъ того, что̀ кажется или казалось нѣкоторымъ, но — изъ общаго всѣмъ и природнаго смысла, или изъ связи производныхъ истинъ съ основными. Ибо дѣло идетъ или объ основныхъ истинахъ, и тогда нуж-

но только указаніе на природный смыслъ, или о такихъ, которыя естественно вытекаютъ изъ первыхъ, и объ ихъ естественной связи съ ними; тогда нужно соблюдать въ нихъ порядокъ и показать, что̀ дѣйствительно вытекаетъ изъ основныхъ или прежде доказанныхъ истинъ, дабы не была пренебрежена истина и ея правильное доказываніе, не было смѣшано или разорвано въ своей естественной связи то, что по природѣ находится въ порядкѣ и разграничено. По этому, мнѣ кажется, тѣ, которые добросовѣстно занимаются настоящимъ предметомъ и хотятъ здраво судить, есть ли воскресеніе человѣческихъ тѣлъ, или нѣтъ, — напередъ должны внимательно разсмотрѣть силу каждаго изъ идущихъ сюда доказательствъ, и какое каждое изъ нихъ должно занять мѣсто, что̀ между ними первое, что̀ — второе, что̀ — третье, и что̀ — послѣднее изъ нихъ. Располагая же ихъ, на первомъ мѣстѣ должно поставить — причину сотворенія людей, т. е. намѣреніе Творца, съ какимъ Онъ сотворилъ человѣка, къ ней потомъ естественно присоединить природу сотворенныхъ людей, — не потому, чтобы она была второстепеннымъ доказательствомъ, но потому, что невозможно заразъ судить о томъ и другомъ, хотя они весьма близки между собою и представляютъ одинаковую силу въ отношеніи къ предмету. Когда этими доводами, какъ первыми, которые заимствуются отъ творческой дѣятельности Божіей, несомнѣнно доказано будетъ воскресеніе: тогда можно достовѣрность его подтверждать и доводами изъ промысла Божія; я говорю о слѣдующей каждому человѣку наградѣ или наказаніи, по праведному суду, и о предлежащей цѣли человѣческой жизни. Многіе, разсуждая о воскресеніи, только третьему доказательству придаютъ всю силу, ду-

мая, что причина воскресенія — судъ. Ошибочность этого ясно открывается изъ того, что всѣ умершіе люди воскреснутъ, но не всѣ воскресшіе будутъ судимы. Ибо еслибы одинъ только праведный судъ былъ причиною воскресенія: то слѣдовало бы, что не сдѣлавшіе ничего худаго, ни добраго не воскреснутъ, напр. самые малые младенцы. А между тѣмъ воскресеніе назначено какъ всѣмъ прочимъ, такъ и умершимъ въ первомъ возрастѣ; и послѣдніе служатъ доказательствомъ, что воскресеніе будетъ не ради суда, какъ первой причины, но по намѣренію Творца и по природѣ сотворенныхъ существъ.

15. Хотя достаточно и одной причины, усматриваемой въ сотвореніи людей, для доказательства того, что воскресеніе, по естественному порядку, слѣдуетъ за разрушеніемъ тѣлъ; но справедливо — не опускать ни одного изъ предположенныхъ доводовъ, но согласно съ тѣмъ, что сказано, показать для тѣхъ, которые сами не могутъ усмотрѣть, силу каждаго изъ нихъ, и прежде всего показать, какое значеніе имѣетъ природа сотворенныхъ людей, которая приводитъ къ тому же убѣжденію и равно утверждаетъ вѣру въ воскресеніе. Если вообще природа человѣческая состоитъ изъ безсмертной души и изъ тѣла, которое соединено съ нею при сотвореніи; если ни природѣ души самой по себѣ, ни природѣ тѣла отдѣльно не даровалъ Богъ самостоятельнаго бытія и жизни, но только людямъ состоящимъ изъ души и тѣла, чтобы, съ тѣми же частями, изъ которыхъ они состоятъ, когда раждаются и живутъ, по окончаніи сей жизни они достигали одного общаго конца: то душа и тѣло въ человѣкѣ составляютъ одно живое существо, которое испытываетъ и свойственное душѣ и свойственное тѣлу, дѣйствуетъ и ис-

полняетъ то, что относится къ чувственному или умственному постиженію; и потому совершенно необходимо, чтобы такой составъ всецѣло направлялся къ одному концу, — дабы все и во всѣхъ отношеніяхъ сходилось къ одной гармоніи и къ общему согласію, — сотвореніе человѣка, природа человѣческая, жизнь человѣческая, дѣйствія и страданія, образъ жизни, и сообразная съ природою послѣдняя судьба. Если же есть единство и гармонія во всемъ этомъ живомъ существѣ, если есть согласіе между дѣйствіями души и отправленіями тѣла, то должна быть одинакова и послѣдняя цѣль всего этого. Одна же дѣйствительно будетъ послѣдняя цѣль, если живое существо, назначенное къ извѣстному концу, будетъ находиться въ томъ же своемъ составѣ. Оно будетъ совершенно тѣмъ же живымъ существомъ, когда будетъ имѣть тѣ же всѣ части, изъ которыхъ состоитъ это живое существо. А части эти тогда только явятся въ свойственномъ имъ соединеніи, когда тѣ изъ нихъ, которыя разрушились, опять соединятся въ составъ живаго существа. Образованіе же состава тѣхъ же людей по необходимости ведетъ къ воскресенію тѣлъ, умершихъ и разрушившихся; ибо безъ него тѣ же части не соединились бы между собою по природѣ, и не возставилось бы естество тѣхъ же людей. Если умъ и разсудокъ даны людямъ для уразумѣнія умопостигаемыхъ предметовъ, не только сущностей сотворенныхъ, но и благости, премудрости и правды Того, Кто даровалъ ихъ: то необходимо, чтобы если продолжаютъ существовать тѣ предметы, для которыхъ данъ разсудокъ, пребывала и самая дарованная на сіе способность сужденія. А она не можетъ пребывать, если не существуетъ та природа, которая одарена ею, и въ которой она находит-

ся. Существо же, получившее умъ и разсудокъ, есть человѣкъ, а — не душа сама по себѣ; слѣдовательно человѣку должно оставаться всегда и состоять изъ души и тѣла; а такимъ пребывать ему не возможно, если не воскреснетъ. Ибо если нѣтъ воскресенія: то не останется природа человѣковъ, какъ человѣковъ. Еслиже человѣческая природа не остается существовать: то напрасно душа связана съ немощами тѣла и его состояніями, напрасно и тѣло удерживается отъ достиженія того, къ чему стремится, будучи направлено и сдерживаемо уздою души; напрасно существуетъ умъ, напрасна разсудительность и соблюденіе правды или упражненіе во всякой добродѣтели, напрасны законодательство и уставы, и вообще сказать, все то, что есть прекраснаго въ людяхъ и для людей, или лучше напрасно самое сотвореніе людей и ихъ природа. Если же рѣшительно во всѣхъ дѣлахъ Божіихъ и исходящихъ отъ Него дарахъ нѣтъ ничего напраснаго; то совершенно необходимо, чтобы безсмертной душѣ соотвѣтствовало вѣчное пребываніе и тѣла, сообразно съ его природою.

16. Пусть не удивляются, что жизнь, прекращаемую смертію и тлѣніемъ, мы называемъ пребываніемъ — имѣя въ виду, что не одинъ смыслъ этого выраженія, и не одна мѣра пребыванія, такъ какъ неодна и природа пребывающихъ существъ. Ибо каждое изъ пребывающихъ имѣетъ пребываніе сообразное съ своею собственною природою, и никто не долженъ искать такого же пребыванія у существъ совершенно нетлѣнныхъ и безсмертныхъ, такъ какъ существа совершеннѣйшіе не равняются съ низшими; и у людей нельзя искать такого неизмѣннаго пребыванія. Тѣ сотворены безсмертными отъ начала и нескончаемо пребываютъ по еди-

ной волѣ Творца; а люди по душѣ имѣютъ отъ сотворенія непрерывное существованіе, но по тѣлу получаютъ нетлѣніе послѣ измѣненія. Таковъ смыслъ ученія о воскресеніи. Имѣя его въ виду, мы ожидаемъ и разрушенія тѣла, слѣдующаго за жизнью немощной и тлѣнной, и послѣ него уповаемъ имѣть пребываніе въ нетлѣніи: такимъ образомъ мы не равняемъ нашу смерть со смертію животныхъ, и пребываніе людей съ пребываніемъ безсмертныхъ, чтобы чрезъ это намъ непоставять неразумно природу и жизнь людей въ одинъ уровень съ существами, совершенно различными. Итакъ недолжно сокрушаться, если усматривается нѣкоторое неравенство въ пребываніи (4) людей, и ради того, что отдѣленіе души отъ частей тѣла и разложеніе частей разрываетъ непрерывность жизни,—не должно отвергать воскресенія. Ибо съ ослабленіемъ чувствъ и физическихъ силъ, которое естественно бываетъ во время сна, повидимому также прерывается жизнь, состоящая въ сознательномъ ощущеніи, такъ-какъ люди засыпаютъ на извѣстный промежутокъ времени, и какъ бы снова возвращаютъ къ жизни,—и однакожь мы не отказываемся называть такое состояніе жизнію. По этой причинѣ, я думаю, нѣкоторые называютъ сонъ — братомъ смерти, не потому, чтобы производили ихъ отъ однихъ и тѣхъ же предковъ или отцевъ, но—по одинаковости состоянія умершихъ и спящихъ, по спокойствію и нечувствительности ко всему, что существуетъ и происходитъ, и даже къ бытію собственной жизни. Итакъ, если мы жизнь людей, не смотря на то, что она подвержена такимъ измѣненіямъ отъ начала до разрушенія, и терпитъ прерывы отъ

(4) Т. е съ пребываніемъ чистыхъ духовъ, ангеловъ

всѣхъ вышесказанныхъ обстоятельствъ, не отказываемся однако называть тою же жизнію: то мы не должны отвергать и жизни, слѣдующей послѣ разрушенія, которая приведетъ воскресеніе, — хотя она прерывается на нѣкоторое время чрезъ разлученіе души отъ тѣла.

17. Ибо такова природа людей; изъ начала и по мысли Творца она получила въ удѣлъ — подвергаться измѣненіямъ и имѣетъ жизнь и пребываніе неодинаковое, но прерываемое то сномъ, то смертію, то перемѣнами въ каждомъ возрастѣ, такъ какъ послѣдующій возрастъ не обнаруживается ясно въ предыдущемъ. Кто повѣрилъ бы, если бы не былъ наученъ опытомъ, что въ безразличномъ и безформенномъ сѣмени заключено столь много и столь великихъ силъ, такое разнообразіе частей, возникающихъ и слагающихся въ немъ, какъ-то: костей, нервовъ, хрящей, кромѣ того, мускуловъ, плоти, внутренностей и прочихъ составовъ тѣла? Ни во влажныхъ сѣменахъ ничего этого не видно, ни у младенцевъ не замѣчается того, что обнаруживается у юношей, ни въ возрастѣ юношескомъ того, что свойственно мужамъ зрѣлымъ, ни у сихъ послѣднихъ того, что бываетъ у стариковъ. Хотя изъ помянутыхъ возрастовъ нѣкоторые вовсе не обнаруживаютъ, а нѣкоторые не ясно представляютъ естественную свою послѣдовательность и перемѣны, происходящія въ человѣческой природѣ: однако тѣ, которые не слѣпотствуютъ злонамѣренно или по безпечности въ изслѣдованіи дѣла, знаютъ, что прежде всего должны быть брошены сѣмена, что когда послѣ образованія изъ нихъ отдѣльныхъ частей и членовъ плодъ явится на свѣтъ, наступаетъ развитіе перваго возраста, послѣ этого развитія слѣдуетъ зрѣлость, послѣ зрѣлости — упадокъ есте-

ственныхъ силъ—до старости, а потомъ разрушеніе одряхлѣвшихъ тѣлъ. И такъ, если здѣсь, хотя ни сѣмя не представляетъ ясно начертанной жизни человѣческой или ея вида, ни жизнь не обнаруживаетъ послѣдующаго разрушенія на первоначальныя стихіи, однако порядокъ естественныхъ явленій внушаетъ вѣру въ то, что̀ еще не удостовѣрено самыми явленіями: тѣмъ болѣе разумъ, изслѣдуя истину въ естественномъ порядкѣ, удостовѣряетъ въ воскресеніи, имѣя надежнѣйшія и болѣе сильныя, чѣмъ опытъ, основанія къ подтвержденію истины.

18. Предложенныя нами выше доказательства, подтверждающія воскресеніе, всѣ одного рода, такъ какъ происходятъ изъ одного начала, — а это начало у нихъ—происхожденіе первыхъ людей чрезъ сотвореніе; но одни изъ нихъ утверждаются на самомъ первомъ началѣ, изъ котораго произошли, а другія, вытекающія изъ природы и жизни людей, заимствуютъ свою достовѣрность отъ промышленія Божія объ насъ. Ибо причина, по которой и для которой сотворены люди, находясь въ тѣсной связи съ природою человѣческою, получаетъ свою силу изъ сотворенія; доказательство же, заимствуемое изъ правосудія, по которому Богъ судитъ благочестиво и нечестиво жившихъ людей, получаетъ силу изъ назначенія ихъ; и хотя судъ и назначеніе людей происходятъ оттуда — отъ сотворенія, но болѣе утверждаются на промышленіи. Раскрывъ сколько можно первые доводы, хорошо доказать разсматриваемую нами истину и посредствомъ послѣднихъ: я говорю о предстоящей каждому человѣку наградѣ или наказаніи по праведному суду, и о цѣли человѣческой жизни. И изъ этого нужно напередъ поставить то, что естественно предшествуетъ, и прежде разсмо-

трѣть мысль о судѣ. Здѣсь присовокуплю только, по заботливости о надлежащей основательности и порядкѣ въ изложеніи, одно: что именно тѣ, которые признаютъ Бога творцемъ всего, если хотятъ быть вѣрными своимъ началамъ, необходимо должны допустить, что все сотворенное находится подъ сохраненіемъ и промышленіемъ премудрости и правды Его, и разсуждая такимъ образомъ, должны признать, что ничто ни на землѣ, ни на небѣ неизъято изъ управленія и провидѣнія Божія, но что попеченіе Творца простирается на все сокровенное и явное, малое и великое. Ибо все сотворенное имѣетъ нужду въ промышленіи Творца, и каждое существо въ частности, относительно своей природы и назначенія, для котораго оно создано. Я считаю дѣломъ пустаго тщеславія входить теперь въ подробности о томъ, что̀ свойственно природѣ каждой вещи; но человѣкъ, о которомъ предлежитъ теперь говорить, какъ слабый, имѣетъ нужду въ пищѣ; какъ смертный, въ потомствѣ, какъ разумный, въ правосудіи. Если же каждая изъ этихъ потребностей свойственна человѣку по его природѣ, и онъ нуждается въ пищѣ для поддержанія жизни, нуждается въ потомствѣ для продолженія рода, нуждается въ правосудіи для законнаго пріобрѣтенія пищи и потомства: то необходимо, чтобы, какъ пища и преемство рода относятся къ обѣимъ частямъ его существа, такъ и правосудіе простиралось на обѣ же части, — то есть на всего человѣка состоящаго изъ души и тѣла, — и чтобы весь человѣкъ подлежалъ суду за всѣ свои дѣла, и получалъ за нихъ награду или наказаніе. Если праведный судъ полагаетъ возмездіе за дѣйствія обѣимъ частямъ, и не одна душа должна получить возмездіе за то, что сдѣлано ею вмѣстѣ съ тѣломъ, — ибо

она не сама по себѣ увлекается къ грѣхамъ относительно тѣлесныхъ удовольствій, пищи или другихъ чувственныхъ благъ,— и ни одно только тѣло, — ибо оно само по себѣ не способно разсуждать о законѣ и правосудіи:—но человѣкъ, состоящій изъ того и другаго подлежитъ суду за каждое изъ своихъ дѣйствій, между тѣмъ разумъ не находитъ этого воздаянія ни въ настоящей жизни,—ибо въ настоящей жизни нѣтъ его по достоинству, такъ какъ многіе безбожники, преданные всякому беззаконію и нечестію, не испытываютъ несчастій до самой смерти, и напротивъ, тѣ, которые жизнь свою провождаютъ во всякой добродѣтели, подвергаются скорбямъ, обидамъ, клеветамъ, мученіямъ и всякимъ бадствіямъ, — ни послѣ смерти,—ибо человѣкъ не состоитъ еще изъ обѣихъ частей, пока душа отдѣлилась отъ тѣла, а тѣло разложилось на то, изъ чего оно было составлено, и не сохраняетъ ничего изъ прежней своей природы или вида, ни даже памяти о содѣланномъ: — то слѣдствіе очевидно для всякаго: именно что надлежитъ по Апостолу, «тлѣнному сему» и рассыпавшемуся «облещись въ нетлѣніе», дабы, когда умершіе оживутъ чрезъ воскресеніе, и опять соединится радѣлившееся или совершенно разрушившееся, каждый получилъ должное, за то, «что съ тѣломъ содѣлалъ, благое или злое» (5).

19. Итакъ, тѣмъ, которые признаютъ Промыслъ и принимаютъ съ нами однѣ и тѣ же начала, но потомъ, не знаю какимъ образомъ, отступаютъ отъ собственныхъ положеній, тѣмъ пусть всякій предлагаетъ эти разсужденія, и даже больше этихъ, если захочетъ пространнѣе изложить то, что сказано много сокращенно и мимоходомъ. А тѣмъ,

(5) 1 Кор. XV, 53 и 2 Кор. V, 10

которые расходятся въ самыхъ основаніяхъ, полезно было бы предложить другое начало, показывая вмѣстѣ съ ними сомнѣніе въ томъ, что они изслѣдуютъ, и вмѣстѣ съ ними разсуждая такимъ образомъ: совершенно ли навсегда оставлена безъ вниманія жизнь и все поведеніе людей и распростертъ на землѣ какой-то глубокій мракъ, покрывающій невѣденіемъ и забвеніемъ самихъ людей и дѣла ихъ, или гораздо безопаснѣе думать, что Творецъ управляетъ своими твореніями, надзираетъ надъ всѣмъ существующимъ и совершающимся, и есть судія дѣлъ и намѣреній? Еслибы никогда не было никакого суда надъ человѣческими дѣяніями то люди не имѣли бы никакого преимущества предъ животными, или даже были бы еще несчастнѣе ихъ, такъ какъ они борются со страстями и заботятся о благочестіи и правдѣ и о прочихъ добродѣтеляхъ; а жизнь скотская была бы самою лучшею, добродѣтель—нелѣпостью, угроза суда—крайне смѣшною, наслажденіе всякими удовольствіями—величайшимъ благомъ; и общимъ для всего ученіемъ и однимъ закономъ было бы любимое у невоздержныхъ и сладострастныхъ правило: «будемъ ѣсть и пить, ибо утромъ умремъ» (6). Конецъ такой жизни не удовольствіе, какъ думаютъ нѣкоторые, а совершенное безчувствіе. Если же Творецъ людей имѣетъ какое-нибудь попеченіе о своихъ твореніяхъ, и соблюдаетъ различіе между доброю и худою жизнію, то это послѣдуетъ или въ настоящей жизни, когда еще живутъ люди добродѣтельные или злые, или послѣ смерти, когда они подвергнутся раздѣленію и разрушенію. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не можетъ быть соблюденъ праведный судъ. Ибо въ настоящей жизни ни добрые не

(6) Исаіи XXII, 13, 1 Кор XV, 32.

получаютъ должнаго за добродѣтели, ни злые—за свое нечестіе. Я уже не говорю о томъ, что, пока пребываетъ наша природа въ томъ видѣ, въ какомъ мы теперь существуемъ, эта смертная природа не можетъ понести наказанія, которое равнялось бы весьма многимъ и весьма тяжкимъ преступленіямъ. Такъ, разбойникъ, правитель или тиранъ, умертвившій несправедливо безчисленное множество людей, одною смертію своею не могъ бы заплатить за нихъ правосудію. Такъ нечестивецъ, который не имѣлъ ни одного истиннаго представленія о Богѣ, предавался всякому глумленію и злохуленію, презиралъ божественное, попиралъ законы, растлѣвалъ дѣтей и женщинъ, несправедливо разорялъ города, сожигалъ домы вмѣстѣ съ живущими въ нихъ, опустошалъ области, истреблялъ множество людей, или даже цѣлый народъ: какимъ образомъ онъ въ тлѣнномъ тѣлѣ получилъ бы наказаніе, соразмѣрное съ этими злодѣяніями, если смерть предвосхищаетъ его отъ заслуженнаго наказанія, и смертное естество его недостаточно для возмездія даже за какое-нибудь одно изъ преступленій его? Итакъ, ни въ настоящей жизни не видно праведнаго суда, ни послѣ смерти.

20. Смерть есть или совершенное прекращеніе жизни, такъ что душа вмѣстѣ съ тѣломъ разрушается и истлѣваетъ, или душа пребываетъ одна, неразложимая, неразрушимая, негибнущая, а разрушается только тѣло, не сохраняя никакого воспоминанія о содѣянномъ, и никакого ощущенія того, что оно испытало по вліянію души. Ибо если совершенно угасаетъ жизнь людей, тогда нѣтъ никакого попеченія о людяхъ уже неживущихъ, никакого суда надъ тѣми, которые жили добродѣтельно или нечестиво; а въ такомъ случаѣ

привзойдутъ всѣ злодѣянія беззаконной жизни, и множество гнусностей, связанныхъ съ такою жизнію, и главное изъ этихъ беззаконій,—безбожіе. Если же подвергается тлѣнію одно тѣло, и каждая изъ разрушившихся частей его переходитъ къ сроднымъ стихіямъ, а душа, какъ нетлѣнная, остается сама по себѣ: то и тогда судъ надъ нею не будетъ имѣть мѣста, такъ какъ нѣтъ здѣсь правосудія. Но нелѣпо предполагать, будто отъ Бога или у Бога бываетъ какой-нибудь судъ, въ которомъ нѣтъ правды: а правды не бываетъ въ судѣ, когда недостаетъ того, кто совершилъ праведное или неправедное. Совершилъ же въ жизни то, о чемъ производится судъ, человѣкъ, а не одна душа. Кратко сказать, такой судъ не соблюлъ бы ни въ чемъ справедливости.

21. Если будутъ награждены добрыя дѣла, то очевидно, будетъ оказана несправедливость въ отношеніи къ тѣлу, которое участвовало съ душею въ трудахъ при совершеніи добра, и не участвуетъ въ наградѣ за добрыя дѣла; и тогда какъ душа часто получаетъ прощеніе нѣкоторыхъ согрѣшеній ради немощи и нуждъ тѣла, само тѣло будетъ лишено награды за участіе въ добрыхъ дѣлахъ, въ которыхъ во время жизни и оно несло труды вмѣстѣ съ душею. И когда будутъ судимы согрѣшенія, не соблюдется правосудіе въ отношеніи къ душѣ, если она одна подвергнется наказанію за тѣ грѣхи, которые она совершила подвигнутая тѣломъ и увлеченная его стремленіями или движеніями, иногда внезапно и какъ бы воровски, иногда съ нѣкоторымъ насиліемъ, иногда подъ благовиднымъ предлогомъ попеченія о сохраненіи тѣла. Или какая была бы справедливость — подвергать суду одну душу за то, къ чему она по своей природѣ не имѣетъ

ни вожделѣнія, ни влеченія или стремленія, напримѣръ, за роскошь, или насиліе, или жадность, или несправедливость, и происходящіе отъ нихъ пороки? Если большая часть такихъ злодѣяній бываетъ отъ того, что люди не сдерживаютъ волнующія ихъ страсти, а страсти возникаютъ отъ требованія и нужъ тѣла, отъ попеченія о немъ и угожденія ему,— ибо ради этого всякое стяжаніе и наслажденіе, такъ же супружество и всѣ житейскія дѣла, между которыми и изъ-за которыхъ одно считается предосудительнымъ, а другое нѣтъ: —то гдѣ правосудіе, если одна душа подвергнется суду за то, къ чему тѣло первое чувствуетъ стремленіе и увлекаетъ душу къ сочувствію и къ общенію въ дѣйстіяхъ для того, что ему потребно? Если сильныя влеченія и сладострастныя похоти, равно какъ страхи и печали, въ которыхъ всякая неумѣренность подлежитъ осужденію, получаютъ свое движеніе отъ тѣла; а за происходящія отъ нихъ грѣхи и наказанія за нихъ падутъ на одну душу, которая ни въ чемъ такомъ не нуждается, не похотствуетъ, не страшится, и сама по себѣ не испытываетъ ничего такого, что обыкновенно испытываетъ человѣкъ? Если даже положимъ, что страсти принадлежатъ не одному тѣлу, а и душѣ человѣка, что и справедливо, такъ какъ единая жизнь его слагается изъ обоихъ: однако не можемъ сказать, чтобы онѣ принадлежали одной душѣ, если отдѣльно разсматриваемъ ея собственную природу. Ибо если она совершенно не нуждается ни въ какой пищѣ, то она никогда не можетъ стремиться къ тому, въ чемъ она не имѣетъ нужды для своего бытія, не можетъ домогаться чего-нибудь такого, чѣмъ она вовсе не можетъ пользоваться; она никогда не будетъ скорбѣть о недостаткѣ денегъ или стяжаній, какъ совершенно безполез-

ныхъ для нея. Если она выше тлѣнія, то не страшится ничего того, что могло бы причинить ей смерть; не страшится ни голода, ни болѣзни, ни отсѣченія членовъ, ни увѣчья, ни огня, ни желѣза потому что она не можетъ потерпѣть отъ сего никакого вреда или болѣзни, такъ какъ ея совершенно не касаются ни тѣла, ни силы тѣлесныя Если же страстныя движенія присвоять собственно душамъ— нелѣпо: то преступленія, происходящія отъ нихъ, и наказанія за нихъ возлагать на однѣ души — чрезвычайно несправедливо и недостойно суда Божія.

22. Кромѣ того, не нелѣпо ли — добродѣтель и порокъ считать даже немыслимыми въ одной душѣ, отдѣльно отъ тѣла, ибо добродѣтели мы признаемъ добродѣтелями человѣка, равно какъ и противоположные имъ пороки, а не относимъ къ душѣ, отдѣленной отъ тѣла, самой по себѣ существующей, — награду же или наказаніе за нихъ относить къ одной душѣ? Какимъ образомъ представить себѣ мужество и твердость въ одной только душѣ, когда она не боится ни смерти, ни ранъ, ни отсѣченій членовъ, ни ущерба, ни ударовъ, ни происходящихъ отъ нихъ страданій, или несчастій? Какимъ образомъ представить въ ней воздержаніе и цѣломудріе, когда она не влечется никакимъ желаніемъ къ пищѣ, или совокупленію, или другимъ удовольствіямъ и наслажденіямъ, когда ничто другое ни извнутри не возбуждаетъ ея, ни извнѣ не подстрекаетъ? Какъ представить въ ней благоразуміе, когда ей не предлежитъ, надъ чѣмъ бы ей дѣйствовать или не дѣйствовать, что избирать и чего убѣгать, или лучше, когда въ ней нѣтъ никакого движенія, или естественнаго стремленія къ какой-либо внѣшней дѣятельности? Какимъ образомъ душамъ можетъ быть свой-

ственна справедливость въ отношеніи другъ къ другу или къ чему-нибудь другому однородному или разнородному когда онѣ не имѣютъ, почему бы, чѣмъ бы и какъ бы воздать по заслугамъ или по закону равномѣрности за исключеніемъ почтенія къ Богу, когда онѣ не имѣютъ стремленія, или побужденія къ пользованію своимъ или къ воздержанію отъ чужаго. когда пользованіе тѣмъ, что сообразно съ природою или воздержаніе отъ сего свойственно тѣмъ, которые такъ рождены, чтобы могли пользоваться; а душа ни въ чемъ не имѣетъ нужды, и не такъ устроена, чтобы пользоваться тѣмъ или другимъ, и поэтому въ ней такъ устроенной не можетъ оказаться своекорыстія?

23. И нелѣпѣе всего то, что установленные законы относятъ къ людямъ, а возмездіе за законныя и незаконныя дѣянія обращаютъ на одне души. Ибо если по справедливости слѣдуетъ принять наказаніе за преступленіе тому, кто принялъ законы, законы же принялъ человѣкъ, а не душа сама по себѣ: то и наказаніе за проступки долженъ понести человѣкъ, а не одна душа. Богъ не душамъ заповѣдалъ воздерживаться отъ того, что нисколько не свойственно имъ, напримѣръ прелюбодѣянія, убійства, воровства, хищенія, поношенія родителей, и вообще всякаго пожеланія, причиняющаго ближнему обиду и вредъ Ибо заповѣдь: «чти отца твоего и матерь» (7) не къ душамъ только относится, такъ какъ эти названія не свойственны имъ, потому что не души рождаютъ душъ, такъ чтобы имъ присвоялось названіе отца или матери, а люди людей. Такъ же и эту заповѣдь: «не прелюбы сотвори» (8), не сообразно было бы обратить къ

(7) Исх XX, 12 Лук XVIII, 20
(8) Исх. XX, 13.

душамъ, когда между ними не существуетъ различіе мужескаго пола и женскаго, и въ нихъ нѣтъ ни способности, ни стремленія къ совокупленію. Когда нѣтъ этого стремленія, не можетъ быть совокупленія; а у кого совершенно нѣтъ совокупленія, у тѣхъ нѣтъ и законнаго совокупленія, т. е. брака; когда же не существуетъ законное совокупленіе, то не можетъ имѣть мѣста и незаконное совокупленіе, и вожделѣніе или совокупленія съ чужою женою, т. е.— прелюбодѣяніе. И запрещеніе похищать или желать большаго не относится къ душамъ; ибо имъ нѣтъ нужды въ томъ, въ чемъ нуждающіеся, вслѣдствіе естественнаго недостатка или потребности, обыкновенно похищаютъ или отнимаютъ силою, напримѣръ золото или серебро, или животное, или что-нибудь другое, относящееся къ пищѣ или одеждѣ или житейскому употребленію. Для природы безсмертной безполезно все, что для нуждающихся составляетъ предметъ стремленія, какъ полезное. Впрочемъ подробнѣйшее изслѣдованіе объ этомъ пусть будетъ представлено тѣмъ, которые желаютъ тщательнѣе изслѣдовать каждый предметъ, или имѣютъ бо́льшую охоту состязаться съ противниками. А намъ достаточно того, что́ теперь сказано и что́ согласно съ этимъ подтверждаетъ истину воскресенія, и было бы неблаговременно дольше останавливаться на томъ же; ибо мы поставили цѣлію не то, чтобы ничего не опустить, что можно сказать, но чтобы кратко показать всѣмъ собравшимся (9), какъ должно разсуждать о воскресеніи, и доказательства, на которыхъ утверждается это ученіе, сообразовать съ способностію присутствующихъ.

(9) Т. е. ученикамъ или друзьямъ, въ присутствіи которыхъ Аѳинагоръ читалъ свой трактатъ.

24. Послѣ выше предложеннаго изслѣдованія остается разсмотрѣть доказательство, заимствуемое изъ цѣли человѣка: оно уже ясно изъ того, что̀ сказано, но слѣдуетъ его разсмотрѣть и дополнить на столько, на сколько нужно для того, чтобы не показалось, что мы оставили безъ вниманія то, о чемъ сказали только кратко, и отступили отъ предмета, или сдѣланнаго въ началѣ раздѣленія. По этой причинѣ и ради тѣхъ, которые очень занимаются симъ предметомъ, достаточно указать только на то, что и для произведеній природы и для произведеній искусства должна быть свойственная каждому цѣль: въ этомъ убѣждаетъ насъ всеобщій смыслъ и свидѣтельство нагляднаго опыта Развѣ мы не видимъ, что иную цѣль имѣютъ въ виду земледѣльцы, иную врачи, и еще, что иное назначеніе того, что родится изъ земли, и иное животныхъ, которыя питаются отъ нея и рождаются по нѣкоторому естественному преемству? Если же это несомнѣнно, и силы, какъ естественныя, такъ и искусственныя, а также ихъ произведенія, должны имѣть свойственное имъ назначеніе: то совершенно необходимо, чтобы назначеніе людей, какъ особенныхъ по своей природѣ существъ, не имѣло ничего общаго съ другими. Ибо несправедливо назначать одну и ту же цѣль и для тѣхъ, которыя не имѣютъ разумнаго сужденія, и для тѣхъ, которыя дѣйствуютъ по врожденному закону и разуму, и способны къ жизни разумной и къ справедливости. Такимъ образомъ безпечальность не можетъ быть собственно ихъ цѣлію, — ибо это было бы у нихъ обще съ существами, лишенными всякаго чувства; — не можетъ также и наслажденіе тѣмъ, что питаетъ и услаждаетъ тѣло, и обиліе удовольствій, — ибо тогда необходимо имѣла бы преимущество жизнь скот-

ская, а жизнь добродѣтельная была бы безцѣльна, — это я считаю собственно назначеніемъ звѣрей и скотовъ, а не людей одаренныхъ безсмертною душею и разумнымъ сужденіемъ.

25. Равнымъ обратомъ не можетъ быть назначеніемъ человѣка блаженство души, отдѣленной отъ тѣла. Ибо мы разсматриваемъ жизнь, или назначеніе не одной какой-либо изъ частей, изъ которыхъ состоитъ человѣкъ, но человѣка, состоящаго изъ обѣихъ. Таковъ именно всякій человѣкъ, получившій эту жизнь, и должна же быть собственная цѣль его жизни. Если же цѣль относится къ обѣимъ частямъ, а между тѣмъ она, по причинамъ неоднократно высказаннымъ выше, не можетъ быть указана для живущихъ людей ни въ этой жизни, ни по отдѣленіи души отъ тѣла, потому что человѣкъ не есть уже человѣкъ, когда тѣло разрушилось или совершенно уничтожилось, хотя бы душа и продолжала существовать сама по себѣ: то совершенно необходимо, чтобы назначеніе людей находилось въ какомъ-либо иномъ состояніи этого двучастнаго живаго существа. А если это необходимо слѣдуетъ, то непремѣнно должно быть воскресеніе тѣлъ, умершихъ и совершенно разрушившихся, и вторичное существованіе тѣхъ же людей; ибо естественный законъ опредѣляетъ цѣль ни для человѣка вообще и ни кое-кого изъ людей, но для тѣхъ самыхъ, которые провели эту жизнь, а они не могутъ опять существовать, какъ тѣ же люди, если тѣ же самыя тѣла не будутъ возвращены тѣмъ же самымъ душамъ. Но чтобы тоже самое тѣло приняло ту же самую душу, это не иначе возможно, какъ только чрезъ воскресеніе. Когда это совершится, тогда достигнется цѣль, со-

образная съ природою людей. Никто не погрѣшилъ бы, еслибъ сказалъ, что цѣль сознательной жизни и разумнаго сужденія—въ постоянномъ и непрерывномъ занятіи тѣмъ, къ чему больше и прежде всего приспособленъ естественный разумъ — въ созерцаніи Сущаго и непрестанномъ услаж деніи Его заповѣдями, хотя многіе изъ людей, слишкомъ пристрастно и сильно предавшіеся земному, недостигаютъ этой цѣли. Не измѣняетъ общаго жребія множество такихъ, которые уклоняются отъ предназначенной имъ цѣли каждый подвергнется суду и каждому будетъ соразмѣрена награда или наказаніе за добрую или худую жизнь.

СВ. ѲЕОФИЛЪ АНТІОХІЙСКІЙ

И ЕГО

ТРИ КНИГИ КЪ АВТОЛИКУ

О ВѢРѢ ХРИСТІАНСКОЙ.

О СВ. ѲЕОФИЛѢ АНТІОХІЙСКОМЪ И ЕГО КНИГАХЪ КЪ АВТОЛИКУ.

О жизни св. Ѳеофила Антіохійскаго очень мало извѣстно. Изъ его сочиненія, написаннаго къ Автолику о вѣрѣ христіанской, видно, что Ѳеофилъ родился и воспитался въ язычествѣ и получилъ отличное ученое образованіе. Подобно многимъ другихъ (напримѣръ Іустину, Татіану и Аѳинагору) онъ познакомился съ священными книгами христіанъ и чрезъ чтеніе ихъ, особенно писаній пророческихъ, увѣровалъ во Христа. (ad Autol. 1, 14). Уваженіе, какое пріобрѣлъ онъ въ кругу вѣрующихъ своею ревностію по вѣрѣ, свидѣтельствуется тѣмъ, что по смерти Эроса, пятаго епископа антіохійской церкви (168), онъ былъ поставленъ въ преемники ему. О епископской дѣятельности его можно судить по слѣдующему отзыву Евсевія: «такъ какъ въ это время еретики, подобно плевеламъ, нисколько не менѣе вредили чистому сѣмени апостольскаго ученія; то пастыри церкви повсюду старались отгонять ихъ отъ стада Христова, иногда наставленіями и увѣщаніями къ самимъ братьямъ, иногда открытою борьбой противъ враговъ, то устными состязаніями и опроверженіями, то чрезъ сочиненія... Возставалъ на еретиковъ, въ числѣ другихъ и Ѳеофилъ» (Ц. Ист. IV, 24) Такъ какъ Ѳеофилъ въ 3-й книгѣ своей къ Автолику говоритъ о смерти римскаго императора Марка Аврелія философа (180), то обыкновенно вмѣстѣ съ Никифоромъ принимаютъ, что Ѳео-

филъ былъ епископомъ около 13 лѣтъ 168—181); а ученые бенедиктанцы время его епископства полагаютъ отъ 176 г. до 186 г.

По свидѣтельству Евсевія, св. Θеофилъ написалъ «превосходную» книгу противъ Маркіона и сочиненіе противъ ереси Гермогена, въ которомъ онъ, между прочимъ, приводилъ свидѣтельства изъ апокалипсиса Іоанна (тамъ же). Кромѣ того Евсевій и Іеронимъ упоминаютъ о другихъ «огласительныхъ сочиненіяхъ,» о краткихъ, но прекрасныхъ трактатахъ, относящихся къ назиданію церкви» (Catal. 48). Іеронимъ говоритъ о приписываемомъ Θеофилу толкованіи на Евангеліе и на притчи Соломона, но замѣчаетъ, что они не соотвѣтствуютъ изяществу слога въ другихъ его сочиненіяхъ. Впрочемъ онъ въ предисловіи къ толкованію на Матѳея цитуетъ Θеофиловъ комментарій на Евангеліе. На основаніи словъ Іеронима (epist. ad algas. 121), думаютъ (Отто), что комментарій Θеофила былъ въ родѣ свода или гармоніи четырехъ евангелистовъ съ объясненіемъ текста въ совокупности, а не порознь (*). Самъ св. Θеофилъ упоминаетъ въ книгѣ къ Автолику (II, 28, 30) о сочиненіи, въ которомъ излагалось о демонѣ, обольстившемъ первыхъ человѣковъ, и о родословіи патріарховъ. Но всѣ эти полемическія, толковательныя и общеназидательныя сочиненія Θеофила не дошли до насъ (**).

Единственное дошедшее до насъ сочиненіе св. Θеофила антіохійскаго—*три книги къ Автолику*, о которыхъ упоминаютъ Евсевій и Іеронимъ. Достоинство ихъ относительно какъ содержанія, такъ и изложенія заставляютъ очень сожалѣть о потерѣ другихъ указанныхъ нами твореній Θеофила. Авто-

(*) Іеронимъ говоритъ. Theophilus evangelistarum in unum opus dicta compingens ingenii sui nobis monumenta dimisit. *Ad Algas.*

(**) Что касается до латинскаго комментарія на Евангеліе, напечатаннаго въ Bibliotheca Patrum t. I, и перепечатаннаго въ изданіи Отто, то онъ не принадлежитъ Θеофилу, такъ какъ не похожъ на переводъ съ греческаго, и кромѣ другихъ анахронисмовъ содержитъ цитаты изъ сочиненій Кипріана, Амвросія и Іеронима

ликъ, къ которому написаны книги о вѣрѣ христіанской, былъ очень образованный и можетъ быть облеченный властью язычникъ, лично знакомый съ Θеофиломъ, но исполненный предубѣжденія и ненависти противъ христіанства. Устныя собесѣдованія съ нимъ Θеофила были поводомъ къ написанію книгъ о христіанской вѣрѣ. Эти книги были написаны не вдругъ, а порознь въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ существуютъ, и были посылаемы къ Автолику, и уже послѣ, по однородности своего содержанія, собраны въ одно цѣлое. Послѣ одной изъ бесѣдъ, въ которой Автоликъ смѣялся надъ ученіемъ христіанскимъ, особенно о Богѣ и воскресеніи мертвыхъ, и надъ самымъ именемъ христіанина, написана *первая* книга. Въ ней св. Θеофилъ на требованіе Автолика: «покажи мнѣ твоего Бога,» отвѣчаетъ: «покажи мнѣ твоего человѣка и я покажу тебѣ моего Бога; покажи, что очи души твоей видятъ и уши сердца твоего слышатъ» (гл. 2). Онъ доказываетъ, что Богъ не можетъ быть видимъ плотскими очами и неизобразимъ для человѣка по Его безконечности; но можетъ быть познаваемъ изъ Его промысла и дѣйствій, полное же знаніе и созерцаніе Бога сдѣлается возможнымъ тогда, когда мы совлечемся смертнаго тѣла и облечемся въ безсмертіе (гл. 3—7). Такъ какъ Автоликъ не вѣрилъ воскресенію мертвыхъ, то Θеофилъ сперва показываетъ, что безъ вѣры мы не можемъ обойдтись въ дѣлахъ житейскихъ и достигнуть въ нихъ успѣха, и тѣмъ болѣе должны вѣрить Богу, создавшему насъ изъ небытія въ бытіе (гл. 8—11); и коснувшись имени христіанъ, которое ничего нелѣпаго не содержитъ въ себѣ, но означаетъ «людей помазанныхъ елеемъ Божіимъ (гл. 12), потомъ отвѣчаетъ на требованіе Автолика показать воскресшаго мертвеца.» Я показалъ бы тебѣ мертвеца воскресшаго, который и теперь живъ: но и этому не повѣришь.» Затѣмъ указываетъ ему въ самой природѣ образы воскресенія, напримѣръ въ смѣнѣ дней и ночей, въ произра-

станіи деревъ, въ выздоровленіи больныхъ (гл. 13) и наконецъ собственнымъ примѣромъ, какъ онъ дошелъ до убѣжденія въ истинѣ, убѣждаетъ вѣрить ученію христіанскому (гл. 14).—Во *второй* книгѣ Ѳеофилъ, по желанію Автолика, продолжаетъ свое разсужденіе, доказываетъ ложность *языческаго* суевѣрія — почитаніемъ за боговъ идоловъ, сдѣланныхъ людьми, противорѣчіемъ философскихъ системъ и нелѣпостью ѳеогоній поэтовъ (1—8), и сему противополагаетъ истинность Божественнаго откровенія, содержащагося въ писаніяхъ пророковъ, и въ особенности раскрываетъ смыслъ и достоинство сказаній книги Бытія о сотвореніи міра и человѣка, о раѣ, о паденіи первыхъ людей, и о первоначальной исторіи человѣческаго рода, до разсѣянія народовъ по всей земли (9—38). Въ *третьей* книгѣ Ѳеофилъ опровергаетъ обвиненія въ безнравственности христіанъ, показывая, что по всей справедливости эти обвиненія падаютъ на языческихъ писателей (1—8), напротивъ ученіе христіанъ возвѣщаетъ высокія истины о Единомъ Богѣ, Святомъ Законодателѣ, о покаяніи, о правдѣ, о чистотѣ въ самыхъ помыслахъ, о любви даже ко врагамъ, и это подтверждаетъ жизнію христіанъ, которые воздерживаются даже отъ языческихъ игрищъ и непристойныхъ зрѣлищъ (9 — 15). Потомъ на возраженіе, что христіанское ученіе ново, доказываетъ, что напротивъ священныя книги христіанъ восходятъ къ глубочайшей древности, сравнивая хронологію библейскую и языческую, (16—29) и въ заключеніе проситъ внимательно прочитать его книгу (гл. 30).

Таково содержаніе трехъ книгъ о христіанской вѣрѣ, которыя даютъ Ѳеофилу весьма видное мѣсто въ ряду христіанскихъ апологетовъ II вѣка.

Свящ. П. Преображенскій.

(*) Эти книги на русскій языкъ не были переведены. Лучшее изданіе ихъ — новѣйшее, находящееся въ Corpus apolog. Otto. 1859.

ѲЕОФИЛА КЪ АВТОЛИКУ

КНИГА ПЕРВАЯ.

1. Краснорѣчивый языкъ и изящныя выраженія доставляютъ наслажденіе и питаютъ тщеславіе людей съ испорченнымъ умомъ; любитель же истины не обращаетъ вниманія на цвѣтистость словъ, но изслѣдуетъ самое дѣло рѣчи, что̀ и каково оно. Такъ какъ ты, мой другъ, забросалъ меня пустыми словами, говоря въ похвалу твоихъ боговъ—каменныхъ и деревянныхъ, выбитыхъ и литыхъ, изваянныхъ и живописныхъ, «которые не видятъ и не слышатъ, ибо они суть идолы и произведенія рукъ человѣческихъ» (1), и сверхъ того называешь меня христіаниномъ, какъ будто я ношу какое-нибудь преступное имя: то съ своей стороны признаю, что я христіанинъ, и ношу это боголюбезное имя въ надеждѣ быть угоднымъ Богу. Имя Божіе не есть, какъ ты предполагаешь, что-либо укорительное; можетъ-быть потому думаешь такъ о Богѣ, что самъ ты еще не угоденъ Богу.

(1) Псал 113, 12—14 и 134, 15—17.

2. Если ты скажешь: «покажи мнѣ твоего Бога» (2), то я отвѣчу тебѣ: покажи мнѣ твоего человѣка (3) и я покажу тебѣ моего Бога. Покажи, что очи души твоей видятъ и уши сердца твоего слышатъ. Ибо какъ тѣлесныя глаза у зрячихъ людей видятъ предметы этой земной жизни и усматриваютъ различіе, напримѣръ, между свѣтомъ и тьмою, между бѣлымъ и чернымъ, между безобразнымъ и красивымъ, между правильнымъ, соразмѣрнымъ и неправильнымъ, несоразмѣрнымъ, между чрезмѣрнымъ и недостаточнымъ, или какъ уши различаютъ звуки, подлежащіе слуху—рѣзкіе, тяжелые или пріятные. такъ точно есть уши сердца и очи души, чтобы видѣть Бога. И Богъ бываетъ видимъ для тѣхъ, кто способны видѣть Его, у кого именно открыты очи душевныя. Всѣ имѣютъ глаза, но у иныхъ они покрыты мракомъ и не видятъ солнечнаго свѣта. И хотя слѣпые не видятъ, свѣтъ солнечный все-таки существуетъ и свѣтитъ, а слѣпые пусть жалуются на самихъ себя и на свои глаза. Такъ и у тебя, другъ мой, очи твоей души помрачены грѣхами и злыми дѣлами твоими. Человѣкъ долженъ имѣть душу чистую, какъ блестящее зеркало. Когда на зеркалѣ есть ржавчина, то не можетъ быть видимо въ зеркалѣ лице человѣческое: такъ и человѣкъ, когда въ немъ есть грѣхъ, не можетъ созерцать Бога. Итакъ покажи ты себя самого, не прелюбодѣй ли ты, не блудникъ ли, воръ, грабитель, похититель, растлитель отроковъ, не сварливъ ли ты, не злорѣчивъ ли, не гнѣвливъ ли, не завистливъ ли, не над-

---

(2) См. гл. 14 Цецилій у Минуція Феликса также упрекаетъ Христіанъ, что они чтутъ Бога, котораго ни показать, ни видѣть не могутъ.

(3) Т е. *внутренняго* человѣка, таковъ ли онъ, каковъ долженъ быть для того. чтобы видѣть Бога

мѣненъ ли, не гордъ ли, не буенъ ли, не сребролюбивъ ли, не ослушникъ ли родителямъ, не продавецъ ли дѣтей твоихъ. Ибо Богъ не открывается тѣмъ, кто это дѣлаютъ, если напередъ не очистятъ себя отъ всякой скверны Все это наводитъ мракъ, и какъ болѣзнь на глазахъ не позволяетъ имъ обращаться къ свѣту солнечному, такъ и тебя, мой другъ, беззаконія помрачаютъ такъ, что не можешь видѣть Бога.

3. Ты скажешь мнѣ: «ты видящій опиши мнѣ видъ Бога.» Послушай, другъ мой: видъ Бога не описуемъ и неизъяснимъ, ибо не можетъ быть видимъ плотскими глазами. Его слава безконечна, величіе необъятно, высота непостижима, могущество неизмѣримо, мудрость неизслѣдима, благость неподражаема, благодѣянія неизреченны. Ибо если назову Его свѣтомъ, то я скажу объ Его твореніи; назову ли Его Словомъ, скажу объ владычествѣ (4); назову ли Его умомъ, скажу объ Его мудрости; назову ли Духомъ, скажу объ Его дыханіи; назову ли мудростію, скажу объ Его порожденіи; назову ли крѣпостію, скажу объ Его могуществѣ; назову ли силою, скажу объ Его дѣятельности, назову ли Промысломъ, скажу объ Его благости; назову ли царствомъ, скажу объ Его славѣ; назову ли господомъ, — назову Его судіею; назову ли судіею,—назову Его праведнымъ; назову ли отцемъ, — скажу объ Его любви; назову ли огнемъ,— скажу объ Его гнѣвѣ. Скажешь мнѣ: «такъ Богъ гнѣвается?» Да, Онъ гнѣвается на тѣхъ, которые дѣлаютъ зло, но благъ, щедръ и милостивъ къ любящимъ и боящимся Его;

---

(4) Т. е. Богъ-Отецъ владычествуетъ надъ всѣмъ чрезъ Сына Своего—Слово.

ибо Онъ наставникъ благочестивыхъ и отецъ праведныхъ, но судія и каратель нечестивыхъ.

4. Богъ безначаленъ, потому что Онъ не произошелъ,—неизмѣняемъ, потому что безсмертенъ. Онъ называется Богомъ (Θεός) потому что положилъ (διὰ τὸ τεθεικέναι) все въ своей крѣпости, и διὰ τὸ θέειν: слово же θέειν означаетъ бѣжать, двигать, производить, питать, провидѣть, управлять, оживотворять все (5). Онъ называется Господомъ, потому что господствуетъ надъ всѣмъ,—Отцемъ, потому что существуетъ прежде всего,—Зиждителемъ и Творцемъ, потому что все создалъ и сотворилъ,—Всевышнимъ, потому что превыше всего,—Вседержителемъ, потому что всѣмъ управляетъ и все содержитъ. Ибо и высоты небесъ, и глубины безднъ, и предѣлы вселенной въ рукѣ Его, и пѣтъ мѣста Его успокоенія (6). Небеса—Его дѣло, земля—Его твореніе, море—Его созданіе, человѣкъ—Его произведеніе и подобіе, солнце, луна и звѣзды—Его стихіи, сотворенныя въ знаменія, во времена, дни и годы (7), на службу и пользу людей; и все Богъ создалъ изъ небытія въ бытіе, дабы изъ дѣлъ Его было познаваемо и разумѣемо Его величіе.

5. Какъ душа въ человѣкѣ невидима и низрима для людей, познается же чрезъ движеніе тѣла, такъ и Бога нельзя видѣть очами человѣческими, но Онъ созерцается и познается изъ Его провидѣнія и дѣйствій. Ибо кто увидитъ корабль въ морѣ снаряженный и идущій къ берегу, непре-

---

(5) Слово θεος производятъ отъ τιθεναι также Геродотъ (II, 52) и Климентъ александрійскій (Strom I, с. 29 § 182). Отъ θέειν производятъ его Сократъ у Платона (Cratyl. с 16), также Клим. алекс. (Protr с. 2. § 26), св. Аѳанасій (de definit), Григорій Назіанзинъ въ 31 Словѣ

(6) Исаіи LXVI, 1 и Дѣян. VII, 49.

(7) Быт. 1, 14.

мѣнно заключитъ, что есть на немъ кормчій, управляющій его движеніемъ; такъ точно должно думать, что есть Богъ Правитель вселенной, хотя Онъ и невидимъ плотскими глазами по Его безконечности. Если человѣкъ не можетъ взглянуть на солнце—это весьма малое въ сравненіи съ вселенной тѣло,—по чрезмѣрному его жару и силѣ, то не меньше ли еще смертный человѣкъ можетъ зрѣть неизреченную славу Бога? Какъ гранатовое яблоко, снаружи покрытое кожицею, имѣетъ внутри много ячеекъ и вмѣстилищь, отдѣленныхъ другъ отъ друга тонкими плевами, и содержитъ въ себѣ много сѣмянъ: такъ все твореніе содержится духомъ Божіимъ (8) и этотъ духъ вмѣстѣ съ твореніемъ содержится рукою Божіей. И какъ зерно гранатнаго яблока, въ немъ содержащееся, не можетъ видѣть то, что̀ внѣ кожицы, будучи само внутри; такъ и человѣкъ, который вмѣстѣ со всѣмъ твореніемъ содержится рукою Божіей, не можетъ видѣть Бога. Далѣе—царя земнаго хотя не всѣ видятъ, но признаютъ его бытіе и знаютъ о немъ по его законамъ, распоряженіямъ, властямъ, войскамъ и изображеніямъ. А ты не хочешь такимъ же образомъ познавать Бога изъ Его дѣлъ и силъ? (9).

6. Разсмотри, мой другъ, дѣла Его,—преемственныя смѣны временъ года и перемѣны воздуховъ, благочинное теченію звѣздъ, правильное послѣдованіе дней и ночей, мѣся-

---

(8) Здѣсь св. Ѳеофилъ говоритъ не о св. Духѣ, но о духѣ Божіемъ, какъ душѣ міра, который все оживляетъ, питаетъ землю, вдыхается человѣкомъ (гл. 7), при созданіи міра носился надъ водами, дарованъ творенію какъ душа человѣку, повсюду разлитъ (кн II, гл 4 13)

(9) Это мѣсто: «царя земнаго..,» приводитъ подъ именемъ Ѳеофила св. Іоаннъ Дамаскинъ (Sacr. parall.) Такое же уподобленіе дѣлаетъ св Ириней (adv. haer. II, c. 6 § 2).

цевъ и годовъ, разнообразную красоту сѣменъ, растеній и плодовъ, многоразличные виды животныхъ четвероногихъ, птицъ, гадовъ и рыбъ, рѣчныхъ и морскихъ,—также данный животнымъ инстинктъ къ рожденію и воспитанію потомства не для ихъ собственной пользы, а для употребленія человѣка,—промыслъ Божій, приготовляющій пищу для всякой плоти,—то подчиненіе, которое опредѣлено животнымъ въ отношеніи къ человѣческому роду,—теченіе пріятныхъ потоковъ и неизсякающихъ рѣкъ, періодическое выпаденіе росы и дождей, разнообразное движеніе небесныхъ тѣлъ, восходъ утренней звѣзды, предвѣстницы появленія полнаго свѣтила, союзъ Плеяды и Оріона, теченіе Арктура и прочихъ звѣздъ по небесному кругу, коимъ всѣмъ многоразличная премудрость Божія дала собственныя имена ([10]). Сей Богъ единый сотворилъ изъ тьмы свѣтъ, хранилища южнаго вѣтра ([11]) и сокровища бездны и предѣлы морей, и сокровища снѣга и града, собираетъ воды въ сокровищахъ бездны ([12]) и мракъ въ его сокровищахъ, и изводитъ свѣтъ пріятный и вожделенный изъ сокровища его, возводитъ облака съ края земли и умножаетъ молніи для дождя, посылаетъ громъ для страха и предвозвѣщаетъ взрывъ грома посредствомъ молніи, чтобы никто не умеръ отъ внезапнаго страха, и самую силу молніи, сходящей съ небесъ, умѣряетъ такъ, чтобъ она не сожгла земли, ибо еслибы молнія взяла всю силу свою, то сожгла бы землю, и громъ предоставленный самому себѣ разрушилъ бы все на землѣ.

([10]) Псал. 146, 4.
([11]) Іов. IX, 9.
([12]) Пс. 32, 7.

7. Сей Богъ мой есть Господь вселенной, Который одинъ простеръ небо ([13]) и положилъ широту поднебесной, Который возмущаетъ глубину моря и шумъ волнъ его возбуждаетъ, ([14]) владычествуетъ надъ силою его и укрощаетъ возмущеніе волнъ ([15]), Который утвердилъ землю на водахъ ([16]) и даетъ духъ питающій ее, дыханіе коего животворитъ все, и съ удержаніемъ коего вселенная разрушится. Объ Немъ ты говоришь, человѣкъ, Его духомъ дышишь, и Его-то не знаешь. Это произошло у тебя отъ помраченія души и окаменѣнія сердца твоего. Но если хочешь, можешь излечиться: отдай себя врачу и онъ сниметъ болѣзнь съ очей твоей души и сердца. Кто этотъ врачъ? Богъ, Который чрезъ Слово и Премудрость ([17]) врачуетъ и животворитъ. Богъ Словомъ Своимъ и Премудростію сотворилъ все; ибо «Словомъ Его небеса утвердились и Духомъ Его вся сила ихъ» ([18]) Превосходна Его Премудрость: «Богъ премудростію утвердилъ землю и устроилъ небеса разумомъ, въ чувствѣ Его бездны разверзлись и облака источили росу» ([19]). Если ты разумѣешь это, другъ, и живешь чисто, свято и праведно, то можешь видѣть Бога. Прежде же всего да утвердятся въ сердцѣ твоемъ вѣра и страхъ Божій, и тогда ты уразумѣешь это. Когда отложишь смертное

([13]) Іов. IX, 8, XXXVIII, 18.
([14]) Псал. 64, 7.
([15]) Пс. 88, 10.
([16]) Пс. 23, 2.
([17]) Т. е. Святый Духъ.
([18]) Псал 32, 6.
([19]) Притч. III. 19—20.

и облечешься въ безсмертіе, тогда узришь Бога, какъ слѣдуетъ. Ибо воздвигнетъ Богъ плоть твою безсмертною вмѣстѣ съ душею; и тогда, сдѣлавшись безсмертнымъ, узришь Безсмертнаго, если нынѣ увѣруешь въ Него, и тогда познаешь, какъ ты несправедливо говорилъ о Немъ.

8. Но ты не вѣруешь въ воскресеніе мертвыхъ. Когда оно совершится, — увѣруешь волею неволею, но вѣра твоя вмѣнится въ невѣріе, если нынѣ не увѣруешь. И почему ты не вѣруешь? Или не знаешь, что во всѣхъ дѣлахъ предшествуетъ вѣра ([20])? Какой земледѣлецъ можетъ получить жатву, если прежде не ввѣритъ землѣ сѣмени? Кто можетъ переплыть море, если прежде не довѣрится кораблю и кормчему? Какой больной можетъ излечиться, если прежде не довѣрится врачу? Какое искусство или знаніе можно изучить, если прежде не отдадимъ себя и не довѣримся учителю? Итакъ земледѣлецъ вѣритъ землѣ, плаватель кораблю, и больной — врачу, а ты не хочешь довѣриться Богу, имѣя отъ Него столько залоговъ? Первое — то, что Онъ сотворилъ тебя изъ небытія въ бытіе. Ибо еслибы не было твоего отца и матери, тѣмъ болѣе ты не существовалъ бы. И Онъ образовалъ тебя изъ небольшой влажной сущности и малѣйшей капли, которая и сама нѣкогда не существовала; Богъ произвелъ тебя въ эту жизнь. Вѣришь же ты, что созданныя людьми статуи суть боги и дѣлаютъ дивныя вещи. А не вѣруешь, что Богъ, сотворившій тебя, можетъ нѣкогда возсоздать тебя?

([20]) Подобное доказательство относительно вѣры употребляютъ Климентъ алекс. (Strom. II, с. 24), Оригенъ (с. Cels. 1), св. Кириллъ іерусал. (Оглас. сл. 5) и другіе.

9. Далѣе, имена боговъ, которымъ, какъ говоришь, ты поклоняешься, суть имена умершихъ людей. И кто же и каковы они были? Кроносъ не оказывается ли ядушимъ и истребляющимъ своихъ собственныхъ дѣтей? Укажешь ли на Зевса, его сына, — разсмотри внимательно его дѣйствія и образъ жизни. Прежде всего, онъ былъ воспитанъ на горѣ Идѣ козою, и, какъ говорятъ миѳы, убилъ ее и снявъ съ нея кожу, сдѣлалъ себѣ одежду. О прочихъ его дѣйствіяхъ, кровосмѣшеніяхъ, прелюбодѣяніяхъ и срамныхъ дѣлахъ, гораздо лучше разсказываютъ Гомеръ и другіе поэты. Нужно ли мнѣ указывать на его сыновей,—на Геракла, самого себя сжегшаго, на Діониса пьянаго и неистоваго, на Аполлона, отъ страха бѣгавшаго отъ Ахиллеса, влюбленнаго въ Дафну и невѣдавшаго о смерти Гіацинта ([21]), — на Венеру раненную, на Арея, губителя людей, и еще болѣе— на кровь, текущую изъ этихъ называемыхъ боговъ? Но это еще маловажно въ сравненіи съ тѣмъ, какъ вспомнимъ о растерзанномъ богѣ, называемомъ Озирисъ, по которомъ каждогодно совершаются празднества, какъ по погибающемъ и опять находимомъ, отыскиваемомъ по частямъ ([22]), ибо неизвѣстно, умеръ ли онъ, и не видно, отысканъ ли. Нужно ли говорить мнѣ объ Аттисѣ оскопленномъ, или объ Адонисѣ, блуждающемъ въ лѣсу, занимающемся охотою и раненномъ вепремъ, или объ Асклепіи, пораженномъ молніей, или о Сераписѣ, бѣжавшемъ изъ Синопы въ Александрію, или объ Артемидѣ Скиѳской, также бывшей въ бѣгствѣ, человѣкоубійцѣ, охотницѣ и влюбленной въ Эндиміона?

([21]) Хотя Аполлонъ почитался пророкомъ. Сн Тат. Рѣчь, гл 8; Аѳинаг. Апол. гл. 22

([22]) Сн. Аѳинаг. Апол гл 22.

Это не мои слова, но объ этомъ разсказываютъ ваши же историки и поэты.

10. Къ чему мнѣ перечислять множество животныхъ, чтимыхъ египтянами,—гадовъ, скотовъ, звѣрей, птицъ, животныхъ рѣчныхъ, даже тазы и постыдныя звуки ([23])? Если укажешь на эллиновъ и на другіе народы, то они чтутъ камни, деревья и другія матеріальныя вещи, изображенія, какъ я уже сказалъ, умершихъ людей. Извѣстно, что Фидій сдѣлалъ въ Пизѣ для илійцевъ Зевса олимпійскаго, а для аѳинянъ—Аѳину въ Акрополѣ. Спрошу и я тебя, другъ мой, сколько насчитывается Зевсовъ. Вопервыхъ есть Зевсъ олимпійскій, потомъ Зевсъ Латіаръ, Зевсъ кассій, Зевсъ Керавній, Зевсъ пропаторъ, Зевсъ Паннихій, Зевсъ Поліухъ и Зевсъ капитолійскій. Зевсъ, сынъ Кроноса, бывшій царемъ критянъ, имѣетъ гробницу въ Критѣ; а прочіе быть можетъ не удостоились погребенія Если упомянешь о матери такъ-называемыхъ боговъ, то уста мои да не изрекутъ ея дѣяній (ибо намъ непристойно и называть таковыя) или дѣяній ея служителей, покланяющихся ей, ([24]), и сколько дохода и податей царю доставляютъ и она и ея сыны ([25]). Ибо они не боги, но идолы, какъ я прежде сказалъ ([26]), «дѣла рукъ человѣческихъ и нечистые демоны. Подобны имъ будутъ тѣ, которые дѣлаютъ ихъ и надѣются на нихъ» ([27]).

([23]) Геродотъ (11, 172) говоритъ объ Амазисѣ, будто онъ изъ таза сдѣлалъ кумиръ. Сн. Аѳинаг. Апол. гл. 26. Мин. Фел. Octav. с. 23, § 9). О постыдныхъ звукахъ испускаемыхъ чревомъ говоритъ авторъ лже-Климентовыхъ бесѣдъ(X, 16) и Минуцій Феликсъ (Octav. с. 28, 9): египтяне не болѣе боятся Сераписа, какъ strepitus per pudenda corporis expressos

([24]) Разумѣется—Цибела и корибанты, ея жрецы.

([25]) См Тертулл. ad nation. 1 10, Apol. с 13

([26]) См гл. I.

([27]) Псал. 113, 12, 134, 15. 18, 96, 5

11. Поэтому скорѣе буду почитать царя, *нежели боговъ вашихъ* ([28]), почитать не покланяясь ему, но молясь за него. Покланяюсь же Богу, Который по истинѣ есть Богъ истинный, зная, что царь отъ Него сотворенъ. Ты скажешь мнѣ: почему не покланяешься царю? — Потому, что онъ сотворенъ не для того, чтобъ ему покланялись, но чтобы воздавалась законная честь. Онъ не Богъ, но человѣкъ, отъ Бога поставленный, не для того, чтобъ ему покланялись, но чтобъ онъ судилъ праведно. Ибо ему нѣкоторымъ образомъ ввѣрено отъ Бога управленіе; и какъ онъ никому изъ поставленныхъ ниже его не позволяетъ называться царями — ибо ему принадлежитъ имя царя и другому непозволительно называться этимъ именемъ, — такъ и поклоненіе никому не принадлежитъ, кромѣ единаго Бога. Такъ-то, другъ мой, во всемъ ты заблуждаешься. Царя же почитай благорасположеніемъ къ нему, повиновеніемъ ему, молитвою за него. Поступая такъ исполнишь волю Божію. Ибо законъ Божій говоритъ: «сынъ, чти Бога и царя и ни къ кому изъ нихъ ни будь непокоренъ, ибо отмстятъ внезапно врагамъ своимъ» ([29]).

12. Что же касается твоихъ насмѣшекъ надъ мною и надъ моимъ именемъ христіанина, — то не знаешь, что говоришь ты. Вопервыхъ, что помазано, то пріятно, благополезно и не должно быть осмѣиваемо. Ибо какой корабль можетъ быть пригоденъ и проченъ, если прежде не будетъ

([28]) Которые т. е. сами платятъ подати царю. Подобное говоритъ Тертулліанъ «вы больше боитесь и трепещете Цезаря, нежели самого Юпитера олимпійскаго, и справедливо. Кто изъ живущихъ не могущественнѣе мертваго? (Apol. c 28).

([29]) Притч. XXIV, 21—22.

помазанъ? Или какая башня или домъ могутъ быть красивы и удобны, если не будутъ помазаны? Кто вступая въ эту жизнь или выходя на палестру не помазывается масломъ? Какое произведеніе или украшеніе можетъ имѣть благообразіе, если не помажется и не отчистится? Далѣе — воздухъ и вся поднебесная нѣкоторымъ образомъ помазываются свѣтомъ и дыханіемъ. А ты не хочешь помазаться елеемъ Божіимъ? Потому-то мы и называемся христіанами, что помазуемся елеемъ Божіимъ ([30]).

13. Ты отрицаешь еще воскресеніе мертвыхъ и говоришь: покажи мнѣ хоть одного воскресшаго изъ мертвыхъ, чтобъ увидѣть и повѣрить. Но вопервыхъ, что̀ великаго въ томъ, что повѣришь увидѣвъ событіе? Потомъ, вѣришь же ты, что Гераклъ самъ себя сжегъ и еще живъ, что Асклепій былъ пораженъ молніей и воскресъ. А не вѣришь тому, что сказано Богомъ? Я можетъ быть показалъ бы тебѣ мертвеца, который воскресъ и еще живъ, но ты и этому не повѣришь. Богъ доставляетъ тебѣ много доказательствъ располагающихъ вѣрить Ему. Если угодно тебѣ, обрати вниманіе на окончаніе временъ года, дней и ночей, какъ они кончаются и опять возникаютъ ([31]). Не бываетъ ли также воскресеніе сѣмянъ и плодовъ и это — на пользу людей? Ибо напримѣръ, когда брошено въ землю зерно пшеницы или другихъ

([30]) Имя «христіанинъ» здѣсь св Θеофилъ, также какъ и Тертулліанъ (Apol. c 3, de bapt. c. 7, adv. Marc. I, 14, de ressurr. carn. c. 8) производитъ отъ помазанія елеемъ совершаемаго при крещеніи, но собственно оно происходитъ отъ Христа-Помазанника по преимуществу, какъ это признаютъ и церковные писатели, напр Тертулліанъ (adv Marc IV, 14) говоритъ. имя христіанъ происходитъ отъ Христа.»

([31]) Тоже см. у Климента римскаго, I къ Кор. гл. 24, у Тертулліана (Apol. c 48, de ressurr c 12), Минуція Феликса. Octav. c 34, у Кирилла іерус. оглас 18

сѣмянъ, то прежде оно умираетъ и разлагается, потомъ же поднимается и встаетъ колосомъ. И дерева не производятъ ли, по велѣнію Божію, въ опредѣленныя времена плоды, прежде скрытыя и невидимыя? Далѣе, иногда воробей или другая птица, проглотивъ сѣмя отъ яблони или смоковницы или другаго дерева, улетитъ на какой-нибудь каменистый холмъ или гробницу и здѣсь выброситъ изъ своего желудка сѣмя; тогда оно, пустивъ корень выростаетъ въ дерево, хотя прежде было въ желудкѣ и перешло чрезъ такую сильную теплоту. Все это производитъ премудрость Божія для того, чтобъ и посредствомъ сего доказать, что Богъ можетъ совершить общее воскресеніе всѣхъ людей. Если же хочешь видѣть болѣе дивное зрѣлище въ доказательство воскресенія — не только отъ земныхъ вещей, но и отъ небесныхъ, то представь совершающееся ежемѣсячное воскресеніе луны, какъ она убываетъ, исчезаетъ и опять возстаетъ. Вникни еще, другъ мой, въ дѣло воскресенія, совершающееся въ тебѣ самомъ, хотя ты не вѣдаешь о семъ. Ты можетъ-быть подвергался когда-нибудь болѣзни и терялъ дородность тѣла, крѣпость и красоту, но получивъ милость отъ Бога и исцѣленіе снова возвращалъ тѣлесное здоровье, красоту и силу; и какъ ты не зналъ, куда дѣвалась плоть твоя исчезнувшая, такъ не знаешь, откуда она появилась и пришла. Ты скажешь: отъ пищи и соковъ превратившихся въ кровь. Хорошо, но и это есть также дѣло Бога, такъ устрояющаго, а не кого другаго.

14. Итакъ не будь невѣрующимъ, но вѣруй. Я также прежде не вѣрилъ, что это будетъ, но теперь вѣрю послѣ того, какъ сообразилъ эти доказательства и вмѣстѣ прочиталъ священныя писанія святыхъ пророковъ, которые по

вдохновенію отъ Духа Божія предсказали и прошедшее, такъ, какъ оно совершилось, и настоящее такъ, какъ оно происходитъ, и будущее въ томъ видѣ, какъ оно исполнится. Такимъ образомъ убѣжденный посредствомъ того, что совершается и было прежде возвѣщено, я теперь не остаюсь въ невѣріи, но вѣрую повинуясь Богу. Ему и ты, если хочешь, повинуйся и увѣруй, дабы, если теперь не увѣруешь, не вынужденъ былъ тогда увѣровать посредствомъ вѣчныхъ мученій. Такъ-какъ объ этихъ наказаніяхъ было предсказано пророками, то бывшіе послѣ нихъ ваши поэты и философы похитили ученіе о нихъ изъ священныхъ писаній, чтобы мнѣніямъ своимъ придать достовѣрность ([32]). И сами они предсказывали о наказаніяхъ, имѣющихъ поразить нечестивыхъ и невѣрующихъ, чтобъ они были извѣстны всѣмъ и не могли нѣкоторые сказать: мы не слышали и не знали. Если хочешь, и ты тщательно читай пророческія писанія, и они самымъ вѣрнымъ путемъ приведутъ тебя къ тому, чтобъ избѣгнуть вѣчныхъ мученій и получить вѣчныя блага Божія. Ибо «Тотъ, кто далъ уста, чтобы говорить, образовалъ уши, чтобы слышать и сотворилъ глаза, чтобы видѣть» ([33]), изслѣдуетъ все и совершитъ судъ праведный, воздавая каждому сообразно съ его дѣлами. Тѣмъ, которые постоянно посредствомъ добрыхъ дѣлъ ищутъ нетлѣнія, Онъ даруетъ вѣчную жизнь, радость, миръ, покой и множество благъ, «которыхъ ни глазъ не видѣлъ, ни ухо не слыхало и которыя не всходили на сердце человѣка» ([34]), а тѣхъ, которые невѣ-

([32]) Это было общее почти мнѣніе древнихъ писателей христіанскихъ. См Іустина Апок. 1. гл. 44, Увѣщ. къ Эллин гл. 14—19, Татіана рѣчь, гл. 40, Аѳиног. Апок. гл. 9.

([33]) Исх IV, 11, Псал. 93, 3.

([34]) 1 Кор II, 9.

руютъ, презираютъ и не покоряются истинѣ, но повинуются неправдѣ, такъ-какъ они исполнены блуда, прелюбодѣйства, срамныхъ дѣлъ, любостяжанія и нечестиваго идолослуженія, постигнетъ гнѣвъ и негодованіе, скорбь и тѣснота и наконецъ возьметъ ихъ огонь вѣчный. Такъ-какъ ты мой другъ, сказалъ: покажи мнѣ твоего Бога, — то вотъ какой Богъ мой, и я совѣтую тебѣ бояться Его и вѣровать въ Него.

КНИГА ВТОРАЯ.

Въ бесѣдѣ, которую мы нѣсколько дней назадъ имѣли съ тобою, любезнѣйшій Автоликъ, когда ты спрашивалъ меня, кто мой Богъ, и удѣлилъ нѣсколько времени выслушать мои слова, — я высказался тебѣ относительно моей религіи; потомъ мы очень дружелюбно разстались другъ съ другомъ и пошли каждый въ свой домъ, хотя сначала ты принялъ меня сурово: ты знаешь и помнишь, что ученіе наше тебѣ казалось глупостію. Такъ-какъ послѣ того самъ ты просилъ меня, то хотя я невѣжда въ словѣ ([35]), однако хочу теперь, въ настоящей книгѣ, обстоятельнѣе доказать тебѣ безполезность труда твоего и тщету служенія, въ которомъ находишься, и вмѣстѣ представить истину очевидною для тебя посредствомъ нѣкоторыхъ вашихъ историческихъ сказаній, которыя ты читаешь, но можетъ быть не вполнѣ понимаешь.

2. Смѣшнымъ кажется мнѣ то, что каменосѣчцы, ваятели, живописцы или плавильщики дѣлаютъ, пишутъ, вытесываютъ, отливаютъ и изготовляютъ боговъ, которые послѣ

([35]) 2 Кор XI, 6.

того, какъ будутъ отдѣланы художниками, ни во-что ставятся ими; когда же ихъ купятъ и поставятъ въ такъ-называемый храмъ или какой домъ, то не только купившіе приносятъ имъ жертвы, но и тѣ, которые ихъ сдѣлали и продали, приходятъ съ усердіемъ и съ запасомъ жертвъ и возліяній поклониться имъ и почитаютъ ихъ за боговъ, забывая, что эти боги таковы же, какими они были въ ихъ рукахъ,— камень, мѣдь, дерево, краска или другое какое вещество. Это конечно случалось и съ вами, которые читаете исторіи и родословія мнимыхъ боговъ. Ибо когда вы читаете объ ихъ происхожденіи, то почитаете ихъ за людей; а послѣ называете ихъ богами и покланяетесь имъ, не соображая и не понимая того, что они и родились такими, каковы они по своему происхожденію въ читаемыхъ вами сказаніяхъ.

3. Такъ-какъ боги ваши рождались, — ихъ родъ тогда былъ очень плодовитъ. Но гдѣ же нынѣ видно, чтобы рождались боги? Ибо если они тогда рождали и рождались,— очевидно, что и до нынѣ должны бы рождаться боги; въ противномъ случаѣ это должно быть признано слабостію: они или состарѣлись, почему уже и не рождаютъ, или умерли и болѣе не существуютъ. Если боги рождались, то надлежало бы имъ и донынѣ рождаться, какъ и люди еще рождаются; даже боговъ должно бы быть болѣе, чѣмъ людей, какъ говоритъ Сивилла: «Если боги рождаютъ и пребываютъ безсмертны, то боговъ родившихся было бы болѣе, чѣмъ людей, и не осталось бы мѣста, гдѣ бы стать смертнымъ ([36]). Ибо если у людей, которые смертны и маловременны, до-

([36]) См Alexandre Oracula Sib. (Par. 1841), Friedlieb, Die Sib Weissag. (Lips. 1852).

нынѣ еще являются дѣти и не престали рождаться люди, такъ что города и села наполнены ими и даже поля населяются: тѣмъ болѣе боги, которые по представленію поэтовъ не умираютъ, не должны ли рождать и рождаться, когда вы говорите, что боги родились? Почему гора называемая Олимпъ нѣкогда была населена богами, а нынѣ она пуста? Или почему прежде Зевсъ обиталъ на горѣ Идѣ — и было извѣстно, что онъ тамъ живетъ, согласно съ Гомеромъ и прочими поэтами, — а нынѣ неизвѣстно его мѣстопребываніе? И почему не вездѣ онъ былъ, а находился въ одной части земли? Или онъ о прочихъ не заботился, или не могъ быть вездѣ и о всемъ промышлять. Ибо если онъ, напримѣръ, былъ въ восточной части, то не былъ въ западной; если же опять былъ на западѣ, то не былъ на востокѣ. Богу же Вышнему, всемогущему и истинному Богу, свойственно не только быть вездѣсущимъ, но и все видѣть и все слышать и не ограничиваться какимъ-либо мѣстомъ; въ противномъ случаѣ мѣсто, содержащее Его, было бы больше Его, ибо содержащее больше содержимаго, а Богъ не ограничивается мѣстомъ, но Самъ есть вмѣстилище всего. Далѣе, почему Зевсъ оставилъ Иду — потому ли, что онъ умеръ, или та гора ему не нравилась болѣе? Куда же онъ отправился? На небеса? нѣтъ. Скажешь, можетъ-быть — въ Критъ? Подлинно такъ: его гробница тамъ показывается до сего дня. Или ты скажешь — онъ ушелъ въ Пизу, гдѣ и донынѣ прославляетъ искусство рукъ Фидія? — Перейдемъ теперь къ сочиненіямъ вашихъ философовъ и поэтовъ.

4. Нѣкоторые изъ стоиковъ говорятъ, что вовсе нѣтъ Бога, или если есть, утверждаютъ, что Онъ ни о чемъ не печется, кромѣ себя самого. И эту мысль вполнѣ проявило

безуміе Эпикура и Хризиппа. Другіе говорятъ, что все происходитъ случайно, что міръ не сотворенъ и природа вѣчна, и не осмѣлились утверждать, что вовсе нѣтъ никакого промысла Божія, но говорятъ, что совѣсть каждаго есть Богъ. Иные утверждаютъ, что Богъ есть духъ, все проходящій. Платонъ же и его послѣдователи признаютъ Бога безначальнымъ, отцемъ и творцемъ всего, но затѣмъ полагаютъ, что Богъ и матерія безначальны, и что послѣдняя совѣчна Богу. Если Богъ безначаленъ и матерія безначальна, то Богъ не есть уже творецъ всего, какъ думаютъ Платоники, и не остается единовластительство Божіе, какъ они допускаютъ. Кромѣ того, какъ Богъ, будучи безначаленъ, есть также неизмѣняемъ, такъ и матерія, если безначальна, должна быть вмѣстѣ и неизмѣняема и равна Богу; ибо получившее начало во времени—превращаемо и измѣняемо, безначальное же непревращаемо и неизмѣняемо. Что великаго, если Богъ создалъ міръ изъ подлежащей матеріи? И человѣкъ-художникъ, если получитъ отъ кого вещество, дѣлаетъ изъ него, что захочетъ. Могущество же Бога обнаруживается въ томъ, что Онъ изъ ничего творитъ что̀ хочетъ, равно—какъ дать душу и движеніе не свойственно никому другому, кромѣ Бога. И человѣкъ дѣлаетъ какое-либо изображеніе, но разумъ, дыханіе или чувство онъ не можетъ дать своему произведенію. Богъ же имѣетъ гораздо большее могущество — творить разумное, одушевленное, чувствующее. Какъ во всемъ этомъ Богъ могущественнѣе человѣка, такъ и въ томъ, что Онъ изъ ничего творитъ и сотворилъ существующія вещи, сколько хочетъ и какъ хочетъ.

5. Такъ-то разногласны мнѣнія вашихъ философовъ и пи-

сателей. Между тѣмъ, какъ они такъ говорили,—поэтъ Гомеръ другимъ образомъ излагаетъ происхожденіе не только міра, но и боговъ. Онъ говоритъ:

Океанъ родитель боговъ и матерь Тефиса.
Отъ него всѣ потоки и всякое море ([37]).

Въ этихъ словахъ онъ еще не показываетъ Бога. Ибо кто не знаетъ, что океанъ—вода? Если—вода, то не Богъ. Но Богъ, если Онъ творецъ всего, какъ и дѣйствительно есть,—Онъ есть создатель и воды и морей. Гезіодъ также изложилъ происхожденіе и боговъ и самого міра. Онъ говоря, что міръ сотворенъ, не былъ въ состояніи сказать, отъ кого онъ произошелъ. Кромѣ того онъ назвалъ богами Кроноса и сына его Зевса, Посидона и Плутона, а мы знаемъ, что они позднѣе міра. Еще онъ разсказываетъ, что Кроносъ былъ побѣжденъ Зевсомъ, своимъ сыномъ. Вотъ его слова:

«Побѣдивъ силою отца своего Кроноса, онъ поровну распредѣлилъ и роздалъ безсмертнымъ разныя почести» ([38]).

Далѣе онъ говоритъ о дочеряхъ Зевса, которыхъ называетъ музами, и проситъ ихъ открыть ему, какимъ образомъ все произошло.

«Здравствуйте, дочери Зевса! подарите меня пріятною пѣснью. Воспойте родъ боговъ блаженныхъ, всегда существующихъ, которые родились отъ земли и звѣзднаго неба и темной ночи, которыхъ вскормило соленое море. Скажите мнѣ, какъ сперва произошли боги и земля, рѣки и безграничное море съ пѣнящимися волнами, и звѣзды свѣтящія и пространное небо вверху. Скажите, какъ боги раздѣлили богатства и почести и какъ сперва они населили многохолмный Олимпъ. Скажите объ этомъ

([37]) Илиад. XIV, 201 и XXI, 196
([38]) Гезіод. Theog 73 и дал.

мнѣ музы, живущія на вершинахъ Олимпа съ начала, скажите, что изъ этихъ существъ прежде всего произошло» (39).

Но какъ знали объ этомъ музы, которыя были моложе міра? И какъ онѣ могли разсказать Гезіоду, когда отецъ ихъ еще не родился?

6. Гезіодъ нѣкоторымъ образомъ предполагаетъ матерію, какъ существующую, и говоритъ о твореніи міра въ слѣдующихъ словахъ:

Прежде всего произошелъ хаосъ, потомъ пространная земля, самое безопасное основаніе для безсмертныхъ, обитающихъ на высотахъ снѣжнаго Олимпа, затѣмъ мрачный тартаръ въ глубинахъ широкой земли, и Эросъ, красивѣйшій между богами, который гонитъ заботу и подавляетъ разумный совѣтъ въ сердцахъ всѣхъ боговъ и людей. Изъ хаоса произошли Эревъ и черная ночь. Земля же сперва произвела равное себѣ звѣздное небо, чтобъ оно отовсюду ее покрывало и служило безопаснымъ жилищемъ для блаженныхъ боговъ; она родила еще высокія горы, пріятныя обители для божественныхъ нимфъ, обитающихъ на лѣсистыхъ высотахъ. И безплодная вода съ своими пѣнящимися волнами родила безъ объятій любви понтъ, а послѣ соединившись съ небомъ родила океанъ съ глубокими водоворотами» (40).

Изложивъ это, онъ еще не показалъ, кѣмъ же все создано. Ибо если вначалѣ былъ хаосъ и предсуществовала нѣкая матерія несозданная, кто же наконецъ ее устроилъ и далъ ей порядокъ и видъ? Сама ли матерія придала себѣ видъ и красоту? Зевсъ гораздо позднѣе не только матеріи, но и міра и многихъ людей, равно какъ и самый отецъ Кроносъ. Или скорѣе — была могущественная сила, создавшая ее, то-есть—Богъ, который и украсилъ ее? Къ тому же, Гезіодъ оказывается во всѣхъ отношеніяхъ болтуномъ,

(39) Гезіод Theog 104—115.
(40) Гезіод Theog. 116—133.

который и самъ себѣ противорѣчитъ. Ибо упомянувъ о землѣ, небѣ и морѣ, онъ говоритъ, что отъ нихъ произошли боги, а отъ боговъ—какіе-то страшные люди, сродные богамъ, поколѣніе титановъ, циклоповъ и гигантовъ, также боговъ египетскихъ или лучше — пустыхъ людей, какъ говоритъ Аполлонидъ, по прозванію Горапій, въ книгѣ подъ заглавіемъ «Семенути» и въ другихъ своихъ историческихъ сочиненіяхъ о религіи и царяхъ египетскихъ.

7. Къ чему излагать мнѣ вздорныя басни эллиновъ — о Плутонѣ, царѣ мрака, о Посидонѣ, скрывающемся подъ моремъ, влюбившемся въ Меланиту и родившемъ сына — пожирателя людей, или трагическія сказанія, которыя составили ваши писатели о сыновьяхъ Зевса? Сами они передаютъ ихъ генеалогію, показывая, что они родились людьми, а не богами. Комикъ Аристофанъ въ комедіи «Птицы», касаясь сотворенія міра, говоритъ, что міръ получилъ первоначальное происхожденіе изъ яйца:

Чернокрылая ночь прежде всего родила яйцо.

Кромѣ того, Сатиръ, повѣствуя о родахъ александрійцевъ, начавъ съ Филопатора, по прозванію Птолемея, говоритъ, что Діонисъ былъ его родоначальникомъ; почему Птолемей составилъ первое поколѣніе. Вотъ что говоритъ Сатиръ: «Отъ Діониса и Алтеи ѳестійской родилась Деіанира, отъ нея и Геракла, сына Зевсова, — Гиллъ, отъ него— Клеодемъ, отъ него—Аристомахъ, отъ него—Теменъ, отъ него—Кисъ, отъ него—Маронъ, отъ него Ѳестія, отъ нея Акой, отъ него Аристомидъ, отъ него Каранъ, отъ него— Кинъ, отъ него Тириммъ, отъ него Пердиккъ, отъ него Филиппъ, отъ него Аеронъ, отъ него—Алкетъ, отъ него— Аминтъ, отъ него Вокръ, отъ него Менагръ, отъ него Ар-

синоя, отъ нея же и отъ Лага Птолемей Сотиръ, отъ него и Вереники—Птолемей Филадельфъ, отъ него и отъ Арсинои Птолемей Эвергетъ, отъ него и отъ Вереники, дочери Мага, царя киренскаго,—Птоломей Филопаторъ. Таково родство между Діонисомъ и царями александрійскими. Поэтому въ Діонисовомъ колѣнѣ различаются роды: алтейскій отъ бывшей жены Діониса, дочери Θестія, Алтеи; деіанирскій—отъ дочери Діониса и Алтеи, жены Геракловой. Затѣмъ роды ихъ имѣютъ еще наименованія: родъ Аріадны отъ дочери Миноса, жены Діониса, дочери отцелюбивой ([41]), которая совокупилась съ Діонисомъ въ видѣ корабельнаго кормчаго,—Θестіевъ—отъ Θестія, отца Алтеи, Θоантовъ—отъ Θоанта, сына Діониса, Стафильскій—отъ Стафила, сына Діониса, Эвенскій—огъ Эвноя, сына Діониса, мароскій—отъ Марона, сына Аріадны и Діониса. Все это—сыновья Діониса» ([42]). Впрочемъ были и донынѣ есть многія другія названія: гераклиды—отъ Геракла, аполлониды и аполлонцы отъ Аполлона, посидонцы—отъ Посидона, и діевы и діогены—отъ Зевса.

8. Нужно ли мнѣ перечислять еще множество таковыхъ названій и родословій? Такъ-то заблуждаются всѣ ваши писатели, поэты и философы, и еще болѣе тѣ, которые полагаются на нихъ. Они сложили басни и глупыя сказанія о своихъ богахъ, ибо представили ихъ не богами, но людьми, иныхъ — пьянствующими, иныхъ — прелюбодѣями и убійцами. И о происхожденіи міра они предали нелѣпыя и противорѣчивыя сказанія. Вопервыхъ, нѣкоторые, какъ я выше

([41]) Такъ называется она иронически, потому, что предала своего отца, чтобъ отблагодарить Тезея.

([42]) О Сатирѣ см. сочин Boccia de historicis Graecis (Lips. 1838).

показалъ, объявили, что міръ не сотворенъ; и они, утверждая безначальность міра и вѣчность природы, говорятъ несогласно съ тѣми, которые почитаютъ міръ сотвореннымъ. Ибо ихъ мнѣніе основано на догадкѣ и человѣческомъ соображеніи, а не на истинѣ. Одни говорили, что есть Промыслъ, а другіе отвергали ихъ ученіе. Аратъ говоритъ:

«Начнемъ съ Зевса, котораго мы люди никогда не преминемъ называть: полны Зевсомъ всѣ улицы и площади людскія, полны имъ море и пристани; повсюду мы пользуемся Зевсомъ Мы его порожденіе: онъ по своей милости даруетъ благополучіе людямъ и побуждаетъ ихъ къ труду, внушая попеченіе о жизни; онъ говоритъ, когда земля наиболѣе удобна для воловъ и для заступа, когда благопріятное время пахать землю и бросать въ нее сѣмена» ([45]).

Кому же вѣрить Арату или Софоклу, который говоритъ: «Нѣтъ Провидѣнія; всего лучше жить наудачу, какъ кто можетъ» ([44])?

Но Гомеръ опять не согласуется съ нимъ, ибо онъ говоритъ:

«Доблесть смертнымъ властительный Зевсъ и величитъ и молитъ ([45]).

И Симонидъ:

«Никто, ни городъ, ни человѣкъ не получалъ доблести безъ боговъ; Богъ премудръ, но между людьми ничего нѣтъ безъ неправды.»

Подобное говоритъ Эврипидъ:

«Ничего съ людьми не бываетъ безъ Бога» ([46]).

И Менандръ:

«Никто о насъ не печется, кромѣ Бога» ([47]).

([43]) Arat. Phaenom ed Becker. Ber 1828. 1—9
([44]) Софокл. Oedip. Tyr 978.
([45]) Гом Иліад XX, 242.
([46]) Эврип. Thyest.
([47]) Отрывокъ изъ неизвѣстнаго произведен Менандра

И еще Эврипидъ:

«Когда Богу угодно спасти, Онъ дастъ много средствъ ко спасенію» ([48]).

И въ другомъ мѣстѣ:

«Если захочетъ Богъ, спасешься, хотя поплывешь на соломенкѣ» ([49]).

И множество такихъ мнѣній они высказали и даже противорѣчили самимъ себѣ. Софоклъ, отрицавшій Промыслъ Божій, въ другомъ мѣстѣ говоритъ:

«Смертный не избѣжитъ удара Божія» ([50]).

Кромѣ того они то вводили множество боговъ, то говорили о единовластительствѣ Божіемъ, и тогда какъ одни признавали Промыслъ, другіе отвергали его бытіе. Поэтому Эврипидъ дѣлаетъ слѣдующее признаніе:

«Съ полною надеждой изучаемъ мы многое, но напрасно трудимся и ничего-то мы не знаемъ ([51]).

Такимъ образомъ они невольно признаются, что не знаютъ истины; и что говорили они, то говорили по внушенію демоновъ. И дѣйствительно, поэты Гомеръ и Гезіодъ, вдохновенные, какъ говорится, музами, говорили подъ вліяніемъ фантазіи и обольщенія, отъ духа не чистаго, но обманчиваго. Это ясно доказывается тѣмъ, что одержимые демонами даже въ настоящіе дни заклинаются именемъ истиннаго Бога, и эти ложные духи сами признаются, что они демоны, которые нѣкогда дѣйствовали и въ тѣхъ поэтахъ. Впрочемъ нѣкоторые изъ нихъ, пришедши въ здравое состояніе души,

---

([48]) Изъ неизвѣстнаго сочиненія Эврипида.
([49]) Стихъ изъ Эврипидова Thyest.
([50]) Стихъ изъ неизвѣстнаго сочиненія Софокла
([51]) Эврип Thyest

говорили нѣчто согласное съ пророками, такъ что это служитъ свидѣтельствомъ противъ нихъ самихъ и противъ всѣхъ людей, напримѣръ, о единовластительствѣ Божіемъ, о будущемъ судѣ и о другихъ истинахъ.

9. Но были люди Божіи, исполненные Святаго Духа и истинные пророки, Самимъ Богомъ вдохновенные и умудренные, — которые получили свыше вѣдѣніе, святость и праведность. Они-то удостоились чести быть органами Божіими и сосудами премудрости отъ Бога, по которой они и говорили о сотвореніи міра и о всемъ прочемъ. Они предсказывали моровыя язвы, голодъ, войны. И не одинъ или два, но многіе являлись въ различныя времена у евреевъ, также какъ и Сивилла у эллиновъ: и всѣ они говорили согласно другъ съ другомъ и о томъ, что было прежде нихъ, и о томъ, что совершалось при нихъ, и о томъ, что нынѣ исполняется предъ нашими глазами; по этому-то мы увѣрены и касательно будущаго, что оно также исполнится, какъ совершилось первое.

10. И прежде всего пророки согласно научили насъ, что Богъ все сотворилъ изъ ничего. Ибо ничто не совѣчно Богу, но будучи самъ Себѣ мѣстомъ ([52]), ни въ чемъ не нуждаясь и существуя прежде вѣковъ, Онъ восхотѣлъ создать человѣка, дабы имъ познаваемъ былъ, и для него-то предуготовилъ міръ. Тотъ, кто сотворенъ, имѣетъ нужду въ томъ или другомъ, а Безначальный ни въ чемъ не нуждается. Итакъ Богъ имѣя Свое Слово въ собственныхъ нѣд-

([52]) Потому что нѣтъ никакого пространства, которое было бы больше Его и вмѣщало бы въ себѣ Его Сн. гл. 3. Такое же выраженіе у Іоанна Дамаскина de orhod. fide I. c 13

рахъ ([53]) родилъ Его, проявивъ Его вмѣстѣ съ Своею Премудростію прежде всего. Слово сіе Онъ имѣлъ исполнителемъ Своихъ твореній и чрезъ Него все сотворилъ. Оно называется началомъ, потому что начальствуетъ и владычествуетъ надъ всѣмъ, что чрезъ Него создано. Оно будучи духомъ Божіимъ ([54]), началомъ, премудростію и силою Вышняго, сходило на пророковъ и чрезъ нихъ глаголало о твореніи міра и о всемъ прочемъ. Ибо не было пророковъ при созданіи міра, но Премудрость Бога, сущая въ Немъ, и святое Слово Его, всегда соприсущее Ему. Посему Оно чрезъ пророка Соломона такъ говоритъ: «когда готовилъ Онъ небо, была Я съ Нимъ, и когда творилъ крѣпкія основанія земли, была при Немъ устроя» ([55]). Моисей, жившій за много лѣтъ до Соломона, или лучше—Слово Божіе чрезъ него, какъ чрезъ орудіе, говоритъ: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю» ([56]). Сперва онъ упомянулъ о началѣ и сотвореніи, а потомъ наименовалъ Бога; ибо не слѣдуетъ напрасно и попусту употреблять имя Божіе. Ибо Премудрость Божія предвидѣла, что нѣкоторые будутъ пустословить и введутъ множество боговъ несуществующихъ. Посему, чтобъ истинный Богъ былъ разумѣемъ изъ дѣлъ Его, и видно было, что Богъ Словомъ Своимъ сотворилъ небо и землю и то, что въ нихъ, сказано: «Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.» Потомъ сказавъ о сотворе-

([53]) Здѣсь подъ Словомъ разумѣется Сынъ Божій, а подъ Премудростію — Духъ Святый — 2-е и 3-е лица св. Троицы, о нихъ Ѳеофилъ говоритъ въ гл. 15 и 18, также въ 1-й кн. гл. 7.

([54]) Здѣсь словомъ. духъ Божій означается не лице св. Духа, но духовная сущность Сына Божія.

([55]) Притч. VIII, 27—29.

([56]) Быт. I, 1.

ніи ихъ, онъ показываетъ намъ: «земля же была невидима и неустроена и тьма (была) надъ бездною и духъ Божій носился надъ водою» (57). Этому прежде всего научаетъ насъ божественное Писаніе, нѣкоторымъ образомъ показывая, что матерія, изъ которой Богъ сотворилъ и устроилъ міръ, получила начало и создана отъ Бога (58).

11. Начало творенія есть свѣтъ, потому что свѣтъ дѣлаетъ видимымъ то, что̀ созидается. Поэтому говорится: «И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ; и видѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ»,—разумѣется для человѣка. «И отдѣлилъ свѣтъ отъ тьмы, и назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму назвалъ ночью. И былъ вечеръ и было утро, день первый. И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды и да отдѣляетъ она воду отъ воды. И стало такъ. И сотворилъ Богъ твердь и отдѣлилъ воду, которая была подъ твердію, отъ воды надъ твердію. И назвалъ Богъ твердь небомъ, и увидѣлъ Богъ, что она хороша. И былъ вечеръ и было утро, день вторый. И сказалъ Богъ: да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да откроется суша. И стало такъ. И собралась вода въ свои мѣста, и открылась суша. И назвалъ Богъ сушу землею, а собранія водъ назвалъ морями. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И сказалъ Богъ: да произраститъ земля злакъ травный, производящій сѣмя по роду своему, и дерево плодовитое, приносящее плодъ, котораго сѣмя въ немъ самомъ по его роду. И стало такъ. И произвела земля злакъ травный, раждающій сѣмя по роду своему, и дерево плодовитое, прино-

(57) Быт. I, 2.

(58) Въ словахъ Бытія. небо и земля, (I, 1) св. Ѳеофилъ видитъ обозначеніе вещества вообще, изъ котораго были послѣ созданы небо и [illegible] Сп. Васил. Вел. бес. на Шатодн. I, 2 и 11.

сящее плодъ, котораго сѣмя въ немъ самомъ по его роду на землѣ. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ и было утро, — день третій. И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, чтобъ освѣщать землю и отдѣлять день отъ ночи, и да будутъ они для знаменій и временъ, и дней, и годовъ; и да станутъ на тверди небесной для освѣщенія, чтобы давать свѣтъ на землю. И стало такъ. И сотворилъ Богъ два свѣтила великія, — свѣтило большое для управленія днемъ и свѣтило меньшее для управленія ночью и звѣзды; и поставилъ ихъ на тверди небесной, чтобъ они свѣтили на землю и управляли днемъ и ночью и отдѣляли свѣтъ отъ тьмы. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И былъ вечеръ и было утро, — день четвертый. И сказалъ Богъ: да произведутъ воды пресмыкающихся съ живыми душами и птицъ летающихъ на землѣ подъ твердію небесной. И стало такъ. И сотворилъ Богъ великихъ китовъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвели воды по родамъ ихъ, и всякую птицу пернатую по роду. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды морскія, и птицы да размножаются на землѣ. И былъ вечеръ и было утро, — день пятый. И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую по роду ея, четвероногихъ, гадовъ и звѣрей земныхъ по роду. И стало такъ. И сотворилъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ и скотовъ по роду ихъ, и всѣхъ гадовъ земныхъ. И увидѣлъ Богъ, что это хорошо. И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію, и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и скотами, и всею землей и всѣми гадами пресмыкающимися по

землѣ. И сотворилъ Богъ человѣка, по образу Божію сотворилъ его, мужчину и женщину сотворилъ ихъ. И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю и господствуйте надъ нею, и обладайте рыбами морскими и птицами небесными, и всѣми скотами, и всею землею, и всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ. И сказалъ Богъ: вотъ, Я далъ вамъ всякую траву сѣменную, производящую сѣмя, которая есть на лицѣ всей земли, и всякое дерево, которое имѣетъ въ себѣ плодъ сѣмени сѣменнаго, раждающаго сѣмя, — это будетъ вамъ въ пищу, и всѣмъ звѣрямъ земнымъ и всѣмъ птицамъ небеснымъ и всякому гаду пресмыкающемуся по землѣ, который имѣетъ въ себѣ дыханіе жизни (далъ Я), — всякую траву зеленую въ пищу. И стало такъ. И увидѣлъ Богъ всё, что сотворилъ Онъ, и это было очень хорошо. И былъ вечеръ и было утро,—день шестый. Такъ совершены были небеса и земля и всё украшеніе ихъ; и окончилъ Богъ въ шестый день дѣла Свои, которыя творилъ, и почилъ въ день седьмый отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, которыя сотворилъ. И благословилъ Богъ день седьмый и освятилъ его, потому что въ этотъ день Онъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ началъ творить» ([59]).

12. Этого семидневнаго творенія никто изъ людей не можетъ надлежащимъ образомъ объяснить, ни изобразить всего домостроительства его, хотя бы имѣлъ тысячу устъ и тысячу языковъ; даже хотя бы кто жилъ тысячу лѣтъ на этомъ свѣтѣ, и тогда не будетъ въ состояніи объ этомъ сказать что-нибудь достойнымъ образомъ, по причинѣ пре-

([59]) Быт. I, 3 — II, 3.

восходнаго величія и по богатству премудрости Божіей присущей въ этомъ шестидневномъ твореніи. Многіе писатели, подражая сему, пытались разсказать твореніе міра, и хотя они пользовались этимъ пособіемъ къ объясненію созданія міра и природы человѣческой, однако не сказали даже искры похожаго на истину. Конечно то, что сказано вашими философами, историками и поэтами, повидимому достойно вѣры по изукрашенности ихъ рѣчи, но глупость и пустота ихъ изложенія обнаруживается изъ того, что у нихъ много бредней, а истины не находится ни малѣйшей частицы, ибо и то, что повидимому сказано ими справедливаго, смѣшано съ заблужденіемъ. Какъ смертоносный ядъ, смѣшанный съ медомъ или виномъ, дѣлаетъ все смѣшеніе вреднымъ и негоднымъ, такъ и ихъ краснорѣчіе оказывается напраснымъ трудомъ или скорѣе — пагубою для тѣхъ, которые вѣрятъ ему. Кромѣ того они говорили и о седьмомъ днѣ, названіе котораго всѣ употребляютъ, но большая часть не разумѣютъ; ибо что у Евреевъ называется субботою, то по-эллински переводится — гевдомада (ἑβδομάς) — имя, которое употребляется во всемъ родѣ человѣческомъ, а по какой причинѣ такъ называютъ ее, не знаютъ. Что же касается до сказанія поэта Гезіода, что изъ Хаоса родились Эревъ и Земля и Эросъ, господствующій надъ его мнимыми богами и надъ людьми, то оно пусто, нелѣпо и чуждо всякой истины, ибо Богу не слѣдуетъ быть побѣждаему удовольствіемъ, такъ какъ и благоразумные люди воздерживаются отъ всякаго постыднаго удовольствія и худаго пожеланія.

13. И то, что Гезіодъ начинаетъ сказаніе о твореніи міра съ земныхъ вещей,—есть мысль человѣческая, уничижительная и безсильная въ отношеніи Бога. Ибо человѣкъ,

находясь внизу, начинаетъ строить домъ съ земли и не можетъ надлежащимъ образомъ возвести его и сдѣлать крышу, если прежде не положитъ основанія. Могущество же Бога обнаруживается въ томъ, что Онъ творитъ вещи изъ ничего и такъ, какъ Ему угодно. Ибо «невозможное у человѣковъ—возможно у Бога» (60). Посему и пророкъ говоритъ, что прежде всего Имъ сотворено небо на подобіе кровли. «Въ началѣ, говоритъ онъ, сотворилъ Богъ небо» (61), т. е чрезъ Начало было сотворено небо, какъ выше я показалъ (62). Называетъ же онъ землю — то, что̀ нѣкоторымъ образомъ служитъ грунтомъ и основаніемъ, бездну — множество водъ, и тьму, такъ какъ созданное Богомъ небо, на подобіе крыши, покрывало воды вмѣстѣ съ землею, и духъ, который носился надъ водами, — тотъ, который далъ Богъ твари для ея оживотворенія, какъ человѣку душу, соединяя тонкое съ тонкимъ, (ибо духъ тонокъ и вода тонка), дабы духъ питалъ воду, а вода вмѣстѣ съ духомъ, проходя повсюду, питала все созданіе. Сей единый духъ, имѣя подобіе свѣта, находился между водою и небомъ, чтобы нѣкоторымъ образомъ тьма не соприкасалась съ небомъ, весьма близкимъ къ Богу, прежде нежели Богъ сказалъ: «да будетъ свѣтъ.» Итакъ небо, на подобіе свода, обнимало все вещество, походившее тогда на глыбу. Ибо другой пророкъ, именемъ Исаія сказалъ о небѣ: «Богъ сотворилъ небо какъ сводъ и простеръ его какъ шатеръ для житья» (63). Посему повелѣніе Бога, т. е. Слово Его,

(60) Лук XVIII, 27.
(61) Быт. I, 1
(62) См. гл. 10.
(63) Исаіи XL, 22.

являющееся какъ свѣча въ заключенной комнатѣ, освѣтило поднебесную, сотворивъ свѣтъ отдѣльно отъ міра. «И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тьму ночью;» ибо подлинно человѣкъ не могъ бы назвать свѣтъ днемъ или тьму ночью, ни прочимъ видамъ дать имена, еслибъ онъ не получилъ наименованія отъ Творца Бога. Въ самомъ началѣ повѣствованія о сотвореніи міра Священное Писаніе говоритъ не объ этой тверди, которую мы видимъ, но о другомъ небѣ, для насъ невидимомъ, по которому это видимое нами небо названо твердію и на которомъ хранится половина водъ, чтобы служить человѣчеству для дождей, ливней и росъ. Другая часть воды оставлена въ землѣ для рѣкъ, источниковъ и морей. Когда такимъ образомъ вода покрывала землю, особенно ея углубленныя мѣста, Богъ чрезъ Слово Свое повелѣлъ собраться водѣ въ одно мѣсто и появиться землѣ, которая прежде была невидима. Земля сдѣлалась видимою, но еще была неустроена. Богъ устроилъ и украсилъ ее всякаго рода травами, сѣменами и растеніями.

14. Посмотри далѣе на ихъ разнообразіе, превосходную красоту и многочисленность, какъ они представляютъ собою воскресеніе во образъ будущаго воскресенія всѣхъ людей. Кто не удивится видя, что изъ сѣмени смоковничнаго выростаетъ смоковница или изъ другихъ самомалѣйшихъ сѣмянъ происходятъ огромныя деревья? А море представляетъ намъ нѣкоторое подобіе міра. Ибо какъ море, еслибы не было поддерживаемо приливомъ рѣкъ и источниковъ, давно высохло бы по причинѣ своей солености, такъ и міръ, еслибы не имѣлъ закона Божія и пророковъ, изъ которыхъ истекаютъ сладость, милосердіе, правда и ученіе святыхъ заповѣдей Божіихъ, давно погибъ бы вслѣдствіе злобы и

умножающихся въ немъ грѣховъ. И какъ на морѣ есть обитаемыя острова, обильныя хорошими водами и плодоносныя, имѣющія спокойныя мѣста и пристани, въ которыхъ могутъ найдти прибѣжище подвергшіеся бурѣ; такъ Богъ далъ міру, волнуемому и обуреваемому грѣхами, собранія, называемыя святыми церквами, въ которыхъ, какъ въ благоустроенныхъ пристаняхъ, сохраняется ученіе истины, къ которымъ прибѣгаютъ желающіе спастись, какъ скоро они сдѣлаются любителями истины и захотятъ избѣжать гнѣва и суда Божія. И какъ есть иныя острова — каменистыя, безводныя, безплодныя, полныя дикихъ звѣрей и необитаемыя, опасныя для плавающихъ и подвергающихся бурѣ, объ которыя сокрушаются корабли и погибаютъ къ нимъ пристающіе, такъ есть ученія ложныя: это ереси, погубляющія тѣхъ, которыя пристаютъ къ нимъ. Ибо онѣ не руководствуются словомъ истины, но какъ пираты, наполнивъ корабли (64), нарочно ударяются въ вышеназванныя мѣста, чтобы погубить ихъ, такъ бываетъ и съ тѣми, которые уклоняются отъ истины, — они гибнутъ отъ своего заблужденія.

15. Въ четвертый день созданы свѣтила. Богъ въ Своемъ предвѣдѣніи зналъ бредни суетныхъ философовъ, которые въ отверженіе Бога станутъ говорить, что произведенія на землѣ раждаются отъ свѣтилъ; посему чтобъ явна была истина, сотворены были растенія и сѣмена прежде свѣтилъ; ибо позднѣйшее не можетъ произвести того, что ему предшествуетъ. Это заключаетъ въ себѣ изображеніе великаго

(64) Т. е. путешественниками, которые отправились на корабляхъ пиратовъ, не подозрѣвая ничего худаго. *Моран.*

таинства. Ибо солнце есть образъ Бога, а луна — человѣка. И какъ солнце много превосходитъ луну могуществомъ и славою, такъ Богъ далеко превосходитъ человѣка; и какъ солнце всегда бываетъ полно и не уменьшается, такъ Богъ всегда пребываетъ совершенъ, полный всякаго могущества, разума, мудрости, безсмертія и всякаго блага. Луна же, образъ человѣка, каждый мѣсяцъ умаляется и какъ бы умираетъ, потомъ нарождается и увеличивается, представляя будущее воскресеніе. Подобнымъ образомъ тѣ три дни, которые были прежде созданія свѣтилъ, суть образы Троицы, Бога и Его Слова и Его Премудрости (65). А четвертый день—образъ человѣка, нуждающагося въ свѣтѣ, такъ что существуютъ Богъ, Слово, Премудрость, человѣкъ. Потому и созданы свѣтила въ четвертый день. И расположеніе звѣздъ представляетъ экономію и порядокъ праведныхъ, благочестивыхъ и соблюдающихъ законъ и заповѣди Божія. Ибо самыя свѣтлыя и блестящія звѣзды суть образы пророковъ; почему онѣ и пребываютъ неподвижны и не переходятъ оъ мѣста на мѣсто. Другія звѣзды менѣе свѣтлыя суть образъ народа праведныхъ. Блуждающія же и двигающіяся съ мѣста на мѣсто, такъ-называемыя планеты, представляютъ собою тѣхъ, которые отпадаютъ отъ Бога и оставляютъ Его законъ и повелѣнія.

16. Въ пятый день созданы животныя изъ воды и чрезъ нихъ также открывается многоразличная премудрость Божія. Ибо кто можетъ исчислить ихъ множество и разнообразіе родовъ? Притомъ были благословлены Богомъ созданныя изъ

(65) Слово Троица встрѣчается первый разъ изъ Отцевъ церкви — у св. Ѳеофила.

воды, чтобы и это служило знаменіемъ того, что люди, которые приступаютъ къ истинѣ, возраждаются и благословляются Богомъ, примутъ покаяніе и отпущеніе грѣховъ посредствомъ воды и бани возрожденія. А киты и хищныя птицы представляютъ подобіе людей алчныхъ и преступныхъ. Ибо какъ между тварями плавающими и летающими, хотя онѣ одного происхожденія, есть такія, которыя живутъ сообразно съ своею природой и не обижаютъ слабѣйшихъ себя, но соблюдаютъ законъ Божій и питаются земными произрастеніями, а нѣкоторыя изъ нихъ преступаютъ законъ Божій плотояденіемъ и обижаютъ слабѣйшихъ себя; такъ и люди праведные, сохраняющіе законъ Божей, никому не досаждаютъ и не наносятъ обиды, но живутъ свято и праведно, а люди алчные, убійцы и безбожники подобны китамъ, звѣрямъ и птицамъ плотояднымъ, ибо они нѣкоторымъ образомъ пожираютъ слабѣйшихъ себя. Впрочемъ родъ рыбъ и гадовъ хотя причастенъ благословенія Божія, но не получилъ никакого особеннаго преимущества.

17. Въ шестый день Богъ сотворилъ животныхъ четвероногихъ, звѣрей и гадовъ, но не произнесъ благословенія на нихъ, сохраняя его для человѣка, котораго намѣренъ былъ создать въ шестый день. Животныя четвероногія и звѣри суть также образъ людей, которые незнаютъ Бога, живутъ нечестиво, помышляютъ о земномъ и не раскаеваются. Ибо обращающіеся отъ беззаконій и праведно живущіе подобно птицамъ взлетаютъ душею, помышляя о горнемъ и угождая волѣ Божіей. Незнающіе же Бога и нечестиво живущіе подобны птицамъ, которыя имѣютъ перья, но не могутъ взлетать и носиться въ высотахъ Божіихъ. Такіе люди имѣютъ имя человѣковъ, но мурдствуютъ о

дольнемъ и земномъ будучи отягчены грѣхами. Звѣри (θηρία) получили свое имя отъ того, что они одичали (ἀπὸ τοῦ θηριοῦσθαι), а не потому, чтобы изначала были злыми или ядовитыми, ибо ничего злаго не было изначала сотворено Богомъ, но все было прекрасно; грѣхъ же человѣка испортилъ ихъ, ибо съ преступленіемъ человѣка и они преступили. Если владыка дома хорошо ведетъ себя, то необходимо и слуги живутъ благочинно, если же господинъ согрѣшитъ, то и слуги также будутъ грѣшить; такимъ же образомъ произошло и то, что съ согрѣшеніемъ человѣка, который есть господинъ всего, и служащія ему твари уклонились къ злу. Но когда человѣкъ опять возвратится въ сообразное съ своею природой состояніе, тогда и тѣ животныя возстановятся въ первоначальный образъ кротости.

18. Что касается сотворенія человѣка, то изобразить его— выше способности человѣка, хотя и кратко сказаніе о немъ Священнаго Писанія. Словами: «сотворимъ человѣка по образу и подобію Нашему» Богъ вопервыхъ показываетъ достоинство человѣка. Сотворивъ все словомъ, Онъ какъ бы почиталъ это маловажнымъ, и только созданіе человѣка безсмертнаго почитаетъ дѣломъ достойнымъ Своихъ рукъ. Далѣе, какъ бы нуждаясь въ помощи, Богъ говоритъ: «сотворимъ человѣка по образу и подобію.» Ни кому другому сказалъ Онъ: «сотворимъ,» какъ Своему Слову и Своей Премудрости. Сотворивъ человѣка и давъ благословеніе на то, чтобъ онъ размножался и наполнялъ землю, Богъ все покорилъ его власти и господству и опредѣлилъ ему первоначально имѣть пищу отъ плодовъ земныхъ, сѣмянъ, травъ и овощей, предписывая въ тоже время и животнымъ имѣть

одну пищу съ человѣкомъ, и питаться имъ отъ всѣхъ произрастеній земныхъ.

19. Совершивъ такимъ образомъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ, въ шестый день, Богъ «почилъ въ седьмый день отъ всѣхъ дѣлъ, которыя сотворилъ.» Затѣмъ Священное Писаніе все прежде сказанное заключаетъ такъ: «Это — книга происхожденія неба и земли, когда они произошли въ день, въ который Богъ сотворилъ небо и землю и всякой злакъ полевой, прежде нежели онъ выросъ, и всякую траву полевую, прежде нежели она прозябла, ибо Богъ не посылалъ еще дождя на землю и человѣка еще не было, чтобы воздѣлывать землю» ([66]). Этими словами оно показываетъ намъ, что вся земля въ то время была орошаема отъ божественнаго источника и не было нужды, чтобы воздѣлывалась человѣкомъ, но земля все производила сама собою по повелѣнію Божію, чтобы человѣкъ не былъ обремененъ тяжелымъ трудомъ. Но дабы видно было сотвореніе человѣка, въ предупрежденіе возможныхъ между людьми нескончаемыхъ споровъ на томъ основаніи, что было сказано Богомъ: «сотворимъ человѣка,» а не показано Его сотвореніе,—Писаніе научаетъ насъ въ слѣдующихъ словахъ: «источникъ же исходилъ изъ земли и напоялъ все лице земли, и создалъ Богъ человѣка изъ персти отъ земли и вдунулъ въ лице его дыханіе жизни и человѣкъ сталъ живою душей» ([67]). Поэтому весьма многими душа названа безсмертною. По созданіи человѣка, Богъ избралъ ему въ восточныхъ странахъ мѣстопребываніе, прекрасное свѣтомъ, сі-

([66]) Быт. II, 4—5.
([67]) Быт. II, 6—7.

яющее чистѣйшимъ воздухомъ, богатое разнообразными растеніями, и въ немъ поставилъ человѣка.

20. Эту священную исторію Писаніе передаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «И насадилъ Богъ садъ въ Эдемѣ на востокъ и тамъ поставилъ человѣка, котораго создалъ. И произвелъ Богъ изъ земли всякое дерево, красивое видомъ и хорошее для пищи, а также дерево жизни посреди сада и дерево познанія добра и зла. И рѣка выходила изъ Эдема для орошенія сада, оттуда она раздѣляется на четыре источника. Имя одному Фисонъ: онъ обтекаетъ всю землю Евилатскую; тамъ есть золото, и золото этой земли прекрасно; тамъ же есть анѳраксъ и камень зеленый. Имя другой рѣкѣ Геонъ: она обтекаетъ всю землю Эѳіопскую. Третья рѣка Тигръ; она идетъ съ восточной стороны Ассиріи. Четвертая рѣка Евфратъ. И взялъ Господь Богъ человѣка, котораго создалъ и поставилъ его въ томъ саду воздѣлывать его и соблюдать. И далъ Богъ Адаму такую заповѣдь: отъ всякого дерева въ саду будешь ѣсть, отъ дерева же познанія добра и зла не вкушайте, и въ который день вкусите отъ него, — умрете. И сказалъ Господь Богъ: не добро быть человѣку одному; сотворилъ ему помощника, подобнаго ему. И создалъ Богъ также изъ земли всѣхъ звѣрей полевыхъ и всѣхъ птицъ небесныхъ и привелъ ихъ къ Адаму. И какъ назвалъ Адамъ (всякую) живую тварь, такъ и было имя ихъ. И далъ Адамъ имена всѣмъ скотамъ и всѣмъ птицамъ небеснымъ и всѣмъ звѣрямъ полевымъ; Адаму же не находилось помощника подобнаго ему. И навелъ Богъ сонъ на Адама и онъ уснулъ; и взялъ одно изъ ребръ его и наполнилъ плотію вмѣсто его. И устроилъ Господь Богъ ребро, которое взялъ отъ Адама, въ жену, и привелъ ее къ Адаму. И Адамъ

сказалъ: Это нынѣ кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей; она будетъ называться женою, потому что взята отъ мужа своего. Посему человѣкъ оставитъ отца и мать свою и прилѣпится къ женѣ своей, и будутъ двое одна плоть. И они оба были наги и имъ не было стыдно.»

21. «Былъ же змѣй хитрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей на землѣ, которыхъ создалъ Господь Богъ. И сказалъ змѣй женѣ: почему это Богъ сказалъ: не вкушайте ни отъ какого дерева райскаго? И сказала жена змѣю: отъ всякаго дерева райскаго мы ѣдимъ, отъ плода же дерева, которое посреди рая, сказалъ Богъ — не вкушайте отъ него и не касайтесь его, чтобы вамъ не умереть. И сказалъ змѣй женѣ: не умрете вы; ибъ Богъ зналъ, что въ который день вкусите отъ него, очи ваши откроются и будете какъ боги, знающіе добро и зло. И увидѣла жена, что дерево хорошо для пищи и глазамъ пріятно видѣть его и оно вожделѣнно ради разумѣнія; и взявши плодъ его ѣла и дала также мужу своему съ собою, и они ѣли. И открылись очи у нихъ обоихъ и узнали, что они наги, и сшили смоковныя листья и сдѣлали себѣ опоясанія. И услышали голосъ Господа Бога ходящаго въ саду по полудни, и скрылся Адамъ и жена его отъ лица Божія между деревьями сада. И воззвалъ Господь Богъ къ Адаму, и сказалъ ему: гдѣ ты? И (Адамъ) сказалъ Ему: голосъ Твой я услышалъ въ саду, и убоялся, потому что я нагъ, и скрылся. И сказалъ ему (Богъ): кто возвѣстилъ тебѣ, что ты нагъ? Не ѣлъ ли ты отъ дерева, съ котораго одного я заповѣдалъ тебѣ не ѣсть? И сказалъ Адамъ: жена, которую Ты далъ мнѣ, она мнѣ дала отъ дерева, и я ѣлъ. И сказалъ Богъ женѣ: что это сдѣлала ты? И сказала жена: змѣй обольстилъ меня и я ѣла. И сказалъ Гос-

подь Богъ змѣю: за то, что ты сдѣлалъ это, проклятъ ты изъ всѣхъ звѣрей земныхъ, ты будешь ходить на персяхъ и чревѣ твоемъ и будешь ѣсть прахъ во всѣ дни жизни твоей. И вражду положу между тобою и между женою, и между сѣменемъ твоимъ и между Сѣменемъ ея; Онъ будетъ блюсти твою голову, а ты будешь блюсти его пяту. И женѣ сказалъ: много умножу скорби твои и стенанiе твое; въ болѣзни будешь рождать дѣтей, и къ мужу твоему влеченiе твое, и онъ будетъ господствовать надъ тобою. Адаму же сказалъ: за то, что ты послушалъ голоса жены твоей и ѣлъ отъ дерева, съ котораго одного я заповѣдалъ тебѣ не ѣсть, проклята земля въ дѣлахъ твоихъ; въ скорби будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей, терніе и волчцы произраститъ она тебѣ, и будешь питаться травою поля твоего. Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо земля ты и въ землю отойдешь» ([68]). Таковы слова священнаго Писанiя, относящiеся къ исторiи человѣка и рая.

22. Ты скажешь мнѣ: Богъ, по твоимъ словамъ, не долженъ ограничиваться мѣстомъ, какъ же ты теперь говоришь, что Онъ ходилъ въ раю?—Послушай, что скажу тебѣ. Богъ и Отецъ всего необъятенъ и не находится въ какомъ-либо мѣстѣ, ибо нѣтъ мѣста успокоенiя Его. Слово же Его, чрезъ которое Онъ все сотворилъ, будучи Его силою и премудростiю, принявъ видъ Отца и Господа всего,—Оно ходило въ раю подъ видомъ Бога и бесѣдовало съ Адамомъ. И само священное Писанiе научаетъ насъ, что Адамъ говорилъ, что «онъ услышалъ голосъ.» Что же такое голосъ, какъ

([68]) Быт. II, 8—25; III, 1—10.

не Слово Богъ, которое есть и Его Сынъ? Не такъ, какъ ваши поэты и миѳологи говорятъ о сынахъ боговъ рожденныхъ отъ совокупленія, но какъ истина сказываетъ — Сынъ есть Слово всегда сущее въ нѣдрѣ Бога. Но прежде нежели что либо произошло, Богъ имѣлъ Его совѣтникомъ, такъ какъ Онъ есть Его умъ и мысль. Когда же Богъ восхотѣлъ сотворилъ то, что Онъ опредѣлилъ, Онъ родилъ сіе Слово внѣ проявленное, перворожденное всей твари ([69]), не такъ однако, чтобы Самъ лишился Слова, но Онъ родилъ Слово и вмѣстѣ съ Словомъ всегда пребывалъ. Посему насъ учатъ священныя писанія и всѣ духоносцы, изъ коихъ Іоаннъ говоритъ: «въ началѣ было Слово, и Слово было у Бога», показывая этими словами, что испервa былъ одинъ только Богъ и въ Немъ Слово. Потомъ онъ говоритъ: «и Богъ было Слово; все чрезъ Него сотворено и безъ Него ничто несотворено» ([70]). Итакъ сіе Слово, которое есть Богъ и отъ Бога рождено, Отецъ вселенной, когда хочетъ, посылаетъ въ какое-либо мѣсто, и Оно, посланное Богомъ, когда является, бываетъ слышимо и видимо и находится въ извѣстномъ мѣстѣ.

23. Богъ сотворилъ человѣка въ шестый день, созданіе же его открылъ послѣ седьмаго дня, когда сдѣлалъ и Рай, чтобы поселить его въ лучшемъ и превосходнѣйшемъ мѣстопребываніи. Что это истинно, показываетъ самое дѣло. Не видимъ ли болѣзней, которыя терпятъ женщины при рожденіи дѣтей, и какъ послѣ того онѣ забываютъ свою скорбь, чтобъ исполнялось повелѣніе Божіе и родъ человѣ-

---

([69]) Колосс I, 15.
([70]) Іоанн. I, 1—3

ческій плодился и размножался? Не видимъ ли также осужденіе змѣя, какъ онъ проклятый ползаетъ на чревѣ и ѣстъ землю, чтобъ и это служило доказательствомъ того, что я сказалъ выше.

24. Далѣе Богъ произвелъ изъ земли всякое дерево, прекрасное видомъ и хорошее для пищи Ибо въ началѣ были только сотворенныя въ третій день растенія, сѣмена и травы; въ Раю же были созданы деревья превосходной красоты и пріятности, такъ какъ онъ названъ садомъ, насажденнымъ самимъ Богомъ. Всѣ прочія растенія въ мірѣ были одинаковаго рода; но двухъ деревъ, дерева жизни и дерева познанія не было ни гдѣ, кромѣ одного Рая. Что Рай былъ земля и на землѣ насажденъ, объ этомъ говоритъ Писаніе: «и насадилъ Богъ Рай въ Едемѣ на востокѣ и поставилъ тамъ человѣка, и произвелъ еще Богъ изъ земли всякое дерево, прекрасное видомъ и хорошее для пищи» ([71]). Выраженіями «еще изъ земли» и «на востокѣ» св. Писаніе ясно научаетъ насъ, что Рай находился подъ симъ небомъ, подъ которымъ находятся востокъ и земля. Едемъ же въ переводѣ съ еврейскаго значитъ пріятность. Далѣе указывается, что изъ Едема выходитъ рѣка для орошенія Рая, и потомъ раздѣляется на четыре главныя части: изъ нихъ двѣ, названныя Фисонъ и Геонъ, орошаютъ восточныя страны, въ особенности Геонъ, который окружаетъ всю эѳіонскую землю, и въ Египтѣ, какъ говорятъ, является подъ именемъ Нила. Остальныя двѣ рѣки, которыя называются Тигромъ и Евфратомъ, намъ очень извѣстны; ибо онѣ близки къ нашимъ странамъ. Поставивъ человѣка, какъ мы выше ска-

([71]) Быт. II, 8

зали ([72]), въ Раю, чтобъ онъ воздѣлывалъ и хранилъ его, Богъ заповѣдалъ ему вкушать отъ всѣхъ плодовъ, не исключая и дерева жизни; только отъ дерева познанія запретилъ ему вкушать. Богъ перенесъ его изъ земли, изъ которой сотворилъ, въ Рай, давъ ему побужденіе къ преуспѣянію, чтобы возрастая и совершенствуясь, даже явленный какъ Богъ, восходилъ на небо безсмертнымъ (ибо Богъ сотворилъ человѣка среднимъ, ни совершенно смертнымъ, ни безсмертнымъ, но способнымъ къ тому и другому; подобно и Рай, относительно красоты, созданъ среднимъ между землею и небомъ). Выраженіе «чтобы воздѣлывалъ» означаетъ не другое какое-либо дѣло, а соблюденіе заповѣди Божіей, чтобы преступленіемъ не погубилъ самого себѣ, чему и подвергся онъ чрезъ грѣхъ.

25. Прекрасно было само по себѣ дерево познанія, прекрасенъ былъ и его плодъ. Ибо не оно, какъ думаютъ нѣкоторые, было смертоносно, но преслушаніе заповѣди. Въ плодѣ его ничего другаго не было, кромѣ только познанія. Познаніе же прекрасно, если кто имъ хорошо пользуется. По возрасту этотъ Адамъ былъ еще младенцемъ, почему и не могъ принять надлежащимъ образомъ познанія. Ибо и теперь дитя, тотчасъ по рожденіи, не можетъ ѣсть хлѣбъ, но прежде питается молокомъ, потомъ, съ увеличеніемъ возраста, переходитъ къ твердой пищѣ. Тоже было съ Адамомъ. Посему Богъ, не по зависти какъ думаютъ нѣкоторые, запретилъ ему ѣсть отъ дерева познанія. Кромѣ того Онъ хотѣлъ испытать его, будетъ ли онъ послушенъ Его заповѣди; и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ, чтобы младенчеству-

([72]) См. 11 20.

ющій человѣкъ долѣе оставался простымъ и невиннымъ. Ибо свято не только у Бога, но и у людей въ простотѣ и невинности повиноваться родителямъ. Если же дѣти должны повиноваться родителямъ, то сколь же болѣе надлежитъ повиноваться Богу и Отцу всего? Кромѣ того даже и несообразно, чтобы дѣти мыслили болѣе, нежели сколько потребуетъ ихъ возрастъ. Ибо каждый постепенно возрастаетъ какъ лѣтами, такъ и мудростію Наконецъ, когда законъ предписываетъ воздерживаться отъ чего-нибудь, и кто не повинуется ему — очевидно, не законъ причина наказанія, но непослушаніе и преступленіе закона. И отецъ иногда повелѣваетъ своему сыну удаляться отъ чего-либо, и если сынъ преслушаетъ отеческое повелѣніе, то подвергается наказанію за непослушаніе; не самыя тѣ вещи наносятъ ему удары, но непослушаніе приноситъ наказаніе непослушному. Такъ и первозданнаго непослушаніе подвергло изгнанію изъ Рая, не потому, чтобы въ деревѣ познанія заключалось что-либо злое, но за непослушаніе человѣкъ претерпѣлъ трудъ, печаль, болѣзнь и наконецъ смерть.

26. Богъ оказалъ великое благодѣяніе человѣку, что не оставилъ его вѣчно связаннымъ грѣхомъ, но, какъ бы осудивъ въ ссылку, изгналъ его изъ Рая, дабы онъ этимъ наказаніемъ очистилъ въ продолженіе извѣстнаго времени грѣхъ и исправившись потомъ могъ быть возвращенъ. Посему по созданіи человѣка въ семъ мірѣ, таинственно написано въ книгѣ Бытія, что какъ бы дважды онъ былъ поставленъ въ Раю: въ первый разъ исполнилось это, когда онъ былъ тамъ поставленъ, другой разъ имѣетъ совершиться послѣ воскресенія и суда. И какъ сосудъ, когда послѣ сдѣланія его окажется въ немъ какой-либо недостатокъ, переливает-

ся или передѣлывается, чтобъ онъ сдѣлался новымъ и неповрежденнымъ; такъ бываетъ и съ человѣкомъ чрезъ смерть: ибо онъ нѣкоторымъ образомъ разрушается, чтобы при воскресеніи явиться здоровымъ, т. е. чистымъ, праведнымъ и безсмертнымъ. А что Богъ звалъ и сказалъ: гдѣ Адамъ?— это сдѣлалъ Онъ не потому, что не зналъ, но какъ долготерпѣливый давалъ ему случай къ раскаянію и исповѣданію.

27. Но кто-нибудь спроситъ насъ: смертнымъ ли по природѣ сотворенъ человѣкъ? нѣтъ. Значитъ — безсмертнымъ? Не скажемъ и этого. Но скажетъ кто-нибудь: итакъ онъ сотворенъ ни тѣмъ, ни другимъ? и этого не скажемъ. Онъ сотворенъ по природѣ ни смертнымъ и ни безсмертнымъ. Ибо еслибы Богъ сотворилъ его вначалѣ безсмертнымъ, то сдѣлалъ бы его Богомъ; если же на оборотъ сотворилъ бы его смертнымъ, то Самъ оказался бы виновникомъ его смерти. Итакъ Онъ сотворилъ его ни смертнымъ и ни безсмертнымъ, но, какъ сказали выше ([73]), способнымъ къ тому и другому, чтобы, если устремится онъ къ тому, что̀ ведетъ къ безсмертію, исполняя заповѣдь Божію, получилъ отъ Него въ награду за это безсмертіе, и сдѣлался бы Богомъ; если же уклонится къ дѣламъ смерти, не повинуясь Богу, самъ былъ бы виновникомъ своей смерти. Ибо Богъ создалъ человѣка свободнымъ и самовластнымъ. Итакъ, что̀ человѣкъ навлекъ на себя своимъ нерадѣніемъ и непослушаніемъ, то Богъ нынѣ прощаетъ ему по Своему человѣколюбію и милосердію, если человѣкъ Ему повинуется. Какъ непослушаніемъ человѣкъ навлекъ на себя смерть, такъ повиновеніемъ волѣ Божіей желающій можетъ доста-

([73]) См. гл. 24.

вить себѣ вѣчную жизнь. Ибо Богъ далъ намъ законъ и святыя заповѣди, исполняя которыя всякій можетъ спастись и достигнувъ воскресенія наслѣдовать нетлѣніе.

28. Изгнанный изъ Рая Адамъ позналъ жену свою Еву, которую Богъ сотворилъ въ жену для него изъ ребра его. И это не потому, что Онъ не могъ произвесть отдѣльно жену его, но Богъ предвидѣлъ, что люди введутъ множество боговъ. Предвидя и зная, что заблужденіе дѣйствіемъ змѣя введетъ множество боговъ несуществующихъ (ибо одинъ есть Богъ, но уже съ того времени обманъ тщился посѣять множество боговъ и говорилъ: вы будете, какъ боги); итакъ, чтобы не думали, что одинъ Богъ сотворилъ мужа, а другой жену, Онъ не сотворилъ обоихъ отдѣльно. Но чтобы показать таинство единства Божія, Богъ вмѣстѣ сотворилъ жену Адама, а также для того, чтобы большая была между ними любовь. И Адамъ сказавъ Евѣ: «это теперь кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей», при этомъ пророчествовалъ, говоря: «посему оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ своей и будутъ два въ едину плоть»,—что самое явно исполняется на насъ самихъ. Ибо не всякой ли законно вступившій въ бракъ оставляетъ мать и отца, всѣхъ родственниковъ и ближнихъ своихъ, прилѣпляясь и привязываясь къ своей женѣ, питая къ ней бо́льшее расположеніе? Посему многіе не рѣдко подвергаются даже смерти за своихъ женъ. Такъ какъ эта Ева первая была обольщена змѣемъ и сдѣлалась зачинщицею грѣха,—злой демонъ, называемый также сатаною, нѣкогда говорившій съ нею чрезъ змѣя, и теперь дѣйствующій въ увлеченныхъ имъ людяхъ, назывался ***Еванъ*** (74). Демонъ еще на-

(74) *Еванъ* (Ευαν). Это—восклицаніе, употреблявшеся въ оргіяхъ Вакха. См. Ovid. Metam. IV. 15.

зывается драконом, (ἀποδεδράκέναι) потому что убѣжалъ отъ Бога; въ началѣ же онъ былъ ангелъ. Объ немъ много можно говорить; но теперь я опущу это изслѣдованіе; ибо въ другомъ сочиненіи ([75]) у насъ было разсужденіе.

29. Итакъ, когда Адамъ позналъ жену свою Еву,—она зачевши родила сына, которому имя Каинъ и сказала: «пріобрѣла человѣка чрезъ Бога» ([76]). И зачевши опять, родила другаго, которому имя Авель. «Онъ сдѣлался пастыремъ овецъ; Каинъ же занимался земледѣліемъ» ([77]) Но слишкомъ долго было бы разсказывать, а тѣмъ болѣе объяснять эту исторію; любознательные относительно подробностей этой исторіи могутъ научиться изъ самой книги, которая надписывается: «Бытіе міра» ([78]). Когда же сатана увидѣлъ, что Адамъ и жена его не только живутъ, но и родили дѣтей, тревожимый завистію, что не имѣлъ силы подвергнуть ихъ смерти, и видя, что Авель благоугождаетъ Богу, подѣйствовалъ на брата его, по имени Каина, и побудилъ его убить брата своего Авеля. И такимъ образомъ явилось начало смерти въ этомъ мірѣ и до нынѣ она ходитъ по всему роду человѣческому. Богъ же по Своему милосердію, и Каину, также какъ Адаму, хотѣлъ дать случай къ раскаянію и исповѣданію, говоря: «гдѣ Авель братъ твой»? Но Каинъ съ грубостію отвѣчалъ Богу: «незнаю; развѣ я сторожъ брата моего»? Тогда разгнѣванный Богъ сказалъ: «что ты сдѣлалъ? голосъ крови брата твоего вопіетъ ко Мнѣ отъ земли. И

([75]) Которое утрачено. Сн. гл. 30 и кн. III, гл. 19

([76]) Быт. IV, 1.

([77]) Быт. IV, 2.

([78]) *Бытіе міра.* Подъ симъ нѣкоторые разумѣютъ другое сочиненіе св, Ѳеофила, а другіе болѣе справедливо—относятъ это къ Моисеевой книгѣ Бытія.

теперь проклятъ ты отъ земли, которая открыла себя, чтобъ принять кровь брата твоего отъ руки твоей; жалкимъ и трясущимся будешь ты на землѣ» (79). И съ того времени устрашенная земля не принимаетъ крови человѣка, и даже ни какого животнаго (80); такъ что очевидно, не она, а преступившій человѣкъ причина смерти.

30. Самъ Каинъ также имѣлъ сына, которому имя Энохъ. И построилъ онъ городъ, который назвалъ именемъ сына своего Эноха. Съ того времени начали строить города — это еще прежде потопа, а не какъ ложно говоритъ Гомеръ: «нигдѣ не былъ еще построенъ городъ человѣческій» (81). «У Эноха родился сынъ именемъ Гаидадъ, который родилъ Меиила, Меиилъ Маѳусала, а Маѳусалъ Ламеха. Ломехъ же взялъ себѣ двухъ женъ, которыхъ имена: Ада и Села». Отсюда получило начало многоженства, также и музыка. Ибо Ламехъ родилъ трехъ сыновей: Овела, Іувала и Ѳовела. «Овелъ былъ мужъ, кормившій скотъ въ шатрахъ, Іувалъ показалъ псалтирь и гусли, а Ѳовелъ былъ ковачъ мѣди и желѣза» (82). Доселѣ простирается родословіе сѣмени Каина; остальное его потомство осталось въ забвеніи, за то, что онъ убилъ брата своего. На мѣсто Авеля Богъ далъ Евѣ зачать и родить сына, которому имя Сиѳъ; отъ него распространяется остальной родъ человѣческій до сего времени. А тѣмъ, которые хотятъ узнать обо всѣхъ родахъ,—легко можно изложить это при помощи священ-

(79) Быт. IV, 9—12.

(80) По замѣчанію Фелла, кровь испустившись изъ тѣлъ животныхъ застываетъ и не протекаетъ въ землю.

(81) Гом. Иліад. XX, 216.

(82) Быт. IV, 17—22

наго Писанія. И это отчасти нами уже сдѣлано, какъ мы уже упоминали ([83]) въ другой книгѣ, именно — изъясненъ порядокъ родословія первой исторической книги ([84]). Этому всему научаетъ насъ святый Духъ, говорившій чрезъ Моусея и прочихъ пророковъ, такъ-что мы чтущіе Бога имѣемъ писанія, которыя оказываются древнѣе и даже истиннѣе всѣхъ писаній вашихъ историковъ и поэтовъ. Такъ нѣкоторые нелѣпо говорили, что Аполлонъ былъ изобрѣтателемъ музыки, между тѣмъ какъ другіе говорятъ, что музыка была изобрѣтена Орфеемъ отъ пріятнаго пѣнія птицъ, но ихъ слова оказываются пустыми и ничтожными; ибо эти люди жили много спустя послѣ потопа. Что же происходило съ Ноемъ, который иными называется Девкалѣномъ, изложено нами въ вышеупомянутой книгѣ, къ которой если хочешь, можешь и ты обратиться.

31. Послѣ потопа опять положено было начало городамъ и царствамъ слѣдующимъ образомъ. Первый городъ былъ Вавилонъ, затѣмъ Орехъ, Архаѳъ и Халани въ землѣ Сеннааръ. Царь ихъ былъ именемъ Невроѳъ. Изъ нихъ вышелъ такъ называемый Ассуръ; отсюда произошло названіе Ассиріянъ. Невроѳъ же построилъ города: Ниневію, Ровоонъ, Калакъ и Дасенъ, находившійся между Ниневіею и Калакомъ. Ниневія былъ главный и большой городъ. Другой сынъ Сима, сына Ноева, именемъ Месраинъ, родилъ народъ Лудуима, Энемигима, Лавіима, Нефѳалима, Патросоніима и Хослоніима, отъ которыхъ же произошелъ и Филистимъ. Что касается трехъ сыновей Ноя, ихъ племени и родосло-

([83]) См. гл. 28.
([84]) Т. е. Моисеевой книги Бытія.

вія, то краткій перечень ихъ сдѣланъ нами въ вышеупомянутой книгѣ ([85]). Теперь же упомянемъ о томъ, что опущено нами, какъ относительно городовъ и царствъ, такъ и происшествій того времени, когда была одна рѣчь и одинъ языкъ. Предъ раздѣленіемъ языковъ города были тѣ же самые, о которыхъ мы писали выше. Когда же наступило время людямъ разойтись въ различныя стороны, они составили совѣтъ по своей мысли, а не по Божіей, построить городъ и башню, вершина которой достигала бы до неба, чтобы тѣмъ сдѣлать славнымъ свое имя. Поелику же они рѣшились вопреки воли Божіей совершить такое трудное дѣло, то Богъ разрушилъ ихъ городъ и низвергнулъ башню. Въ то же время Онъ измѣнилъ языки людей, давъ каждому особое нарѣчіе. На это указала и Сивилла, возвѣщая гнѣвъ, имѣющій постигнуть міръ. Вотъ ея слова:

«Когда совершились угрозы великаго Бога, которыми Онъ грозилъ смертнымъ, строившимъ башню въ странѣ Ассирійской; тогда всѣ были они одного языка и хотѣли взойдти на звѣздное небо. Тотчасъ же безсмертный повелѣлъ вѣтрамъ, и вѣтры низринули съ высоты великую башню и между смертными сдѣлали раздоръ. Тогда башня упала, и языки смертныхъ людей раздѣлились на многія нарѣчія» ([86]).

Итакъ далѣе. Это происходило въ землѣ Халдейской. Въ землѣ же Ханаанской былъ городъ, которому имя Харранъ. Въ это время первымъ царемъ былъ въ Египтѣ Фараонъ, который у египтянъ назывался также Нехао, и ему преемствовали послѣдующіе цари. Въ землѣ же Сеннаарѣ, у такъ называемыхъ Халдеевъ, первымъ царемъ былъ Аріохъ; послѣ

([85]) См гл. 30.

([86]) См. Oracc. Sibyll. III, 97—105. edit. Alexandre. Еще Friedlieb Die Sibyll. Weissag.

него Элласаръ, за симъ Ходоллагоморъ, царь Эламскій, послѣ же сего Θаргалъ, царь народовъ, называвшихся Ассирійцами. Другіе пять городовъ были построены въ удѣлѣ Хама, сына Ноева: первый Содомъ, потомъ Гоморра, Адама, Севоинь и Валакъ, называвшійся также Сигоръ. Имена царей ихъ слѣдующія: Валласъ, царь содомскій, Варсасъ, царь гоморрскій, Сеннааръ, царь адамскій, Имооръ, царь севоинскій, и Валахъ ([87]), царь Сигора, называемаго также Валакомъ. Они были въ подданствѣ у Ходоллагомора, царя ассирійскаго двѣнадцать лѣтъ. Въ тринадцатый же годъ они отпали отъ Ходоллагомора; и такимъ образомъ въ это время четыре ассирійскихъ царя предприняли войну съ сими пятью царями. Отсюда получили начало войны на землѣ. И они окружили исполиновъ Каранаинъ, и съ ними сильные народы и Оммеевъ въ самомъ городѣ ихъ, и Хорреевъ, обитавшихъ въ горахъ, называемыхъ Сеиръ, до такъ-называемаго Теревинта Фарана, который находится въ пустынѣ. Въ это же время былъ праведный царь, именемъ Мельхиседекъ, въ городѣ Салимѣ, нынѣ называющемся Іерусолима. Онъ былъ первый изъ всѣхъ священниковъ Бога Вышняго. Отъ него вышеназванный городъ Іерусолима получилъ названіе Іерусалима; отъ него же появились и священники во всей землѣ. Послѣ него царствовалъ Авимелехъ въ Герарахъ, за нимъ другой Авимелехъ, затѣмъ царствовалъ Ефронъ, по прозванію Хеттей. Таковы были имена царей, существовавшихъ въ первыя времена; имена прочихъ ассирійскихъ царей, царствовавшихъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, умолчаны; изъ самыхъ близкихъ къ нашимъ време-

([87]) Имени царя Валаха нѣтъ въ кн. Бытія (XIV, 1—6).

намъ упоминаются ассирійскіе цари: Θеглафасаръ, послѣ сего Селаманасаръ, потомъ Сеннахаримъ ([88]). Послѣ него былъ Адрамелехъ Эѳіоплянинъ, который царствовалъ и надъ Египтомъ; впрочемъ это все, по нашимъ писаніямъ, принадлежитъ къ очень позднѣйшимъ временамъ.

32. Изъ этого любители учености и древности могутъ усмотрѣть, къ позднему ли времени относятся сказанія наши, находящіяся у святыхъ пророковъ. Хотя въ первыя времена были немногочисленны обитатели аравійской и халдейской земли, но по раздѣленіи языковъ ихъ, они начали мало-помалу распространяться и умножаться по всей землѣ. Одни уклонились для обитанія на востокъ, другіе въ страны великаго материка и на сѣверъ, такъ что проникли въ Британію въ сѣверной полосѣ, иные отправились въ землю Ханаанскую, которая называется также Іудеею и Финикіею, въ страны Эѳіопіи, Египта, Ливіи, въ такъ-называемый жаркій поясъ и въ западные края, наконецъ остальные пошли въ страны приморскія, въ Памфилію, Азію, Элладу, въ Македонію и далѣе въ Италію, Галлію, Испанію и Германію, такъ что теперь вся вселенная наполнилась обитателями. Такимъ образомъ сначала три части земли были населены людьми, востокъ, югъ и западъ, потомъ, съ умноженіемъ людей, заселились и остальныя части земли. Не зная сего ваши писатели говорили, что міръ шарообразенъ, или сравнивали его съ кубомъ. Но какъ могли они сказать объ этомъ истину, не зная ни творенія міра, ни заселенія его? Когда люди мало-по-малу распространились и умножились на землѣ, какъ мы выше сказали, — такимъ же образомъ заселили и острова морскіе и прочія страны.

([88]) 4 Цар XV, 29, XVII. 8, XVIII, 13.

33. Кто же изъ называемыхъ у васъ мудрецовъ, поэтовъ и историковъ могъ сказать объ этомъ истину, когда они жили много позднѣе, и ввели множество боговъ, которые сами родились, спустя много лѣтъ по построеніи городовъ,— послѣ царей, народовъ и войнъ? Они должны были упомянуть и обо всемъ, что происходило до потопа о сотвореніи міра и человѣка, и о послѣдующихъ происшествіяхъ должны были точно разсказать египетскіе пророки или Халдеи и другіе писатели, если они говорили божественнымъ и чистымъ Духомъ, и возвѣщали истину; и не только о прошедшемъ или настоящемъ они должны были говорить, но и предвозвѣщать то, что имѣетъ случиться съ міромъ. Изъ сего открывается, что всѣ другіе ошибаются, а только одни христіане владѣютъ истиною, такъ какъ мы научены Святымъ Духомъ, Который говорилъ во святыхъ пророкахъ и все предвозвѣстилъ.

34. Далѣе, тебѣ нужно съ любовію изслѣдовать божественныя дѣла, т. е. писанія пророковъ, чтобы чрезъ сравненіе того, что говорится нами, съ словами другихъ ты могъ найдти истину. Я уже выше доказалъ изъ сочиненій вашихъ историковъ, что имена такъ-называемыхъ боговъ суть имена людей. Изображенія ихъ, которыя ежедневно дѣлаются до сего времени, — «идолы дѣла рукъ человѣческихъ» ([89]). И имъ-то воздаетъ богопочтеніе множество неразумныхъ людей, Творца же и Создателя вселенной и Питателя всякаго дыханія не чествуютъ, обольщаемые ложными ученіями, по преданіямъ, переходящимъ отъ отцевъ. Но Богъ, Отецъ и Создатель вселенной, не оставилъ чело-

([89]) Псал 113, 4, 134, 15.

вѣчества, но далъ законъ и посылалъ святыхъ пророковъ, чтобы возвѣстить роду человѣческому и научить, дабы каждый изъ насъ вразумился и позналъ, что одинъ Богъ: они и научили насъ воздерживаться отъ нечестиваго идолослуженія, прелюбодѣйства, убійства, блуда, хищенія, сребролюбія, клятвопреступленія, гнѣва и всякой скверны и нечистоты, и не дѣлать другому того, чего человѣкъ себѣ самому не желаетъ: такимъ образомъ дѣлающій правду избѣжитъ вѣчныхъ мученій и наслѣдуетъ жизнь вѣчную для Бога.

35. Божественный законъ запрещаетъ намъ покланяться не только идоламъ, но и стихіямъ: солнцу, лунѣ и прочимъ звѣздамъ; кромѣ того не должны мы служить ни небу, ни землѣ, ни морю, ни источникамъ или рѣкамъ: только единому истинному Богу и Творцу вселенной мы должны покляняться въ праведности сердца и съ чистымъ умомъ. Посему говоритъ святый законъ: «не прелюбодѣйствуй, не убивай, ни кради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай жены ближняго твоего» Подобнымъ образомъ говорятъ и пророки. Такъ Соломонъ учитъ насъ не грѣшить глазами, говоря. «глаза твои да видятъ правое и вѣжди твои да помаваютъ на праведное (90). И самъ Моисей, также пророкъ, говоритъ о единовластительствѣ Божіемъ: «это—вашъ Богъ, Который утвердилъ небо и создалъ землю, Котораго руки сотворили все воинство небесное, и Онъ создалъ не для того, чтобы вы ходили за ними» (91). Также Исаія говоритъ: «такъ говоритъ Господь Богъ, утвердившій небо и основавшій землю и то, что на ней, и давшій дыханіе людямъ,

(90) Притч. IV, 25

(91) Здѣсь св Ѳеофилъ не буквально приводитъ слова Моисея, а передаетъ только смыслъ ихъ. Быт. I, 8; II, 1, Второз. IV, 19, XVII, 3.

живущимъ на ней и духъ попирающимъ ее: Сей Господь Богъ вашъ» (92). И еще у него же говоритъ Богъ: «Я сотворилъ землю и человѣка на ней, Я утвердилъ небо рукою Моей» (93). И въ другой главѣ: «Это Богъ вашъ, устроившій края земли; Онъ не взалчетъ и не утомится, и неизслѣдима Его мудрость» (94). Подобнымъ образомъ Іеремія говоритъ: «Онъ сотворилъ землю силою Своей, устроилъ вселенную премудростію Своею, и разумомъ Своимъ простеръ небо и множество воды на небѣ, и извелъ облака отъ края земли, сотворилъ молніи предъ дождемъ и вѣтры изъ сокровищъ Своихъ» (95). Легко видѣть, какъ всѣ пророки говорили согласно между собою, однимъ и тѣмъ же духомъ возвѣщая о единовластительствѣ Божіемъ, о происхожденіи міра и сотвореніи человѣка. Кромѣ того, они глубоко скорбѣли о нечестіи рода человѣческаго и обличали тѣхъ, которые мнили быть мудрыми, за ихъ заблужденія и грубость сердца. Іеремія говоритъ: «всякій человѣкъ одураченъ отъ ума своего, всякій художникъ посрамился отъ изваяній своихъ, напрасно серебрянникъ трудится надъ серебромъ; нѣтъ въ нихъ духа и въ день посѣщенія своего они погибнутъ» (96). Тоже самое говоритъ Давидъ: «развратились и омерзѣли въ начинаніяхъ своихъ; нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни единаго; всѣ уклонились, всѣ сдѣлались негодны» (97). Подобнымъ образомъ и Аввакумъ: «что пользы человѣку въ изваяніи, что изваялъ онъ ложный вымыслъ? Горе тому, кто говоритъ камню: возстань,

---

(92) Исаіи XLII, 5 и д. Иначе это читается у LX и въ славянскомъ текстѣ. (93) Исаіи XLV, 12 (94) Исаіи XL, 28. (95) Іерем. X, 12 и дал.
(96) Іерем. X, 14, LI, 17.
(97) Псал. 13, 1—3.

и дереву: возвысься» (98). Подобнымъ образомъ говорили и прочіе пророки истины. И къ чему мнѣ приводить множество пророковъ, когда они, какъ ни много ихъ, говорили о столь многихъ вещахъ единодушно и согласно между собою? Желающіе могутъ обратиться къ ихъ писаніямъ и обстоятельно узнать истину, не увлекаясь ложными мечтами и помышленіями. Эти люди, о которыхъ я говорилъ выше, были пророки у Евреевъ, — люди неученые, пастухи, простецы.

36. И Сивилла, которая была пророчицею у Эллиновъ и прочихъ народовъ, упрекаетъ въ началѣ своего пророчества человѣческій родъ, говоря:

«Люди смертные и плотскіе, ничтожные, зачѣмъ вы скоро надмѣваетесь, не взирая на конецъ жизни? Вы не трепещете, не боитесь Бога, блюстителя вашего, всевышняго вѣдца, всевидящаго свидѣтеля, всеуправляющаго Творца, Который вложилъ во все Свой добрый духъ и сдѣлалъ его руководителемъ всѣхъ смертныхъ? Единъ Богъ, Который одинъ управляетъ, величайшій, нерожденный, вседержитель, невидимый, Самъ одинъ только видящій все, незримый никакою смертною плотію. Ибо какая плоть можетъ видѣть глазами небеснаго, истиннаго, безсмертнаго Бога, Который живетъ на небѣ? Люди по природѣ смертные, состоящіе изъ костеи, жилъ и плоти, не могутъ смотрѣть прямо даже на лучи солнца. Его одного почитайте, Который управляетъ міромъ и одинъ существовалъ во вѣкъ и отъ вѣка, самобытный, безначальный, все содержащій, дающій всѣмъ смертнымъ судъ въ совѣсти. Но вы получите достойное возмездіе за свое злое изволеніе, за то, что вы оставили прославлять истиннаго и вѣчнаго Бога, и приносить Ему священныя жертвы, и совершали жертвоприношенія демонамъ, которые во адѣ. Вы ходите въ гордости и безуміи, и, оставивъ прямой и истинный путь, уклонились и блуждаете среди шиповъ и терновниковъ. Смертные, перестаньте суетно блуждать во мракѣ и въ черной ночи; оставьте мракъ ночи и примите свѣтъ.

(98) Аввак. II, 18.

Вотъ Онъ для всѣхъ видный, съ Кѣмъ не заблудитесь. Идите, не слѣдуйте всегда темнотѣ и мраку: вотъ радостный свѣтъ солнца чудно сіяетъ для всѣхъ. Познайте и положите эту мудрость въ сердцахъ вашихъ: единъ есть Богъ, посылающій дожди, вѣтры, землетрясенія, молніи и глады, язвы и бѣдствія, снѣги и льды. Къ чему перечислять все порознь? Онъ управляетъ небомъ, владычествуетъ надъ землею и самобытно существуетъ».

И о такъ-называемыхъ рожденныхъ ([99]) говорила:

«Если рожденное совершенно разрушается, то не можетъ Богъ образоваться изъ чреслъ мужа и женщины. Но единъ Богъ Всевышній, Который сотворилъ небо, солнце, звѣзды и луну, плодоносную землю и воды морскія, возвышенныя горы и постоянныя теченія источниковъ; раждаетъ также безчисленное множество живущихъ въ водѣ, питаетъ жизнь пресмыкающихся на землѣ, различныхъ птицъ, звонко поющихъ, и щебечущихъ, красивыхъ, пріятно шумящихъ и волнующихъ воздухъ своими крыльями. Онъ помѣстилъ въ ущельяхъ горъ дикихъ звѣрей, и намъ, смертнымъ подчинилъ всѣхъ скотовъ; Онъ поставилъ созданнаго имъ человѣка правителемъ всего и подчинилъ ему разнообразныя и неисчислимыя вещи. Кто изъ смертныхъ можетъ познать все это? Но Онъ одинъ знаетъ, сотворившій это отъ начала, безсмертный, вѣчный Творецъ, живущій на небѣ, добрымъ подающій добрую и обильную награду, злыхъ же и нечестивыхъ посѣщаетъ гнѣвомъ и яростію, войною, язвою и горькими скорбями. Люди, къ чему вамъ возвышаться тщетно и погибать навсегда? Стыдитесь боготворить кошекъ и крокодиловъ. Не безуміе ли это, если боги воруютъ чаши, похищаютъ горшки? И вмѣсто того, чтобъ обитать на величественномъ небѣ, они ([100]) бываютъ добычею червей и пауковъ Безразсудные, вы покланяетесь змѣямъ, собакамъ, кошкамъ, почитаете птицъ и гадовъ земныхъ, каменныя статуи и рукотворенныя изображенія, каменные курганы ([101]), — этому вы покланяетесь и многимъ другимъ суетнымъ вещамъ, которыя даже неприлично и назвать. Такіе боги обольщаютъ людей неразумныхъ и распространяютъ изъ устъ своихъ смертоносный ядъ. Только Тому, Которому принадлежитъ жизнь и непреходящій вѣчный свѣтъ и Кто

([99]) Т. е. о богахъ языческихъ.

([100]) Т. е боги или точнѣе — ихъ деревенныя статуи

([101]) Они были поставлены въ честь Меркурія

изливаетъ людямъ радость, пріятнѣйшую сладкаго меда, — Тому одному нужно поклоняться и слѣдовать путемъ вѣчной правды. Но вы оставили все это и своимъ безуміемъ навлекли на себя полную чашу кары Божіей—чашу чистую, изобильную, крѣпкую. И не хотите протрезвиться и придти въ здравый умъ, познать Царя всевидящаго Бога. За это пламень горящаго огня придетъ на васъ: будете горѣть въ огнѣ вѣчно, покрытые срамомъ за ложныхъ и безполезныхъ идоловъ. Почитающіе же истиннаго и вѣчнаго Бога получатъ въ наслѣдіе жизнь и будутъ вѣчно обитать въ прекрасномъ райскомъ саду и вкушать сладкій хлѣбъ съ звѣзднаго неба» ([102]).

Само собою ясно, что это истинно, полезно, справедливо и достолюбезно для всѣхъ людей, и что дѣлавшіе злое необходимо получатъ наказаніе по своимъ дѣламъ.

37. И нѣкоторые изъ поэтовъ вашихъ высказали это, какъ бы оракульскія изрѣченія, самимъ себѣ и въ свидѣтельство противъ злодѣевъ, утверждая, что они будутъ наказаны. Эсхилъ сказалъ:

«Сдѣлавшему что-либо (злое) надлежитъ и страдать» ([103]).

И самъ Пиндаръ сказалъ:

«Дѣлающій злое долженъ понести наказаніе» ([104]).

Точно также и Эврипидъ:

«Не жалуйся на свое страданіе: ибо по своей волѣ ты дѣлалъ зло; а законъ требуетъ наказывать врага, когда поймаешь его» ([105]).

И опять онъ же.

«Наказывать враговъ я почитаю дѣломъ достойнымъ мужа» ([106]).

([102]) См цитованныя выше изданія Сивиллиныхъ пророчествъ—Александра и Фриднеба.

([103]) См. изданія фрагментовъ греч. трагиковъ — Наука и Вагнера.

([104]) Пинд. Nem. IV, 51. См. изданія Бэка.

([105]) См. тамъ же.

([106]) Отрывокъ изъ неизвѣстнаго стихотворенія Эврипида.

Подобное сказалъ Архилохъ:

«Я знаю одно и притомъ важное, что дѣлающій злое понесетъ тяжкое наказаніе» ([107]).

И что Богъ все видитъ и ничто не укрывается отъ Его, будучи же долготерпѣливымъ Онъ медлитъ судить, и объ этомъ сказалъ Діонисій:

«Око правды, какъ ни спокойно смотритъ, всегда все видитъ» ([108]).

А что будетъ судъ Божій и наказаніе неожиданно постигнетъ злыхъ, это показываетъ Эсхилъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Несчастіе быстро приходитъ на смертныхъ и наказаніе на того, кто нарушаетъ правду. Ты видишь правосудіе безгласное, незримое для тебя, спишь ли ты или идешь или сидишь: оно безпрестанно слѣдитъ близко или издалека. Ночь не скроетъ злодѣянія: что ты ни сдѣлаешь злаго, помышляй, что есть видящій это» ([109]).

Не такъ же ли говоритъ Симонидъ:

«Не бываетъ бѣдствія неожиданнаго для людей: и Богъ въ короткое время все ниспровергаетъ» ([110]).

И опять Эврипидъ:

«Никогда не должно почитать прочнымъ счастіе и высокомѣрное богатство злаго, ни родъ нечестиваго; ибо время, не знающее родителей, обнаруживаетъ преступленія людей» ([111]).

([107]) Архилохъ основатель ямбической поэзіи См *Liebel*, Archil. iambograph princ. reliquiae. 1818.

([108]) Отрывокъ изъ неизвѣстнаго стихотворенія Діонисія, см. у Вагнера и Наука

([109]) Это мѣсто состоитъ изъ трехъ отрывковъ стихотвореній, принадлежащихъ частію Эсхилу, частію другимъ неизвѣстнымъ поэтамъ. См у Наука

([110]) Отрывокъ изъ стихотворенія Симонида

([111]) См въ изд. Мейнекія и Наука.

И еще Эвринидъ:

«Не невѣдуще божество, но оно знаетъ клянущихся ложно и тѣхъ, которые къ тому вынуждены» ([112]).

И Софоклъ:

«Если дѣлалъ злое, то долженъ и терпѣть злое» ([113])

Такимъ образомъ и ваши поэты предсказывали, что Богъ будетъ судить неправедную клятву и всякое другое преступленіе; сверхъ того они волею или неволею говорили согласно съ пророками и о сгорѣніи міра, хотя, будучи позднѣе ихъ по времени, похитили это изъ закона и пророковъ.

38. Но что̀ за важность въ томъ, жили ли они позднѣе или раньше пророковъ? Вѣрно, что они говорили согласно съ пророками. О сгорѣніи міра пророкъ Малахія предсказалъ: «вотъ идетъ день Господень, какъ пылающій котелъ, и пожжетъ всѣхъ нечестивыхъ» ([114]). И Исаія: «гнѣвъ Божій придетъ, какъ сильное паденіе града и какъ вода, стремящаяся въ долину» ([115]). Такимъ же образомъ Сивиллы и прочіе пророки, даже ваши поэты и философы возвѣстили о правдѣ, судѣ и наказаніи, кромѣ того невольно говорили они и о Промыслѣ, что Богъ заботится не только объ насъ живыхъ, но и о умершихъ, ибо побѣждаемы были истиною. Изъ пророковъ же Соломонъ сказалъ объ умершихъ: «будетъ исцѣленіе плоти и возстановленіе костей» ([116]). Также

([112]) Эврип Iphig. in Aul. 396.

([113]) Отрывокъ изъ Софокла, см. у Наука.

([114]) Мал IV, 1.

([115]) Исаіи XXX, 28 30

([116]) Притч. III, 8

и Давидъ сказалъ объ этомъ: «возрадуются кости смиренныя» ([117]). Согласное съ ними сказалъ и Тимоклъ:

«Благой Богъ милостивъ къ мертвымъ». ([118]).

Итакъ писатели, говорившіе о множествѣ боговъ, возвращались къ единовластительству Божію, отрицавшіе Промыслъ говорили о Промыслѣ, утверждавшіе отсутствіе суда признавали, что будетъ судъ, и не допускавшіе чувства по смерти, признавали, что оно останется. Такъ Гомеръ говорилъ:

«Душа отлетѣла подобно сну» ([119]).

И въ другомъ мѣстѣ:

«Душа, отлетая изъ членовъ, сошла во аидъ» ([120]).

И еще:

«Погребай меня скорѣе, чтобы мнѣ войдти въ врата аида» ([121]).

О прочихъ же писателяхъ, которыхъ ты читалъ, думаю, самъ хорошо знаешь, какимъ образомъ они разсуждали. Это все уразумѣетъ всякій, ищущій мудрости Бога и благоугождающій Ему своею вѣрою, правдою и добрыми дѣлами. Одинъ изъ вышеупомянутыхъ пророковъ, по имени Осія, сказалъ: «какой умный пойметъ это, и разумный познаетъ? Ибо пути Господни правы, и праведные ходятъ по нимъ, нечестивые же падаютъ на нихъ» ([122]). Итакъ должно учиться желающему учиться. Старайся же чаще со мною сходиться, чтобы, слыша еще живую рѣчь, вѣрно узнать истину.

([117]) Псал. 50, 8.
([118]) Отрыв. изъ Тимокла, см. у Мейнекія.
([119]) Одис. XI, 221.
([120]) Иліад XVI, 865 и XXII, 362.
([121]) Иліад. XXIII, 71.
([122]) Ос. XIV, 10.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Θеофилъ Автолику желаетъ здравствовать. Такъ какъ писатели любятъ сочинять множество книгъ для пустой славы, одни о богахъ, войнахъ или временахъ, другіе о безполезныхъ басняхъ и о прочихъ пустякахъ, которыми и ты занимался до сего времени, и не утомляешься отъ такого труда, а встрѣчаясь со мною почитаешь бреднями слово истины, и думаешь, что наши писанія недавни по времени, посему и я не отягощусь съ помощію Божіею показать тебѣ древность нашихъ писаній, въ краткомъ изложеніи, чтобы ты не обременился прочитать его и увидѣлъ пустословіе прочихъ сочинителей.

2. Надлежало бы, чтобы писатели были сами очевидцами того, о чемъ они утверждаютъ, или точно узнали о томъ отъ очевидцевъ Ибо пищущіе о томъ, что недостовѣрно, нѣкоторымъ образомъ бьютъ воздухъ. Ибо что пользы въ томъ, что Гомеръ описалъ Троянскую войну и ввелъ столько людей въ заблужденіе; или Гезіодъ составилъ родословіе такъ называемыхъ у него боговъ, или Орфей перечислилъ триста шестьдесятъ пять боговъ, которыхъ онъ самъ подъ конецъ своей жизни отвергнулъ, говоря въ своихъ «Завѣщаніяхъ», что одинъ Богъ? Чего достигли Аратъ, или другіе, подобно ему описавшіе міровую сферу, кромѣ славы человѣческой, которую они получили незаслуженно? Что они ска-

зали истиннаго? Или какую пользу принесли Эврипиду, Софоклу и прочимъ трагическимъ писателямъ ихъ трагедіи, или Менандру, Аристофану и прочимъ комическимъ писателямъ комедіи ихъ, Геродоту и Ѳукудиду ихъ исторіи, Пифагору—святилище и Геркулесовы столбы (122), Діогену циническая философія, Эпикуру его ученіе, что нѣтъ промысла, или Эмпедоклу отрицаніе Бога, или Сократу божба его собакой, гусемъ, платаномъ, пораженнымъ громомъ Эскулапомъ и божествами, которыхъ онъ призывалъ? И зачѣмъ онъ добровольно умеръ, какую награду надѣялся получить по смерти? Что принесла пользы Платону его философія, или прочимъ философамъ, которыхъ не буду перечислять по множеству ихъ,—ихъ ученіе? Это говорю, чтобы показать безполезный и безбожный образъ ихъ мыслей.

3. Ибо всѣ они, любя пустую и суетную славу, ни сами не познали истины, ни другихъ не привели къ истинѣ. Ибо то, что они говорили, обличаетъ ихъ, такъ какъ они говорили несогласно другъ съ другомъ и многіе изъ нихъ отвергали свои собственныя положенія; они не только опровергали другъ друга, но даже нѣкоторые изъ нихъ и собственныя свои ученія разрушали, такъ что слава ихъ обращалась въ безчестіе и глупость; ибо разумные люди осуждаютъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ они говорили о богахъ, а послѣ учили безбожію, говорили о происхожденіи міра, а подъ конецъ утверждали, что все явилось само собою; говорили о промыслѣ и потомъ учили также, что міръ существуетъ безъ промысла. И что же? Предпринимая писать

(123) Пиѳагоръ, какъ извѣстно, бывши въ Египтѣ, былъ введенъ во святилище и узналъ ученіе о богахъ, тамъ же онъ видѣлъ столбы Геркулеса, имѣвшіе также таинственное значеніе

о нравственности, не учили ли они совершать распутство, блудъ и прелюбодѣяніе и самыя отвратительныя преступленія? И о богахъ своихъ они проповѣдуютъ, что они первые совершали безнравственныя совокупленія и употребляли отвратительныя яства. Ибо кто не воспѣваетъ Крона, пожиравшаго дѣтей своихъ, или сына его Зевса, поглотившаго Метиса и приготовлявшаго богамъ преступныя пиршества, на которыхъ, говорятъ, служилъ имъ хромой Гефестъ кузнецъ и его сестру Геру, которая не только вышла замужъ за Зевса, но и нечистыми устами дѣлала то, что нельзя и высказать? О прочихъ дѣлахъ Зевса, какія воспѣваютъ поэты, ты самъ конечно знаешь. Нужно ли пересказывать мнѣ о дѣяніяхъ Посидона, Аполлона, Діониса, Геркулеса, сладострастной Аѳины, и безстыдной Аѳродиты, о которыхъ я подробно говорилъ въ другой книгѣ ([124]).

4. И мнѣ не слѣдовало бы дѣлать такого рода опроверженія, если бы я не видѣлъ, что ты еще находишься въ сомнѣніи объ ученіи истины. Ибо, при всемъ твоемъ благоразуміи, ты охотно терпишь глупыхъ: иначе ты не дозволилъ бы себѣ увлекаться пустыми словами неразумныхъ людей и не вѣрилъ бы утвердившейся молвѣ, которая распускается безбожными и взводитъ на насъ клеветы, будто мы, чтители Бога и называющіеся христіанами, имѣемъ общихъ для всѣхъ женъ и живемъ въ незаконномъ смѣшеніи, даже совокупляемся съ собственными сестрами, и, что всего безбожнѣе и безчеловѣчнѣе, ѣдимъ плоть человѣческую. Кромѣ того, говорятъ, что наше ученіе явилось недавно, что намъ нечего сказать въ подтвержденіе истины, нами содержимой,

и нашего ученія, и что ученіе наше есть нелѣпость? Я весьма удивляюсь, что ты будучи любознателенъ и тщателенъ въ изслѣдованіи всѣхъ предметовъ, менѣе всего стараешься слушать насъ. Ибо если тебѣ возможно, ты и ночь не задумаешься провесть въ библіотекахъ.

5. Такъ какъ ты перечиталъ великое множество книгъ, то что думаешь о мнѣніяхъ Зенона, Діогена и Клеанѳа, содержащихся въ ихъ книгахъ, которыя учатъ, что можетъ быть вкушаема человѣческая плоть, что дѣти могутъ варить и пожирать своихъ собственныхъ отцевъ, и если кто не захочетъ вкусить или извергнетъ часть отвратительной пищи, можетъ и самъ не ядущій быть съѣденъ? Сверхъ того болѣе еще безбожный голосъ Діогена учитъ дѣтей приносить отцевъ своихъ въ жертву и пожирать. Что же? Развѣ Геродотъ историкъ не разсказываетъ, что Камбизъ ([125]), убивъ дѣтей Гарпага и сваривъ, предложилъ отцу ихъ въ пищу? Также и объ индійцахъ онъ разсказываетъ, что у нихъ отцы пожираемы были собственными дѣтьми. О безбожное ученіе тѣхъ, которые писали, или скорѣе учили этому; о нечестіе и безбожіе ихъ, о разумъ такъ тщательно мудрствовавшихъ и возвѣщавшихъ мудрость! Ибо учившіе сему наполнили міръ нечестіемъ.

6. И о незаконныхъ совокупленіяхъ согласенъ почти весь забуждавшійся хоръ вашихъ философовъ. И первый—Платонъ, наиболѣе почтенный изъ нихъ по своей философіи, въ первой книгѣ ([126]) своего сочиненія о политикѣ выразительно какъ бы узаконяетъ, что должны быть у всѣхъ общія жены,

---

([125]) Здѣсь по ошибкѣ названъ Камбизъ вмѣсто Астіага Снес. Герод. 1· 119, гдѣ притомъ упоминается объ одномъ только сынѣ Гарпага

([126]) Слѣдуетъ читать въ *пятой*.

пользуясь примѣромъ сына Зевсова и законодателя Критянъ ([127]), на томъ основаніи, будто чрезъ это увеличивается чадородіе, и будто удручаемые трудами получаютъ утѣшеніе отъ такихъ общеній. И Эпикуръ также, вмѣстѣ съ ученіемъ безбожія, совѣтуетъ совокупляться съ матерями и сестрами, и это вопреки законовъ, сего не допускающихъ. Ибо Солонъ ясно поставилъ законъ, и о томъ, чтобы дѣти рождались отъ законнаго брака, а не отъ любодѣянія, чтобы кто-либо не почиталъ какъ отца—того, кто не отецъ, или не безчестилъ по невѣдѣнію своего дѣйствительнаго отца. То же не допускали дѣлать и прочіе законы грековъ и римлянъ. Почему же Эпикуръ и Стоики учатъ совокупленію съ сестрами и мужчинами, и такимъ ученіемъ наполняли библіотеки, чтобы такимъ образомъ научить съ дѣтства незаконному союзу? Да и что мнѣ еще говорить объ этомъ, когда о такъ называемыхъ у нихъ богахъ они проповѣдывали подобныя дѣла?

7. Говорившіе, что существуютъ боги, потомъ приводили ихъ въ ничто. Ибо одни говорили, что они состоятъ изъ атомовъ, другіе,—что обращаются въ атомы, и что боги имѣютъ могущество не болѣе людей. Платонъ сказавъ, что существуютъ боги, не сомнѣвается производить ихъ изъ вещества. Пиѳагоръ, который такъ занимался изслѣдованіемъ о богахъ и столько странствовалъ по свѣту, наконецъ опредѣляетъ ихъ, какъ природу, и говоритъ, что все происходитъ случайно; боги нисколько не заботятся о людяхъ. Не упоминаю о томъ, какъ Клитомахъ, академикъ, усиливается отвергнуть бытіе Божіе. Не тому же ли учатъ и Критій и

([127]) Т. е. Миноса.

Протагоръ Авдеритянинъ, говоря: «Если и существуютъ боги, я не могу объ нихъ ни говорить, ни показать—каковы они, потому что многое препятствуетъ мнѣ?» О крайнемъ безбожіи Эвемера излишне и говорить. Ибо онъ рѣшившись многое наговорить о богахъ, подконецъ утверждаетъ, что вовсе нѣтъ боговъ, но что все управляется случаемъ. Платонъ, который такъ много говорилъ о единствѣ Бога и о душѣ человѣческой, утверждая, что душа безсмертна, не противорѣчитъ ли послѣ себѣ самому, говоря, что души нѣкоторыхъ переселяются въ другихъ людей, иныя же въ безсловесныхъ животныхъ? Не представится ли умнымъ людямъ его ученіе ужаснымъ и беззаконнымъ,—что тотъ, кто былъ человѣкомъ, будетъ потомъ волкомъ, или собакой, или осломъ, или другимъ какимъ-либо безсловеснымъ животнымъ? Подобный сему вздоръ говоритъ и Пиѳагоръ, отвергающій кромѣ того и промыслъ. Кому же изъ нихъ будемъ вѣрить — Филимону ли комику, который говоритъ: «почитающіе Бога имѣютъ великія надежды на спасеніе» ([128]), или выше упомянутымъ: Эвемеру, Эпикуру, Пиѳагору и прочимъ, отрицающимъ богопочтеніе и промыслъ? О Богѣ и о промыслѣ сказалъ Аристонъ:

«Надѣйся, Богъ обыкновенно помогаетъ всѣмъ достойнымъ, и имъ наиболѣе. Если не предстоитъ никакой награды живущимъ какъ должно, то какая польза въ благочестіи ([129])?

Положимъ такъ; но я довольно часто вижу, что тѣ, которые хотятъ жить благочестиво, терпятъ несчастія, тѣ же, которые ничего другаго не наблюдаютъ, кромѣ своей только пользы, находятся въ почетнѣйшемъ, чѣмъ мы, состояніи ([130]).

([128]) Эти стихи приводитъ Епифаній въ Ancorat. с. 106.

([129]) Затѣмъ начинаетъ рѣчь другое лице, оспоривающее Промыслъ Божій.

([130]) Отсюда начинаетъ отвѣтъ опять первое лице, защищающее промыслъ.

Да, въ настоящей жизни,—но должно смотрѣть дальше и ожидать конца всѣхъ. Ибо не случай управляетъ всѣмъ, какъ нѣкоторые думаютъ нечестиво и безполезно для жизни: такую мысль поддерживаютъ худые люди въ огражденіе своей развратной жизни. Но есть награда живущимъ благочестиво и достойное наказаніе беззаконнымъ. Ибо ничего не бываетъ безъ промысла» (131).

Что касается до мнѣній другихъ и почти большей части о Богѣ и промыслѣ, то легко видѣть, какъ согласно другъ съ другомъ они говорили: одни совершенно отвергали бытіе Бога и промысла, другіе же признавали Бога и утверждали, что все управляется промысломъ. Поэтому, разумному читателю или слушателю должно обращать большое вниманіе на то, что говоритъ каждый изъ нихъ,—какъ сказалъ Симилъ:

«Поэты обыкновенно — хороши ли они или худы, говорятъ одинаково; но намъ должно судить» (132).

Итакъ должно тому, который критически изслѣдуетъ мнѣнія философовъ и поэтовъ, тщательно внимать и обсуживать то, что ими говорится. Также говоритъ Филимонъ:

«Скучно, когда сидитъ безтолковый слушатель; по своей глупости онъ не умѣетъ судить» (133).

8. Отрицая бытіе боговъ, сами же потомъ признаютъ ихъ и говорятъ, что боги совершаютъ беззаконныя дѣла. И во-первыхъ, поэты ваши полногласно воспѣваютъ великія злодѣянія Зевса. Хризиппъ, много наговорившій вздору, не ясно ли указываетъ на беззаконное совокупленіе Геры съ Зевсомъ? Нужно ли перечислять распутство такъ называемой матери

---

(131) См. У Мейнекія Fragmenta comic. graec.

(132) По мнѣнію Мейнекія, Симилъ жилъ немного прежде Августова вѣка, и его нѣсколько стиховъ о Тарпеѣ сохранилъ Плутархъ въ жизнеописаніи Ромула (с. 17).

(133) См. у Мейнекія vol. IV

боговъ, или Зевса Латіарія (134), жаждущаго крови человѣческой, или оскопленнаго Аттиса, или дѣянія Зевса, называемаго Трагикомъ, который сжегъ, какъ говорятъ, свою собственную руку, и теперь почитается у Римлянъ богомъ? Умалчиваю о храмахъ Антиноя и о прочихъ, называемыхъ богами: ибо что разсказывается объ нихъ, возбуждаетъ смѣхъ въ разумныхъ людяхъ. Такимъ образомъ ваши философы собственными ученіями своими изобличаютъ себя или въ безбожіи или незаконномъ совокупленіи; даже написанныя ими сочиненія показываютъ намъ, что люди могутъ ѣсть человѣческую плоть и что почитаемые у нихъ за боговъ первые совершили такія злодѣйства.

9. Мы также признаемъ Бога, но единаго, Создателя, Творца и Устроителя всего міра; знаемъ, что все управляется промысломъ, но промысломъ Его только; научились святому закону, но законодателемъ имѣемъ истиннаго Бога, Который и учитъ насъ поступать праведно, быть благочестивыми и дѣлать добро. О благочестіи Онъ говоритъ: «да не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ Меня. Не дѣлай себѣ кумира, и никакого подобія, какое находится на небѣ вверху, или на землѣ внизу, или въ водахъ подъ землею. Не покланяйся имъ и не служи имъ: ибо я Господь Богъ твой» (135). О дѣланіи же добра сказалъ: «почитай отца твоего и мать твою, чтобы ты былъ благополученъ и долголѣтенъ на землѣ, которую даю тебѣ Я Господь Богъ». И о справедливости: «не прелюбодѣйствуй, не убивай, не крадь,

---

(134) О кровавомъ культѣ Зевса Латіара упоминаютъ также Іустинъ (11 Апол. 12), Татіанъ (рѣчь къ эллин. 29) и др.

(135) Исх. XX, 3—17.

не свидѣтельствуй на ближняго твоего ложнаго свидѣтельства, не желай жены ближняго твоего, не пожелай дома его, ни поля его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего, что есть у ближняго твоего. Не извращай дѣла бѣднаго на судѣ его, удаляйся отъ всякаго слова неправеднаго, не убивай невиннаго и праваго, не оправдывай нечестиваго и не принимай даровъ, ибо дары ослѣпляютъ глаза видящихъ и извращаютъ слова справедливыя» ([136]). Служителемъ сего божественнаго закона былъ Моисей, слуга Божій, для всего міра, преимущественно же для Евреевъ, называемыхъ также Іудеями, которыхъ древле держалъ въ рабствѣ Египетскій царь, тогда какъ они были праведнымъ сѣменемъ людей благочестивыхъ и святыхъ—Авраама, Исаака и Іакова, но Богъ вспомянулъ ихъ и сдѣлавъ чрезъ Моисея поразительныя чудеса и знаменія, освободилъ и вывелъ ихъ изъ Египта; провелъ чрезъ пустыню и возвратилъ ихъ въ Ханаанскую землю, которая послѣ названа Іудеею, и имъ-то онъ далъ законъ и научилъ сему. Таковы приведенныя выше десять главъ этого великаго и удивительнаго закона, ведущаго ко всякой правдѣ.

10. Такъ какъ Евреи, родомъ изъ земли Халдейской, были пришельцами въ землѣ Египетской (во время бывшаго тамъ голода открылась нужда переселиться имъ въ Египетъ, гдѣ продавался хлѣбъ, и тамъ прожили они долгое время, что̀ случилось съ ними по предсказанію Божію), такъ какъ, говорю, они пришельствовали въ Египтѣ четыреста тридцать лѣтъ, то выводя ихъ чрезъ Моисея въ пустыню, Богъ на-

([136]) Исх. XXIII, 6—8

училъ ихъ чрезъ законъ, говоря: «пришельца не притѣсняйте, потому что вы знаете душу пришельца, ибо сами были пришельцами въ землѣ Египетской» ([137]).

11. Поелику народъ этотъ преступилъ законъ, отъ Бога данный, то Богъ, благій и милосердый, не желая погубить ихъ, не только далъ законъ, но послѣ того посылалъ еще къ нимъ пророковъ изъ братьевъ ихъ, вразумлять ихъ и напоминать имъ заповѣди закона и обращать ихъ къ покаянію, чтобы впредь не грѣшили. Эти пророки предсказывали, что если они будутъ упорствовать въ злыхъ дѣлахъ, то будутъ преданы въ рабство всѣмъ царствамъ земнымъ, что̀ ясно и исполнилось надъ ними. О покаяніи пророкъ Исаія говоритъ вообще ко всѣмъ, особенно же къ народу: «ищите Господа и нашедъ призывайте Его; когда же Онъ приблизится къ вамъ, то пусть оставитъ нечестивый пути свои и мужъ беззаконный—желанія свои и обратится ко Господу Богу своему и будетъ помилованъ, потому что Онъ много проститъ грѣховъ вашихъ» ([138]). И другой пророкъ Іезекіиль говоритъ: «если беззаконный отвратится отъ всѣхъ беззаконій, которыя онъ сдѣлалъ, и будетъ соблюдать заповѣди Мои и дѣлать праведное, то будетъ жить и не умретъ; всѣ неправды, которыя онъ сдѣлалъ, не вспомянутся, но онъ будетъ жить правдою, которую дѣлалъ: ибо не хочу смерти беззаконнаго, говоритъ Господь, но чтобъ обратился онъ отъ путей нечестія и былъ живъ» ([139]). И опять Исаія: «обратитесь вы, которые замышляете глу-

([137]) Исход XXIII, 9
([138]) Исаи LX, 6 и дал
([139]) Іезек. XVIII, 21—23.

бокій и беззаконный совѣтъ, чтобы вамъ спастись» (140). И другой пророкъ Іеремія: «обратитесь къ Господу, Богу вашему, какъ собирающій виноградъ къ корзинѣ своей, и будете помилованы» (141). Много, или лучше—безчисленное много сказано въ Священномъ Писаніи о покаяніи, потому что Богъ всегда желаетъ отвратить родъ человѣческій отъ всѣхъ грѣховъ.

12. И о справедливости, которую заповѣдуетъ законъ, согласны между собою слова и пророковъ и евангелистовъ, потому что всѣ они говорили вдохновенные однимъ Духомъ Божіимъ. Исаія такъ говорилъ: «отнимите лукавства отъ душъ вашихъ, научитесь дѣлать добро, ищите справедливости въ судѣ, освобождайте угнетеннаго, давайте судъ сиротѣ и оправдывайте вдову» (142). И еще онъ: «разрушь всякій союзъ неправды, разорви сѣти насильственныхъ договоровъ, отпусти угнетенныхъ на свободу, раздери всякое писаніе неправедное, раздроби алчущему хлѣбъ твой, и нищихъ безкровныхъ введи въ домъ твой; если увидишь нагаго, одѣнь, и единоплеменниковъ твоихъ не презирай. Тогда взойдетъ ранній свѣтъ твой и скоро возсіяютъ исцѣленія твои, и правда твоя пойдетъ предъ тобою» (143). Подобно сему и Іеремія говоритъ: «станьте на путяхъ и посмотрите, и спросите, какъ добръ путь Господа Бога вашего, и идите по немъ и найдете покой душамъ вашимъ. Судите судомъ праведнымъ, потому что въ этомъ воля Господа

(140) Исаіи XXXI, 6. Словъ. «чтобы вамъ спастись» нѣтъ у LXX и въ славянскомъ переводѣ.

(141) Іерем. VI, 9. Словъ: «и будете помилованы» нѣтъ у LII и въ славянскомъ переводѣ.

(142) Исаіи I, 16 и дал.

(143) Исаіи LVIII, 6—8.

Бога вашего» (144). Такимъ же образомъ Осія говоритъ: «Соблюдайте справедливость и приближайтесь къ Господу, Богу вашему, утвердившему небо и создавшему землю» (145). Другой пророкъ Іоиль также говоритъ: «соберите народъ, освятите церковь, примите священниковъ, соберите младенцевъ, питающихся отъ сосцевъ,—выдетъ женихъ отъ ложа своего и невѣста отъ чертога своего. И молитесь Господу Богу вашему усердно, чтобы помиловалъ васъ, и изгладилъ грѣхи ваши» (146). Подобно сему и другой пророкъ Захарія такъ говоритъ: «Господь Вседержитель судитъ судомъ истины, оказывайте милость и состраданіе каждый къ ближнему своему, не угнетайте вдовы и сироты и пришельца, и никто пусть не помнитъ зла на братѣ своемъ въ сердцахъ вашихъ, говоритъ Господь Вседержитель» (147).

13. О чистотѣ же учитъ насъ святое Слово, чтобы не только не грѣшить дѣломъ, но даже и мыслію, не помышлять даже въ сердцѣ о какомъ-либо худомъ дѣлѣ, или, смотря на чужую жену, не имѣть къ ней похоти. Соломонъ, царь и пророкъ сказалъ: «глаза твои пусть смотрятъ на правое, вѣки твои пусть направляются на справедливое, дѣлай правыми теченія ногъ твоихъ» (148). Евангельскій голосъ еще сильнѣе учитъ о чистотѣ, говоря: «всякій, кто посмотритъ на чужую жену съ похотствованіемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ». «И кто женится на отпущенной мужемъ, прелюбодѣйствуетъ, и кто

(144) Іерем. VI, 16.
(145) Осіи XII, 6 и XIII, 4.
(146) Іоил II, 16.
(147) Захар. VII, 9 и дал
(148) Притч. IV, 25.

разведется съ женою, кромѣ вины блуда, подаетъ ей поводъ прелюбодѣйствовать» (149). И еще говоритъ Соломонъ: «кто привяжетъ огонь къ одеждѣ, не сожжетъ ли свою одежду? Или, кто пройдетъ по горящимъ угольямъ, не сожжетъ ли ногъ? Такъ и приходящій къ женѣ замужней не останется невиннымъ» (150).

14. И чтобы мы были благорасположены не только къ единоплеменникамъ, какъ думаютъ нѣкоторые, пророкъ Исаія сказалъ: «скажите ненавидящимъ и проклинающимъ васъ: вы братья наши, чтобъ имя Господа прославлялось и являлось въ радости ихъ» (151). И Евангеліе говоритъ: «любите враговъ вашихъ, и молитесь за оскорбляющихъ васъ. Ибо если вы любите любящихъ васъ, какая вамъ награда? И хищники и мытари это дѣлаютъ» (152). Дѣлающихъ же добро учитъ не тщеславиться, дабы не были человѣкоугодниками. «Ибо пусть не знаетъ, говоритъ оно, рука твоя лѣвая, что дѣлаетъ рука твоя правая» (153). И еще Слово Божіе повелѣваетъ намъ повиноваться начальствамъ и властямъ и молиться за нихъ, чтобы «намъ проводить тихую и спокойную жизнь» (154). И учитъ: «воздавать всѣмъ все. кому честь — честь; кому страхъ — страхъ; кому дань — дань, и не оставайся должнымъ никому ни чѣмъ, кромѣ только взаимной любви» (155).

---

(149) Мѳ V. 28—32

(150) Притч. VI, 27—29. Вмѣсто слова. «къ одеждѣ» въ Библіи стоитъ: «въ нѣдра».

(151) Исаіи LXVI, 5.

(152) Мѳ. V, 44 46.

(153) Мѳ. VI, 3.

(154) Тимоѳ II, 2.

(155) Римл. XIII, 7 и дал.

15. Итакъ смотри, — тѣ, которые такъ учатъ, могутъ ли жить распутно и входить въ незаконныя совокупленія, или, что̀ всего безбожнѣе, ѣсть человѣческую плоть, особенно когда непозволительно намъ смотрѣть даже на игры гладіаторовъ, чтобы намъ не быть участниками и свидѣтелями убійства. Не должно смотрѣть и на остальныя зрѣлища, чтобы не осквернились наши глаза и уши, принимая участіе въ произносимыхъ тамъ словахъ. Ибо скажетъ ли кто объ яденіи человѣческой плоти,—тамъ пожираются дѣти Ѳіеста и Тирея; или о прелюбодѣяніи,— тамъ представляются на сценѣ не только прелюбодѣянія людей, но и боговъ, о которыхъ возвѣщаютъ благозвучно, получая за то почести и награды? Да будетъ далека отъ христіанъ мысль о дѣлахъ такого рода: у нихъ находится цѣломудріе, выполняется воздержаніе, соблюдается единобрачіе, сохраняется чистота, истребляется неправда, искореняется грѣхъ, уважается справедливость, почитается законъ, совершается богопочтеніе; Богъ исповѣдуется, истина господствуетъ, благодать сохраняетъ, миръ ограждаетъ, Слово Божіе руководитъ, мудрость учитъ, жизнь управляетъ, Богъ царствуетъ. Много можно бы говорить о нашихъ постановленіяхъ и о заповѣдяхъ Бога и Творца всей твари; но, кажется, я довольно сказалъ, чтобы ты и самъ постарался узнать дѣло, особенно изъ книгъ, которыми доселѣ занимаешься, дабы ты и впредь былъ такъ любознателенъ, какъ до сего времени.

16. Хочу теперь съ помощію Божіей подробнѣе изложить тебѣ хронологію, чтобы ты узналъ, что не ново и не баснословно наше ученіе, но древнѣе и достовѣрнѣе всѣхъ вашихъ поэтовъ и писателей, писавшихъ о неизвѣстномъ.

Ибо одни, почитая міръ несотвреннымъ, уходили въ безконечность, другіе, признавая его сотвореннымъ, говорили, что протекло съ того времени пятьдесятъ милліоновъ три тысячи семьдесятъ пять лѣтъ. Такъ показываетъ Аполлоній египтянинъ. Сколько глупостей допустилъ также Платонъ, который, кажется, былъ мудрѣйшимъ изъ Эллиновъ! Въ его книгѣ о политикѣ ([156]) выразительно говорится: «какимъ образомъ, еслибы все всегда оставалось такъ, какъ существуетъ нынѣ, могли бы явиться новыя вещи? Въ продолженіе тьмы лѣтъ онѣ были неизвѣстны людямъ, тогда жившимъ; и тысяча или двѣ тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онѣ явились: нѣкоторыя были опять изобрѣтены Дедаломъ, другія—Орфеемъ, иныя же Паланидомъ». Говоря это, онъ показываетъ, что тьма темъ лѣтъ прошла отъ потопа до Дедала. Потомъ сказавъ много о городахъ въ мірѣ, населеніи ихъ и народахъ, признается, что это онъ сказалъ по догадкѣ. Ибо говоритъ: «если какой Богъ будетъ обѣщать что» и проч. Ясно, что онъ говорилъ догадочно; если же такъ, то значитъ не вполнѣ истинно то, что̀ сказано имъ.

17. Посему лучше быть ученикомъ законоположенія Бога, какъ и самъ Платонъ призналъ, что нельзя иначе познать истину, если не научитъ Богъ чрезъ законъ ([157]). Что же? И поэты, Гомеръ, Гезіодъ и Орфей не говорили ли, что они научены промысломъ Божіемъ? Кромѣ того писатели говорятъ, что они были современниками оракуламъ и предсказателямъ, отъ которыхъ узнали истину и тщательно за-

---

([156]) Приводимыя ниже слова Платона находятся въ сочиненіи его не «о политикѣ», но о «законахъ».

([157]) Сн. приписываемое Іустину «Увѣщаніе», гл. 32. У Платона въ разговорѣ «Менонъ» говорится собственно о добродѣтели.

писали. Сколько же болѣе знаемъ мы истину, наученные отъ святыхъ пророковъ, исполненныхъ Святаго Духа Божія? Потому-то всѣ пророки говорили согласно другъ съ другомъ, и предвозвѣщали будущія событія всего міра. Ибо любящіе знаніе или лучше—любящіе истину изъ самого исполненія предвозвѣщенныхъ и уже совершившихся событій могутъ убѣдиться, что вполнѣ истинно и то, что возвѣщено ими о времени и лѣтахъ до потопа, о томъ, сколько лѣтъ прошло отъ сотворенія міра до нашего времени, и такимъ образомъ могутъ увѣриться, что лживо говорили ваши писатели и что неистинно сказанное ими.

18. Платонъ, какъ прежде я сказалъ ([158]), говоритъ, что былъ потопъ не по всей землѣ, а только на равнинахъ, и что нѣкоторые спаслись бѣгствомъ на высочайшія горы. Другіе же говорятъ, что были тогда Девкаліонъ и Пирра, и они спаслись въ ковчегѣ, и что Девкаліонъ, вышедъ изъ ковчега, бросилъ назадъ камни, изъ которыхъ сдѣлались люди, — отсюда, говорятъ, и называется множество людей народами (λαοὶ) ([159]). Иные же говорили, что былъ Клименъ при другомъ потопѣ. Изъ прежде сказаннаго мною ясно видно, что тѣ, которые писали такія вещи и суетно мудрствовали,—жалки, нечестивы и безразсудны. Нашъ же пророкъ и слуга Божій Моисей, повѣствуя о происхожденіи міра, разсказалъ, какимъ образомъ былъ потопъ на землѣ, и о томъ, что происходило вмѣстѣ съ потопомъ, не выдумывая какого-либо Пирру, Девкаліона, или Климена, ни того, будто только равнины были потоплены и спаслись одни убѣжавшіе въ горы.

([158]) См. гл. 16.

([159]) Камни (λιθοι) у грековъ назывались также λᾶες

19. Онъ не говоритъ, что былъ другой потопъ, но сказалъ, что впредь не будетъ на землѣ потопленія водою; отчего и не было и не будетъ. Онъ говоритъ, что восемь человѣкъ спаслось въ ковчегѣ, сооруженномъ по повелѣнію Божію,—не Девкаліономъ, но Ноемъ, котораго еврейское имя въ переводѣ на греческій языкъ значитъ успокоеніе. Какъ я показалъ въ другой книгѣ ([160]), Ной, возвѣщая тогдашнимъ людямъ о будущемъ потопѣ, пророчествовалъ имъ, говоря: «идите, призываетъ (Δεῦτε, καλεῖ) ([161]) васъ Богъ къ покаянію»: почему собственно и названъ Девкаліономъ ([162]). У сего Ноя были три сына, какъ я показалъ во второй книгѣ ([163]), по имени: Симъ, Хамъ и Іафетъ, у которыхъ были три жены, у каждаго по одной, и кромѣ того были самъ онъ и жена его. Этого мужа нѣкоторые называли Эвнухомъ. Итакъ эти восемь человѣкъ спаслись въ ковчегѣ. Далѣе Моисей показалъ, что потопъ шелъ сорокъ дней и сорокъ ночей, отъ того что разверзлись небесныя хляби и потекли всѣ источники бездны, такъ что вода поддялась выше всякой высокой горы на пятнадцать локтей. Такимъ образомъ погибъ весь родъ бывшихъ тогда людей, спаслись же одни сохранившіеся въ ковчегѣ, которыхъ, какъ я выше сказалъ, было восемь; остатки этого ковчега показываютъ до сего времени на Араратскихъ горахъ. Таковы главныя обстоятельства исторіи потопа.

([160]) Въ какомъ сочиненіи — не видно.

([162]) Такое изреченіе Ноя и этимологія имени Девкаліона нигдѣ не встрѣчается, кромѣ Θеофила. Этотъ писатель вѣроятно хотѣлъ сказать, что греки слыша о пророчествѣ Ноя и его призываніи къ покаянію и передавая его на своемъ языкѣ, образовали имя Девкаліона и приписали Ною.

([163]) См. вторую кн., гл. 30 и 31.

20. Моисей былъ вождемъ Іудеевъ, какъ я выше сказалъ ([164]), изгнанныхъ изъ Египта царемъ Фараономъ, по имени Тетмозисомъ, который, говорятъ, по изгнаніи народа царствовалъ 25 лѣтъ и 4 мѣсяца, какъ показалъ Манеѳонъ. И послѣ него царствовалъ Хевронъ 13 лѣтъ, послѣ него Аменофисъ 20 лѣтъ и 7 мѣсяцевъ; послѣ него сестра его Амесса 21 годъ и 1 мѣсяцъ, послѣ нея Мифрисъ 12 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ; послѣ него Мифраммутозисъ 20 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, послѣ него Титмозисъ 9 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; послѣ него Дамфенофисъ 30 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ, послѣ же сего Оръ 36 лѣтъ и 5 мѣсяцевъ, затѣмъ его дочь 10 лѣтъ, 3 мѣсяца; послѣ нея Мерхерисъ 12 лѣтъ и 3 мѣсяца; затѣмъ его сынъ Армаисъ 4 года и 1 мѣсяцъ; послѣ него Рамессисъ 1 годъ и 4 мѣсяца; послѣ же сего Мессисъ Міаммунъ 6 лѣтъ и 2 мѣсяца; послѣ него Аменофисъ 19 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ; послѣ него Ѳиссъ и Рамессисъ 10 лѣтъ, которые, говорятъ, имѣли въ свое время большія военныя силы сухопутныя и морскія. Евреи же, въ то время жившіе въ Египтѣ и порабощенные царемъ Тетмозисомъ, построили ему укрѣпленные города—Пито, Рамессу и Онъ, что нынѣ Иліополь: такъ что евреи, праотцы наши, отъ которыхъ мы получили и священныя книги, болѣе древнія, чѣмъ книги всѣхъ вашихъ писателей, какъ выше я сказалъ, оказываются старше знаменитыхъ тогда городовъ Египетскихъ. Страна же Египтомъ названа отъ царя Сеѳа, ибо Сеѳъ, говорятъ, назывался также Египтомъ. У этого Сеѳа былъ братъ, по имени Армаисъ, названный Данаемъ, который прибылъ изъ Египта въ Аргосъ и упоминается у прочихъ

([164]) См выше гл. 9 и 10.

писателей вашихъ, какъ человѣкъ весьма глубокой древности.

21. Манеѳонъ, много наболтавшій въ пользу Египтянъ и къ этому взведшій клевету на Моисея и на бывшихъ съ нимъ Евреевъ, именно будто они были изгнаны изъ Египта вслѣдствіе проказы, не могъ дать вѣрныхъ хронологическихъ показаній. И называя ихъ пастырями и врагами Египтянъ, онъ невольно назвалъ ихъ такъ, принужденный самою истиной; ибо дѣйствительно предки наши, жившіе въ Египтѣ, были пастырями, но не прокаженными. Ибо извѣстно, что когда они пришли въ землю, называемую Іерусалимъ, гдѣ и жили потомъ, священники ихъ, пребывавшіе по повелѣнію Божію во храмѣ, врачевали всякую болѣзнь, исцѣляли также и прокаженныхъ и всякую язву. Храмъ построилъ Соломонъ, царь Іудейскій. Хронологическія ошибки Манеѳона ясны изъ его собственныхъ словъ; такимъ же образомъ онъ ошибался и о царѣ, который изгналъ ихъ, именемъ Фараонъ. Ибо онъ послѣ не царствовалъ надъ Египтянами, такъ какъ преслѣдуя Евреевъ, онъ съ войскомъ былъ потопленъ въ Чермномъ морѣ. И еще ошибается онъ, будто тѣ пастыри воевали съ Египтянами; ибо за триста тридцать лѣтъ до прибытія Даная въ Аргосъ они вышли изъ Египта, и съ тѣхъ поръ жили въ странѣ, называемой нынѣ Іудеею. А извѣстно, что Данай весьма многими почитается древнѣйшимъ всѣхъ у Эллиновъ. Но Манеѳонъ въ своихъ сочиненіяхъ невольно упомянулъ о двухъ главныхъ истинахъ, вопервыхъ назвалъ Евреевъ пастырями, вовторыхъ, сказалъ, что они вышли изъ Египта. Такимъ образомъ изъ этихъ записей открывается, что Мои-

сей и бывшіе съ нимъ древнѣе Троянской войны на девять сотъ или на тысячу лѣтъ ([165]).

22. Что касается построенія храма въ Іудеѣ, который создалъ царь Соломонъ спустя пятьсотъ шестьдесятъ шесть лѣтъ по исходѣ Іудеевъ изъ Египта, у Тирянъ написано, какъ построенъ храмъ, и въ ихъ архивахъ сохранились записки, въ которыхъ находится, что храмъ былъ построенъ за сто тридцать четыре года и восемь мѣсяцевъ до основанія Тирянами Карѳагена (написаны же онѣ по повелѣнію царя Тирскаго, именемъ Іерома, сына Авивала, такъ какъ Іеромъ былъ другомъ Соломона по пріязни съ нимъ отца его, и вмѣстѣ по чрезвычайной мудрости Соломона. Ибо они постоянно занимали другъ друга разными вопросами; доказательствомъ сего служитъ то, что до сего времени сохранились у Тирянъ списки писемъ, которыя они другъ другу посылали), какъ свидѣтельствуетъ Менандръ Ефесянинъ въ своей исторіи Тирскаго царства, говоря такъ: «По смерти Авивала, царя Тирскаго, преемствовалъ ему на царствѣ сынъ его Іеромъ, который жилъ пятьдесятъ три года. Ему наслѣдовалъ Вазоръ, который жилъ 43 года, а царствовалъ 17 лѣтъ. Послѣ него Метуастартъ, жившій 54 года, царствовалъ 12 лѣтъ. Послѣ него братъ его Атаримъ, жившій 58 лѣтъ, царствовалъ 9 лѣтъ. Его умертвилъ братъ его, именемъ Еллисъ, который жилъ 50 л. и царствовалъ 9 мѣсяцевъ. Его умертвилъ Ютовалъ, жрецъ Астарты, кото-

---

([165]) Обыкновенно полагаютъ (Татіанъ, Климентъ Александр. и Евсевій) около 400 лѣтъ отъ исхода изъ Египта до Троянской войны. Но Ѳеофилъ, а также Тертулліанъ (Apolog. 19) и Кириллъ (1 in Jul.), можетъ быть для цѣли полемической, слѣдуютъ ошибочному соображенію Іосифа Флавія (c. Ap 1, 16).

рый жилъ 40 лѣтъ и царствовалъ 12 лѣтъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Вазоръ, который жилъ 45 лѣтъ и царствовалъ 7 лѣтъ. Сынъ же его Меттинъ, жившій 32 года, царствовалъ 29 лѣтъ. Ему наслѣдовалъ Пигмаліонъ, который жилъ 56 лѣтъ и царствовалъ 7 лѣтъ. Въ седьмой же годъ его царствованія сестра его, убѣгшая въ Ливію, построила городъ, который до сего времени называетэя Карѳагеномъ.» Итакъ все время отъ царствованія Іерома до основанія Карѳагена заключаетъ въ себѣ 155 лѣтъ и восемь мѣсяцевъ. Въ двѣнадцатый же годъ царствованія Іерома былъ построенъ въ Іерусалимѣ храмъ, — такимъ образомъ отъ построенія храма до основанія Карѳагена прошло 133 года и 8 мѣсяцевъ.

23. Итакъ, свидѣтельства Финикіянъ и Египтянъ, какъ мы знаемъ изъ сказаній о временахъ нашихъ событій писателей Манетона Египтянина и Менандра Ефесянина, также и Іосифа, описавшаго войну Іудеевъ съ Римлянами, достаточно подтверждаютъ сказанное нами. Ибо изъ этихъ древнихъ писателей видно, что и писанія прочихъ позднѣе писаній Моусея, и даже бывшихъ послѣ него намъ пророковъ, ибо послѣдній изъ пророковъ, именемъ Захарія, процвѣталъ въ царствованіе Дарія. И всѣ законодатели ваши издали свои законы послѣ того. Ибо если кто укажетъ на Солона Аѳинянина, — онъ былъ во времена царей Кира и Дарія, современникъ Захаріи, вышеназваннаго пророка, который жилъ много лѣтъ позже; что касается законодателей Ликурга, Дракона и Миноса, то и ихъ превосходятъ древностію священныя книги, потому что писанія божественнаго закона, даннаго намъ чрезъ Моусея, явились прежде Зевса царя Критскаго и даже прежде Троянской войны. Но чтобы

яснѣе показать порядокъ временъ и лѣтъ, я, при помощи Божіей, изложу хронологію событій не только послѣ потопа, но и до потопа, такъ чтобы по возможности перечислить всѣ года, начиная съ сотворенія міра, которое описалъ, по вдохновенію Святаго Духа, Моусей, слуга Божій. Ибо, говоря о созданіи и происхожденіи міра, первозданнаго человѣка, и о послѣдующихъ событіяхъ, онъ показалъ также года прошедшіе до потопа. Я же прошу благодати у одного Бога, чтобы мнѣ точно сказать, согласно съ Его волею, всю истину и чтобы ты и всякій, читающій объ этомъ, былъ наставленъ истиною и благодатію Его. Итакъ приступлю къ записаннымъ родословіямъ, начиная съ первозданнаго человѣка.

24. Адамъ до времени, когда родилъ дѣтей, жилъ 230 лѣтъ, сынъ его Сиѳъ 205 лѣтъ, сынъ сего Энось 190 лѣтъ, сынъ его Каинанъ 170 лѣтъ, сынъ его Малелеилъ 165 лѣтъ, сынъ его Іареѳъ 162 года, сынъ его Энохъ 165 лѣтъ, сынъ его Маѳусалъ 167 лѣтъ, сынъ его Ламехъ 188 лѣтъ. У него родился сынъ, вышеназванный Ной, который родилъ Сима, будучи 500 лѣтъ. При Ноѣ былъ потопъ, когда ему было 600 лѣтъ. Итакъ, всего до потопа прошло 2242 года. Вскорѣ послѣ потопа Симъ, будучи 100 лѣтъ, родилъ Арфаксада, Арфаксадъ же родилъ Салу, будучи 135 лѣтъ, Сала же родилъ Эвера, будучи 130 лѣтъ,—отъ него и названъ весь родъ Евреями; Эверъ же родилъ Фалега, будучи 134 лѣтъ, онъ родилъ сына Рагова, будучи 130 лѣтъ; Раговъ же родилъ Серуха будучи 132 лѣтъ; Серухъ родилъ Нахора, будучи 130 лѣтъ; Нахоръ родилъ Ѳарру, будучи 75 лѣтъ; Ѳарра родилъ Авраама, будучи 70 лѣтъ; этотъ патріархъ нашъ родилъ Исаака, будучи 100 лѣтъ.

Итакъ всѣхъ лѣтъ отъ созданія человѣка до Авраама было 3278. Исаакъ жилъ до рожденія дѣтей 60 лѣтъ и родилъ Іакова; Іаковъ жилъ до переселенія въ Египетъ, о которомъ выше мы сказали, 130 лѣтъ; пребываніе евреевъ въ Египтѣ продолжалось 430 лѣтъ, и по выходѣ изъ Египта они пробыли въ такъ называемой пустынѣ 40 лѣтъ. Такимъ образомъ всѣхъ лѣтъ прошло 3938; въ это время по смерти Моусея принялъ начальство Іисусъ сынъ Навинъ, который управлялъ народомъ 27 лѣтъ. Послѣ Іисуса, когда Евреи отступили отъ заповѣдей Божіихъ, находились въ рабствѣ у царя Месопотомскаго именемъ Хусоратона восемь лѣтъ. Потомъ, когда раскаялся народъ, у него были судьи: Гоѳоніилъ судилъ сорокъ лѣтъ. Еклонъ 18 лѣтъ, Аотъ 8 лѣтъ. Потомъ, когда народъ преступилъ заповѣди Божіи, иноплеменники властвовали надъ ними 20 лѣтъ. Затѣмъ Деввора судила ихъ 40 лѣтъ. Потомъ Мадіанитяне владѣли ими 7 лѣтъ. Послѣ того Гедеонъ судилъ ихъ 40 лѣтъ, Авимелехъ 3 года, Ѳола 23 года, Іаиръ 22. Потомъ Филистимляне и Аммонитяне держали ихъ въ рабствѣ 18 лѣтъ. Потомъ Іефѳай судилъ ихъ 6 лѣтъ, Есвонъ 7 лѣтъ, Елонъ 10 лѣтъ, Авдонъ 8 лѣтъ. Затѣмъ иноплеменники владѣли ими 40 лѣтъ. Потомъ Самсонъ судилъ ихъ 20 лѣтъ. Послѣ сего продолжался у нихъ миръ 40 лѣтъ. Потомъ Самира ([166]) судилъ ихъ одинъ годъ, Илій 20 лѣтъ, Самуилъ 12 лѣтъ.

25. Послѣ судей были у Евреевъ цари; изъ нихъ первый, именемъ Саулъ, царствовалъ 20 лѣтъ, потомъ Давидъ пра-

---

([166]) О Самирѣ не упоминается въ Библіи Можетъ быть вм. «Самира» должно читать «Ѳамира», подъ которымъ Ѳеофилъ разумѣетъ Иеамара. См. Іосифа Флавія (с. Ар. V, 11).

отецъ нашъ 40 лѣтъ. Итакъ всѣхъ вообще лѣтъ отъ смерти Моисея до царствованія Давида было 498. Послѣ нихъ Соломонъ, первый по волѣ Божіей построившій храмъ въ Іерусалимѣ, царствовалъ 40 лѣтъ, послѣ него Ровоамъ 17 лѣтъ, послѣ него Авія 7 лѣтъ, послѣ него Аса 41 годъ, послѣ него Іосафатъ 25 лѣтъ, послѣ него Іорамъ 8 лѣтъ, послѣ него Охозія одинъ годъ, послѣ него Гоѳолія 6 лѣтъ, послѣ него Іоасъ 40 лѣтъ, послѣ него Амесія 39 лѣтъ, послѣ него Озія 52 года, послѣ него Іоаѳамъ 16 лѣтъ, послѣ него Ахазъ 17 лѣтъ, послѣ него Езекія 29 лѣтъ, послѣ него Манассія 55 лѣтъ, послѣ него Амосъ 2 года, послѣ его Іосія 31 годъ, послѣ него Охазъ 3 мѣсяца, послѣ него Іоакимъ 11 лѣтъ, потомъ другой Іоакимъ 3 мѣсяца и 10 дней, послѣ него Седекія 11 лѣтъ. Послѣ этихъ царей, когда народъ пребывалъ во грѣхахъ и не раскаявался, по пророчеству Іереміи пришелъ на Іудею царь Вавилонскій, именемъ Навуходоносоръ. Онъ переселилъ Іудейскій народъ въ Вавилонъ и разрушилъ храмъ, построенный Соломономъ. Въ Вавилонскомъ переселеніи народъ прожилъ 70 лѣтъ. Все же время отъ сотворенія міра до переселенія въ землю Вавилонскую заключаетъ 4954 года 6 мѣсяцевъ и 10 дней. И какъ Богъ чрезъ Іеремію пророка предсказалъ, что народъ будетъ въ плѣненіи Вавилонскомъ, такъ онъ предуказалъ возвращеніе его въ свою землю послѣ 70 лѣтъ. Итакъ, по прошествіи 30 лѣтъ, сдѣлался Киръ царемъ Персидскимъ, который по пророчеству Іереміи во второй годъ своего царствованія объявилъ письменные указы, чтобы всѣ Іудеи, находящіеся въ его царствѣ, возвратились въ свою страну и вновь построили Богу храмъ, разрушенный вышеназваннымъ царемъ Вавилонскимъ. При этомъ Киръ, по по-

велѣнію Божію, приказалъ Савессару и Митридату, своимъ тѣлохранителямъ, обратно доставить для употребленія въ храмъ сосуды, взятые Навуходоносоромъ изъ храма Іудейскаго. Во второй годъ царствованія Дарія исполнились 70 лѣтъ, предсказанные Іереміею.

26. Отсюда можно видѣть, какъ древнѣе и истиннѣе наши священныя писанія—писаній Греческихъ и Египетскихъ и всякихъ другихъ историковъ. Геродотъ, Ѳукидидъ, Ксенофонтъ и другіе историки начинали писать съ царствованія Кира и Дарія, и не имѣли возможности сказать болѣе достовѣрное о древнихъ и первоначальныхъ временахъ. Ибо что великаго въ томъ, что историки говорили о царяхъ у варваровъ Даріѣ и Кирѣ, у Эллиновъ о Зопирѣ и Іппіѣ, или о войнахъ Аѳинянъ и Лакедемонянъ, или о дѣлахъ Ксеркса и Павзанія, подвергшагося опасности умереть голодомъ въ храмѣ Аѳины, или о Ѳемистоклѣ и Пелопоннезской войнѣ, или о Алкивіадѣ и Ѳразивулѣ? Я не намѣренъ говорить подробно обо всемъ, но показать число лѣтъ отъ сотворенія міра и обличить суетный трудъ и пустословіе писателей, потому что не двадцать тысячъ миріадъ лѣтъ, какъ сказалъ Платонъ, отъ потопа до его временъ, и не пятнадцать миріадъ три тысячи семьдесятъ пять лѣтъ, какъ свидѣтельствовалъ Аполлоній Египтянинъ, и что не безначаленъ міръ и не существуетъ все по случаю, какъ пустословили Пиѳагоръ и прочіе, но онъ произошелъ и управляется промысломъ все сотворившаго Бога,—и всѣ времена и годы ясны для тѣхъ, которые желаютъ убѣдиться въ истинѣ. Но чтобы не подумали, что я довелъ хронологію только до Кира и опустилъ послѣдующія времена, какъ бы не имѣя возможности пока-

зать ихъ,—я постараюсь при помощи Божіей изложить по возможности и дальнѣйшій порядокъ временъ.

27. Когда Киръ послѣ 38 лѣтняго царствованія былъ убитъ Томирою въ Массагетіи, въ шестьдесятъ вторую олимпіаду, — въ то время уже усилились съ помощію Божіею Римляне, послѣ того какъ былъ построенъ Римъ Ромуломъ, сыномъ, какъ повѣтствуютъ, Арея и Иліи, въ 7 Олимпіаду, въ 16 день майскихъ календъ, такъ какъ годъ показанъ въ десять мѣсяцевъ, — итакъ когда умеръ Киръ, какъ выше сказали, въ шестьдесятъ вторую олимпіаду, прошло времени отъ основанія Рима 220 лѣтъ, и въ это время Римлянами управлялъ Тарквиній по прозванію Супербусъ (гордый); онъ первый изгналъ нѣкоторыхъ Римлянъ, растлѣвалъ мальчиковъ и оскоплялъ гражданъ, даже растлѣвалъ дѣвъ и выдавалъ ихъ замужъ. Поэтому собственно онъ названъ на римскомъ языкѣ Superbus ὑπερήφανος гордый. Ибо онъ первый постановилъ, чтобы тѣ, которые привѣтствовали его, были въ свою очередь привѣтствуемы кѣмъ-нибудь другимъ. Царствовалъ онъ 25 лѣтъ. Послѣ него въ продолженіе 453 лѣтъ начальствовали по году консулы, трибуны и эдилы, перечислять имена которыхъ считаю дѣломъ продолжительнымъ и излишнимъ. Ибо если кто пожелаетъ узнать ихъ, можетъ найти ихъ въ запискахъ, которыя написалъ номенклаторъ Хризеръ, отпущенникъ М. Аврелія Вера, который все описалъ — и имена и времена, начиная отъ основанія Рима и до кончины своего покровителя самодержца Вера. Итакъ управляли Римлянами годичные правители, какъ сказали, въ продолженіе 453 лѣтъ. Потомъ управляли такъ называемые императоры: первый—Кай Юлій, который царствовалъ 3 года, 4 мѣсяца и 6 дней; потомъ

Августъ 56 лѣтъ, 4 мѣсяца и одинъ день; Тиверій 22 года. Затѣмъ другой Кай 3 года, 8 мѣсяцевъ и 7 дней; Клавдій 13 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ и 24 дня; Неронъ 13 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 28 дней; Гальба 7 мѣсяцевъ и 6 дней; Отонъ 3 мѣсяца и 5 дней; Вителлій 6 мѣсяцевъ и 22 дня; Веспасіанъ 9 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 22 дня; Титъ 2 года и 22 дня; Домиціанъ 15 лѣтъ, 5 мѣсяцевъ и 6 дней; Нерва одинъ годъ, 4 мѣсяца и 10 дней; Траянъ 19 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 16 дней; Адріанъ 20 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 28 дней; Антонинъ 22 года, 7 мѣсяцевъ и 6 дней; Веръ 19 лѣтъ и 10 дней. Такимъ образомъ періодъ кесарей до смерти императора Вера содержитъ 225 лѣтъ. Отъ смерти Кира и царствованія Тарквинія Гордаго до смерти вышеупомянутаго императора Вера, всего времени прошло 741 годъ.

28. Отъ сотворенія же міра все время слагается такъ: отъ сотворенія міра до потопа прошло 2242 года, отъ потопа до рожденія сына у Авраама, праотца нашего, 1036 лѣтъ; отъ Исаака, сына Авраама, до странствованія народа съ Моисеемъ въ пустынѣ—660 лѣтъ. Отъ смерти Моисея, отъ принятія начальства Іисусомъ Навиномъ, до смерти Давида патріарха — 498 лѣтъ. Отъ смерти Давида и царствованія Соломона до переселенія народа въ землю Вавилонскую — 518 лѣтъ, 6 мѣсяцевъ и 10 дней. Отъ царствованія Кира до смерти императора Аврелія Вера — 741 годъ. Всѣхъ же въ совокупности лѣтъ отъ сотворенія міра 5695, съ нѣсколькими мѣсяцами и днями.

29. Итакъ, изъ разсмотренія временъ и всего нами сказаннаго, можно видѣть древность пророческихъ писаній и божественность нашего ученія,—что не ново это ученіе, и не баснословны и не ложны наши вѣрованія, какъ думаютъ нѣ-

которые, но самыя древнія и истинныя. Ибо Θаллъ упоминаетъ о Вилѣ царѣ ассирійскомъ и Кронѣ Титанѣ, говоря, что Вилъ вмѣстѣ съ Титанами воевалъ противъ Зевса и сторонниковъ его, такъ-называемыхъ боговъ, и что побѣжденный тамъ Гигъ, который тогда царствовалъ въ странѣ прежде называвшеюся Актою, теперь же Аттикою, бѣжалъ въ Тартиссъ (167).. Не считаю нужнымъ распространяться о происхожденіи названій прочихъ странъ и городовъ, особенно для тебя, хорошо знающаго исторію. Итакъ ясно, что Моисей древнѣе всѣхъ писателей (и не онъ одинъ, но и многіе, послѣ него бывшіе пророки), древнѣе и Крона, Вила и Троянской войны. Ибо по исторіи Θалла Вилъ существовалъ за 322 года до Троянской войны. А Моисей почти на 900 или на 1000 лѣтъ былъ древнѣе завоеванія Трои, — какъ мы показали выше. Но такъ какъ Кронъ и Вилъ были современники, то многіе не знаютъ — кто Кронъ, и кто Вилъ. Нѣкоторые почитаютъ Крона, называя его Виломъ и Валомъ, особенно живущіе въ восточныхъ странахъ, не различая Крона и Вила. У Римлянъ же онъ называется Сатурномъ, и они сами не знаютъ, кто онъ — Кронъ ли или Вилъ. Олимпіады начали праздноваться съ Ифита, какъ говорятъ, а по нѣкоторымъ съ Лима, который назывался также Иліемъ. Какой же порядокъ имѣетъ число лѣтъ и олимпіадъ, я выше сказалъ. Думаю, что, сколько возможно, обстоятельно показаны мною древность нашихъ событій и число всѣхъ лѣтъ. И если есть у меня ошибка, напримѣръ лѣтъ 50 или 100 если даже 200, однако не на тысячи или десятки тысячъ лѣтъ, какъ это случилось съ

(167) Тартиссъ — городъ въ Испаніи, нынѣ уже не существующій.

ложными счисленіями Платона, Аполлонія и другихъ. Что же мы, быть можетъ, не знаемъ точно числа всѣхъ лѣтъ,— это потому, что въ священныхъ книгахъ не написаны промежуточные мѣсяцы и дни. Кромѣ того, о тѣхъ временахъ, о которыхъ мы сказали, согласное говоритъ и Берозъ, философъ Халдейскій, который передалъ Эллинамъ Халдейскія писанія: онъ сходно съ Моисеемъ повѣствуетъ о потопѣ и о многихъ другихъ событіяхъ, и отчасти согласенъ съ пророками Іереміею и Даніиломъ, а именно—то, что о событіяхъ Іудейскихъ при Вавилонскомъ царѣ, котораго онъ называетъ Набопалассаромъ, у Евреевъ называютъ Навуходоносоромъ. Онъ также упоминаетъ о храмѣ въ Іерусалимѣ, что онъ былъ разрушенъ Халдейскимъ царемъ, и что во второй годъ царствованія Кира положены основанія храма, а во второй годъ царствованія Дарія храмъ былъ оконченъ.

30. Эллины же не имѣютъ истинной исторіи, вопервыхъ потому, что они въ недавнее время познакомились съ письменами: въ этомъ они сами признаются говоря, что письмена изобрѣтены — одни Халдейцами, другіе Египтянами, иные же Финикіянами; вовторыхъ, они заблуждались и заблуждаются въ томъ, что упоминаютъ не о Богѣ, но о суетныхъ и безполезныхъ дѣлахъ. Такъ они съ честію помнятъ Гомера, Гезіода и прочихъ поэтовъ. Славу же безсмертнаго и единаго Бога не только забываютъ, но и безчестятъ и кромѣ того почитающихъ Его преслѣдовали и преслѣдуютъ ежедневно. Они назначаютъ награды и пособія тѣмъ, которые сладкозвучно поносятъ Бога, а заботящихся о добродѣтели и проводящихъ благочестивую жизнь — иныхъ побивали камнями, иныхъ умерщвляли, и до сего времени подвергаютъ жестокимъ мученіямъ. Посему такіе люди необ-

ходимо должны были потерять мудрость Божію и не нашли истины.

Итакъ, если ты хочешь, прилежно читай эти книги мои, чтобы тебѣ имѣть совѣтника и залогъ истины.

ЕРМІЙ ФИЛОСОФЪ

И ЕГО ОСМѢЯНІЕ

ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

ОБЪ ЕРМІѢ, СОЧИНИТЕЛѢ

„ОСМѢЯНІЯ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ".

Подъ именемъ Ермія дошло до насъ на греческомъ языкѣ небольшое сочиненіе подъ заглавіемъ: «осмѣяніе языческихъ философовъ (διασυρμὸς τῶν ἔξω φιλοσόφων). Кто былъ этотъ Ермій, гдѣ и въ какое время онъ жилъ, исторія не передаетъ намъ никакихъ извѣстій. Въ рукописныхъ кодексахъ его сочиненій дается ему названіе философа. По главной мысли своего сочиненія и пріемамъ ея изложенія онъ близко подходитъ къ св. Іустину и особенно Татіану, такъ что въ его сочиненіи можно видѣть болѣе подробное раскрытіе слѣдующаго замѣчанія Татіана: «ты слѣдуешь ученію Платона? и вотъ эпикурейскій софистъ открыто возстаетъ на тебя. Опять, ты хочешь слѣдовать Аристотелю? и тебя ругаетъ какой-нибудь послѣдователь Демокрита» (*). Рѣзко полемическое отношеніе Ермія къ философіи языческой и взглядъ на ея происхожденіе напоминаетъ болѣе первыя времена горячей борьбы христіанскаго ученія съ язычествомъ, чѣмъ позднѣйшіе вѣка. По-

(*) Татіана «Рѣчь прот. Эллин. гл. 25.

сему ученые издатели и изслѣдователи твореній древности большею частію и справедливѣе относятъ Ермія къ писателямъ апологетамъ втораго или начала 3-го столѣтія по Р. Х. (*).

Сочиненіе Ермія вполнѣ соотвѣтствуетъ своему заглавію: не касаясь почти истинъ христіанства, онъ исключительно занимается различными системами языческой философіи и съ живымъ, остроумнымъ сарказмомъ представляетъ ихъ взаимное противорѣчіе и несостоятельность. Начиная словами апостола Павла: «премудрость міра сего есть глупость предъ Богомъ» (1 Кор. III, 19), авторъ отправляется отъ положенія, что языческая философія обязана своимъ происхожденіемъ падшимъ духамъ, и затѣмъ доказываетъ исторіей философскихъ системъ безплодность ихъ попытокъ рѣшить важнѣйшіе вопросы человѣческаго духа, сопоставляя другъ другу главнѣйшихъ представителей древней философіи съ ихъ противорѣчивыми мнѣніями о душѣ человѣческой, о видимомъ мірѣ и о Богѣ.

Сочиненіе Ермія было издано въ первый разъ Раф. Зейлеромъ, съ его латинскимъ переводомъ, въ Базелѣ (1553 г.). Англичанинъ Вортъ издалъ его въ исправнѣйшемъ видѣ, съ своими примѣчаніями, въ Оксфордѣ (1700). Затѣмъ Мараново изданіе Іустина, въ которомъ помѣщено и сочиненіе Ермія, перепечатано въ VI томѣ греч. Патрологіи абб. Миня.

Свящ Петръ Преображенскій

(*) Таковы: Каве (Historia litter. scriptorum eccles., vol. 1), Мёлеръ (Patrol. 1), также Маранъ, помѣстившій Ермія въ своемъ изданіи сочиненій св. Іустина.—Другіе же, напр издатели «Bibliotheca Patrum и англичанинъ Вортъ, относятъ сочиненіе Ермія къ V-му вѣку, а вѣнскій библіотекарь Ламбецій принимаетъ Ермія за одноименнаго ему историка Ермія Созомена,—но неосновательно.

ЕРМІЯ ФИЛОСОФА

ОСМѢЯНІЕ ЯЗЫЧЕСКИХЪ ФИЛОСОФОВЪ.

---

1. Блаженный апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ, жителямъ сосѣдственнымъ съ страною Греціи, которую называютъ Лаконіею, такъ возвѣщаетъ: «возлюбленные, премудрость міра сего есть глупость въ очахъ Божіихъ» (1), и это сказалъ онъ не мимо истины. Ибо, мнѣ кажется, премудрость эта получила начало отъ паденія ангеловъ, и отъ сего-то философы, излагая свои ученія, не согласны между собою ни въ словахъ, ни въ мысляхъ. Такъ одни изъ нихъ душу человѣческую признаютъ за огонь, какъ Демокритъ: другіе — за воздухъ, какъ стоики; иные за умъ, иные за движеніе, какъ Гераклитъ (2); другіе — за испареніе, другіе за силу, истекающую изъ звѣздъ, другіе за число одаренное силою движенія, какъ Пиѳагоръ; иные за воду раждающую, какъ Гиппонъ, иные за стихію изъ стихій, иные за гармонію, какъ

(1) 1 Коринѳ III, 19.

(2) Думаютъ, что названія философовъ, здѣсь приводимыхъ. внесены въ текстъ переписчиками съ полей, по сему имя Гераклита поставлено не на мѣстѣ, ибо онъ почиталъ душу за испареніе (ἀναθυμίασις). См. Плутарха de placit. philos. IV, 3.

Динархъ, иные за кровь, какъ Критій, иные за духъ, иные за единицу, какъ Пиѳагоръ; древніе также думаютъ различно. Сколько мнѣній объ этомъ предметѣ! сколько разсужденій философовъ и софистовъ, которые больше между собою спорятъ, чѣмъ находятъ истину!

2. Но пусть были бы они несогласны между собою относительно души,—по крайней мѣрѣ согласно учили о прочихъ предметахъ? Между тѣмъ, одинъ изъ нихъ признаетъ удовольствіе благомъ души, другой — зломъ, иной чѣмъ-то среднимъ между благомъ и зломъ. Далѣе, одни говорятъ, что природа души безсмертна, другіе,—что она смертна, третьи, что она существуетъ на короткое время; одни низводятъ ее въ состояніе животныхъ, другіе — разлагаютъ въ атомы; одни утверждаютъ, что она переходитъ въ тѣла трижды, другіе назначаютъ ей такое странствованіе въ продолженіе трехъ тысячъ лѣтъ: тѣ, которые сами не живутъ и ста лѣтъ, обѣщаютъ душѣ три тысячи лѣтъ существованія! Какъ назвать эти мнѣнія? Не химерою ли, какъ мнѣ кажется, или глупостію, или безуміемъ, или нелѣпостію, или всѣмъ этимъ вмѣстѣ? Если они нашли какую нибудь истину, то пусть бы они одинаково мыслили, или говорили согласно другъ съ другомъ: тогда и я охотно соглашусь съ ними. Но когда они разрываютъ, такъ-сказать, душу, превращаютъ ее—одинъ въ такое естество, другой въ другое, и подвергаютъ различнымъ преобразованіямъ вещественнымъ: признаюсь — такія превращенія пораждаютъ во мнѣ отвращеніе. То я безсмертенъ, и радуюсь; то я смертенъ, и плачу; то разлагаютъ меня на атомы: я становлюсь водою, становлюсь воздухомъ, становюсь огнемъ; то я не воздухъ и не огонь, но меня дѣлаютъ звѣремъ, или превращаютъ въ рыбу, и я дѣлаюсь братомъ

дельфиновъ. Смотря на себя, я прихожу въ ужасъ отъ своего тѣла, не знаю, какъ и назвать его, человѣкомъ ли, или собакой, или волкомъ, или быкомъ, или птицей, или змѣемъ, или дракономъ, или химерою. Тѣ любители мудрости превращаютъ меня во всякаго рода животныхъ, въ земныхъ, водяныхъ, летающихъ, многовидныхъ, дикихъ или домашнихъ. нѣмыхъ или издающихъ звуки, безсловесныхъ или разумныхъ. Я плаваю, летаю, парю, въ воздухѣ. пресмыкаюсь, бѣгаю, сижу. Является наконецъ Эмпедоклъ, и дѣлаетъ изъ меня растеніе.

3. Если философы разнорѣчатъ такимъ образомъ въ ученіи о душѣ человѣка, тѣмъ болѣе они не могли сказать истину о богахъ или о мірѣ. Они такъ храбры, чтобы не сказать — тупы: не въ состояніи будучи постигнуть собственной души, изслѣдуютъ природу самихъ боговъ, и, не зная собственнаго тѣла, истощаются въ усиліяхъ познать естество міра. Относительно началъ природы они чрезвычайно разногласятъ другъ съ другомъ. Еслибъ я встрѣтился съ Анаксагоромъ, онъ сталъ бы учить меня вотъ чему: начало всѣхъ вещей есть умъ, онъ виновникъ и владыка всего; онъ безпорядочное приводитъ въ порядокъ, неподвижному даетъ движеніе, смѣшанное раздѣляетъ, нестройное устрояетъ. Такое ученіе Анаксагора нравится мнѣ и я вполнѣ соглашаюсь съ его мыслями. Но противъ него возстаютъ Мелиссъ и Парменидъ: послѣдній въ поэтическихъ стихахъ возвѣщаетъ, что сущее есть единое, вѣчное, безпредѣльное, недвижимое и совершенно равное себѣ. Я опять, не знаю почему, соглашаюсь съ этимъ ученіемъ, и Парменидъ вытѣсняетъ изъ души моей Анаксагора. Когда же я воображаю, что утвердился въ своихъ мысляхъ, выступаетъ въ свою очередь Анак-

сименъ съ другою рѣчью: я тебѣ говорю, кричитъ онъ, что все есть воздухъ; если его сгустить и сжать, то образуется вода, а если разрѣдить и разширить, то — эѳиръ и огонь; по возвращеніи въ свое естественное состояніе онъ становится чистымъ воздухомъ; а если будетъ сгущаться, то измѣняется. Я опять перехожу на сторону этого мнѣнія, и люблю уже Анаксимена.

4. Но возстаетъ противъ этого Эмпедоклъ съ грознымъ видомъ и изъ глубины Этны громко вопіетъ: начала всего — ненависть и любовь; послѣдняя соединяетъ, а первая раздѣляетъ, и отъ борьбы ихъ происходитъ все. По моему мнѣнію, они сходны между собою и несходны, безпредѣльны и имѣютъ предѣлъ, вѣчны и временны. Прекрасно, Эмпедоклъ: я иду за тобою до самаго жерла Этны. Но на другой сторонѣ стоитъ Протагоръ и удерживаетъ меня, говоря: предѣлъ и мѣра вещей есть человѣкъ; что подлежитъ чувствамъ, то дѣйствительно существуетъ, а что не подлежитъ имъ, того нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Прельщенный такою рѣчью Протагора, я въ восхищеніи отъ того, что онъ все, по крайней мѣрѣ наибольшую часть предоставляетъ человѣку. Но съ другой стороны Ѳалесъ предлагаетъ мнѣ истину, толкуя: начало всего есть вода, все образуется изъ влаги, и все превращается во влагу, самая земля плаваетъ на водѣ. Отъ чего бы не повѣрить мнѣ Ѳалесу, древнѣйшему изъ іонійскихъ философовъ? Но соотечественникъ его Анаксимандръ говоритъ, что прежде воды существуетъ вѣчное движеніе, и чрезъ него—одно возникаетъ, а другое разрушается. И такъ, надобно повѣрить Анаксимандру.

5. Съ другой стороны, не пользуется ли славою Архелай, который выдаетъ за начало всего теплоту и холодъ? Но съ

нимъ не согласенъ велерѣчивый Платонъ, утверждая, что начала всѣхъ вещей суть Богъ, матерія и идея. Теперь я вполнѣ убѣжденъ. Ибо могу ли не думать согласно съ философомъ, который сочинилъ колесницу для Юпитера? Но позади стоитъ ученикъ его Аристотель, завидующій учителю своему за созданіе колесницы. Этотъ указываетъ иныя начала: одно дѣятельное, а другое страдательное, по его мнѣнію, начало дѣятельное, не подлежащее дѣйствію другихъ вещей, есть эѳиръ, а начало страдательное имѣетъ четыре качества сухость, влажность, теплоту и холодъ, и отъ взаимнаго превращенія ихъ происходитъ возникновеніе и уничтоженіе вещей. Я утомился уже, волнуемый мыслями туда и сюда. Остановлюсь на мнѣніи Аристотеля и уже никакое другое ученіе не потревожитъ меня.

6. Но что дѣлать мнѣ? На мою душу нападаютъ старики, древнѣйшіе упомянутыхъ философовъ: Ферекидъ, который утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей — Зевсъ, Хѳонія и Кроносъ,—Зевсъ — эѳиръ, Хѳонія — земля, Кроносъ—время; что эѳиръ начало дѣятельное, земля — страдательное, а время—то, въ чемъ происходитъ все. Но и эти старики спорятъ между собою. Левкипъ почитаетъ все это глупостію, и утверждаетъ, что начала всѣхъ вещей безпредѣльны, вѣчно движимы, и чрезвычайно малы, и что тончайшія изъ нихъ поднявшись вверхъ, образуютъ огонь и воздухъ, а твердыя, спустившись внизъ, составляютъ воду и землю. Доколѣ же буду принимать такія ученія и ничему истинному не научаться? Развѣ освободитъ меня отъ заблужденія Демокритъ, открывающій, что начало всѣхъ вещей есть сущее и не сущее, что сущее есть полнота, а не сущее — пустота, и что полнота производитъ все въ пустотѣ посредствомъ или

превращенія, или фигуры. Пожалуй, я готовъ согласиться съ добрымъ Демокритомъ и вмѣстѣ съ нимъ смѣяться; но меня отвлекаетъ плачущій Гераклитъ, утверждая: начало всего, есть огонь, который имѣетъ два состоянія: разрѣшеніе и сгущеніе, первое—дѣятельное, второе—страдательное, то—соединяетъ, а это раздѣляетъ. Но, довольно уже для меня: мнѣ вскружили голову столько разныхъ началъ. Но вотъ еще Епикуръ приглашаетъ меня не пренебрегать его прекраснаго ученія объ атомахъ и пустотѣ, такъ какъ все происходитъ и уничтожается отъ многоразличнаго и многообразнаго соединенія ихъ.

7. Не противорѣчу тебѣ, прекраснѣйшій Эпикуръ. Но надъ твоимъ ученіемъ смѣется Клеанеъ, поднимая голову изъ колодезя. Я почерпаю изъ него истинныя начала всѣхъ вещей,—Бога и матерію, и утверждаю, что земля превращается въ воду, а вода въ воздухъ, что воздухъ поднимается вверхъ, а огонь находится въ окружности земли, что по всему міру распростерта душа, часть коей одушевляетъ и насъ. Не смотря на многочисленность этихъ философовъ, другая толпа ихъ прибываетъ ко мнѣ изъ Ливіи: Карнеадъ и Клитомахъ и всѣ ихъ послѣдователи; попирая ученія всѣхъ прочихъ философовъ, они сами утверждаютъ, что природа вещей непостижима, и что къ истинѣ всегда примѣшивается нѣкоторая ложь. Что же мнѣ дѣлать послѣ столь долгихъ утомительныхъ изслѣдованій? Какъ освободить умъ мой отъ такого множества мнѣній? Если ни что не можетъ быть постигнуто, то истина удалена отъ людей, а пресловутая философія болѣе гоняется за тѣнью, нежели обладаетъ знаніемъ вещей.

8. Но вотъ другіе философы древняго поколѣнія,—Пиѳагоръ и единоплеменники его, важные и молчаливые, пере-

дают мнѣ, какъ нѣкоторыя таинства, иныя ученія, вмѣстѣ съ главнымъ и таинственнымъ ихъ доказательствомъ: «самъ сказалъ». Начало всѣхъ вещей есть единица; изъ ея разнообразныхъ формъ и чиселъ происходятъ стихіи; число же, форма и мѣра стихій таковы: огонь составляется изъ двадцати четырехъ прямоугольныхъ треугольниковъ, и заключается въ четырехъ равныхъ сторонахъ, изъ коихъ каждая состоитъ изъ шести прямоугольныхъ треугольниковъ, такъ что онъ уподобляется пирамидѣ; воздухъ составляется изъ сорока восьми прямыхъ треугольниковъ, и заключается въ восьми равныхъ сторонахъ; его сравниваютъ съ осьмигранною фигурой, которая содержитъ восемь равностороннихъ треугольниковъ, изъ коихъ каждый раздѣляется на шесть прямыхъ угловъ; такимъ образомъ всего сорокъ восемь угловъ, вода составляется изъ ста двадцати треугольниковъ, и сравниваютъ ее съ фигурой о двадцати граняхъ, состоящей изъ ста двадцати равныхъ и равностороннихъ треугольниковъ; эѳиръ составляется изъ двѣнадцати равностороннихъ пятиугольниковъ и похожъ на двѣнадцатигранникъ, состоящій изъ ста-двадцати треугольниковъ; земля составляется изъ сорока восьми треугольниковъ и заключается въ шести равносторонних четыреугольникахъ, и имѣетъ видъ куба: ибо кубъ состоитъ изъ шести четвероугольниковъ, изъ коихъ каждый имѣетъ четыре треугольника, такъ что всѣхъ треугольниковъ вмѣстѣ двадцать четыре.

9. Такъ измѣряетъ міръ Пиѳагоръ! Я снова вдохновенный презираю домъ, отечество, жену, дѣтей и ни очемъ болѣе не забочусь, возношусь въ самый эѳиръ, и, взявъ у Пиѳагора лакоть, начинаю мѣрить огонь. Измѣренія Зевсерова уже недостаточно. Если не вознесется на небо та-

кое важное существо, великое тѣло и великая душа, то-есть я, и не измѣритъ эѳира, то проподетъ владычество Зевса! Измѣривъ же эѳиръ и сообщивъ Зевсу свѣдѣніе о томъ, сколько угловъ имѣетъ огонь, я схожу съ неба и тѣмъ оливы, смоквы, огородныя овощи, потомъ перехожу къ водѣ, и ее, влажную стихію, начинаю измѣрять лактемъ, пальцемъ и полупальцемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и глубину ея, чтобъ и Посидонъ узналъ отъ меня, какъ велико море, надъ которымъ онъ владычествуетъ. Я и землю всю обхожу въ одинъ день, изслѣдуя ея число, мѣру и фигуру: ибо вполнѣ увѣренъ что отъ столь великаго и чуднаго существа, каковъ я, не ускользнетъ и одна пядень вселенной. Кромѣ того, я узнаю даже и сколько звѣздъ на небѣ, и сколько рыбъ въ водѣ, и сколько звѣрей на землѣ, и положивъ міръ на вѣсы, легко могу узнать, сколько въ немъ вѣсу Напыщенная знаніемъ такихъ вещей, душа моя какъ бы сдѣлалась владычицею всего міра.

10. Но Эпикуръ наклонившись ко мнѣ говоритъ: ты, другъ мой, измѣрилъ только одинъ міръ, между тѣмъ міровъ много, и всѣ они безпредѣльны. Вслѣдствіе этого, я вынужденъ говорить о множествѣ небесъ, о множествѣ различныхъ эѳировъ, и, запасшись нужнымъ продовольствіемъ на нѣсколько дней, ни мало не медля начинаю странствовать по мірамъ Эпикура: легко перелетаю предѣлы Ѳетисы и Океана, и, прибывъ въ новый міръ, какъ бы въ другое государство, въ нѣсколько дней измѣряю все. Отсюда я снова переношусь въ третій міръ, потомъ въ четвертый, въ пятый, въ десятый, сотый, тысячный, и куда наконецъ? Все это мракъ невѣжества, черный обманъ, нескончаемое заблужденіе, неполное разумѣніе, непроницаемое невѣдѣніе: остается, чтобъ я со-

считалъ самые атомы, изъ которыхъ образовалось такое множество міровъ, дабы ничего не опустить въ своемъ изслѣдованіи, особенно же столь необходимыхъ и полезныхъ вещей, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе домовъ и городовъ.

Все это я высказалъ съ тою цѣлію, чтобы видно было, какъ философы противорѣчатъ другъ другу въ мнѣніяхъ, какъ изслѣдованія ихъ теряются въ безконечности, ни на чемъ не останавливаясь, и какъ недостижима и безполезна цѣль ихъ усилій, не оправдываемая ни очевидностію, ни здравымъ разумомъ

МЕЛИТОНЪ САРДІЙСКІЙ.

О МЕЛИТОНѢ САРДІЙСКОМЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯХЪ.

Къ числу христіанскихъ апологетовъ 2-го вѣка, писавшихъ на греческомъ языкѣ, принадлежитъ св. Мелитонъ, епископъ сардійскій (въ Лидіи, въ Малой Азіи), знаменитѣйшій пастырь церкви восточной и ученѣйшій писатель своего времени. Онъ жилъ во второй половинѣ 2-го вѣка. Сохранившіяся о его жизни свѣдѣнія очень скудны: извѣстно, что онъ путешествовалъ въ Палестину для изученія мѣстъ, гдѣ происходили событія священной исторіи, и для изслѣдованія подлинныхъ книгъ Ветхаго Завѣта (Евс. IV, 26); извѣстно также, что онъ принималъ участіе въ прекращеніи спора, волновавшаго лаодикійскую церковь послѣ мученической смерти епископа Сагариса, по каковому поводу написалъ сочиненіе о пасхѣ; наконецъ извѣстно, что онъ подалъ императору Марку Аврелію рѣчь въ защиту христіанской Вѣры (Евсев. тамъ же). Тѣмъ не менѣе видно, что онъ своею церковною и учено-литературною дѣятельностію оставилъ по себѣ великую память въ послѣдующихъ родахъ. Поликратъ, еписк.

ефесскій, въ своемъ посланіи къ римскому епископу Виктору (ок. 190 г.) по вопросу о пасхѣ, упоминаетъ о Мелитонѣ въ числѣ великихъ вождей церкви, погребенныхъ въ Азіи, называетъ его *евнухомъ* (εὐνοῦχον), т. е. ведшимъ безбрачную жизнь, и свидѣтельствуетъ, что онъ во всемъ поступалъ по внушенію Святаго Духа (Евс. V, 24). Тертулліанъ, почти его современникъ, хвалитъ его краснорѣчіе и изящество слога, замѣчая, что многіе христіане почитаютъ его пророкомъ (Iерон. Catal. Script. c. 24). Евсевій приводитъ его на ряду съ современниками—Эгезиппомъ, Діонисіемъ коринѳскимъ, Аполинаріемъ іерапольскимъ, Иринеемъ и др. какъ одного изъ представителей здравой вѣры и проводниковъ апостольскаго преданія (Ев. IV. 21). Св. Мелитонъ скончался въ Сардахъ. Говоря объ этомъ Поликратъ ефесскій не называетъ его мученикомъ, между тѣмъ какъ въ томъ же мѣстѣ онъ прямо называетъ другихъ мучениками, напр Поликарпа, Ѳразея. Такъ какъ Евсевій (IV. 26) говоритъ объ апологіи къ императору Марку Аврелію, какъ о послѣднемъ сочиненіи Мелитона, а она по всей вѣроятности написана въ 170 или 171 годъ, то можно предполагать, что Мелитонъ умеръ немного послѣ этого времени.

Если обстоятельства жизни св. Мелитона весьма мало извѣстны, за то покрайней мѣрѣ знаемъ, что его литературные труды были многочисленны и обнимали разнообразные предметы богословскаго знанія и церковной жизни. Доказательствомъ сего служитъ перечень его сочиненій, „дошедшихъ до свѣдѣнія“ Евсевія. По словамъ церковнаго историка, „Мелитонъ написалъ двѣ книги о пасхѣ, также книги объ образѣ жизни и пророкахъ, о церкви, слово о воскресномъ днѣ, о природѣ человѣка, о его созданіи, о подчиненіи чувствъ вѣрѣ, сверхъ того — о душѣ

и тѣлѣ, объ умѣ, о банѣ (крещенія), объ истинѣ, о вѣрѣ и рожденіи Христа, о пророчествѣ, о страннолюбіи, и ключъ; также книги о діаволѣ, объ откровеніи Іоанна, о воплощенномъ Богѣ, и наконецъ небольшое сочиненіе къ Антонину." (IV, 26). Далѣе Евсевій упоминаетъ объ „Извлеченіяхъ" изъ Свящ. Писанія, въ шести книгахъ, въ предисловіи къ которымъ предлагается списокъ признанныхъ всѣми книгъ Ветхаго Завѣта. Къ сожалѣнію, изъ столь богатаго сокровища сохранились до насъ почти только названія *), да небольшіе отрывки нѣкоторыхъ сочиненій Мелитона, приводимые у Евсевія: именно нѣсколько строкъ изъ предисловія къ сочиненію о пасхѣ, посвятительныя слова къ нѣкоему Онисиму предъ „извлеченіями" съ каталогомъ ветхозавѣтныхъ книгъ, и наконецъ болѣе значительныя три выписки изъ апологіи Мелитона, представленной, какъ выше сказано, импер. Марку Аврелію около 170 г. Приводимъ эти отрывки изъ апологіи.

„Нынѣ—чего никогда еще не бывало — подвергается гоненію родъ людей благочестивыхъ, преслѣдуемый злыми указами по Азіи. Безстыдные доносчики и охотники поживиться чужимъ имуществомъ, находя себѣ поводъ въ такихъ распоряженіяхъ, явно разбойничаютъ, днемъ и ночью грабятъ людей ни въ чемъ невиновныхъ". (Потомъ, говоритъ Евсевій, спустя немного Мелитонъ продолжаетъ). „И если это дѣлается по твоему повелѣнію, — пусть дѣлается въ порядкѣ. Царь справедливый никогда не захо-

*) Самыя названія сочиненій Мелитона приводятся неодинаково у Евсевія, Іеронима и Руфина, переведшаго церковную исторію Евсевія. Пиперъ (Theolog. Studien, 1838) пытался по соображенію обстоятельствъ того времени опредѣлить содержаніе и цѣль сочиненій Мелитона, но это при недостаткѣ историческихъ источниковъ могло привести только къ невѣрнымъ предположеніямъ.

четъ чего-либо несправедливаго; и мы охотно принимаемъ участь такой смерти. Только одну просьбу приносимъ тебѣ, чтобы ты самъ напередъ узналъ людей, которые поступаютъ съ такимъ упрямствомъ (*), и потомъ справедливо разсудилъ, достойны ли они смерти и какого либо наказанія или сохраненія жизни и спокойствія. Если же это опредѣленіе и новое распоряженіе, которое не прилично было бы даже въ отношеніи враждебныхъ варваровъ, вышли не отъ тебя, то мы еще болѣе просимъ не предоставлять насъ такому явному грабительству. Наша философія (**) первоначально процвѣла среди варваровъ (***), потомъ въ могущественное владычество предка твоего Августа встрѣтилась съ подвластными тебѣ народами и явилась добрымъ предзнаменованіемъ для твоего царства. Ибо съ тѣхъ поръ римская держава возвеличилась и прославилась; и ты сдѣлался вожделѣннымъ преемникомъ престола и будешь владѣть имъ вмѣстѣ съ сыномъ (****), если будешь охранять ту философію, которая возрастала вмѣстѣ съ имперіей и началась съ Августомъ, и которую предки твои чтили на равнѣ съ другими религіями. А что наше ученіе расцвѣло вмѣстѣ съ благополучнымъ началомъ имперіи, именно къ ея добру, важнѣйшимъ доказательствомъ служитъ то, что съ владычества Августова не случилось ничего худаго, напротивъ, согласно общему желанію, все было счастливо и славно. Изъ всѣхъ импе-

---

(*) Т. е. христіанъ, которыхъ, непоколебимость среди страданій въ глазахъ язычниковъ казалась упрямствомъ.

(**) Такъ называется здѣсь, и у другихъ церковныхъ писателей, христіанская религія.

(***) Т. е. іудеевъ, которые также относимы были у грековъ къ народамъ варварскимъ

(****) Т. е. Коммодомъ

раторовъ только Неронъ и Домиціанъ по внушеніямъ нѣкоторыхъ зложелательныхъ людей старались оклеветать наше ученіе: и отъ нихъ-то ложная клевета на насъ распространилась къ послѣдующимъ поколѣніямъ по неразумному обыкновенію вѣрить молвѣ. Но ихъ невѣдѣніе исправили твои благочестивые предки, много разъ письменно порицая тѣхъ, которые относительно христіанъ осмѣливались затѣвать что-либо новое. Изъ нихъ дѣдъ твой Адріанъ писалъ какъ другимъ, такъ и проконсулу Азіи Фундану (*); а твой отецъ, когда уже и ты раздѣлялъ съ нимъ правленіе, писалъ различнымъ городамъ, и между прочимъ Ларисянамъ, Солунянамъ, Аѳинянамъ и всѣмъ Эллинамъ, чтобы относительно насъ они не предпринимали ничего новаго. Что же касается до тебя, то мы еще болѣе убѣждены, что, питая одинаковыя съ ними или даже болѣе человѣколюбивыя и разумныя мысли о христіанахъ, ты сдѣлаешь все, о чемъ мы тебя просимъ."

Таковы данныя, доставляемыя намъ Евсевіемъ относительно Мелитона и его твореній. Кромѣ того, въ Хроникѣ Пасхальной сохранился слѣдующій отрывокъ изъ апологіи Мелитона: „Мы не служимъ камнямъ безчувственнымъ, но поклоняемся единому Богу, который прежде всего и выше всего, и Христу, истинному Богу, Слову предвѣчному." Анастасій Синаитъ (въ VII в.) приводитъ два отрывка — одинъ изъ книгъ Мелитона о воплощеніи Христа, въ которомъ ясно говорится объ истинномъ человѣчествѣ и истинномъ Божествѣ Спасителя, другой изъ слова на „страданіе" Христа, состоящій въ слѣдующемъ изреченіи: „Богъ пострадалъ отъ руки Израиля" (Hodeg. c.

(*) См. у Евсевія Церк. Ист. IV, 8; тамъ же въ изданіяхъ 1-й апол Іустина въ концѣ

12, 13). Въ „катенахъ“ или сборникахъ изъ св. отцевъ находимъ четыре небольшихъ отрывка изъ необозначеннаго сочиненія Мелитона, въ которыхъ представляется принесеніе Исаака въ жертву Авраамомъ какъ прообразъ крестной смерти Христовой. Всѣ эти отрывки изъ сочиненій, неизвѣстныхъ Евсевію, не представляютъ достаточныхъ ручательствъ происхожденія ихъ отъ Мелитона. Тоже должно сказать и о латинскомъ переводѣ упоминаемаго у Евсевія „Ключа“, недавно изданномъ по нѣсколькимъ рукописямъ бенедиктинцемъ Питра (Specil Solesm), который представляетъ объяснительный словарь фигуральныхъ выраженій, встрѣчающихся въ Библіи: въ немъ встрѣчаются объясненія, указывающая на латинское происхожденіе этого „Ключа“ (*).

Въ 1855 году ученый Куртонъ издалъ найденную имъ въ числѣ другихъ сирскихъ манускриптовъ британскаго музея „Рѣчь Мелитона философа къ императору Антонину“ съ пятью небольшими отрывками изъ другихъ сочиненій Мелитона (*). Авторъ этой рѣчи начинаетъ мыслію о томъ, какъ трудно человѣку возвратиться на путь истины послѣ долговременнаго заблужденія; однако — говоритъ онъ — это возможно. Напрасно оправдываютъ свое заблужденіе тѣмъ, что его раздѣляютъ многіе: оно отъ этого неменьше. А что можетъ быть безсмысленнѣе служенія тварямъ вмѣсто единаго истиннаго Бога. Которымъ

(*) Всѣ эти отрывки и часть «Ключа» помѣщены у Раута (Reliqu Sacrae) и въ патрологіи Миня, т. V, греч. сер.

(**) Куртона, Specilegium Syriacum. Таже апологія издана еще ученымъ Питра въ Specilegium Solesmense, съ латинскимъ переводомъ, сдѣланнымъ Ренаномъ. Вельте помѣстилъ ее въ нѣмецкомъ переводѣ въ католич журналѣ: Theolog. Quartalschrift, Tubing. 1862, 3 Heft Съ этого перевода сдѣланъ и нашъ переводъ.

вес существуетъ, Который вѣченъ и непремѣняемъ? Еще менѣе извинительно заблужденіе послѣ того, какъ слово истины слышится по всей землѣ. Показавъ нелѣпость идолопоклонства и почитанія боговъ, которые, по его мнѣнію, суть обоготворенные люди, писатель на возраженіе: почему же Богъ не сотворилъ человѣка такъ, чтобъ онъ служеніе Ему предпочиталъ служенію тварямъ? отвѣчаетъ, что Богъ даровалъ человѣку разумъ и свободу, чтобы онъ различалъ вещи и избиралъ добро, и окруженный отвсюду божіими благодѣяніями возвышался до понятія объ истинномъ Богѣ чрезъ разсмотрѣніе видимой природы и особенно своей души, которая представляетъ подобіе Божіе. Затѣмъ писатель опровергаетъ другія основанія, которыми язычники оправдывали свою привязанность къ религіи отцевъ. Онъ показываетъ, что царь не обязанъ слѣдовать мнѣнію толпы и болѣе всякаго другаго долженъ исправлять заблужденіе своихъ подданныхъ для своего собственнаго блага и блага государства. Говорятъ: мы держимся религіи отцевъ. Но позволительно же обогащаться или пріобрѣтать образованіе тѣмъ, которые имѣютъ родителей бѣдныхъ или не образованныхъ; у слѣпыхъ или хромыхъ бываютъ же дѣти зрячіе и ходящіе.—Апологія заключается увѣщаніемъ къ Марку Аврелію вмѣстѣ съ его дѣтьми познать Бога Истиннаго, чтобы стяжать блага вѣчныя, обѣщанныя Имъ чтителямъ Его.

Таково главное содержаніе новооткрытаго сочиненія Мелитона. Нельзя считать его за ту апологію, о которой упоминаетъ Евсевій или за отрывокъ изъ нея, какъ полагалъ Ренанъ (Specil. Solesm.), потому что новооткрытая апологія начинается и оканчивается такъ, что не заставляетъ предполагать чего либо предшествующаго или послѣдующаго, а вмѣстѣ съ симъ не заключаетъ въ себѣ приводимыхъ Ев-

севіемъ словъ изъ Мелитоновой апологіи и не представляетъ промежутка, въ которомъ они могли бы быть помѣщены. Куртонъ на основаніи Хроники Пасхальной, которая въ двухъ мѣстахъ — подъ 164—165 годомъ и еще подъ 169 г. упоминаетъ объ апологіи Мелитона къ импер Антонину, полагаетъ, что Мелитонъ въ промежутокъ пяти лѣтъ написалъ двѣ апологіи къ этому императору, объ одной изъ которыхъ зналъ и упомянулъ Евсевій, а другая сохранилась въ сирскомъ манускриптѣ: въ послѣдней встрѣчаются слова, нѣсколько соотвѣтствующія вышеприведенному мѣсту изъ Пасхальной Хроники. Но Хроника Пасхальная, какъ не довольно обработанный сборникъ изъ разныхъ писателей, можетъ быть въ разныхъ мѣстахъ говорила объ одной и той же апологіи. Притомъ рѣзкость нѣкоторыхъ выраженій (*) въ сирской апологіи недозволяетъ допустить, чтобы Мелитонъ написалъ ее для представленія или, какъ говорится въ надписи сирскаго манускрипта, для произнесенія предъ императоромъ съ такимъ характеромъ, какъ Маркъ Аврелій. По сему держась строго Евсевія и не отвергая авторитета такого памятника, какъ сирскій манускриптъ VII вѣка, мы полагаемъ, что Мелитонъ *подалъ одну* апологію импер. Антонину Марку съ цѣлію испросить снисхожденіе къ гонимымъ послѣдователямъ Христа, и допущенный къ особѣ императора имѣлъ словесное объясненіе съ нимъ о сущности христіанской вѣры и ея отличіи отъ языческихъ вѣрованій и богопочтенія. То, что было сказано въ устной бесѣдѣ, Мелитонъ изложилъ письменно въ болѣе свободной и рѣзкой формѣ,

(*) Таковы напр въ началѣ указаніе на доходы въ пользу цезаря отъ боговъ, на неизвинительность раздѣлять заблужденіе вмѣстѣ со многими, и друг.

не имѣя въ виду представлять свое сочиненіе императору. Впрочемъ признавая сирскую апологію произведеніемъ Мелитона, мы не должны забывать особенность сирскихъ переводовъ: въ нихъ, какъ видно изъ текста посланій Игнатія Богоносца и Евсевіева сочиненія—Θεοφανια (*) допускались нѣкоторыя измѣненія — чрезъ сокращеніе или распространеніе подлинника.

Свящ. П. Преображенскій

(*) Сирскій текстъ сочиненія Евсевія изданъ (1843) докт. Леемъ, а греческіе отрывки его—кардиналомъ Маи.

РѢЧЬ МЕЛИТОНА ФИЛОСОФА,

КОТОРУЮ ДЕРЖАЛЪ ОНЪ ПРЕДЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АНТОНИНОМЪ, ЧТОБЫ НАУЧИТЬ ЕГО ПОЗНАНІЮ БОГА И ПОКАЗАТЬ ЕМУ ПУТЬ ИСТИНЫ.

И онъ началъ говорить такъ: Не легко обратить скоро на правый путь такого человѣка, который долгое время прежде находился въ заблужденіи. Однакожъ это возможно. Ибо если человѣкъ хотя немного отвращается отъ заблужденія, свидѣтельство истины становится удобопріемлемо для него. Какъ съ разсѣяніемъ мрака, тотчасъ проясняется небо, такъ бываетъ и съ человѣкомъ, если онъ обращается къ Богу: скоро снимается съ его лица облако заблужденія, которое препятствовало правильному его зрѣнію. Заблужденіе же, какъ страсть и какъ сонъ, долгое время владѣетъ тѣми, которые ему подверглись. Но истина пользуется словомъ, какъ жаломъ, и поражаетъ тѣхъ, которые спятъ, и пробуждаетъ ихъ, и они пробужденные, видя истину, пріобрѣтаютъ разумѣніе,

слышатъ и различаютъ то, что̀ есть, отъ того, чего нѣтъ. Ибо есть люди, которые грѣхъ называютъ правдою, и дѣйствительно думаютъ, что это правда, когда видятъ, что не одни они заблуждаются, а вмѣстѣ съ ними и многіе люди. Но я говорю: не хорошо это извиненіе, что одинъ человѣкъ заблуждается со многими, ибо если одинъ самъ по себѣ безразсуденъ, то велико безразсудство его: во сколько же разъ больше безразсудство, если безразсудствуютъ многіе? А неразуміе, о которомъ я говорю, состоитъ въ томъ, что человѣкъ оставляетъ то, что̀ по истинѣ есть, и служитъ тому, чего по истинѣ нѣтъ. Но есть нѣчто по истинѣ, и это называется Богомъ, Онъ по истинѣ есть, и все существуетъ чрезъ Его силу. Онъ не есть сотворенное существо, не получилъ начала во времени; но Онъ отъ вѣчности, и существуетъ во вѣки вѣковъ. Онъ не измѣняется, тогда какъ все измѣняется. Никакое зрѣніе не можетъ видѣть Его, никакой разумъ понять Его, никакое слово—объяснить Его. Любящіе же его называютъ Его Отцомъ и Богомъ истины. Посему если человѣкъ оставляя свѣтъ говоритъ, что есть иной Богъ, то смыслъ его словъ тотъ, что онъ одну изъ тварей называетъ богомъ. Ибо если человѣкъ огонь называетъ богомъ, то это не богъ, потому-что огонь, и если онъ называетъ воду богомъ, то это—не богъ, потому что вода; и если эту землю, по которой мы ходимъ, это небо, которое мы видимъ, если солнце, луну, или одну изъ этихъ звѣздъ, которыя не останавливаясь совершаютъ предписанное имъ теченіе и движутся не по собственной волѣ, и если золото или серебро человѣкъ называетъ богомъ; то все это не вещи ли, которыми мы пользуемся, какъ хотимъ? И если это дерево, которое

мы сожигаемъ, и если эти камни, (которые мы сокрушаемъ) (кто-нибудь называетъ богомъ); то могутъ ли они быть богами, когда они служатъ для употребленія людямъ? Не тяжко ли же согрѣшаютъ тѣ, которые въ словахъ своихъ смѣшиваютъ великаго Бога съ этими вещами, которыя существуютъ только по Его повелѣнію? Однакожь я говорю, что когда человѣкъ не слышитъ, и не различаетъ и не знаетъ, что Господь — превыше всѣхъ этихъ тварей, онъ, можетъ быть, не заслуживаетъ осужденія, потому что никто не осуждаетъ слѣпаго, если онъ идетъ непрямо. Такимъ же образомъ люди, ища Бога, натыкались на камни и дерево и богатые между ними натыкались на золото и серебро, и чрезъ это отдалялись отъ того, чего искали. Но теперь, когда по всей землѣ слышится голосъ возвѣщающій, что есть Богъ истинный, и каждому человѣку дано око, чтобы видѣть, теперь не имѣютъ извиненія тѣ, которые и хотѣли бы, но стыдятся изъ-за того, что многіе раздѣляютъ ихъ заблужденія, обратиться на правый путь. Ибо кто стыдится жить, того необходимость заставляетъ умереть. По сему я совѣтую имъ, открыть глаза свои—и видѣть. Свѣтъ данъ для всѣхъ насъ безъ зависти, чтобы мы чрезъ него видѣли. Если же и по возшествіи свѣта, человѣкъ замыкаетъ глаза свои, чтобы не видѣть, то его путь ведетъ къ погибели. Ибо зачѣмъ человѣку стыдиться тѣхъ, которые съ нимъ заблуждаются? Скорѣе — онъ долженъ убѣждать другихъ, чтобы послѣдовали ему; и если они не убѣдятся пусть спасаетъ душу свою отъ среды ихъ. Есть люди, которые не могутъ возвыситься надъ землею, своею матерью и потому дѣлаютъ себѣ и боговъ изъ земли, своей матери; осуждены таковые судомъ истины, потому-то они неизмѣ-

няемое Имя прилагаютъ къ вещамъ измѣняющимся, и не страшатся называть богами то, что сдѣлано руками человѣка, и дерзаютъ дѣлать изображенія Бога, Котораго они не видѣли.

Но я говорю, что̀ говорила и Сивилла объ нихъ (1), именно, что они поклоняются изображеніямъ умершихъ царей. И это легко видѣть: потому что вотъ и теперь они поклоняются изображеніямъ цезарей и почитаютъ ихъ больше, нежели боговъ древнѣйшихъ. Ибо отъ этихъ древнѣйшихъ боговъ идутъ подати и разные сборы цезарю, какъ такому, который больше ихъ; потому и умерщвляются тѣ, которые презираютъ идоловъ и чрезъ то уменьшаютъ доходъ цезаря (2). Ибо опредѣлено, сколько почитатели даютъ для сокровищницъ другихъ церей въ различныхъ мѣстахъ, сколько даютъ они мѣховъ, наполненныхъ морскою водой (3)! И такова злоба міра, злоба тѣхъ, которые обожаютъ и боятся того, что лишено чувствъ и многіе изъ тѣхъ, которые понимаютъ дѣло, не только сами поклоняются изъ-за выгодъ, для суетной

---

(1) Куртонъ замѣчаетъ, что Мелитонъ могъ имѣть при семъ въ виду слѣдующіе сивиллины стихи, хотя они говорятъ не о царяхъ но вообще объ идолахъ умершихъ людей

Ἡρῆις δ' ὀθανάτοιο τριβου πεπλονημένοι ἦμεν
Εργα τε χειροπόιητα σεβ' ασμεθα φρονι θυρῶ,
Εἰδώλων ξοάνων τε καταφθιμένων ἀνθρώπων.

(2) О томъ же Тертуллианъ говоритъ (Apologet c 13) publicos deos aeque publico jure foedatis, quos in hastario vectihales habetis. Sed enim agri tributo onusti viliores, hominum capita stipendio censa ignobiliora, nam hae sunt notae captivitatis. Di vero, qui magis tributarii, magis sancti, imo qui magis sancti, magis tributarii. Majestas quaestuaria efficitur.. Exigitis mercedem pro solo templi, pro aditu sacri, non licet deos esse gratis, venales sunt.

(3) По замѣчанію Вельте, здѣсь можно разумѣть соль, добываемую изъ морской воды, или можетъ быть это мѣсто испорчено переписчиками.

славы, или ради господства надъ многими, но побуждаютъ и другихъ, людей неразумныхъ, обожать то, что лишено чувствъ. Но я хочу по своему разумѣнію написать и объяснить, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ стали дѣлать изображенія царей и тирановъ, и какъ потомъ сравняли ихъ съ богами. Жители Аргоса сдѣлали статуи Геркулеса, потому что онъ былъ сынъ ихъ города, отличался храбростію, и своею силой убивалъ вредныхъ животныхъ, а еще больше потому, что аргосцы боялись его, такъ какъ онъ насильствовалъ и у многихъ отнялъ женъ; а онъ былъ похотливъ, такъ же сильно какъ и другъ его, персіанинъ Суради (4). Опять актійцы (5) обожали царя Діониса, потому что, они первые развели виноградникъ въ своей странѣ (6). Египтяне обожали еврея Іосифа, который называется Сераписомъ, потому что онъ снабжалъ ихъ хлѣбомъ въ голодные годы. Аѳиняне обожали Аѳину дочь Зевса, царя острова Крита, потому что она основала замокъ Аѳинскій, и тамъ поставила царемъ Эрихтина (7), своего сына, который родился отъ ея прелюбодѣянія съ кузнецомъ Ифестомъ, сыномъ жены ея отца. Она также была въ постоянномъ общеніи съ Геркулесомъ, потому что онъ былъ братомъ ея по отцу; ибо Зевсъ царь любилъ Алкимену, жену Электріона аргосскаго, и отъ прелюбодѣянія съ нею имѣлъ сына Геркулеса. Финикіяне обожали женщину Бальти (8), царицу кипрскую; потому, что

---

(4) Т. е. Зороастръ

(5) Жители Акты, подъ которои разумѣется Аттика

(6) Такъ переводитъ Вельте, а Куртонь перевелъ «потому, что онь первый ввелъ вино въ ихъ странѣ»

(7) Т е Эректея. *Курт.*

(8) Подъ Бальти здѣсь разумѣется Венера грековъ, подъ Ѳаннонъ — Адонисъ, а подъ Куѳаронъ — Кипиръ *Курт.*

она любила Θамма, сына Куθара, царя финикійскаго, оставила свое царство, и поселилась въ Гевалѣ, крѣпости финикійской и вмѣстѣ подчинила всѣхъ обитателей Кипра царю Куθару. Но такъ какъ она прежде Θамма любила Ареса, съ которымъ и совершила прелюбодѣяніе и была застигнута Ифестомъ ея супругомъ, воспылавшимъ ревностію, то онъ умертвилъ Θамма на горѣ Ливанѣ, когда онъ былъ на охотѣ за дикими кабанами. Съ этого времени Балти оставалась въ Гевалѣ, и умерла въ городѣ Афикѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ Θаммъ. Эламитяне почитали Ну (9), дочь царя Эламскаго. Когда непріятели увели ее въ плѣнъ, отецъ ея сдѣлалъ ея статую и посвятилъ храмъ въ Сузанѣ, крѣпости Эламской. Сиріяне почитали Аѳи, гадибитянку, которая посылала искусную въ врачеваніи дочь Велета, чтобъ она исцѣлила Сими, дочь царя сирійскаго Гадада, а когда нѣкоторое время спустя, самъ Гададъ заболѣлъ проказой, Аѳи просила еврея Елисса, чтобъ онъ пришелъ и исцѣлилъ царя (10). Месопотамляне также почитали Куѳби, евреянку, которая освободила отъ враговъ одного вельможу эдесскаго Вакру (11). Писать ли мнѣ о Нево (12), ко-

---

(9) Здѣсь вѣроятно ошибка переписчика, подъ Ну должно разумѣть Анагиту, которая была чтима въ Эламѣ и имѣла богатый храмъ въ Сузѣ. *Курт*

(10) На что намекаютъ эти неясныя указанія, не видно, но они очень различны отъ разсказа 2 кн. Цар. V.

(11) Ренанъ замѣчаетъ объ этомъ. Haec mihi plane nova sunt et mythologiam Syrorum novis commentis locupletant.

(12) Нево упоминается у Исаіи (46, 1) вмѣстѣ съ Вилонъ или Беломъ, какъ халдейское божество, оно встрѣчается также во многихъ ассирійскихъ и вавилонскихъ именахъ собственныхъ, напр. Навуходоносоръ, Гезенiусъ и другіе почитаютъ его за планету Меркурія и принимаютъ въ значеніи «толкователя» боговъ. Но Мелитонъ очевидно, разумѣлъ подъ Нево нѣчто другое. *Вельте.*

торый почитается въ Мабугѣ? Всѣ жрецы мабугскіе знаютъ, что это изображеніе ѳракійскаго мага Орфея. А Адранъ есть изображеніе персидскаго мага Зерадушта. Эти два мага произвели волхвованіе при одномъ источникѣ, который находился въ рощѣ Мабугской, и въ которомъ обиталъ нечистый духъ, причинявшій вредъ и останавливавшій каждаго мимопроходившаго человѣка, по всей странѣ, гдѣ нынѣ лежитъ крѣпость мабугская. Эти маги сообразно съ тайнами своей магіи повелѣли Сими, дочери Гадада, чтобъ она почерпнула изъ моря воды и влила ее въ источникъ, дабы болѣе не являлся нечистый духъ, и не причинялъ никакого вреда. — Такимъ же образомъ и прочіе люди дѣлали статуи своихъ царей и почитали ихъ, о чемъ болѣе не хочу писать.

Но ты существо разумное, свободное и знающее истину, размысли объ этомъ самъ съ собою и когда тебя захотятъ облечь въ женскія одежды ([15]), вспомни, что ты мужъ: вѣрь Тому, Кто воистину есть Богъ, открой предъ Нимъ сердце твое, ввѣрься Ему, и Онъ дастъ тебѣ вѣчную жизнь безсмертныхъ; ибо все содержится въ рукахъ Его. Другіе же предметы почитай тѣмъ, что они суть, изображенія, какъ изображенія, статуи — какъ статуи, и не поставляй какой нибудь сотворенной вещи на мѣсто Несозданнаго. Богъ же, вѣчно живущій, входитъ въ душу твою, ибо душа твоя есть Его образъ, такъ какъ и она невидима, неосязаема, не имѣетъ вида и своею волею движитъ все тѣло. И такъ знай, что если ты почитаешь Неизмѣняемаго, то и ты, такъ какъ Онъ вѣченъ, когда оставишь видимое и преходящее, бу-

([15]) Въ нѣкоторыхъ безнравственныхъ культахъ азіатскихъ употреблялось переодѣваніе мужчинъ въ женскія одежды и наоборотъ· что и было запрещено во Второз. XXII, 5

дешь вѣчно предстоять предъ Нимъ, исполненный жизни и знанія; и дѣла твои будутъ тебѣ богатствомъ неумаляющимся, сокровищемъ неоскудѣвающимъ. Но знай, что вѣнецъ твоихъ добрыхъ дѣлъ есть познаніе Бога и служеніе Ему. И знай, что Онъ отъ тебя ничего не требуетъ, ни въ чемъ не нуждается.

Кто же этотъ Богъ? Тотъ, Кто Самъ есть истина, и Слово Коего есть истина. Но что есть истина? То, что не создано, не сотворено, не образовано, т. е. бытіе, которое не имѣетъ начала и называется истиною. Итакъ, если человѣкъ поклоняется чему-либо, сдѣланному руками, то онъ почитаетъ не Истину, и также не Слово истины. Я сказалъ бы еще многое объ этомъ предметѣ, но стыжусь за тѣхъ, которые не понимаютъ, что сами они выше, чѣмъ дѣла рукъ ихъ, которые не замѣчаютъ, какъ они даютъ золото художникамъ, дабы они сдѣлали имъ бога, даютъ серебро для украшенія его, и переносятъ свое богатство съ одного мѣста на другое и обожаютъего! Какое преступленіе больше того, когда человѣкъ обожаетъ свое богатство, и оставляетъ Того, Кто даетъ ему богатство, ругается надъ человѣкомъ и обожаетъ изображеніе его, убиваетъ животное и почитаетъ образъ его? Должно согласиться, что они почитаютъ художественное изображеніе подобныхъ себѣ людей. Ибо они не почитаютъ веществъ, когда онѣ лежатъ въ кучѣ, а почитаютъ тогда, какъ художникъ сдѣлаетъ изъ нихъ идола. Они не почитаютъ самаго золота или серебра; но если онѣ будутъ обработаны художниками, они почитаютъ ихъ, теряя здравый смыслъ. Чтоже прибавилось къ твоему золоту, что ты теперь поклоняешься ему? Если (ты поклоняешься ему) за то, что оно сдѣлалось подобно крылатому животному, то почему ты

не поклоняешься этому самому животному? Если за то, что оно уподобилось хищному звѣрю, то вотъ — этотъ самый звѣрь предъ тобою. Если тебѣ нравится художественное произведеніе, то пусть же тебѣ понравится дивное твореніе Бога, все создавшаго. И по Его образцу работаютъ художники, — стараются сдѣлать такъ, какъ создано Богомъ, но не достигаютъ сходства.

Но, можетъ быть, ты скажешь: почему Богъ не устроилъ такъ, чтобъ я почиталъ Его, а не статую? Говоря такимъ образомъ, ты хочешь быть простымъ орудіемъ, а не живымъ человѣкомъ; Богъ же сотворилъ тебя такъ, какъ Ему было угодно, и далъ тебѣ разумъ и свободу. Онъ поставилъ предъ тобою множество вещей, чтобы ты обсуждалъ все и выбиралъ благое. Онъ поставилъ предъ тобою небо и на немъ звѣзды; Онъ поставилъ предъ тобою солнце и луну, которыя ежедневно обтекаютъ небо; Онъ поставилъ предъ тобою множество водъ, и ограничилъ ихъ словомъ Своимъ! Онъ поставилъ предъ тобою великую землю, которая покоится и стоитъ предъ тобою въ одинаковомъ видѣ; и дабы ты не подумалъ, что она стоитъ своею собственною силою, Онъ потрясаетъ ее, когда хочетъ; Онъ поставилъ предъ тобою облака, которыя по его повелѣнію, испускаютъ воду съ высоты, и насыщаютъ землю, дабы ты познавалъ изъ сего, что Тотъ, Кто производитъ это, больше всего существующаго, и дабы ты постигалъ благость Того, Кто далъ тебѣ разумъ, способный разсуждать о всемъ этомъ. Посему я совѣтую тебѣ познать самаго себя, и ты познаешь Бога. Познай, какъ въ тебѣ есть то, что называется душею, какъ чрезъ нее око видитъ, ухо слышитъ, уста говорятъ, движется все тѣло. И когда Богу угодно отдѣлить душу твою отъ тѣла, то оно

падаетъ и разрушается. И такъ изъ того, что въ тебѣ есть, но невидимо, познай какимъ образомъ Богъ по собственной волѣ управляетъ всѣмъ міромъ какъ бы тѣломъ, такъ что если Ему угодно будетъ отнять свою силу, то міръ какъ тѣло, упадетъ и разрушится.

Но зачѣмъ созданъ этотъ міръ, и зачѣмъ разрушается? зачѣмъ тѣло, почему оно разрушается, почему оно существуетъ? ты не узнаешь, если не поднимешь головы своей отъ сна, въ который ты погрузился; если не откроешь очей твоихъ и не увидишь, что Одинъ есть Богъ и Господь всего, и не будешь служить Ему отъ всего сердца твоего. Тогда Онъ дастъ тебѣ познать волю Его. А кто далекъ отъ познанія живаго Бога, тотъ мертвъ и погребенъ въ своемъ тѣлѣ. Посему ты пресмыкаешься предъ демонами и привидѣніями на землѣ, и устремляешь напрасныя просьбы къ тѣмъ, которые ничего не могутъ дать. Но ты возвысься надъ тѣми, которые лежатъ на землѣ и цѣлуютъ камни, и свою пищу предаютъ на пожраніе огню, и одежды свои жертвуютъ истуканамъ, и сами имѣя чувства служатъ тому, что лишено чувствъ. Простирай свои непреходящія прошенія къ непреходящему Богу за свою душу, которая не уничтожается, и откроется тогда твоя свобода; объ ней подумай и благодари Бога, Который одарилъ тебя разумомъ и свободой, чтобы ты могъ поступать, какъ самъ хочешь. Онъ поставилъ предъ тобою всѣ вещи, и открылъ тебѣ, что, если ты послѣдуешь злу, то будешь осужденъ чрезъ самыя злыя дѣла, а если послѣдуешь добру, то получишь отъ Него многія блага вмѣстѣ съ вѣчною жизнію безсмертныхъ.

Итакъ, ничто не препятствуетъ тебѣ, какъ свободному,

перемѣнить твой худой образъ жизни, искать и обрѣсти Того, Кто есть Господь всего, и служить Ему всѣмъ сердцемъ твоимъ; ибо Онъ независтно сообщаетъ познаніе о Себѣ тѣмъ, которые ищутъ познать Его.

Прежде всего позаботься не обольщать самаго себя. Ибо если ты называешь богомъ то, что не есть Богъ, то ты самъ обольщаешь себя и грѣшишь предъ Богомъ истины. Несмысленный! Ужели то — Богъ, что покупается? Ужели то Богъ, что нуждается потребности? Ужели то — Богъ, что должно быть стрегомо? Какъ же ты, покупаешь его, какъ раба, и почитаешь, какъ господа? Какъ же ты просишь у него подаянія, какъ у Бога, и самъ подаешь ему, какъ нищему? Какъ надѣешься на него, что онъ дастъ тебѣ побѣду на войнѣ? Вѣдь, если враги одолѣютъ тебя, то они и его низвергнутъ.

Можетъ быть, какой нибудь царь скажетъ: «я не могу дѣлать то, что считаю справедливымъ, потому что я — царь, и долженъ исполнять волю большинства.» Кто говоритъ такимъ образомъ, то по истинѣ заслуживаетъ смѣха. Ибо почему царь не долженъ быть вождемъ на пути ко всему доброму, и убѣждать подвластный ему народъ — ходить въ чистотѣ и познать Бога во истинѣ? Отъ чего ему являть въ себѣ примѣръ всякаго добраго дѣла для своихъ подданныхъ, когда это такъ прилично ему? А это самое гнусное дѣло, если царь самъ поступая дурно, судитъ и осуждаетъ людей преступныхъ. Но я полагаю, что царство тогда только можетъ управляться мирно, когда царь знаетъ Бога истины, и боится неправедно поступить съ своими подданными, и когда онъ во всемъ поступаетъ справедливо, какъ человѣкъ, понимающій, что предстоитъ отдать отчетъ предъ Богомъ; когда и поддан-

ные боятся предъ Богомъ поступать неправедно въ отношеніи къ своему царю, и также боятся поступать неправедно другъ съ другомъ. Чрезъ это познаніе Бога и чрезъ этотъ страхъ предъ Нимъ можетъ быть удалено изъ царства всякое зло. Ибо когда царь не дѣлаетъ несправедливости съ подданными, а подданные не поступаютъ неправедно въ отношеніи къ царю и другъ къ другу, тогда очевидное дѣло, вся страна наслаждается миромъ. И тамъ совершается много добра, потому, что между ними всѣми славится имя Божіе. И какое добро предпочтительнѣе того, если царь освобождаетъ подвластный ему народъ отъ заблужденія и этимъ добрымъ дѣломъ благоугождаетъ Богу? Ибо изъ заблужденія проистекаютъ всякія бѣдствія. Главнѣйшее же заблужденіе то, когда человѣкъ не знаетъ Бога, и вмѣсто Бога, почитаетъ нѣчто такое, что не есть Богъ. Но есть люди, которые говорятъ: «въ честь Бога мы дѣлаемъ идола», и почитаютъ именно образъ Бога сокровеннаго, — они не знаютъ, что Богъ на всякомъ мѣстѣ, что Онъ никогда не находится въ отсутствіи, и ничего не дѣлается, чего бы Онъ не вѣдалъ. А ты, жалкій человѣкъ, которому Богъ присутствуетъ въ тебѣ, внѣ тебя и надъ тобою, идешь и покупаешь себѣ изъ дома художника дерево, которое обрѣзано и обработано въ поруганіе Бога; приносишь жертву этому истукану, и не знаешь, что тебя видитъ око Всевидящее, и что тебя осуждаетъ Слово истины, и говоритъ тебѣ: какъ невидимый Богъ можетъ быть вырѣзанъ? а ты дѣлаешь собственное свое подобіе, и поклоняешься ему. Такъ какъ дерево обрѣзано, ты и не замѣчаешь, что это—дерево, или что это камень, и что золото цѣнится по вѣсу. И зачѣмъ ты взвѣшиваешь его? Значитъ,

ты любишь золото, а не Бога, и не стыдишься, если оно убыло, требовать отъ художника того, что онъ укралъ: — имѣешь глаза, но не видишь, имѣешь сердце, но не разумѣешь. Зачѣмъ ты валяешься на землѣ, и молишься вещамъ, которыя безчувственны? Страшись Того, Кто колеблетъ землю, покрываетъ небо, воздымаетъ море, переставляетъ горы, Кто все можетъ уподобить огню, все истребить. И если ты не можешь оправдаться, то не прибавляй еще къ своимъ грѣхамъ и если ты не можешь познать Бога, то, по крайней мѣрѣ, вѣруй, что Онъ есть.

Опять есть люди, которые говорятъ: «мы почитаемъ то, что намъ завѣщали отцы.» Почему же стараются сдѣлаться богатыми тѣ, которымъ отцы оставили бѣдность; и тѣ, которыхъ не научили отцы, стараются научиться и узнать то, чего не знали ихъ отцы? И почему сыновья слѣпыхъ видятъ, а хромыхъ ходятъ? Не хорошо для человѣка, если онъ слѣдуетъ предкамъ, которые дурно жили; но хорошо, если мы уклоняемся отъ этого пути, дабы избѣгнуть того, что постигло предковъ. Посему разслѣдуй: если отецъ твой поступалъ хорошо, то слѣдуй ему и ты; а если онъ жилъ дурно, то ты живи хорошо, и пусть дѣти твои подражаютъ тебѣ. И сокрушайся объ отцѣ твоемъ, что онъ жилъ дурно: твоя скорбь можетъ помочь ему. Сыновьямъ же своимъ скажи такъ. есть Богъ, Отецъ всего, существо безначальное и несозданное, все содержащее въ своей волѣ Онъ создалъ свѣтила, дабы твари видѣли другъ друга, а самъ сокрылся въ своемъ могуществѣ отъ всѣхъ своихъ тварей; ибо твари измѣняющейся невозможно видѣть Неизмѣннаго. Тѣ же, которые склоняются къ убѣжденію и достигаютъ до состоянія неизмѣняемости, видятъ Бога, сколь-

ко это возможно для нихъ; они также могутъ избѣжать истребленія, когда потопъ огненный, устремится на весь міръ. Былъ нѣкогда потопъ бурный, (14) когда сѣвер[illegible]ый вихрь развѣялъ назначенныхъ на то людей, и остались только праведные во свидѣтельство истины. Опять въ другое время, былъ потопъ водный, и погибли всѣ люди и животные во множествѣ воды, и сохранились праведные въ деревянномъ ковчегѣ, по повелѣнію Божію. Такимъ же образомъ въ послѣднее время, будетъ потопъ огненный, и сгоритъ земля съ горами ея, сгорятъ люди вмѣстѣ съ идолами, которыхъ они сдѣлали, и со статуями, которымъ они поклонялись, и сгоритъ море съ островами его, но праведные сохранятся отъ гнѣва, какъ сохранились праведные въ ковчегѣ отъ водъ потопа. И тогда возстенаютъ тѣ, которые не знали Бога и дѣлали себѣ идоловъ, когда они увидятъ, что и идолы ихъ погибаютъ вмѣстѣ съ ними, и ничто не можетъ помочь имъ.

Но если ты, цезарь Антонинъ, научишься сему, и если узнаютъ это съ тобою и дѣти твои, то пріобрѣтешь имъ наслѣдіе вѣчности, которое не преходитъ, и спасешь душу свою и души сыновъ своихъ отъ участи, которая ожидаетъ всю землю на судѣ истины и правды. Если ты познаешь Бога здѣсь, то Онъ познаетъ тебя тамъ; и если здѣсь ты Его презришь, то Онъ не поставитъ тебя между тѣми, которые знаютъ и прославляютъ Его. Этого довольно для твоего величества: а можетъ быть, и слишкомъ довольно, если угодно.

---

(14) Неизвѣстно, что̀ здѣсь разумѣется.

МИНУЦІЙ ФЕЛИКСЪ

И ЕГО СОЧИНЕНІЕ

„ОКТАВІЙ.“

О МИНУЦІѢ ФЕЛИКСѢ

И ЕГО СОЧИНЕНІИ „ОКТАВІЙ".

Рядъ христіанскихъ писателей-апологетовъ II вѣка заканчивается Минуціемъ Феликсомъ, который хотя по языку, на которомъ писалъ, принадлежитъ къ церкви латинской, но по направленію и пріемамъ защищенія христіанства ближе примыкаетъ къ апологетамъ греческимъ. Притомъ дѣятельность Минуція Феликса, по всей вѣроятности, относится также ко времени императоровъ Антонина Пія или Марка Аврелія, и его разговоръ между христіаниномъ и язычникомъ, извѣстный подъ именемъ «Октавія» появился ранѣе защитительнаго слова (Apologeticum) Тертулліана, изданнаго около 197—199 г. (*).

(*) Приводимъ здѣсь слова Альцога (Grundriss der Patrologie 1866 г.) «Еще въ прошломъ столѣтіи *Рестеръ* въ своей библіотекѣ отцевъ церкви высказалъ: Я долженъ признаться, что чѣмъ далѣе изучаю, тѣмъ менѣе считаю «Октавія за подражаніе тертулліанова апологетика»; потомъ *Русеурмъ* въ своемъ изданіи Октавія (Hamb 1824) и *Мейеръ* (въ commentatio de Min. Felic. 1824), а также *Нибуръ* (Kleinere Schriften. II, 56) на основаніи языка отнесли Октавія ко времени Антониновъ Наконецъ *Муральтъ*, издатель Октавія (съ предисловіемъ *Орелли*, Turic. 1836), въ предпосланномъ изслѣдованіи de M. Felicis aetate, доказалъ, послѣ тщательнаго сравненія нашего разговора съ апологетикомъ, девятью доводами хронологическое первенство Октавія Къ тому же есть другіе внутренніе признаки, подтверждающіе это мнѣніе. Съ своей сто-

Маркъ Минуцій Феликсъ жилъ во второй половинѣ II вѣка и въ началѣ III. Неизвѣстно въ точности, Италія или Африка была его родиной; но вѣрно то, что онъ будучи еще язычникомъ, переселился въ Римъ и здѣсь занималъ видное мѣсто между адвокатами (Іерон. Catal. c. 58; Лактан Instit. V, I) Объ его умѣ, ораторскомъ дарованіи, многосторонней учености и ревности къ христіанской Вѣрѣ, въ которую перешелъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ изъ язычества, свидѣтельствуетъ сохранившееся до насъ его сочиненіе «Октавій» Это сочиненіе написано въ формѣ Цицероновскихъ разговоровъ и представляетъ собой воспроизведеніе бесѣды объ язычествѣ и христіанствѣ, происходившей между друзьями Минуція—Цециліемъ язычникомъ и Октавіемъ христіаниномъ, по имени котораго названъ и самый разговоръ.

Въ началѣ сочиненія (гл. 1—4) Минуцій Феликсъ разсказываетъ объ обстоятельствѣ, послужившемъ поводомъ къ разговору. Однажды, по прибытіи Октавія изъ провинціи въ Римъ, Минуцій отправился съ нимъ для прогулки въ Остію, ближайшій къ Риму приморскій городокъ; ихъ сопровождалъ и Цецилій. На пути Октавій съ удивленіемъ замѣтилъ, что Цецилій по языческому обыкновенію сдѣлалъ привѣтствіе статуѣ Сераписа, мимо которой они проходили, и упрекнулъ Минуція въ небреженіи объ обращеніи столь близкаго друга отъ языческаго заблужденія къ истинной вѣрѣ. Оскорб-

---

роны мы для этого вывода находимъ еще основанія во 1-хъ въ бо́льшей простотѣ Октавія и во 2-хъ въ томъ, что въ противоположность съ апологетикомъ, мы здѣсь не находимъ почти никакой ссылки на библейскія мѣста, а напротивъ—много цитатъ и параллельныхъ мѣстъ изъ Цицерона—de natura deorum и de fato При этомъ въ стилистическомъ отношеніи Октавій такъ значительно отличается отъ грубаго, часто неправильнаго языка апологетика, что Муральтъ справедливо говоритъ: majore etiam quam Lactantius jure christianus Cicero dici poterit Minucius Согласно съ этимъ и *Анжело Май*, на основаніи 9 и 31 гл говоритъ, что *Цецилій* нашего разговора есть тотъ самый, который называется въ письмѣ *Фронтона* (opp Frontonis Rom. 1823 p. 336)»

ленный замѣчаніемъ Октавія, Цецилій, молча и въ печальномъ расположеніи духа, продолжалъ путь съ своими друзьями, но потомъ съ спокойною увѣренностію предложилъ Октавію основательно изслѣдовать во взаимной бесѣдѣ религіозный вопросъ, раздѣлявшій христіанъ и язычниковъ. Вызовъ былъ принятъ: спорящіе для большаго удобства сѣли и предложили Минуцію Феликсу быть посредникомъ и судіею въ спорѣ. Содержаніе послѣдовавшей бесѣды Минуцій и изложилъ въ своемъ сочиненіи.

Рѣчь началъ Цецилій. Отправляясь отъ скептическаго положенія, что человѣческое познаніе недостовѣрно, онъ сперва порицаетъ притязаніе христіанъ — людей по большей части необразованныхъ — брать на себя рѣшеніе высшихъ вопросовъ человѣческаго духа о Богѣ, о провидѣніи, о происхожденіи и существованіи міра (5) Въ виду же религіозной потребности человѣка онъ требуетъ держаться религіи, завѣщанной предками, — какъ древней, ознаменованной различными благодѣяніями боговъ, за приверженность къ которымъ Римъ получилъ всемірное владычество: и затѣмъ представляетъ цѣлый рядъ доводовъ противъ христіанства (6—13). Онъ обвиняетъ исповѣдниковъ христіанской религіи въ томъ, что они принадлежатъ къ самому низшему, невѣжественному и грубому классу народа, говоритъ, что предметы ихъ богопочтенія отвратительны, обряды безчеловѣчны и безнравственны, ученіе ихъ о Богѣ единомъ, о кончинѣ міра и о воскресеніи тѣлъ нелѣпо, и наконецъ самая жизнь ихъ, чуждая удовольствій язычества, исполненная бѣдствій и гоненій, обличаетъ тщету ихъ вѣрованій и надеждъ. За рѣчью Цецилія, послѣ краткихъ замѣчаній Минуція о строгомъ вниманіи къ внутренней силѣ доводовъ (14—15), идетъ *рѣчь Октавія* въ защиту христіанства, гдѣ онъ обстоятельно опровергаетъ обвиненія противъ него и показываетъ полную

несостоятельность язычества (16—38). Въ концѣ этой бесѣды Цецилій съ радостію объявилъ себя побѣжденнымъ (*) неотразимою истиною и одушевленіемъ рѣчи Октавія и просить его продолжить поучительныя собесѣдованія въ слѣдующій день. Друзья въ общей радости возвратились домой (39—40).

Были ли изложены дальнѣйшіе разговоры друзей о религіи — не извѣстно. Іеронимъ упоминаетъ объ извѣстномъ въ его время подъ именемъ Минуція Феликса сочиненіи «о судьбѣ или противъ астрологовъ», и Минуцій въ гл. 36 устами Октавія «обѣщаетъ разсуждать въ другомъ мѣстѣ о судьбѣ обстоятельнѣе», но это сочиненіе, которое впрочемъ Іеронимъ не признавалъ подлиннымъ, не дошло до насъ.

Сочиненіе Минуція Феликса заслуживаетъ особеннаго вниманія не столько положительнымъ раскрытіемъ содержанія и внутренней силы христіанской истины, сколько тѣмъ, что въ послѣдовательномъ и живомъ изложеніи представляетъ все, что говорили съ одной стороны образованные язычники II вѣка противъ христіанской Вѣры и въ защиту языческой религіи, а съ другой образованные между христіанами—въ отпоръ обвиненіямъ и доводамъ язычниковъ (**).

Свящ. П. Преображенскій.

(*) Нѣкоторые думаютъ, что этотъ Цецилій по обращеніи въ христіанство былъ карѳагенскимъ священникомъ и обратилъ къ вѣрѣ св. Кипріана. По крайней мѣрѣ Кипріанъ въ своемъ сочиненіи «о суетности идоловъ» сдѣлалъ значительныя выписки отъ 20—28 гл. Октавія.

(**) Сочиненіе М. Феликса долгое время хранилось между рукописями Ватиканской библіотеки, доколѣ Папа Левъ X не подарилъ ее франц. королю Францу I, и оно поступило въ Парижскую библіотеку. По этому кодексу оно было въ первый разъ издано въ Римѣ въ 1543 г., по ошибкѣ чтенія, какъ восьмая (octavus lib.) книга сочиненія Арновія противъ язычниковъ. Балдуинъ исправилъ эту ошибку въ своемъ изданіи 1560 г. Въ изданіи Патрологіи Миня оно помѣщено въ 3 томѣ лат. писателей.

ОКТАВІЙ

МАРКА МИНУЦІЯ ФЕЛИКСА.

I. Когда я предаюсь размышленію и вспоминаю объ Октавіѣ—этомъ добромъ и вѣрномъ моемъ другѣ, я испытываю такое наслажденіе и прихожу въ такое состояніе, что кажется, самъ возвращаюсь въ прошедшее, а не въ памяти только вызываю представленіе о минувшихъ, прожитыхъ временахъ. Образъ его тѣмъ сильнѣе напечатлѣлся въ сердцѣ и во всѣхъ моихъ чувствахъ, чѣмъ дальше сталъ отъ моихъ глазъ. И не напрасно разлука съ такимъ превосходнымъ, благочестивымъ человѣкомъ оставила во мнѣ безмѣрное сожалѣніе. Онъ и самъ любилъ меня такъ горячо, что какъ въ нашихъ забавахъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ его желанія были согласны съ моими. Можно было подумать, что въ насъ обоихъ была одна душа. Онъ былъ повѣренный въ моихъ увлеченіяхъ, товарищъ въ заблужденіяхъ, и наконецъ когда я съ разсѣяніемъ мрака перешелъ изъ тьмы невѣденія къ свѣту мудрости и истины,

Октавій въ этомъ дѣлѣ не только не отсталъ отъ меня, но что̀ еще похвальнѣе—опередилъ. Итакъ когда я въ своемъ воспоминаніи переношусь къ времени нашей совокупной дружной жизни, то прежде всего останавливаетъ на себѣ мое вниманіе та бесѣда, которую Октавій велъ однажды съ Цецилiемъ, зараженнымъ суевѣріемъ язычества, и которая убѣдительностію своею обратила его къ истинной религіи.

II. Для свиданія со мною, а также и по собственнымъ дѣламъ Октавій прибылъ въ Римъ, онъ оставилъ свой домъ, жену и дѣтей — дѣтей, которые находились еще въ невинномъ младенческомъ возрастѣ, когда они начинаютъ только произносить полуслова и ихъ запинающійся лепетъ имѣетъ столько прелести. Какъ велика была моя радость при встрѣчѣ съ Октавіемъ—этого нельзя выразить словами, тѣмъ болѣе, что ее усиливала самая неожиданность прибытія моего друга. Спустя два дня, которые мы провели во взаимномъ изліяніи дружескихъ чувствъ и въ разсказахъ о другъ другѣ всего, что случилось съ нами во время нашей разлуки, мы сговорились отправиться въ Остію,—одну прекрасную мѣстность, гдѣ я пользовался морскими купаньями пріятными и благотворными для поправленія моего разстроеннаго здоровья. Послѣ трудовъ по судебнымъ занятіямъ наступила для меня свобода въ пору собиранія винограда въ это время осень съ пріятною прохладою смѣняла жаркое лѣто. Итакъ на разсвѣтѣ мы отправились гулять по морскому берегу, чтобы подышать свѣжимъ, столь укрѣпляющимъ тѣло воздухомъ и насладиться удовольствіемъ—ходить по мягкому песку, оставлявшему на себѣ слѣды шаговъ. Съ нами былъ Цецилій: на пути онъ замѣтивъ

статую Сераписа, по языческому обыкновенію, поднесъ свою руку къ губамъ и напечатлѣлъ на пальцахъ поцѣлуй.

III. Тогда Октавій сказалъ: не хорошо, братъ Маркъ, человѣка, который дома и внѣ дома находится съ тобой неразлучно, оставлять во мракѣ народнаго невѣденія, и допускать, что въ такой прекрасный день онъ преклоняется предъ камнями, которые только обдѣланы въ статуи, облиты благовоніями и украшены вѣнками: ты знаешь, что такое заблужденіе Цецилія относится какъ къ его, такъ не менѣе и къ твоему стыду.—Между тѣмъ какъ такимъ образомъ Октавій говорилъ мнѣ, мы прошли городъ и вышли на открытый морской берегъ. Легкія волны, забѣгавшія на песчаныя края берега, какъ будто углаживали ихъ для прогулки; море всегда волнующееся, даже и во время безвѣтрія, всплескивало на землю если не сѣдыми, пѣнистыми волнами, то легкими, колеблющимися струями; насъ необыкновенно восхищала игра волнъ, когда мы стояли на самой окрайнѣ воды: онѣ то приближаясь къ намъ, какъ бы ласкали наши ноги, то убѣгая безъ слѣда скрывались въ морѣ. Такимъ образомъ мы тихо шли по краю немного извилистаго берега, сокращая путь занимательными расказами. Октавій говорилъ намъ о своемъ плаваніи по морю. Когда мы среди разговора прошли довольно большое пространство, то тою же дорогою отправились въ обратный путь. Достигнувъ того мѣста, гдѣ находились вытянутые на берегъ небольшія суда, висѣвшія на бревнахъ, мы увидѣли мальчиковъ, которые задорясь другъ передъ другомъ бросали на море камешки. Эта игра состоитъ въ томъ, что берутъ на берегу небольшой кругловатый, вылощенный волнами камень; взявши

этотъ камень между пальцъ наклоняются, сколько можно ниже, почти до земли, и бросаютъ его надъ поверхностію воды, камень или скользитъ и катится по водѣ, когда онъ слегка бросается, или же онъ разсѣкаетъ сильныя волны, погружается, и опять поднимается, если ему данъ сильный толчекъ. Побѣда остается за тѣмъ изъ играющихъ, чей камень пролетаетъ бо́льшее пространство и чаще выскакиваетъ.

IV Октавій и я забавлялись такимъ зрѣлищемъ, но Цецилій совершенно не обратилъ вниманія на игры мальчиковъ, не смѣялся при видѣ этого состязанія: молчаливый, смущенный, въ сторонѣ отъ насъ, онъ показывалъ на лицѣ своемъ какой-то печальный видъ.—Что это значитъ? спросилъ я его. Отчего, Цецилій, я не узнаю твоей веселости? Гдѣ эта ясность, которая сіяла въ твоихъ глазахъ даже среди самыхъ серіозныхъ дѣлъ?—Цецилій отвѣчалъ: меня сильно безпокоятъ и колятъ слова Октавія, которыми онъ упрекнулъ тебя въ нерадѣніи, а чрезъ это непрямо, но тѣмъ сильнѣе обвинилъ меня въ невѣжествѣ. Я не хочу на этомъ остановиться: я требую у Октавія объясненія дѣла. Если онъ согласится вступить со мною въ споръ, то узнаетъ, что гораздо легче спорить въ кругу товарищескомъ, нежели разсуждать о предметѣ такъ, какъ разсуждаютъ Философы. Сядемъ на каменномъ валу, охраняющемъ купальни и вдающемся въ море, здѣсь можемъ и отдохнуть отъ пути и свободнѣе вести споръ —Мы сѣли, какъ было сказано; мнѣ предложили занять мѣсто между Октавіемъ и Цециліемъ не ради уваженія или порядка или почета, ибо дружба всегда принимаетъ и почитаетъ всѣхъ на-равнѣ, но чтобы я какъ посредникъ былъ

близко къ тому и другому, удобно слышалъ слова и раздѣлялъ спорящихъ. Тогда Цецилій началъ говорить такимъ образомъ.

V—.Хотя, братъ Маркъ. у тебя не остается никакого сомнѣнія относительно предмета. о которомъ мы споримъ, такъ какъ ты тщательно изслѣдовалъ тотъ и другой родъ жизни и, осудивъ одинъ, одобрилъ другой. но теперь ты долженъ вѣрно держать вѣсы правосудія и не склоняться по пристрастію на одну сторону, чтобы твое рѣшеніе не было дѣломъ твоихъ личныхъ чувствъ. а было основано на доводахъ спорящихъ. Итакъ если ты будешь присутствовать при нашемъ спорѣ какъ будто человѣкъ совершенно новый и чуждый той и другой сторонѣ, то легко будетъ доказать, что здѣсь, въ дѣлахъ человѣческихъ все сомнительно, неизвѣстно, невѣрно и только болѣе вѣроятно, нежели истинно. Не удивительно, что нѣкоторые, не желая трудиться надъ открытіемъ истины, скорѣе соглашаются съ какимъ-нибудь мнѣніемъ, нежели стараются о тщательномъ его изслѣдованіи. Тѣмъ болѣе достойно негодованія или соболѣзнованія то, что нѣкоторые, необразованные невѣжды, чуждые понятія о самыхъ простыхъ искусствахъ, осмѣливаются разсуждать о сущности вещей и Божествѣ, о чемъ въ продолженіе столькихъ вѣковъ спорятъ между собою философы различныхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, ограниченности человѣческаго ума такъ далеко до познанія Бога, что ему недоступно ни то, что находится надъ нами на небѣ, ни то, что заключено въ глубокихъ нѣдрахъ земли; ему не дано это знать и постигать, и даже нечестиво пытаться проникать въ эти тайны. По справедливости мы могли бы считаться довольно

но счастливыми, довольно благоразумными, еслибы, слѣдуя древнему изреченію мудреца, больше занимались познаніемъ самихъ себя. Но если предаваясь безсмысленному и напрасному труду, мы заходимъ гораздо далѣе, чѣмъ сколько позволяетъ намъ наша ограниченность; если поверженные на землю, переносимся въ своихъ дерзскихъ порывахъ на самое небо, къ самымъ звѣздамъ, то по крайней мѣрѣ къ этому заблужденію не станемъ придумывать еще пустыхъ и страшныхъ призраковъ. Все произошло изъ первоначальныхъ элементовъ, существовавшихъ въ нѣдрѣ природы: какой же тутъ творецъ Богъ? Всѣ части вселенной образовались, расположились одна подлѣ другой и устроились отъ ихъ случайнаго столкновенія: какой же тутъ устроитель Богъ? Огонь зажегъ звѣзды; образовалъ небо изъ своего вещества, утвердилъ землю посредствомъ тяжести, привлекъ въ море жидкости: къ чему же религія, этотъ страхъ предъ божествомъ, это суевѣріе?? Человѣкъ и всякое животное, которое родится, питается и дышетъ, суть не иное что, какъ произвольное соединеніе элементовъ, на которые какъ человѣкъ такъ и животное опять разрѣшаются, разлагаются и наконецъ исчезаютъ; такимъ образомъ все опять приходитъ къ своему источнику, возвращается къ своимъ началамъ безъ всякаго художника, безъ распорядителя, безъ творца. Соединеніе элементовъ огня производитъ то, что различныя свѣтила всегда сіяютъ надъ землею, вслѣдствіе того, что изъ земли поднимаются испаренія, являются облака; отъ сгущенія сихъ послѣднихъ происходятъ тучи; отъ паденія этихъ тучъ идетъ дождь, дуетъ вѣтеръ, падаетъ градъ, отъ столкновенія различныхъ тучъ происходитъ громъ, удары и блескъ

молніи. Эти молніи падаютъ во всякомъ мѣстѣ, ударяются въ горы, въ деревья. безъ разбора поражаютъ храмы и дома, убиваютъ порочныхъ людей, не щадя часто и благочестивыхъ. Что сказать объ этихъ разнообразныхъ неожиданныхъ явленіяхъ, которые безъ порядка, безъ разбора разрушаютъ теченіе всего существующаго? Во время кораблекрушенія одинакова судьба добрыхъ и злыхъ безъ всякаго разбора заслугъ тѣхъ и другихъ. Въ пожарахъ одинаково погибаютъ невинные и преступные. Когда свирѣпствуетъ въ воздухѣ какая-нибудь губительная зараза, всѣ умираютъ безъ разбора. Среди неистовствъ войны лучшіе люди погибаютъ скорѣе другихъ. Во время мира порокъ идетъ рядомъ съ добродѣтелью и даже бываетъ въ почетѣ, такъ что во многихъ случаяхъ не знаешь, гнушаться ли пороками худыхъ людей или завидовать ихъ счастію. Еслибы міромъ управляли провидѣніе божественное и воля какого-нибудь божества, то никогда бы Фаларисъ и Діонисій неудостоились бы царства, Рутилій и Камиллъ не были бы наказаны ссылкою и Сократъ принужденъ умереть отъ яда. Вотъ покрытые плодами деревья, вотъ созрѣвшій хлѣбъ, спѣлый виноградъ повреждаются дождемъ, побиваются градомъ. Или истина сокрыта во мракѣ неизвѣстности, или же, что всего вѣроятнѣе, всѣмъ управляетъ безъ всякихъ законовъ непостоянный своенравный случай.

VI. Когда такимъ образомъ по всюду встрѣчаешь или рѣшительный случай, или таинственную природу, то не лучше ли всего и почтеннѣе слѣдовать урокамъ предковъ, какъ залогамъ истины, держаться преданной религіи, почитать боговъ, которыхъ родители внушили бояться прежде, чѣмъ мы ближе узнали ихъ? Не слѣдуетъ намъ разсуждать

о богахъ, а должно вѣрить предкамъ, которые въ вѣкъ еще простой и близкій къ началу міра, удостоились имѣть этихъ боговъ благодѣтелями или царями. Мы видимъ, что во всѣхъ государствахъ, провинціяхъ, городахъ народы имѣютъ свои отдѣльные священные обряды, и почитаютъ своихъ мѣстныхъ боговъ, напр. Элевзинцы Цереру, Фригійцы Цибелу, Эпидавряне Эскулапа, Халдеи Бела, Сирійцы Астарту, Тавряне Діану, Галлы Меркурія, Римляне—всѣхъ этихъ боговъ. Власть и могущество Римлянъ обнимаетъ весь міръ простирается за предѣлы океана, далѣе путей солнечныхъ,—за то, что они даже на войнѣ показываютъ свою религіозность, укрѣпляютъ города построеніемъ храмовъ, учрежденіемъ непорочныхъ дѣвъ, предоставленіемъ жрецамъ многихъ почестей; даже осажденные и заключенные въ одномъ Капитоліи, они чтутъ разгнѣванныхъ боговъ, которыхъ иной оставилъ бы давно въ пренебреженіи; безоружные, но вооруженные только благочестіемъ, они проходятъ сквозь войска Галловъ, изумленныхъ ихъ необыкновенной смѣлостію; въ упоеніи побѣды, въ стѣнахъ вражескихъ они преклоняются предъ побѣжденными божествами, ищутъ повсюду чужестранныхъ боговъ и дѣлаютъ ихъ своими, строятъ жертвенники даже неизвѣстнымъ божествамъ. Такимъ образомъ, перенося къ себѣ религіозные культы всѣхъ народовъ, Римъ заслужилъ быть царемъ міра. Отсюда религіозный строй, который непрерывно сохранялся и съ продолженіемъ вѣковъ не умалялся, но возросталъ, ибо святость обрядовъ и священныхъ учрежденій тѣмъ болѣе возвышается, чѣмъ они древнѣе.

VII. Впрочемъ, я не боюсь признаться, что если и ошибаюсь, я предпочитаю мое заблужденіе вашему. Не на-

прасно наши предки съ такимъ тщаніемъ наблюдали предсказанія авгуровъ, обращались къ гаданіямъ по внутренностямъ животныхъ, воздвигали храмы, устрояли жертвенники. Посмотри въ историческіе книги, и ты узнаешь, какъ они совершали священные обряды всѣхъ религій, чтобы возблагодарить боговъ за ихъ милость, или отвратить угрожающій божескій гнѣвъ или умилостивить гнѣвъ, уже постигшій своею яростію и казнями. Слова мои подтверждаютъ—мать боговъ Идея (1), которая по прибытіи своемъ въ Италію засвидѣтельствовала цѣломудріе одной римской женщины и освободила городъ отъ страха непріятелей; а также статуи, поставленныя въ честь двухъ братьевъ, на берегу озера, какъ они явились, когда на дымящихся и покрытыхъ пѣною коняхъ возвѣстили о побѣдѣ надъ Персеемъ въ тотъ самый день, въ который была одержана побѣда. Свидѣтельствуюсь учрежденіемъ игръ въ честь разгнѣваннаго Юпитера, явившагося во снѣ одному человѣку изъ плебеевъ; свидѣтельствуюсь извѣстнымъ самоотверженіемъ Деціевъ и Курція, бросившагося на своемъ конѣ въ отверстіе глубокой пропасти. А наши презираемыя гаданія даже чаще, чѣмъ мы хотѣли, засвидѣтельствовали присутствіе боговъ. Отъ того-то имя рѣки Алліи (2) такъ несчастно; предпріятіе Клавдія и Юнія противъ Карѳагенцевъ было нестолько сраженіемъ сколько рѣшительнымъ пораженіемъ. Тразименское озеро обагрилось кровію Римлянъ потому, что Фламиній презрѣлъ га-

---

(1) *Идея* (Idaea) есть одно изъ названій Реи Цибелы, матери боговъ.

(2) *Аллія* — небольшая впадающая въ Тибръ рѣчка, гдѣ Римляне потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ Галловъ въ 390 г. до Р. Хр.

данія авгуровъ. Крассъ за насмѣшки надъ фуріями, заслуживъ ихъ гнѣвъ, заставилъ насъ выручать наши знамена у Парѳянъ. Не стану говорить о многочисленныхъ событіяхъ временъ отдаленныхъ, опущу также и пѣсни поэтовъ о рожденіи боговъ, ихъ милостяхъ и благодѣяніяхъ, пройду молчаніемъ и предсказанія оракуловъ, чтобы не показалась вамъ древность слишкомъ баснословною. Обрати вниманіе на храмы и капища, которые служатъ вмѣстѣ и украшеніемъ и огражденіемъ Рима. Онѣ священны болѣе тѣмъ, что въ нихъ присутствуютъ боги туземные или чужестранные, нежели тѣмъ, что они богаты драгоцѣнными украшеніями и дарами. Оттого близкіе къ Богу вдохновенные прорицатели предсказываютъ будущее, предупреждаютъ объ опасностяхъ, подаютъ исцѣленіе больнымъ, надежду удрученнымъ скорбію, помощь бѣднымъ, утѣшеніе несчастнымъ, облегченіе трудящимся. Даже во время покоя ночнаго мы видимъ, слышимъ, узнаемъ боговъ, которыхъ днемъ нечестиво отвергаемъ и ложно призываемъ въ клятвахъ.

VIII. Итакъ хотя природа и происхожденіе боговъ неизвѣстны намъ, однако всѣ народы согласно и твердо увѣрены въ ихъ существованіи, такъ, что я не могу выносить такой дерзости, нечестиваго безразсудства тѣхъ людей, которые стали бы отвергать или разрушать религію столь древнюю, столь полезную и спасительную. Пусть Ѳеодоръ Киренскій, или жившій прежде его Діагоръ Мелійскій, которому древность дала прозваніе безбожника, не признавая никакихъ боговъ, пытались разрушить всякое благоговѣніе, всякій страхъ, на которомъ зиждется человѣческое общество, однако тѣ философскія системы, которыя

слѣдуютъ этому нечестивому ученію, никогда не будутъ пользоваться славою и уваженіемъ. Протагоръ Авдеритянинъ болѣе дерзко, чѣмъ нечестиво разсуждавшій о богахъ, былъ Аѳинянами выгнанъ изъ ихъ предѣловъ, а сочиненія его были ими публично преданы соженію. И не должно ли глубоко сожалѣть,—я надѣюсь, что вы позволите мнѣ въ порывѣ негодованія говорить съ большею свободою,—не слѣдуетъ ли сожалѣть о томъ, что дерзко возстаютъ противъ боговъ люди жалкой, запрещенной, презрѣнной секты, которые набираютъ въ свое нечестивое общество послѣдователей изъ самой грязи народной, изъ легковѣрныхъ женщинъ, заблуждающихся по легкомыслію своего пола, люди, которые въ ночныхъ собраніяхъ съ своими торжественными постами и безчеловѣчными яствами ([3]) сходятся не для священныхъ обрядовъ, но для скверностей. Это — люди скрывающіеся, бѣгающіе свѣта, нѣмые въ обществѣ, говорливые въ своихъ убѣжищахъ! Они презираютъ храмы, какъ гробницы боговъ, отвергаютъ боговъ, насмѣхаются надъ священцыми обрядами; милосердуютъ о бѣдныхъ, если возможно,—сами полунагіе пренебрегаютъ почестями и багряницами жрецовъ. Удивительная глупость, невѣроятная дерзость! Они презираютъ мученія, которые предъ ихъ глазами, а боятся неизвѣстнаго и будущаго, они не страшатся смерти, но боятся умереть послѣ смерти. Такъ обольщаетъ ихъ обманчивая надежда вновь ожить и заглушаетъ въ нихъ всякій страхъ.

IX. Такъ какъ нечестіе разливается скорѣе при помощи

([3]) Разумѣется обвиненіе христіанъ въ яденіи человѣческаго мяса.

все болѣе усиливающагося съ каждымъ днемъ развращенія нравовъ, то ужасныя святилища этого нечестиваго общества умножаются и наполняются по всему міру. Надо его совсѣмъ искоренить, уничтожить. Эти люди узнаютъ другъ друга по особеннымъ тайнымъ знакамъ и питаютъ другъ къ другу любовь, не будучи даже между собою знакомы; вездѣ между ними образуется какая-то какъ бы любовная связь, они называютъ другъ друга безъ разбора братьями и сестрами для того, чтобъ обыкновенное любодѣяніе чрезъ посредство священнаго имени сдѣлать кровосмѣшеніемъ: такъ хвалится пороками ихъ пустое и безсмысленное суевѣріе. Если бы не было въ этомъ правды, то проницательная молва не приписывала бы имъ столь многихъ и отвратительныхъ злодѣяній. Слышно, что они не знаю по какому нелѣпому убѣжденію почитаютъ голову самаго низкаго животнаго, голову осла (4): религія достойная тѣхъ нравовъ, изъ которыхъ она произошла! Другіе говорятъ что эти люди почитаютъ... своего предстоятеля и священника (5), и благоговѣютъ какъ бы предъ дѣйствительнымъ своимъ родителемъ. Не знаю, можетъ быть все это ложно, но

---

(4) Обвиненіе христіанъ въ почитаніи головы осла, по словамъ Тертулліама, распространено Тацитомъ, который въ своей исторіи говорилъ объ іудеяхъ, будто іудеи, истомленные жаждою во время странствованія въ пустыняхъ Аравіи, нашли источникъ по указанію ословъ и за то боготворили осла. Это мнѣніе распространено и на христіанъ, по смѣшенію ихъ съ іудеями. Тертул Apolog. 16, ad nat. 1, 11

(5) Въ подлинникѣ: ferunt ipsius antistitis ae saserdotis colere genitalia. Поводокъ къ такому обвиненію послужило, вѣроятно, уваженіе къ пастырямъ церкви, какъ духовнымъ отцамъ, цѣлованіе ихъ руки и особенно припаданіе кающихся на колѣна предъ пресвитерами.

подозрѣніе очень оправдывается ихъ тайными, ночными священнослуженіями. Говорятъ также, что они почитаютъ человѣка, наказаннаго за злодѣяніе страшнымъ наказаніемъ, и безславное древо креста значитъ, они имѣютъ алтари приличные злодѣямъ и разбойникамъ, и почитаютъ то, чего сами заслуживаютъ. То, что говорятъ объ обрядѣ принятія новыхъ членовъ въ ихъ общество, извѣстно всѣмъ и не менѣе ужасно. Говорятъ, что посвящаемому въ ихъ общество предлагается младенецъ, который, чтобъ обмануть неосторожныхъ, покрытъ мукою. и тотъ обманутый видомъ муки, по приглашенію сдѣлать будто невинные удары, наноситъ глубокія раны, которыя умерщвляютъ младенца, и тогда,—о нечестіе! присутствующіе съ жадностію пьютъ его кровь и раздѣляютъ между собою его члены. Вотъ какою жертвою скрѣпляется ихъ союзъ другъ съ другомъ, и сознаніе такого злодѣянія обязываетъ ихъ къ взаимному молчанію. Такія священнодѣйствія ужаснѣе всякихъ поруганій святыни. А ихъ вечери извѣстны; объ этомъ говорятъ всѣ, объ этомъ свидѣтельетъ рѣчь нашего Циртинскаго оратора (6). Въ день солнца они собираются для общей вечери со всѣми дѣтьми, сестрами, матерями, безъ различія пола и возраста. Когда послѣ различныхъ яствъ пиръ разгорится и вино воспла-

(6) Т. е. Корнелія Фронтона, который былъ родомъ изъ Цирты въ Нумидіи и написалъ сочиненіе противъ христіанъ. Онъ былъ преподавателемъ латинской словесности у Марка Антонина и Луція Вера. Его сочиненія недавно стали извѣстны, послѣ того какъ кардиналъ Май, открывшій ихъ въ Амвросіанской библіотекѣ, издалъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ Corn. Frontonis opera inedita cum epistolis item ineditis Antonini pii, M. Avrelii, L. Veri et Appiani. r. Но здѣсь нѣтъ рѣчи противъ христіанъ

менитъ въ нихъ жаръ любострастія, то собакѣ, привязанной къ подсвѣчнику, бросаютъ кусокъ мяса на разстояніи бо́льшемъ, чѣмъ длина веревки, которою она привязана: собака, рванувшись и сдѣлавъ прыжокъ, роняетъ и гаситъ свѣтильникъ.. . (7) Такимъ образомъ всѣ они, если не самымъ дѣломъ, то въ совѣсти дѣлаются кровосмѣсниками, потому что всѣ участвуютъ желаніемъ своимъ въ томъ, что можетъ случиться въ дѣйствіи того или другаго.

X. О многомъ я умалчиваю; потому что очень довольно уже и сказаннаго, а истинность всего или по крайней мѣрѣ большой части этого доказывается самою таинственностію этой развратной религіи. Въ самомъ дѣлѣ, для чего же они всячески стараются скрывать и дѣлать тайною для другихъ то, что они почитаютъ, когда похвальныя дѣла совершаются обыкновенно открыто, и скрываются только дѣла преступныя? Почему они не имѣютъ никакихъ храмовъ, никакихъ жертвенниковъ, ни общепринятыхъ изображеній? Почему они не осмѣливаются открыто говорить и свободно дѣлать свои собранія если не потому, что то, что́ они почитаютъ и такъ тщательно скрываютъ, достойно наказанія или постыдно? Да и откуда, что такое и гдѣ этотъ Богъ, единый, одинокій, пустынный, котораго не знаютъ ни одинъ свободный народъ, ни одно государство, или по крайней мѣрѣ римская набожность? Только одинъ несчастный народъ іудейскій почиталъ единаго Бога, но и то открыто,—имѣя храмы, жертвенники, священные обряды и жертвоприношенія, впрочемъ и этотъ Богъ не имѣлъ ни какой силы и мо-

(7) Въ латинскомъ подлинникѣ читается impudentibus tenebris nexus infandae cupiditatis involvunt per incertum sortis.

гущества такъ, что былъ вмѣстѣ съ своимъ народомъ покоренъ Римлянами. А какія диковины, какія странности выдумываютъ христіане! Они говорятъ, что ихъ Богъ, котораго они не могутъ ни видѣть, ни другимъ показать, тщательно слѣдитъ за нравами всѣхъ людей, дѣлами, словами и даже тайными помышленіями каждаго человѣка, всюду проникаетъ и вездѣ присутствуетъ; такимъ образомъ они представляютъ его постоянно безпокойнымъ, озабоченнымъ и безстыдно любопытнымъ, ибо онъ присутствуетъ при всякихъ дѣлахъ, находится во всякихъ мѣстахъ, и оттого занятый всѣмъ міромъ не можетъ обнимать его частей или развлеченный частями, обращать вниманіе на цѣлое. Но это еще не все: христіане угрожаютъ землѣ и всему міру съ его свѣтилами сожженіемъ, предсказываютъ его разрушеніе, какъ будто вѣчный порядокъ природы установленый божескими законами можетъ превратиться, связь всѣхъ элементовъ и составъ неба разрушиться, и громадный міръ, такъ крѣпко сплоченный, ниспровергнуться...

XI. Недовольствуясь этимъ нелѣпымъ мнѣніемъ, они прибавляютъ и другія старушичьи басни: говорятъ, что послѣ смерти опять возродятся къ жизни изъ пепла и праха: и съ непонятною увѣренностію принимаютъ эту ложь; подумаешь, что они уже въ самомъ дѣлѣ воскресли. Двойное зло, двойное безуміе! Небу и звѣздамъ, которыя мы оставляемъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ ихъ находимъ, они предвѣщаютъ уничтоженіе, себѣ же—людямъ умершимъ, разрушившимся, которые какъ рождаются такъ и умираютъ, обѣщаютъ вѣчное существованіе. По этой-то причинѣ они гнушаются костровъ для сожиганія мертвыхъ и осуждаютъ такой обычай погребенія; какъ будто тѣло,

если не будетъ предано огню, чрезъ нѣсколько лѣтъ не разложится въ землѣ само собою и не все ли равно звѣри ли разорвутъ тѣло, или море поглотитъ его, въ землѣ ли сгніетъ оно, или сдѣлается жертвою огня? Всякое погребеніе для тѣлъ, если они чувствуютъ, есть мученіе, а если не чувствуютъ, то самая скорость истребленія ихъ полезна. Вслѣдствіе такого заблужденія, они себѣ однимъ какъ добрымъ обѣщаютъ блаженную и вѣчную жизнь по смерти, а прочимъ, какъ нечестивымъ, вѣчное мученіе. Многое могъ бы я прибавить къ этому, если-бы не спѣшилъ окончить мою рѣчь Нечестивцы они сами,— объ этомъ я уже говорилъ и больше не стану. Но если бы даже я призналъ ихъ праведниками, то по мнѣнію большинства, судьба дѣлаетъ человѣка или добрымъ или порочнымъ: въ этомъ и вы согласитесь со мною. Ибо дѣйствія человѣческія, которыя другіе относятъ къ судьбѣ, вы приписываете Богу, такъ послѣдователями вашего ученія дѣлаются не всѣ люди произвольно, но только избранные Богомъ, слѣдовательно вы дѣлаете изъ Бога несправедливаго судью, который наказываетъ въ людяхъ дѣло жребія, а не воли. Однако я желалъ бы знать, безъ тѣла или съ тѣломъ и съ какимъ—новымъ или прежнимъ воскреснетъ каждый изъ васъ? Безъ тѣла? Но безъ него сколько я знаю, нѣтъ ума, ни души, нѣтъ жизни Съ прежнимъ тѣломъ? Но оно давно разрушилось въ землѣ. Съ новымъ тѣломъ? Въ такомъ случаѣ рождается новый человѣкъ, а не прежній возстановляется. Но вотъ уже прошло столько времени, протекли безчисленные вѣка, а ни одинъ изъ умершихъ не возвратился изъ преисподней, или наподобіе Протезилая хотя бы на нѣсколько часовъ,

только для того, чтобы дать намъ убѣдительный примѣръ воскресенія. Все это не иное что, какъ вымыслы разстроеннаго ума, нелѣпыя мечты, облеченныя лживыми поэтами въ прелестные стихи а вы легковѣрные не постыдились приписать вашему Богу

XII Вы не пользуетесь опытомъ настоящаго, чтобы убѣдиться въ обманчивости своихъ напрасныхъ надеждъ; подумайте, несчастные, пока еще живете о томъ что можетъ ожидать васъ по смерти. Большая часть изъ васъ, притомъ лучшая, какъ вы говорите, терпитъ бѣдность, страдаетъ отъ холода и голода, обременена тяжкимъ трудомъ, и вотъ Богъ допускаетъ это или будто не замѣчаетъ Онъ не хочетъ или же не можетъ помочь вамъ, значитъ, Онъ слабъ или несправедливъ. Не чувствуешь ли ты, мечтающій о будущей жизни послѣ смерти, своего положенія, когда тебя угнѣтаютъ бѣдствія, жжетъ лихорадка, терзаетъ какая-нибудь скорбь? Не чувствуешь ли тогда своей бренности? Несчастный, все обличаетъ тебя невольно въ твоей слабости, и ты не признаешься Но оставимъ говорить объ общихъ бѣдствіяхъ. Вотъ предъ вами угрозы, пытки, казни, и кресты, приготовленные уже не для того чтобы вы имъ поклонялись, а для вашего распятія, огни, о которыхъ вы пророчите и которыхъ вмѣстѣ боитесь: гдѣ же тотъ Богъ, который не оказываетъ помощи живымъ, а помогаетъ умершимъ возвратиться къ жизни? И не безъ вашего ли Бога Римляне достигли власти и господства надъ всѣмъ міромъ и надъ вами самими? Вы же между прочимъ, удрученные заботами и безпокойствомъ, чуждаетесь даже благопристойныхъ удовольствій, не посѣщаете зрѣлищъ, не присутствуете на праздникахъ

нашихъ, не участвуете въ общественныхъ пиршествахъ, гнушаетесь священныхъ игръ, жертвенныхъ яствъ и вина. Такъ вы отвергаете нашихъ боговъ и вмѣстѣ боитесь ихъ. Вы не украшаете своихъ головъ цвѣтами, не умащаете тѣла благовоніями,—вы бережете умащенія для погребенія мертвыхъ,—вы даже не украшаете вѣнками гробницъ: всегда блѣдные и запуганные, достойные жалости, впрочемъ со стороны нашихъ боговъ. Несчастные, вы и здѣсь не живете и тамъ не воскреснете. Но если въ васъ есть хоть нѣсколько здраваго смысла и благоразумія, перестаньте изслѣдовать тайны и законы вселенной, оставьте небесныя сферы, довольно для васъ, людей грубыхъ, невѣжественныхъ, необразованныхъ, и того, что находится подъ вашими ногами, кто не имѣетъ способности понимать земное, человѣческое, тому тѣмъ болѣе не должно изслѣдовать божеское.

XIII. Если же у васъ есть страсть къ философствованію, то пусть каждый подражаетъ, сколько можно, Сократу первому изъ мудрецовъ. Когда этому мужу предлагали вопросы о небесномъ, то онъ обыкновенно отвѣчалъ такъ. «что выше насъ, то не касается насъ» (8). По справедливости оракулъ засвидѣтельствовалъ превосходную мудрость Сократа, и Сократъ самъ чувствовалъ, что если онъ превознесенъ предъ всѣми, то не потому, чтобъ онъ зналъ все, а потому, что позналъ, что не знаетъ ничего. Итакъ въ признаніи невѣдѣнія заключается величайшая мудрость. Отсюда и получило свое начало умѣренное сомнѣніе Архезилая, Карнеада и очень многихъ академиковъ, относительно высшихъ вопросовъ. Такой

(8) Объ этомъ изреченіи Сократа упоминаютъ Лактанцій (lib. III, c. 19) и Іеронимъ (Apol. adv. Rufin. 8). Сн. Ксеноф. Memorabil

образъ философствованія безопасенъ для неученыхъ и славенъ для ученыхъ. Что же? Осторожность Симонида Милетскаго не достойна ли нашего удивленія и подражанія? Когда тиранъ Гіеронъ спрашивалъ этого философа, что̀ и какъ онъ думаетъ о богахъ, то Симонидъ сперва потребовалъ у него день на размышленіе, по прошествіи дня онъ выпросилъ два дня, потомъ еще два дня когда же наконецъ Гіеронъ хотѣлъ узнать причину такой медленности; Симонидъ сказалъ, что чѣмъ далѣе онъ предавался размышленію, тѣмъ темнѣе становилась для него истина И по моему мнѣнію, должно оставлять все сомнительное такъ, какъ оно есть; и, послѣ того какъ столько и такіе великіе люди остаются въ сомнѣніи, не должно дерзко и безразсудно бросаться съ своимъ мнѣніемъ въ другую сторону, чтобы не ввести нелѣпыхъ басенъ или не уничтожить всякой религіи.

XIV. Такъ говорилъ Цецилій, и улыбаясь,—потому что вылившаяся его рѣчь охладила жаръ его негодованія — присовокупилъ: что на мои слова осмѣлится сказать Октавій изъ поколѣнія Плавта ([9]), первый изъ хлѣбопековъ ([10]) и послѣдній изъ философовъ?—Погоди торжествовать, сказалъ я ему, надъ Октавіемъ. Не должно тебѣ ликовать своимъ краснорѣчіемъ прежде, нежели скажетъ свою рѣчь и тотъ и другой изъ споряшихъ, тѣмъ болѣе что вашъ споръ идетъ не о славѣ, а объ истинѣ. Твоя рѣчь живая и разнообразная весьма понравилась мнѣ. но

([9]) Намекъ на то, что Октавій задѣлъ Цецилія своимъ замѣчаніемъ на его привѣтствіе предъ статуей Сераписа

([10]) Намекъ на простоту христіанъ, которые по большей части были люди неученые, ремесленники и т п.

меня занимаютъ другія соображенія не о настоящемъ именно спорѣ, но вообще объ образѣ разсужденія, ибо отъ таланта спорящихъ, отъ ихъ краснорѣчія часто измѣняется положеніе самой очевидной истины. Это случается, какъ извѣстно, вслѣдствіе легкомыслія слушающихъ, которые красотою словъ отвлекаются отъ разбора самого дѣла и безъ разсужденія соглашаются со всѣмъ сказаннымъ: они не могутъ отличить ложь отъ истинны, не зная, что и въ невѣроятномъ бываетъ истина, и въ вѣроятномъ находится ложь Чѣмъ чаще приходится имъ вѣрить словамъ другихъ, тѣмъ легче они поддаются вліянію ловкихъ людей: такъ они постоянно обманываются по своему безразсудству. Вмѣсто того, чтобъ обвинять въ этомъ слабость своего сужденія, они жалуются на то, что все невѣрно, и осуждая все, готовы скорѣе все отвергнуть, чѣмъ разсуждать о предметахъ спорныхъ. Итакъ намъ нужно остерегаться, чтобы не питать ненависти ко всѣмъ разсужніямъ, какъ бываетъ со многими простыми людьми, которые доходятъ до отвращенія и ненависти ко всѣмъ людямъ. Люди слишкомъ довѣрчивые попадаютъ въ ловушку тѣмъ, которые имъ кажутся хорошими людьми, потомъ узнавъ такую ошибку, они становятся подозрительными ко всѣмъ, и боятся даже, какъ худыхъ людей, тѣхъ, кого могли бы считать весьма хорошими людьми. Такъ какъ во всякомъ спорномъ дѣлѣ встрѣчаются два обстоятельства: съ одной стороны истина по большей части бываетъ темна, а съ другой удивительная тонкость рѣчи при обиліи словъ принимаетъ видъ основательнаго доказательства, то мы будемъ внимательны и по возможности тщательно взвѣсимъ то и другое для того, чтобы хотя и пох-

валить искусство, но избрать, одобрить и принять только истину.

XV.—Ты, сказалъ мнѣ Цецилій, не исполняешь долга справедливаго судьи. Мнѣ очень обидно, что при началѣ важнаго спора ты подрываешь силу моей рѣчи, между тѣмъ какъ Октавій готовится только говорить.—Если онъ можетъ, отвѣчалъ я, пусть обдумываетъ ее: но замѣчанія, за которыя меня упрекаетъ, я предложилъ для общей пользы, если не ошибаюсь,—для того, чтобы по тщательномъ испытаніи произнести приговоръ, основываясь не на красотѣ рѣчи, но на твердости самого дѣла. Но не слѣдуетъ долѣе развлекать вниманіе твоею жалобою, а нужно въ совершенномъ молчаніи выслушать отвѣтъ нашего Октавія, который уже съ нетерпѣніемъ ждетъ своей очереди.

XVI.—Я буду говорить, началъ Октавій, сколько мнѣ позволятъ силы, ты же долженъ соединиться со мной для того, чтобы правдивыми словами, какъ чистою водою, смыть черныя пятна поруганій на насъ. Я не скрою, что еще съ самаго начала была мнѣ замѣтна неопредѣленность и шаткость въ мнѣніяхъ любезнаго Цецилія, такъ, что трудно рѣшить, затмилась ли твоя ученость или она пошатнулась вслѣдствіе заблужденія. То онъ говорилъ, что вѣритъ въ боговъ, то выражалъ сомнѣніе о нихъ, такъ что неопредѣленность его положенія не даетъ твердой опоры для моего отвѣта. Я не вѣрю, и не хочу думать, что бы мой Цецилій позволилъ себѣ это съ лукавымъ намѣреніемъ: простота его характера не мирится съ такою хитростію. Что же? Какъ незнающій истинной дороги останавливается въ недоумѣніи тамъ, гдѣ одна дорога развѣтляется на многія, и не рѣшается ни признать всѣ вѣрны-

ми, ни выбрать какую-нибудь одну, такъ неимѣющій твердаго сужденія объ истинѣ развлекается и колеблется въ своихъ мысляхъ, когда въ немъ посѣяно сомнѣніе И нисколько не удивительно, что Цецилій часто впадаетъ въ противорѣчія, и колеблется между мнѣніями противоположными одно другому Чтобы этого болѣе не было, я постараюсь его убѣдить и опровергнуть всѣ его слова, какъ ни многоразличны они. Какъ скоро будетъ утверждена и доказана одна истина, то не будетъ мѣста сомнѣнію и колебаніямъ относительно прочихъ Мой братъ высказалъ, что ему противно, возмутительно и больно то, что неученые, бѣдные, неискусные (христіане) берутся разсуждать о вещахъ небесныхъ; но онъ долженъ бы подумать, что всѣ люди, безъ различія возраста, пола и состоянія, созданы разумными и способными понимать, и что они не получили мудрость, какъ даръ счастія, но носятъ ее въ себѣ, какъ даръ природы; что даже мудрецы или тѣ, которые сдѣлались извѣстными, какъ изобрѣтатели искусствъ, прежде чѣмъ пріобрѣли себѣ славное имя своимъ талантомъ, считались людьми необразованными, неучеными, полунагими; что богатые, привязанные къ своимъ сокровищамъ, привыкли больше смотрѣть на свое золото, чѣмъ на небо, а наши въ своей бѣдности нашли истинное познаніе и научили другихъ. Отсюда видно, что умственныя дарованія не достаются по богатству, не пріобрѣтаются чрезъ прилежаніе, а раждаются вмѣстѣ съ происхожденіемъ самого духа. Посему нѣтъ ничего возмутительнаго или прискорбнаго въ томъ, что каждый занимается изслѣдованіемъ вещей божественныхъ, образуетъ свои мнѣнія и высказываетъ ихъ, такъ какъ дѣло состоитъ не въ

достоинствѣ изслѣдующихъ, а въ истинѣ изслѣдованія. Далѣе, чѣмъ безъискусственнѣе рѣчь, тѣмъ яснѣе доказательство, потому что оно не подкрашено блестящимъ краснорѣчіемъ и прелестію слова, но представлено въ своей естественной формѣ по руководству истины

XVII. Я вовсе не думаю противорѣчить Цецилію, который прежде всего старался показать, что человѣкъ долженъ познать себя и изслѣдовать—что̀ онъ такое, откуда и почему произошелъ: сложился ли изъ элементовъ, или произошелъ отъ сцѣпленія атомовъ, или всего лучше—онъ сотворенъ, образованъ и получилъ душу отъ Бога? Но мы не можемъ изслѣдовать и познать человѣка, не изслѣдуя всей совокупности предметовъ, потому что все такъ связно и находится въ такомъ единствѣ и сцѣпленіи, что если мы тщательно не изслѣдуемъ божественной природы, то не поймемъ человѣческой, точно также какъ не можешь быть хорошимъ дѣятелемъ на гражданскомъ поприщѣ, если вполнѣ не узнаешь этого общаго всѣмъ гражданства міра. Притомъ же главнымъ образомъ мы отличаемся отъ животныхъ тѣмъ, что они, наклоненные и обращенные къ землѣ, не способны видѣть ничего другаго кромѣ пищи, между тѣмъ какъ мы, имѣя лице обращенное впередъ, и взоръ устремленный на небо, и будучи одарены способностію говорить и умомъ, посредствомъ котораго мы познаемъ Бога, чувствуемъ Его и подражаемъ Ему,—мы не должны, не можемъ не знать небесной красоты, такъ поражающей наши глаза и всѣ чувства. Искать на землѣ того, что должно находить на высотѣ небесной, это самое оскорбительное святотатство. Тѣ люди, которые думаютъ, что весь этотъ благоустроенный

міръ не божественнымъ Разумомъ созданъ, а составился изъ извѣстныхъ частей, соединившихся между собою безъ всякой цѣли,—тѣ не имѣютъ, мнѣ кажется, ни разума, ни мысли, ни даже глазъ. Въ самомъ дѣлѣ если только поднимешь взоры на небо и разсмотришь то, что подъ нимъ и на немъ, то можетъ ли быть что-нибудь яснѣе и достовѣрнѣе той истины, что есть нѣкоторое Существо превосходнѣйшаго разума, которое проникаетъ, движетъ, сохраняетъ и направляетъ всю природу Посмотри на самое небо. Какъ широко оно раскинулось! Какое быстрое движеніе совершается тамъ! Посмотри на него ночью, когда оно испещрено звѣздами, или днемъ, когда оно сіяетъ яркими лучами солнца, и ты узнаешь, въ какомъ удивительномъ, божественномъ равновѣсіи держитъ его Верховный Управитель. Обрати вниманіе на то, какъ отъ движенія солнца происходитъ годъ, и какъ луна, то прибывая, то убывая, измѣряетъ мѣсяцы Говорить ли о постоянной смѣнѣ дня и ночи, которая назначаетъ намъ время для труда и отдыха? Но предоставимъ астрономамъ подробнѣе сказать о звѣздахъ, какъ онѣ управляютъ движеніями мореплавателей или опредѣляютъ время сѣянія и жатвы: все это не только не могло произойдти, образоваться и придти въ порядокъ безъ верховнаго Художника, безъ совершеннѣйшаго Разума, но даже не можетъ быть воспринято, изслѣдовано и постигнуто безъ величайшаго усилія и дѣятельности разума Что я скажу о столь правильно совершающихся перемѣнахъ временъ года и плодовъ? Не указываютъ ли намъ на своего Виновника весна съ своими цвѣтами, лѣто съ своими жатвами, осень съ спѣлыми и пріятными плодами и зима, изобилующая олива-

ми? Легко разстроился бы такой порядокъ если бы не поддерживался высшимъ Разумомъ. А какая предусмотрительность видна въ томъ, что даны намъ весна и осень съ своей средней температурой, чтобы зима не томила насъ только своимъ холодомъ и лѣто не палило своимъ жаромъ, и что незамѣтны и нечувствительны переходы изъ одного времени года въ другое! Обрати свое вниманіе на море—оно ограничивается закономъ берега! Посмотри, какъ всѣ растенія получаютъ свою жизнь изъ внутренности земли. Посмотри на вѣчно волнующійся океанъ на эти всегда струящіеся источники, на эти рѣки, никогда не останавливающіяся въ своемъ теченіи. Что сказать объ этихъ правильно расположенныхъ возвышеніяхъ горъ, объ извилинахъ холмовъ объ обширномъ протяженіи равнинъ? Что сказать о разнообразіи защиты животныхъ другъ противъ друга? Однѣ изъ нихъ вооружены рогами, другіе снабжены острыми зубами, третьи защищены копытами, четвертые имѣютъ острое жало, одни укрываются скоростію своего бѣга, другіе быстротою полета! Особенно же въ красотѣ нашего образа открывается, что Богъ есть художникъ: прямое положеніе, взоръ устремленный къ верху, глаза помѣщенные высоко какъ бы на сторожевой башнѣ и всѣ прочія чувства, расположенныя какъ бы въ укрѣпленіи.

XVIII. Но не будемъ останавливаться на частностяхъ, вообще должно сказать, что въ человѣческомъ составѣ нѣтъ ни одного члена, который не удовлетворялъ бы какой-либо нуждѣ и не служилъ бы къ украшенію. И, что всего удивительнѣе, при общемъ у всѣхъ насъ видѣ, каждый имѣетъ нѣкоторыя отличительныя черты. Такимъ

образомъ всѣ мы и похожи другъ на друга, и вмѣстѣ отличаемся одинъ отъ другаго. Что же сказать объ образѣ рожденія, о любви къ чадородію? Не вложено ли это Богомъ? Груди женщины съ приближеніемъ времени рожденія наполняются молокомъ, и какъ младенецъ въ утробѣ созрѣваетъ по мѣрѣ накопленія молока! Богъ печется не о цѣломъ только, но и о частяхъ. Напримѣръ Британія имѣетъ недостатокъ въ солнцѣ, но зато согрѣвается теплотою моря, окружившаго ее со всѣхъ сторонъ, рѣка Нилъ умѣряетъ сухость Египта, Евфратъ удобряетъ почву Месопотаміи: Индъ, говорятъ, увлажняетъ и дѣлаетъ плодородными страны Востока. Когда ты при входѣ въ какой-нибудь домъ видишь по всюду вкусъ, порядокъ, красоту, то конечно подумаешь, что имъ управляетъ хозяинъ и что онъ гораздо превосходнѣе, чѣмъ всѣ эти блага; подумай же, что и въ домѣ этого міра, когда смотришь на небо и на землю и находишь въ нихъ промышленіе, порядокъ и законъ—есть Господь и Отецъ всего, Который прекраснѣе самыхъ звѣздъ и частей всего міра. А когда нельзя сомнѣваться въ Провидѣніи, ты долженъ же изслѣдовать, управляется ли небесное царство властію одного или произволомъ многихъ. И этотъ вопросъ не трудно уяснить, когда размыслишь о земныхъ царствахъ, которыя суть образы небеснаго. Гдѣ царствованіе многихъ соправителей начиналось вѣрностію и кончилось безъ кровопролитія? Не говорю о Персахъ, по ржанію коней гадающихъ о власти, и опускаю баснословный разсказъ о братьяхъ Оиванцахъ; весьма извѣстна исторія о двухъ близнецахъ, споривщихъ о томъ, кому изъ нихъ владѣть хижиной и пастухами, всѣмъ также извѣстны войны между зятемъ и

тестемъ, удѣлъ столь обширной власти былъ слишкомъ малъ для двоихъ. Далѣе, посмотри: одинъ царь у пчелъ, одинъ вожатый у овецъ, одинъ предводитель у стада. Ужели же ты думаешь, что на небѣ раздѣлена верховная власть и раздроблено полномочіе этого истиннаго и божественнаго господства? Очевидно, что Богъ, Отецъ всѣхъ вещей, не имѣетъ ни начала ни конца, всему давая начало, Онъ Самъ вѣченъ; Онъ былъ прежде міра. Самъ будучи для себя міромъ. Онъ несущее вызвалъ къ бытію Своимъ Словомъ, привелъ въ порядокъ Своимъ разумомъ, совершилъ Своею силой Его нельзя видѣть, Онъ слишкомъ величественъ: Его нельзя осязать. Онъ слишкомъ тонокъ, Его нельзя измѣрить. Онъ выше чувствъ, безконеченъ, неизмѣримъ и во всемъ своемъ величіи извѣстенъ только Самому Себѣ: наше же сердце слишкомъ тѣсно для такого познанія, и потому мы тогда только Его оцѣниваемъ достойно, когда называемъ Его неоцѣненнымъ. Я скажу, какъ я думаю: кто мнитъ познать величіе Божіе, тотъ умаляетъ Его, а кто не хочетъ умалять Его, тотъ не знаетъ Его. И не ищи другаго имени для Бога· Богъ—Его имя. Тогда нужны слова, когда надо множество боговъ разграничить отдѣльными для каждаго изъ нихъ собственными именами. А для Бога Единаго имя Богъ—выражаетъ все Если я назову Его отцемъ, ты будешь представлять Его земнымъ, если назову царемъ, ты вообразишь Его плотскимъ; если назову господиномъ, ты будешь о Немъ думать, какъ о смертномъ. Но откинь въ сторону всѣ прибавленія именъ и увидишь Его славу. И не на моей ли сторонѣ всеобщее согласіе? Я слышу, какъ народъ простирая руки къ небу, никакого другаго имени не

употребляетъ, кромѣ «Бога», говоритъ «великъ Богъ, Богъ истиненъ, если Богу угодно» Что это—естественная рѣчь народа или слово вѣрующаго христіанина? И тѣ, которые хотятъ имѣть верховнымъ владыкою Юпитера, заблуждаются только касательно имени, но они согласны съ нами о единствѣ власти Поэты также прославляютъ «единаго Отца боговъ и людей» и говорятъ, что «такова душа у смертныхъ, какою создалъ ее Отецъ всего».

XIX Что можетъ быть яснѣе и справедливѣе словъ Мантуанскаго поэта Марона, который говоритъ, что изначала разумъ приводитъ въ движеніе и духъ животворитъ небо и землю и остальныя части міра, отсюда произошелъ человѣческій родъ, всѣ породы скота и всѣ прочія животныя. Потомъ въ другомъ мѣстѣ онъ этотъ разумъ и духъ называетъ Богомъ. Вотъ собственныя его слова: Богъ проникаетъ всюду на землѣ, въ морѣ и въ глубинѣ небесной. Отъ Него получаютъ бытіе и люди, и животныя, отъ Него огонь и дождь». Не такъ же ли точно и мы называемъ Бога Умомъ, Разумомъ, Духомъ? Пересмотримъ, если угодно, ученія философовъ, и мы увидимъ, что всѣ они, хотя въ различныхъ словахъ, но на самомъ дѣлѣ выражаютъ одну и туже мысль. Я опущу тѣхъ простыхъ и древнихъ мужей, которые за свои изреченія заслужили названіе мудрецовъ. Начну съ Ѳалеса Милетскаго, который первый изъ всѣхъ началъ разсуждать о вещахъ небесныхъ. Онъ считалъ воду началомъ вещей, а Бога тѣмъ Разумомъ, который образовалъ изъ воды все существующее. Мысль о водѣ и духѣ слишкомъ глубокая и возвышенная, чтобы могла быть изобрѣтена человѣкомъ, — она предана отъ Бога. Видишь, какъ мысль этого древнѣйшаго фило-

софа совершенно согласна съ нами. Далѣе Анаксименъ и послѣ Діогенъ Аполлонійскій Бога считали воздухомъ безконечнымъ и неизмѣримымъ. И мнѣніе этихъ философовъ о божествѣ похоже на наше. Анаксагоръ представляетъ Бога безконечнымъ Умомъ. По Пиѳагору Богъ, есть духъ разлитый во всей природѣ, отъ котораго получаютъ жизнь всѣ животныя. Извѣстно, что Ксенофанъ считалъ Бога безконечнымъ, имѣющимъ разумъ, а Антисѳенъ говорилъ, что хотя много народныхъ боговъ, но собственно главный Богъ одинъ. Спевзиппъ признавалъ Бога одушевляющею силою, которая управляетъ всѣмъ міромъ. Что же Демокритъ? Хотя онъ первый изобрѣлъ ученіе объ атомахъ, однако и онъ не называетъ ли Богомъ природу, посылающую образы предметовъ, и умъ, ихъ воспріемлющій? Стратонъ также называетъ природу Богомъ, и Эпикуръ, который представлялъ боговъ праздными, или вовсе не признавалъ ихъ бытіе, поставляетъ однако выше всего природу. Аристотель, хотя говорилъ различно, однако всегда держался мнѣнія о единой власти: ибо онъ называлъ Бога то разумомъ, то міромъ, или же подчинялъ міръ Богу. Гераклитъ Понтійскій также приписывалъ Богу высшій разумъ. Ѳеофрастъ, Зенонъ, Хризиппъ и Клеанѳъ, хотя расходились между собою въ мнѣніяхъ, однако единогласно признаютъ единство Провидѣнія. Клеанѳъ называлъ божество то умомъ, тодухомъ, то эѳиромъ, то разумомъ. Наставникъ его Зенонъ говоритъ, что начало всего есть естественный и божественный законъ, называемый то эѳиромъ, то разумомъ. И когда онъ говоритъ, что Юнона есть воздухъ, Юпитеръ—небо, Нептунъ—море, Вулканъ — огонь, и прочихъ боговъ подобнымъ образомъ возводитъ къ элементамъ, то обличаетъ и сильно подрываетъ

общее заблужденіе Точно также почти Хризиппъ считалъ Богомъ то разумную природу, то міръ, то неизбѣжную судьбу; онъ подражалъ Зенону, и въ физіологическомъ изъясненіи пѣсней Гезіода, Гомера и Орфея У Діогена Вавилонскаго мы находимъ цѣлую систему для изъясненія рожденія Юпитера, происхожденія Минервы и прочихъ, —и выходитъ, что это—имена вещей, а не боговъ. Ученикъ Сократа Ксенофонтъ говорилъ что образъ бытія истиннаго Бога для насъ недоступенъ и что посему недолжно стараться его познать. Аристонъ Хіосскій училъ, что Богъ непостижимъ. Оба они чувствовали величіе Божіе въ самомъ отчаяніи понять Его. Платонъ гораздо яснѣе и по содержанію и по выраженію изложилъ свое ученіе о божествѣ, и его можно было бы принять за небесное, еслибы только оно не было омрачено примѣсью народныхъ убѣжденій. Такъ въ Тимеѣ Платонъ говоритъ, что Богъ по самому своему имени есть отецъ всего міра, творецъ души, создатель неба и земли, что Его трудно познать по Его необъятному и безпредѣльному могуществу, и если познаешь Его, невозможно то высказать публично. Это ученіе весьма сходно съ нашимъ; ибо и мы признаемъ Бога, и называемъ Его отцомъ всего и никогда не говоримъ о Немъ публично, развѣ только когда насъ спрашиваютъ о Немъ.

XX. Я изложилъ мнѣнія почти всѣхъ философовъ, которыхъ лучшая слава въ томъ, что они хотя, различными именами, указывали единаго Бога, такъ-что иной подумаетъ, что или нынѣшніе христіане философы, или философы были уже тогда христіанами Если же міръ управляется Провидѣніемъ и ведется волею единаго Бога, то

намъ не должно впадать въ общее заблужденіе, и слѣдовать невѣжеству древнихъ, увлеченныхъ своими баснями, ибо оно опровергнуто мнѣніями ихъ же собственныхъ философовъ, которымъ принадлежитъ авторитетъ и древности и разумности. Наши предки были такъ легковѣрны, что безразсудно вѣрили разнымъ страннымъ выдумкамъ, каковы—Сцилла съ многими тѣлами, Химера въ различныхъ формахъ, Гидра возраждающаяся отъ нанесеныхъ ранъ, Центавры—смѣсь человѣка съ лошадью; вообще, что угодно было выдумать молвѣ, то наши предки охотно слушали. Что же сказать о нелѣпыхъ басняхъ—о превращеніяхъ людей въ птицъ и звѣрей, въ деревья и цвѣты: еслибъ это было когда-нибудь, то случалось бы и теперь, а такъ какъ это не можетъ быть, то значитъ, никогда и не было. Подобную же неразборчивость, легковѣріе и невѣжественную простоту наши предки оказали и въ принятіи боговъ: они воздавали благоговѣйное почтеніе своимъ царямъ, желали видѣть ихъ въ изображеніяхъ, старались увѣковѣчить ихъ память посредствомъ статуй, и что было принято ради утѣшенія, стало потомъ предметомъ священнымъ. Наконецъ, прежде нежели открылись сообщенія между странами земнаго шара и народы стали заимствовать другъ у друга обычаи и религіозные обряды, каждый народъ почиталъ своего основателя или знаменитаго военачальника, или цѣломудренную царицу, ставшую выше своего пола, или изобрѣтателя какого-нибудь искусства, какъ достойнаго доброй памяти гражданина. Такимъ образомъ они и воздавали награду почившимъ, и подавали примѣръ своимъ потомкамъ

XXI. Читай сочиненія историковъ или мудрецовъ и ты

согласишься въ этомъ со мною. Эвемеръ показываетъ, что всѣ божества суть люди обоготворенные за свои добродѣтели или за благодѣянія и разсказы летъ о времени ихъ рожденія, ихъ отечествѣ, ихъ гробницахъ по разнымъ землямъ напримѣръ Юпитерѣ Критскомъ, Аполлонѣ Дельфійскомъ, Изидѣ Фаросской и Церерѣ Элевзинской. Продикъ говорилъ, что были возводимы въ боговъ люди, которые во время своихъ странствованій принесли людямъ пользу своими открытіями. Мнѣніе Продика раздѣляетъ и Персей, который называетъ одними и тѣми же именами и открытыя произведенія земли и самыхъ открывателей ихъ, какъ это показываетъ изреченіе комика. Венера вянетъ безъ Вакха и Цереры Александръ великій, Македонскій, въ знаменитомъ письмѣ къ своей матери писалъ, что одинъ жрецъ, устрашенный его могуществомъ, открылъ ему тайну, что боги не что иное, какъ люди, и что Вулканъ былъ первый изъ обоготворенныхъ людей, а послѣ него тогоже удостоилось поколѣніе Юпитера. Обрати свое вниманіе на систръ ([11]) Изиды, привратившейся въ ласточку; посмотри на могилу Озириса или Сераписа, члены котораго были разбросаны, разсмотри наконецъ священныя мѣста, жертвоприношеніе и мистеріи, и ты найдешь тутъ трагическія развязки, смерть, погребенія, рыданія и скорбь несчастныхъ боговъ. Лишившись сына Изида предается скорби, плачетъ о немъ, ищетъ его вмѣстѣ съ обстриженными жрецами своими и Кинокефаломъ ([12]), и несчастные ея чтители также бьютъ себя въ грудь и раздѣляютъ скорбь неутѣшной матери: но какъ скоро

([11]) Систръ — металическая гремушка у египтянъ употреблявшаяся при служеніи Изидѣ для оплакиванія пропавшаго Озириса.

([12]) Кинокефалъ или Анубисъ — египетскій богъ, въ видѣ человѣка съ головою собаки, спутникъ и стражъ боговъ подобно греческому Меркурію.

нашли младенца, Изида радуется, жрецы восторгаются, и виновникъ находки Кинокефалъ торжествуетъ: такимъ образомъ они каждый годъ теряютъ то, что находятъ, и находятъ то, что теряютъ. Не смѣшно ли оплакивать то, что обожаемъ, обожать то, что оплакиваемъ? Этотъ культъ, бывшій нѣкогда у Египтянъ, нынѣ находится и у Римлянъ. Такъ Церера, съ зажженными факелами, со змѣемъ, горестная и разстроенная, ищетъ тамъ и сямъ свою дочь, Прозерпину похищенную внезапно и обезчещенную:—вотъ и Элевзинскія таинства А каковы священныя торжества въ честь Юпитера? Коза—его кормилица, и онъ младенецъ похищается отъ жаднаго отца для того, чтобы онъ не пожралъ его, корибанты производятъ шумъ кимвалами для того, чтобы отецъ не слышалъ крика младенца А когда Кибела Диндимская, стыдно говорить, не могла склонить къ прелюбодѣянію съ ней своего несчастнаго любимца, потому что была не красива и стала стара какъ мать многихъ боговъ, то оскопила его, чтобы сдѣлать бога евнуха Вотъ почему галлы (13) и евнухи чтутъ не искаженіемъ своего тѣла. Но это уже скорѣе мученія, а не священные обряды. Что же сказать о формахъ и внѣшнемъ видѣ вашихъ боговъ? Не выражается ли въ нихъ безобразіе и отвратительность вашихъ боговъ? Вулканъ—богъ хромой и немощный. Аполлонъ столько вѣковъ безбородый. Эскуланъ съ огромной бородой, не смотря на то, что сынъ юнаго Аполлона, Нептунъ съ глазами свѣтлозелеными. Минерва съ голубыми, Юнона съ бычачьими глазами: Меркурій съ крылатыми ногами, Панъ съ копыта-

(13) Галлы — оскопленные жрецы Цибелы.

ми, Сатурнъ съ кандалами на ногахъ; Янусъ съ двумя лицами какъ бы для того, чтобы ходить задомъ, Діана высоко подпоясанная охотница, Діана Ефесская имѣетъ огромныя груди, а Діана Тривія три головы и много рукъ. Далѣе, самъ Юпитеръ вашъ представляется то безбородымъ то имѣющимъ бороду,—называемый Аммонъ, имѣетъ рога. Капитолійскій—носитъ молніи, Юпитеръ Лаціаръ—обагренъ кровію, а къ Юпитеру Феретрію нельзя подойдти. Не буду говорить о множествѣ Юпитеровъ: столько чудовищъ Юпитера, сколько его именъ. Эригона повѣшена на петлѣ, какъ Дѣва между звѣздами, Касторы для того, чтобы жить, поперемѣнно умираютъ; Эскулапъ, для того чтобы явиться богомъ, убивается громомъ, Геркулесъ сожигается этейскими огнями, чтобы не быть болѣе человѣкомъ.

XXII. Вотъ басни и заблужденія, которыя наслѣдовали мы отъ невѣжественныхъ отцевъ. и что всего тяжелѣе, они составляютъ предметъ нашихъ занятій, нашего изученія, особенно же пѣснопѣній поэтовъ, которые весьма много повредили истинѣ своимъ авторитетомъ И потому справедливо Платонъ знаменитаго Гомера, прославленнаго и увѣнчаннаго, исключилъ изъ республики, которую онъ изобразилъ въ своемъ сочиненіи. Ибо этотъ преимущественно поэтъ при описаніи Троянской войны хотя и для забавы, вмѣшалъ вашихъ боговъ въ событія и дѣла человѣческія. Онъ раздѣлилъ ихъ на двѣ спорящія стороны, ранилъ Венеру, связалъ, ранилъ и обратилъ въ бѣгство Марса; разсказалъ о томъ, какъ Юпитеръ былъ освобожденъ Бріареемъ, чтобъ его не связали другіе боги; какъ онъ оплакалъ кровавыми слезами сына Сарпедона, котораго никакъ не могъ избавить отъ смерти, и какъ вос-

пламенившись любовію сильнѣе, чѣмъ съ другими любодѣйцами, предался сладострастію съ женою Юноною. Здѣсь Геркулесъ убираетъ навозъ, а Аполлонъ пасетъ скотъ Адмета. Нептунъ занимается построеніемъ стѣнъ Лаомедона и, несчастный строитель—не получаетъ награды за свои труды; тамъ на наковальнѣ куется молнія Юпитера вмѣстѣ съ оружіемъ Энея, между тѣмъ какъ молнія существовала задолго еще до рожденія Юпитера въ Критѣ, и пламени настоящей молніи не могъ сдѣлать ни одинъ циклопъ, и ея не могъ не страшиться и самъ Юпитеръ. Что же сказать объ изобличенномъ прелюбодѣяніи Марса и Венеры, или объ освященномъ на небѣ постыдномъ сладострастіи Юпитера съ Ганимедомъ? Все это передано для того, чтобы нѣкоторымъ образомъ оправдать пороки человѣческія Такія и тому подобныя выдумки и увлекательныя басни развращаютъ умы мальчиковъ, которые возрастаютъ подъ впечатлѣніями такихъ разказовъ и сохраняютъ ихъ до самыхъ зрѣлыхъ лѣтъ, и несчастные состарѣваются въ своихъ заблужденіяхъ, не достигая истины, которая доступна только ищущимъ ее. Сатурна, родоначальника этихъ боговъ всѣ писатели древности, какъ греческіе такъ и римскіе, выдаютъ за человѣка. Это знаютъ Непотъ и Кассій въ своей исторіи, объ этомъ говорятъ Таллъ и Діодоръ. Извѣстно, что Сатурнъ, убѣжавъ изъ Крита отъ преслѣдованія своего разгнѣваннаго сына, прибылъ въ Италію и, принятый тутъ гостепріимнымъ Янусомъ, будучи родомъ грекъ и образованъ, онъ научилъ здѣсь грубыхъ и невѣжественныхъ людей многому, наприм. искусству писать, дѣлать монету и употреблять разные инструменты. Онъ назвалъ страну, давшую

ему убѣжище, Лаціумъ (Latium) потому, что онъ безопасно скрылся въ ней (latuit), а городу далъ названіе Сатурніи по своему имени, равно какъ и Янусъ назвалъ свой городъ Яникулъ, чтобы оставить о себѣ память въ потомствѣ. Итакъ Сатурнъ какъ обыкновенный человѣкъ убѣжалъ, какъ человѣкъ скрывался; онъ отецъ человѣка и самъ также родился отъ человѣка. Онъ былъ выданъ за сына неба и земли, потому что въ Италіи не знали его родителей, такъ и въ настоящее время мы называемъ упавшими съ неба людей, которыхъ встрѣчаемъ неожиданно, и называемъ сынами земли людей неизвѣстныхъ и незнатныхъ. Сынъ Сатурна Юпитеръ, по удаленіи своего отца, сдѣлался царемъ въ Критѣ; здѣсь онъ и умеръ, и оставилъ послѣ себя дѣтей; и теперь еще можно видѣть пещеру Юпитера и его гробницу, и его человѣческая природа изобличается самыми священнодѣйствіями въ честь его.

XXIII. Безполезно останавливаться на каждомъ изъ другихъ боговъ въ частности и говорить о всемъ рядѣ ихъ поколѣнія, ибо доказанная смертность ихъ родоначальниковъ перешла по порядку преемства къ потомкамъ; но вы еще возводите въ боговъ людей послѣ ихъ смерти. Такъ Ромулъ—богъ по клятвопреступленію Прокула, и Юба, по желанію Мавровъ, также богъ, равно какъ и другіе цари, которые обоготворены не потому, чтобы они были признаваемы богами, но въ уваженіе заслугъ ихъ царствованія. Имъ даютъ, противъ ихъ воли, названіе боговъ; они желаютъ оставаться людьми; боятся и не хотятъ быть богами, хотя и находятся въ старческомъ возрастѣ. Боги не могутъ быть ни изъ умершихъ, ибо богъ не можетъ умереть, ни изъ родившихся, потому что все, что рождается умираетъ: а существо божественное не имѣетъ ни нача-

ла, ни конца своего бытія. Далѣе, если боги когда-нибудь родились, то почему они теперь не рождаются? Потому ли, что Юпитеръ состарѣлся, Юнона стала неплодною, и Минерва посѣдѣла не родивши? Или не потому ли прекратилось это рожденіе, что нынѣ не даютъ никакой вѣры подобнымъ выдумкамъ? Впрочемъ если бы боги и могли рождаться, но не могли бы умирать, въ такомъ случаѣ боговъ было бы больше, чѣмъ рожденныхъ людей, и небо и воздухъ не вмѣщали бы ихъ и земля не могла бы ихъ носить. Такимъ образомъ ясно, что они были люди, о которыхъ мы знаемъ, что они родились и умерли. Итакъ будетъ ли кто-нибудь смущаться, видя, что народъ публично молится и покланяется священнымъ изображеніямъ этихъ боговъ. когда умъ людей необразованныхъ плѣняется изящностію формъ, сообщенныхъ имъ искусствомъ, обольщается блескомъ золота, сіяніемъ серебра и бѣлизною слоновой кости? И если бы кто-нибудь подумалъ, съ какими истязаніями, какими инструментами обдѣлывается всякій идолъ, то покраснѣлъ бы отъ стыда, что онъ боится вещества, которое обдѣлывалъ художникъ, чтобы сдѣлать бога. Богъ деревянный—изъ какого-нибудь отрубка или кола обрубается, вытесывается, выстрагивается, а серебряный или золотой богъ чаще всего дѣлается изъ какого-нибудь нечистаго сосуда, какъ было у египетскаго царя. выковывается кузнечными молотами и получаетъ свою форму на наковальнѣ, а каменный высѣкается, обтесывается и дѣлается гладкимъ руками грязнаго работника, такой богъ нечувствуетъ низости своего происхожденія точно также, какъ не чувствуетъ почестей, воздаваемыхъ ему вашимъ поклоненіемъ. Если камень или дере-

во или серебро не составляютъ бога, то когда же онъ дѣлается имъ? Вотъ его отливаютъ, обдѣлываютъ, и высѣкаютъ, это еще не богъ, его спаиваютъ свинцомъ, устроиваютъ и воздвигаютъ, и это еще не богъ, вотъ его украшаютъ, воздаютъ ему почтеніе и молятся,—и онъ наконецъ становится богомъ, когда уже человѣкъ захотѣлъ и посвятилъ его.

XXIV. И какъ вашихъ боговъ цѣнятъ по своему естественному инстинкту безсловесныя животныя? Мыши, ласточки, коршуны знаютъ, что боги ваши не чувствуютъ; они гложутъ ихъ, садятся на нихъ и если не прогоняете, устрояютъ себѣ гнѣзда въ самыхъ устахъ вашего бога. Пауки ткутъ на лицѣ ихъ свою паутину и съ самой головы протягиваютъ свои нити, вы же ихъ обтираете, моете, скоблите: такъ заботитесь и вмѣстѣ боитесь тѣхъ, кого вы сами дѣлаете Никому изъ васъ не приходило на мысль, что прежде нужно познать Бога, а потомъ почитать Его, вы спѣшите безразсудно слѣдовать примѣру своихъ предковъ; вы хотите скорѣе соглашаться съ ложными мнѣніями другихъ, нежели вѣрить себѣ, вы ничего не знаете о томъ, чего боитесь: вотъ отъ чего въ серебрѣ и золотѣ освящено корыстолюбіе, бездушныя статуи, благодаря своей формѣ, стали священными, вотъ отчего произошло римское суевѣріе. Если разсмотрѣть обряды этого богопочтенія, то сколько найдемъ мы смѣшнаго, сколько достойнаго жалости. Жрецы ваши нѣкоторые ходятъ нагими въ жестокій холодъ, а другіе надѣвши одни шапки носятъ на себѣ древніе щиты, рѣжутъ себѣ кожу прося милостыню, и ходятъ съ богами по деревнямъ. Въ одни капища можно входить однажды въ годъ, а другія совсѣмъ запрещено видѣть Одно капище запрещено для мущины, другое для

женщины, при нѣкоторыхъ церемоніяхъ присутствіе раба—ужасное преступленіе, на однѣ статуи возлагаетъ вѣнки женщина одномужняя, на другихъ—бывшая за нѣсколькими мужьями, и съ большимъ стараніемъ изыскиваютъ такую, которая могла бы насчитать у себя больше прелюбодѣяній Но это еще не все. Иной дѣлаетъ возліянія своею собственною кровью и умоляетъ бога ранами, которыя наноситъ самому себѣ. Нелучше ли бы ему быть совершеннымъ нечестивцемъ, чѣмъ религіознымъ въ такомъ родѣ? А тотъ, кто рѣшился оскопить себя, не оскорбляетъ ли Бога, котораго думаетъ такимъ образомъ умилостивить? Ибо еслибы Богу были угодны скопцы, Онъ самъ создалъ бы ихъ Кто непонимаетъ, что эти люди больные, не имѣющіе здраваго разсудка, находятся въ гибельномъ заблужденіи и доставляютъ себѣ опору во множествѣ увлеченныхъ заблужденіемъ? Ибо обыкновенная защита заблужденія—во множествѣ заблуждающихся

XXV. Но вѣдь религія римлянъ, говоришь ты, положила основаніе ихъ могуществу, увеличила, и утвердила власть римскаго народа, что онъ обязанъ своимъ величіемъ не столько личной храбрости, сколько своему благочестію и религіи. Да, пресловутая римская справедливость видна съ самыхъ первыхъ временъ основанія государства. Не преступленіе ли соединило римлянъ, не неистовая ли жестокость дала имъ силу? Сначала Римъ служилъ убѣжищемъ для всякихъ людей, туда стекались разбойники, злодѣи, измѣнники, прелюбодѣи, убійцы. и самъ Ромулъ, ихъ царь и правитель, совершилъ братоубійство, чтобы превзойти въ злодѣяніи свой народъ. Вотъ первые начатки благочестиваго государства. Тотчасъ послѣ сего Римъ нагло похитилъ и обезчестилъ дочерей, изъ

которыхъ многія были уже обручены, и нѣкоторыхъ замужнихъ женщинъ и потомъ затѣялъ войну съ ихъ родителями, а своими тестями и пролилъ кровь своихъ родственниковъ Что можетъ быть безнравственнѣе, безчестнѣе, наглѣе такой злодѣйской дерзости? Затѣмъ общимъ дѣломъ Ромула и послѣдующихъ царей и вождей было сосѣдей сгонять съ ихъ земли, разрушать окрестные города съ храмами и алтарями, притѣснять плѣнныхъ, укрѣпляться посредствомъ обидъ другихъ и злодѣяній своихъ Все, что теперь Римляне имѣютъ, чѣмъ владѣютъ и пользуются,—все это добыча ихъ дерзости, всѣ храмы ихъ воздвигнуты изъ награбленнаго имущества, посредствомъ разрушенія городовъ, ограбленія боговъ и умерщвленія священниковъ. Смѣшно то, что римляне принимаютъ религію побѣжденныхъ народовъ и послѣ побѣды покланяются плѣннымъ богамъ, потому что воздавать божескія почести тому, что захватилъ навойнѣ, значитъ совершать святотатство, а не оказывать благоговѣніе предъ божествомъ. У римлянъ сколько побѣдныхъ торжествъ, столько дѣлъ нечестивыхъ, сколько взято трофеевъ у народовъ, столько сдѣлано ограбленій у боговъ. Итакъ римляне сильны не потому, что религіозны, но потому, что безнаказанно совершали святотатства. Они немогли имѣть навойнѣ своими покровителями тѣхъ боговъ, противъ которыхъ поднимали оружіе, и которымъ покланялись уже по достиженіи своей цѣли, т.-е. послѣ побѣды. И что могли сдѣлать для римлянъ тѣ боги, которые были безсильны защитить противъ ихъ оружія своихъ почитателей? Боги же собственно-римскіе хорошо извѣстны,—Ромулъ, Пикъ, Тиберинъ, Консъ, Пилюмнъ и Полюмнъ Таціи изобрѣлъ Клоацину и сталъ ее обожать. Гостиліи—Павора и Паллора; кромѣ сего не-

знаю кто-то обоготворилъ лихорадку (febris) Вотъ покровители Рима—суевѣріе, болѣзни и несчастія: между болѣзнями римлянъ и въ числѣ боговъ, конечно, можно еще помѣстить распутныхъ женщинъ: Аѣку Лавренцію и Флору. Эти-то боги, должно-быть, помогли римлянамъ распространить свое государство и побѣдить боговъ, которые почитались другими народами. Нельзя же предположить, чтобъ имъ помогли противъ этихъ народовъ Марсъ Оракійскій Юпитеръ Критскій, Юнона Аргосская или Самосская или Карѳагенская, Діана Таврическая, мать боговъ Цибела, наконецъ египетскія скорѣе чудовища, а не божества Развѣ, быть можетъ, они нашли у римлянъ болѣе чистыхъ дѣвъ, болѣе благочестивыхъ жрецовъ? Но не были ли наказаны очень многія дѣвы, какъ за страшное преступленіе, за любодѣяніе, которое онѣ совершали съ мущинами, конечно безъ вѣдома Весты, а другія избѣгли наказанія благодаря не большой чистотѣ своей, но болѣе счастливому распутству? Гдѣ же какъ не въ храмахъ и капищахъ, жрецы устрояютъ прелюбодѣйства, торгуютъ честью женщинъ, придумываютъ любодѣянія? Гораздо чаще въ жилищахъ жрецовъ, чѣмъ въ самыхъ распутныхъ домахъ, совершаются самыя неистовыя дѣла сладострастія. Между тѣмъ ассиріяне, мидяне, персы, даже греки и египтяне прежде римлянъ по устроенію Божію, долго владѣли царствами, не имѣя первосвященниковъ, ни жрецовъ Цереры или Марса, ни весталокъ, ни авгуровъ, ни цыплятъ въ клѣткѣ, которыхъ бы аппетитъ или отвращеніе къ пищѣ управляли судьбами государства.

XXVI. Теперь я перехожу къ римскимъ гаданіямъ и предсказаніямъ, которыя ты такъ тщательно собралъ и которыхъ пренебреженіе сопровождалось гибельными послѣдствіями, а наблюденіе—благополучными. По твоему, Клав-

дій, Фламиній и Юній потому потеряли свои войска, что не разсудили дождатся обычнаго топтанія цыплятъ ногами. А Регулъ? Не наблюлъ ли онъ авгурій, и однако взятъ былъ въ плѣнъ? Точно также, Манципъ хотя и уважилъ религіозный обычай, попалъ во власть врага Павелъ Эмилій при Каннахъ потерпѣлъ ужасное пораженіе, несмотря на то, что цыплята предвѣщали успѣхъ Цезарь пренебрегъ гаданіями, которыя воспрещали ему отправиться въ Африку прежде зимы, однако онъ легко переплылъ и побѣдилъ. Что же сказать мнѣ объ оракулахъ? Амфіарай предсказалъ, что будетъ послѣ его смерти, а незналъ, что жена измѣнитъ ему за ожерелье. Слѣпой Тирезій предсказывалъ будущее, а не видалъ настоящаго Энній сочинилъ насчетъ Пирра отвѣты Аполлона Пиѳійскаго, между тѣмъ какъ Аполлонъ давно уже пересталъ говорить стихи, и этотъ оракулъ ловкій и двусмысленный прекратилъ свое дѣло съ тѣхъ поръ, какъ люди стали менѣе легковѣрны и болѣе образованны. И Демосѳенъ, зная поддѣльность отвѣтовъ Пиѳіи, жаловался, что она держитъ сторону Филиппа. Но скажетъ ты, эти гаданія или оракулы иногда сбывались на дѣлѣ. Я могъ бы на это отвѣчать, что между множествомъ ложныхъ предсказаній какое-нибудь изъ нихъ могло случайно попасть на истинну, но я обращусь къ самому источнику лжи и заблужденія изъ котораго произошелъ весь этотъ мракъ, постараюсь глубже проникнуть въ него и яснѣе показать его! Есть лживые, нечистые духи, ниспадшіе съ небесной чистоты въ тину земныхъ страстей. Эти духи лишились чистоты своей природы, осквернивъ себя пороками, и для утѣшенія себя въ несчастіи—сами уже погибшіе не перестаютъ губить другихъ, сами поврежденные стараются распространить ги-

бельное заблужденіе, и отчужденные отъ Бога усиливаются всѣхъ удалить отъ Бога, вводя между людьми ложныя религіи. Что эти духи суть демоны, это знаютъ поэты, это говорятъ философы, это признавалъ и Сократъ, который принимался за дѣла или откладывалъ ихъ по внушенію присутствовавшаго при немъ демона. Чародѣи не только знаютъ демоновъ, но и при помощи ихъ совершаютъ всѣ свои продѣлки, похожія на чудо: по ихъ внушенію и вліянію, они производятъ свои чары, заставляютъ видѣть то, чего насамомъ дѣлѣ нѣтъ, или наоборотъ не видѣть того, что есть Первый изъ такихъ маговъ по словамъ и дѣламъ своимъ Сосѳенъ (14) съ подобающимъ благоговѣніемъ говоритъ объ истинномъ Богѣ, признаетъ ангеловъ, служителей и вѣстниковъ истиннаго Бога, и представляетъ ихъ присутствующими предъ Его престоломъ въ такомъ страхѣ, что они трепещутъ отъ мановенія, отъ взгляда Господа. Тотъ же магъ говоритъ о демонахъ земныхъ, блуждающихъ туда и сюда, враждебныхъ человѣчеству. Платонъ, который почиталъ труднымъ дѣломъ найти Бога, безъ труда говоритъ объ ангелахъ и демонахъ, и пытался въ своемъ разговорѣ «Пиръ» опредѣлить природу демоновъ: онъ думаетъ, что она есть нѣчто среднее между существомъ смертнымъ и безсмертнымъ, т. е. между тѣломъ и духомъ, и состоитъ изъ соединенія земной тяжести съ небесною эѳирностію и что отъ нея происходитъ въ насъ любовь, образуется въ сердцахъ человѣческихъ, возбуждаетъ чувства, волнуетъ наши жаланія и возжигаетъ жаръ страстей.

XXVII. Итакъ, эти нечистые духи, демоны, о которыхъ

---

(14) Вѣроятно Останъ, о которомъ упоминаетъ Плиній (lib XXX, c. 1) и Августинъ (de baptismo c. donat. l VI).

знали маги, философы и самъ Платонъ, скрываются въ статуяхъ и идолахъ, которые по ихъ внушенію пріобрѣтаютъ такое уваженіе, какъ будто въ нихъ присуствовало божество; они вдохновляютъ прорицателей, обитаютъ въ капищахъ, дѣйствуютъ на внутренности животныхъ, руководятъ полетомъ птицъ, управляютъ жребіями, произносятъ смѣшанныя съ ложью прорицанія. Они обманываются и обманываютъ то незная истины, то когда знаютъ, не открывая ея чтобы не погубить себя. Они-то отвращаютъ людей отъ неба къ землѣ, и отъ Бога къ веществу, возмущаютъ человѣческую жизнь, причиняютъ всѣмъ безпокойства, вселяясь тайно въ тѣла людей, какъ духи тонкіе, производятъ болѣзни, наводятъ страхъ на умы, искривляютъ члены, чтобы принудить людей почитать ихъ, за то, что будто они, насытившись кровью жертвъ и запахомъ ихъ мяса, исцѣлили тѣхъ, кому перестали вредить. Они-то суть и тѣ неистовствующіе, которыхъ вы видите на улицахъ, тѣ прорицатели, которые внѣ храмѣ такъ кружатся на землѣ, такъ волнуются, безумствуютъ. Въ нихъ одинаково подстрекательство демона, различны только предметы неистовства. Отъ нихъ происходитъ то, о чемъ ты немного прежде говорилъ: Юпитеръ требующій воснѣ игръ въ свою честь, Касторы являющіеся на коняхъ, лодка слѣдующая за поясомъ матроны. И большая часть изъ васъ знаютъ, что сами демоны признаются въ этомъ всякій разъ, когда мы изгоняемъ ихъ изъ тѣлъ заклинательными словами и жаромъ нашихъ молитвъ. Сатурнъ, Сераписъ и Юпитеръ и прочіе обожаемые вами демоны, удручаемые скорбію, высказываютъ, что̀ такое они, даже въ присутствіи нѣкоторыхъ изъ васъ, и не осмѣливаются солгать для прикрытія своего безславія. Повѣрьте этимъ свидѣтелямъ, которые истину говорятъ

вамъ о себѣ, что они демоны: заклинаемые именемъ единаго истиннаго Бога, они приходятъ въ сильный трепетъ, и или тотчасъ оставляютъ тѣла одержимыхъ ими или постепенно удаляются, смотря по вѣрѣ страждущаго или по желанію исцѣляющаго. Они страшатся приближенія христіанъ, хотя издали нападаютъ на нихъ посредствомъ васъ въ собраніяхъ вашихъ. Они, овладѣвая умами невѣжественныхъ людей и дѣйствуя на нихъ страхомъ, стараются втайнѣ возбудить противъ насъ ненависть, ибо естественно ненавидѣть тѣхъ, кого боимся, и сколько можно, вредить тѣмъ, кого страшимся. Такъ демоны овладѣваютъ умами и покоряютъ сердца людей и заставляютъ ихъ ненавидѣть насъ прежде, нежели люди узнаютъ насъ. Это для того, чтобы они, узнавши насъ, не стали намъ подражать или покрайней мѣрѣ не перестали насъ гнать.

XXVIII. Какъ несправедливо вы поступаете, когда произносите судъ о томъ, чего незнаете и не изслѣдовали: повѣрьте нашему раскаянію, потому что мы и сами такъ дѣлали, когда будучи прежде ослѣплены и ничего не видя, одинаково съ вами думали, будто христіане поклоняются чудовищамъ, ѣдятъ мясо младенцевъ и въ своихъ собраніяхъ предаются разврату, мы не понимали, что все это басни, пущенныя демонами, никогда неизслѣдованныя, ничѣмъ недоказанныя, что столько времени не находилось человѣка, который бы заявилъ объ этомъ, хотя бы и могъ разсчитывать не только на прощеніе за свое преступленіе, но и награду за свое открытіе, и такова невинность христіанъ, что они не стыдятся и не краснѣютъ, когда ихъ за то осуждаютъ, но жалѣютъ только о томъ, что раньше не были такими. Какіе-нибудь святотатцы, кровосмѣсники, даже отцеубійцы находили въ насъ защитниковъ и по-

кровителей, а относительно христіанъ, мы не думаяи вовсе выслушивать ихъ; иногда же, когда у насъ появлялась къ нимъ жалость, мы еще сильнѣе мучили ихъ, чтобы пытками принудить ихъ отказаться отъ своего исповѣданія, и избавить ихъ отъ смерти, и въ отношеніи къ нимъ мы дѣйствовали такъ не для того, чтобы добиться истины, но чтобы принудинь ко лжи. И если кто-нибудь послабѣе побѣжденый болью и мученіями пытокъ отрекался отъ своего христіанства, то мы дѣлались къ нему благосклонными, какъ будто, отказавшись отъ имени христіанина, онъ этимъ отреченіемъ заглаждалъ всѣ свои проступки. Невидите ли, что мы думали и дѣлали то же самое, что тенерь думаете и дѣлаете вы? Между тѣмъ, еслибы разумъ, а не внушеніе демоновъ, руководилъ нашими сужденіями, то надлежало бы принуждать христіанъ не отрекаться отъ своего имени, но признаться въ распутствѣ, въ безнравственныхъ обрядахъ, въ умерщвленіи младенцевъ. Такія-то басни демоны нашептываютъ въ уши невѣжественныхъ людей, чтобы поселить въ нихъ къ намъ страхъ и отвращеніе. И это неудивительно. такъ какъ человѣческая молва, которая всегда питается выдумками, истощается какъ скоро обнаружится истина, то демоны всячески стараются выдумывать и распространять ложные слухи? Здѣсь и источникъ той молвы, о которой ты говорилъ, будто христіане воздаютъ божескую честь ослиной головѣ. Кто же столько глупъ, что станетъ почитать такую вещь. Кто же такъ безсмысленъ, чтобы вѣрить этому почитанію? Развѣ вы, которые почитаете цѣлыхъословъ въ стойлахъ съ вашею богинею Епоною; которые такъ благочестиво пожираетеословъ вмѣстѣ съ Изидой; которые закалаете и почитаете головы воловъ и барановъ, которые наконецъ

ставите въ храмахъ боговъ представляющихъ смѣсь человѣка съ козломъ, съ лицомъ льва и собаки? Не обожаете ли вы вмѣстѣ съ египтянами и быка Аписа? И вы не отвергаете и ихъ священнодѣйствій въ честь змѣй, крокодиловъ и другихъ звѣрей рыбъ и птицъ, изъ которыхъ если кого-либо убьетъ кто, наказывается смертью. Тѣ же египтяне, а также многіе изъ васъ столько же боятся Изиды, сколько и остроты луковицъ, столько же страшатся Сераписа, сколько неприличныхъ звуковъ, выходящихъ изъ тѣла человѣка. Далѣе изобрѣтатель другой нелѣпой басни ([15]). . старается только взнести на насъ то, что бываетъ у нихъ. Это болѣе идетъ къ безстыдству тѣхъ людей, у которыхъ всякій полъ совершаетъ любодѣянія всѣми членами своего тѣла, гдѣ полное распутство носитъ названіе свѣтскости, гдѣ завидуютъ вольности распутныхъ женщинъ, гдѣ сладострастіе доходитъ до отвратительной гадости ([16]), гдѣ у людей языкъ скверенъ даже тогда, когда они молчатъ, гдѣ появляется уже скука отъ разврата прежде чѣмъ стыдъ. О ужасъ! Люди развратные совершаютъ такія дѣла, которыхъ не можетъ вынесть самый нѣжный возрастъ, къ которымъ не можетъ быть принуждено самое тяжкое рабство.

XXIX. О такихъ и тому подобныхъ безстыдныхъ дѣлахъ, намъ непозволено слушать, и многіе считаютъ низкимъ даже защищаться по ихъ поводу. А вы выдумаете на людей чистыхъ и цѣломудренныхъ то, чему мы и невѣрили бы, еслибы вы сами не представляли тому примѣровъ. Что же касается до того, что вы упрекаете насъ

([15]) Въ подлинникѣ читается. qui de adoratis sacerdotis vinibus fabulatur.

([16]) Въ подлинникѣ читается. que medios viros lambunt, libidinoso ore inguinibus inhaerescunt.

въ обожаніи преступнаго человѣка и его креста, то вы очень далеки отъ истины, когда думаете, чтобы преступникъ заслужилъ или простой человѣкъ могъ почитаться Богомъ. Поистинѣ тотъ достоинъ сожалѣнія, кто всѣ свои надежды возлагаетъ на смертнаго человѣка, потому что со смертію его прекращается и вся помощь съ его стороны. Египтяне же въ самомъ дѣлѣ выбираютъ себѣ человѣка, которому воздаютъ божескія почести, ему одному молятся, къ нему обращаются за совѣтомъ, въ честь его закалаютъ жертвы, и онъ будучи для другихъ богомъ, для себя самаго невольно есть человѣкъ. Ибо онъ не можетъ обмануть свого совѣсть, хотя обманываетъ другихъ. Низкое ласкательство не ограничивается тѣмъ, чтобы воздавать почтеніе царямъ и владыкамъ, какъ великимъ и избраннымъ людямъ, что совершенно прилично, но даетъ имъ имена боговъ, между тѣмъ какъ для доблестнаго мужа честь составляетъ истинную награду, а для добраго любовь — самую пріятную дань. Призываютъ этихъ людей какъ боговъ, преклоняются предъ ихъ статуями, возносятъ молитвы ихъ генію, т. е. демону, и считаютъ болѣе безопаснымъ дѣлать ложную клятву именемъ Юпитера, нежели своего царя. Мы не почитаемъ крестовъ и не желаемъ ихъ. ([17]) Вы можетъ быть имѣя деревянныхъ боговъ, почитаете и деревянные кресты, какъ составныя части вашихъ божествъ. Но самыя знамена ваши и разные знаки военные что, иное какъ не позлощенные и украшенные кресты? Ваши побѣдные трофеи имѣютъ видъ не только креста, но и разпятаго

([17]) Эти слова Октавія о крестѣ выражаютъ то, что христіане не поклоняются кресту такъ, какъ представлялъ это Цецилій, т. е. какъ язычники поклоняются своимъ идоламъ и сами не ищутъ быть распятыми на крестѣ, хотя не отказываются страдать за свою вѣру

человѣка. Естественное подобіе креста мы находимъ въ кораблѣ, когда онъ несется распустивши паруса или подходитъ къ берегу съ простертыми веслами. Точно также яремъ когда его подвяжете, похожъ крестъ, и человѣкъ, когда онъ, распростерши руки, чистымъ умомъ возноситъ молитву къ Богу, представляетъ образъ креста. Итакъ изображеніе креста находится и въ природѣ и въ вашей религіи.

XXX. Желалъ бы я встрѣтиться съ тѣмъ, кто говоритъ или думаетъ, что у насъ, христіанъ, принятіе въ наше общество совершается посредствомъ умерщвленія младенца и его кровію. Неужели ты можешь повѣрить, чтобы столь нѣжное молодое тѣло подвергалось ужаснымъ ранамъ, чтобы кто-нибудь рѣшился умертвить столь недавнее существо, которое едва можетъ назваться человѣкомъ, пролить его кровь и пить? Этому никто не можетъ повѣрить, кромѣ развѣ того, кто самъ можетъ осмѣлится это сдѣлать. Вы, я знаю, бросаете новорожденныхъ дѣтей на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, или же предаете несчастной смерти посредствомъ удушенія. Нѣкоторыя женщины у васъ, принявъ лекарства, еще во чревѣ своемъ уничтожаютъ зародышъ будущаго человѣка и дѣлаются дѣтоубійцами прежде рожденія дитяти И къ такимъ дѣйствіямъ располагаютъ васъ уроки вашихъ боговъ, ибо Сатурнъ не бросилъ, но пожралъ своихъ дѣтей. Посему въ нѣкоторыхъ странахъ Африки родители приносятъ ему въ жертву своихъ младенцевъ, ласками и поцѣлуями стараясь прекратить ихъ плачь, чтобы жертва закалалась безъ плача. У жителей Тавриды, близъ Понта, и у египетскаго царя Бузириса существовалъ обычай приносить въ жертву гостей, а Галлы приносили Меркурію человѣческія и нече-

ловѣческія жертвы Римляне ради жертвы живыми зарывали въ землю мущину и женщину изъ грековъ и мущину съ женщиною изъ галловъ; и теперь еще они почитаютъ Юпитера Ляціара человѣкоубійствомъ и, что вполнѣ прилично сыну Сатурна, онъ насыщается кровію человѣка нечестиваго и злодѣя. Я думаю, что у этого бога научился Катилина заключать кровію договоръ съ своими сообщниками, Беллона требовать для возлянія на ея жертвенникъ крови человѣческой, другіе научились врачевать падучую болѣзнь кровію человѣка, т. е. еще бо́льшимъ зломъ. Не менѣе сихъ виновны и тѣ, которые употребляютъ въ пищу животныхъ, которыя на аренѣ обрызгались человѣческою кровію или насытились человѣческимъ мясомъ. Что же касается насъ, намъ не позволено и видѣть человѣкоубійства, ни даже слышать о нихъ, а проливать человѣческую кровь мы такъ боимся, что воздерживаемся даже отъ крови животныхъ, употребляемыхъ нами въ пищу

XXXI. И эта басня о безнравственныхъ пиршествахъ нашихъ есть также изобрѣтеніе демоновъ, пущенное въ ходъ для того, чтобы славу нашего цѣломудрія запятнать позоромъ отвратительнаго безчестія и чрезъ то отдалить отъ насъ людей, прежде чѣмъ они могли ихъ изслѣдовать истину. Объ этомъ и твой Фронтонъ говоритъ не какъ свидѣтель, утверждающій то что видѣлъ, но какъ ораторъ, бросившій укоризну. Скорѣе—это появилось у васъ язычниковъ. У персовъ смѣшеніе съ матерью считается дѣломъ позволеннымъ, у египтянъ и аѳинянъ закономъ допущено супружество съ сестрами Ваши исторіи и трагедіи, которыя вы читаете и слушаете съ удовольствіемъ, богаты примѣрами кровосмѣшенія, и боги, которыхъ вы почитаете, также кровосмѣсники, соединявшіеся съ своими матерями,

дочерями и сестрами. И не удивительно, что у васъ часто открывается кровосмѣшеніе и всегда допускается. Несчастные, вы даже по невѣденію можете впасть въ это преступленіе, потому что брасаетесь на всякую женщину, повсюду сѣете дѣтей своихъ, и рожденныхъ дома часто бросаете, разчитывая на чужое состраданіе; необходимо вамъ по незнанію напасть на вашу кровь, на тѣхъ, которые отъ васъ родились. Такимъ образомъ вы сами кровосмѣсники сплетаете на насъ эту басню, вопреки свидѣтельству вашей совѣсти. А у насъ цѣломудріе не только въ лицѣ, но и въ умѣ, мы охотно пребываемъ въ узахъ брака, но только съ одною женщиною, для того, чтобы имѣть дѣтей, и для сего имѣемъ только одну жену или же не имѣемъ ни одной. Собранія наши отличаются не только цѣломудріемъ, но и трезвенностію, на нихъ мы не предаемся пресыщенію яствами, не услаждаемъ пира виномъ; самую веселость мы умѣряемъ строгостію, цѣломудренною рѣчью и еще болѣе цѣломудренными движеніями тѣла. Очень многіе отличаются всегдашнимъ дѣвствомъ своего неосквернаго тѣла, и этимъ нетщеславятся; наконецъ мы такъ далеки отъ кровосмѣшенія, что нѣкоторые стыдятся даже законнаго совокупленія. Хотя и отвергаемъ ваши почести и пурпуровыя одежды, однакоже не состоимъ изъ нисшей черни: нельзя считать насъ заговорщиками, потому только, что мы всѣ имѣемъ въ виду одну добродѣтель, и въ своихъ собраніяхъ ведемъ себя также тихо, какъ каждый порознь; наконецъ нельзя выдавать насъ за охотниковъ болтать въ тайныхъ мѣстахъ, когда вы стыдитесь или боитесь слушать насъ публично. Если число наше со дня на день все возрастаетъ, это не обличаетъ насъ въ

заблужденіи, но служитъ въ нашу похвалу: прекрасный образъ жизни заставляетъ каждаго быть ему вѣрнымъ навсегда и привлекаетъ постороннихъ. Наконецъ мы узнаемъ другъ друга не по знакамъ тѣлеснымъ, какъ вы думаете, но по невинности и скромности, мы питаемъ между собою взаимную любовь, что для васъ прискорбно, — потому что ненавидѣть не научились, а называемъ другъ друга братьями, что для васъ ненавистно, — какъ дѣти одного Отца Бога, какъ сообщники вѣры, какъ сонаслѣдники упованія Вы же не знаете другъ друга, питаете взаимную ненависть и не признаете себя братьями, развѣ только когда затѣваете отцеубійство.

XXXII. Думаете ли вы, что мы скрываемъ предметъ нашего богопочтенія, если не имѣемъ ни храмовъ, ни жертвенниковъ? Какое изображеніе Бога я сдѣлаю, когда самъ человѣкъ, правильно разсматриваемый, есть образъ Божій? Какой храмъ Ему построю, когда весь этотъ міръ, созданный Его могуществомъ, не можетъ вмѣстить Его? И если я человѣкъ люблю жить просторно, то какъ заключу въ одномъ небольшомъ зданіи столь великое Существо? Нелучше ли содержать Его въ нашемъ умѣ, святить Его въ глубинѣ нашего сердца? Стану ли я приносить Господу жертвы и дары, которые Онъ произвелъ для моей же пользы, чтобы повергать Ему Его собственный даръ? Это было бы неблагодарно, напротивъ угодная Ему жертва доброе сердце, чистый умъ и незапятнанная совѣсть. Посему кто чтитъ невинность, тотъ молится Господу; кто уважаетъ правду, тотъ приноситъ жертву Богу, кто удерживается отъ обмана, тотъ умилостивляетъ Бога; кто избавляетъ ближняго отъ опасности, тотъ закалаетъ самую лучшую жертву. Таковы наши жертвы, таковы святи-

лица Богу: у насъ тотъ благочестивѣе, кто справедливѣе. Но—говоришь ты—Бога, котораго чтимъ, мы неможемъ ни видѣть, ни показать другимъ, да, мы потому и вѣруемъ въ Бога, что не видимъ Его, но можемъ Его чувствовать сердцемъ. Ибо во всѣхъ дѣлахъ Его, во всѣхъ явленіяхъ міра мы усматриваемъ присносущную силу Его, которая проявляется и въ раскатахъ грома и въ блескѣ молніи и ясной тишинѣ неба. Неудивляйся, что ты невидишь Бога. Все приходитъ въ движеніе и сотрясеніе отъ вѣтра и его вѣянія, но вѣтеръ и вѣяніе не видны для глазъ. Мы неможемъ видѣть даже солнца, которое для всѣхъ служитъ причиною видѣнія: его лучи заставляютъ глаза закрываться и притупляютъ взоръ зрителя, и если ты подольше посмотришь на него, то совсѣмъ потеряешь зрѣніе. Какъ же ты можешь видѣть самого Творца солнца, источникъ свѣта когда ты отворачиваешься отъ блеска солнца, прячешься отъ его огненныхъ лучей? Ты хочешь плотскими глазами видѣть Бога, когда не можешь собственную твою душу, чрезъ которую живешь и говоришь, ни видѣть, ни осязать!.. Но ты говоришь — Богъ незнаетъ дѣйствій человѣческихъ и, находясь на небѣ, не можетъ ни обнимать всѣхъ, ни знать каждаго порознь Ошибаешься, человѣкъ, и говоришь ложь! Какимъ образомъ Богъ далекъ отъ насъ, когда все небесное и земное, и все находящееся за предѣлами этого видимаго міра, все извѣстно Богу, все полно Его присутствія? Онъ повсюду, и нетолько близокъ къ намъ, но и находится внутри насъ. Обрати вниманіе опять на солнце утвержденное на небѣ оно разливаетъ свои лучи по всѣмъ странамъ, всюду оно присуствуетъ, всему даетъ себя чувствовать и никогда неизмѣняется его свѣтлость. Не тѣмъ

ли болѣе Богъ творецъ всего и всевидѣцъ, отъ Котораго ничто неможетъ быть тайно, находится во тьмѣ, находится и помышленіяхъ нашихъ, которыя суть какъ бы тьма. Мы не только все дѣлаемъ предъ очами Бога, но такъ сказать и живемъ съ Нимъ.

XXXIII. Мы вовсе не думаемъ хвалиться нашею многочисленностію: намъ кажется, что насъ много, но для Бога насъ слишкомъ немного. Мы различаемъ племена и народы, но для Бога весь этотъ міръ есть одинъ домъ. Цари о всемъ въ своемъ именно царствѣ знаютъ чрезъ своихъ министровъ; Богъ не имѣетъ нужды въ этихъ посредникахъ; мы живемъ нетолько предъ Его очами, но и въ Его нѣдрѣ. Ты говоришь, что іудеямъ ни мало не помогло то, что они почитали единаго Бога и Ему съ величайшимъ усердіемъ воздвигали храмы и жертвенники. Но великое заблужденіе, если ты забывъ или не зная прошедщихъ событій, остановишься только на послѣдующихъ Когда іудеи чисто и благоговѣйно чтили нашего Бога, который есть Богъ всѣхъ, когда они повиновались Его спасительнымъ повелѣніямъ, тогда изъ малаго народа они сдѣлались безчисленнымъ, изъ бѣднаго богатымъ, изъ рабовъ царями; тогда немногочисленные, безоружные, они по повелѣнію Божію и при содѣйствіи стихій погубили многочисленное войско, которое преслѣдовало ихъ въ бѣгствѣ. Прочитаи ихъ Писанія, или если тебѣ болѣе нравятся римскіе писатели, то обойди древнихъ и обрати вниманіе на сочиненія Іосифа Флавія или Антонина Юліана объ іудеяхъ. ты узнаешь, что такой участи они заслужили своимъ нечестіемъ и что съ ними ничего не случилось, что небыло бы имъ предсказано напередъ, если они будутъ упорствовать въ нечестіи. Ты узнаешь, что они оставили Бога прежде,

чѣмъ были Имъ оставлены, и что не вмѣстѣ съ Богомъ своимъ они были побѣждены, какъ ты говоришь неприлично, но Богомъ были преданы врагамъ.

XXXIV. Относительно сгорѣнія если вы не вѣрите или съ трудомъ вѣрите, чтобы внезапно сошелъ огонь съ неба, то вы раздѣляете народное заблужденіе. Кто изъ философовъ сомнѣвается, кто не знаетъ, что все рожденное умираетъ и все получившее начало имѣетъ конецъ, что и небо со всѣмъ, что на немъ находится, должно разрушиться, такъ какъ получило начало? Стоики всегда утверждали, что весь этотъ міръ, лишившись влаги, истребится посредствомъ огня, точно также и эпикурейцы думаютъ о воспламененіи элементовъ и разрушеніи міра Платонъ говоритъ, что части міра разрушаются попеременно то отъ наводненія, то отъ воспламенѣнія, и хотя онъ признавалъ міръ вѣчнымъ и неразрушимымъ, однако прибавляетъ, что его можетъ разрушить только Богъ, создатель его. И нисколько не удивительно, если эта громада будетъ разрушена Тѣмъ, Кѣмъ она устроена Ты видишь, что философы разсуждали также, какъ говоримъ и мы, но не мы подражаемъ имъ, а они заимствовали нѣкоторую тѣнь истины изъ божественныхъ предсказаній пророковъ. Такъ славнѣйшіе изъ философовъ, прежде всего Пиѳагоръ и особенно Платонъ, передали вамъ въ неполномъ и поврежденномъ видѣ ученіе о продолженіи жизни послѣ смерти. Ибо по ихъ мнѣнію однѣ души, по разрушеніи тѣла, продолжаютъ существовать вѣчно, и неоднократно переходятъ въ другія новыя тѣла. Къ большему искаженію истины, они утверждаютъ что души людей по смерти переходятъ въ тѣла скотовъ, птицъ, звѣрей;—мнѣніе болѣе приличное шуту забавля-

ющему, нежели мыслящему философу. Впрочемъ для моей цѣли довольно того, что и относительно этого предмета ваши философы нѣкоторымъ образомъ согласны съ нами Въ самомъ дѣлѣ, кто же столько глупъ и безсмысленъ, что осмѣлится говорить, что Богъ, Который могъ первоначально создать человѣка, не можетъ потомъ возсоздать его? что человѣкъ не существуетъ по смерти какъ не существовалъ до рожденія? Если онъ могъ произойдти изъ ничего, то можетъ опять возстать изъ ничтожества. Далѣе гораздо труднѣе дать бытіе тому, что не существовало, нежели возобновить то, что уже получило его. Думаешь ли ты, что исчезаетъ и для Бога что-нибудь, какъ скоро скрывается отъ слабыхъ очей нашихъ? Всякое тѣло—обращается ли оно въ пыль или влагу, въ пепелъ или паръ, исчезаетъ для насъ, но Богъ сохраняетъ его элементы Мы вовсе не боимся, какъ вы думаете, какого-либо вреда отъ сожиганія покойниковъ, но держимся древняго и лучшаго обыкновенія зарывать умершихъ въ землю. Посмотри также на то, какъ вся природа, къ нашему утѣшенію, внушаетъ мысль о будущемъ воскресеніи. Солнце заходитъ и вновь появляется, звѣзды скрываются и опять возвращаются, цвѣты увядаютъ и разцвѣтаютъ, деревья послѣ зимы снова распускаются, сѣмена не возродятся, если прежде не сгніютъ; такъ и тѣло на время, какъ деревья за зиму, скрываетъ жизненную силу подъ обманчивымъ видомъ мертвенности. Къ чему это нетерпѣливое желаніе, чтобы оно ожило, когда еще зима въ полной силѣ? Намъ также нужно дожидаться весны нашего тѣла Я знаю, что очень многіе, сознавая, что они заслужили, не столько убѣждены въ томъ, что уничтожается послѣ смерти, сколько желаютъ этого;

потому что имъ пріятнѣе совершенно уничтожиться, чѣмъ воскреснуть для мученій. Ихъ заблужденіе возрастаетъ и отъ ихъ собственной распущенности въ жизни и отъ долготерпѣнія со стороны Бога но чѣмъ болѣе Онъ медлитъ своимъ судомъ. тѣмъ строже судъ

XXXV. Впрочемъ ваши ученые въ сочиненіяхъ и поэты въ стихахъ своихъ говорятъ объ огненномъ потокѣ и пламенномъ болотѣ Стикса, которые предназначены для вѣчнаго мученія людей, такъ какъ они знаютъ объ этомъ по указаніямъ демоновъ и изреченіямъ пророковъ Вотъ почему у нихъ самъ царь Юпитеръ благоговѣйно клянется пылающими берегами и мрачною пропастью: ибо онъ предчувствуетъ мученія, которыя ожидаютъ его вмѣстѣ съ его чтителями, и боится. Этимъ мученіямъ нѣтъ никакого предѣла и никакой мѣры. Тамъ разумный огонь сожигаетъ и возобновляетъ члены тѣла, истощаетъ и питаетъ ихъ· подобно тому, какъ блескъ молніи касается тѣла, но не убиваетъ, какъ огни Везувія и Этны и всѣхъ земныхъ вулкановъ горятъ никогда не угасая. такъ и огонь, назначенный для наказанія, поддерживается не тѣмъ, чтобъ истреблялъ сожигаемыхъ имъ, но питается неистощимыми мученіями человѣческихъ тѣлъ. Никто, кромѣ развѣ нечестивца, не сомнѣвается, что незнающіе Бога заслуживаютъ такого наказанія за свою нечестивую и порочную жизнь, потому что не знать Отца и Владыку всего есть не меньшее преступленіе, какъ и оскорблять Его. Хотя незнаніе Бога влечетъ за собою наказаніе, а знаніе Его служитъ къ полученію прощенія, однако если насъ христіанъ сравнить съ вами, то хотя нѣкоторые изъ насъ по жизни своей и ниже нашего ученія, все-таки мы окажемся гораздо лучше васъ. Ибо вы запрещаете прелюбодѣяніе, но совер-

шаете его, а мы знаемъ только своихъ женъ: вы наказываете за содѣянныя преступленія, а у насъ и помышлять о нихъ грѣхъ, вы боитесь стороннихъ свидѣтелей, а мы даже одной своей совѣсти, безъ которой не можемъ быть. Наконецъ тюрьмы переполнены вашими, а христіанина тамъ нѣтъ ни одного, кромѣ судимаго за свою религію или же вѣроотступника

XXXVI. Пусть никто не ищетъ въ судьбѣ утѣшенія или оправданія себѣ. Что бы ни дѣлала судьба, у человѣка душа свободна и въ немъ судится его дѣйствіе, а не внѣшнее положеніе. И что иное судьба какъ не опредѣленіе Божіе о каждомъ изъ насъ? Богъ предвидитъ будущее и сообразно съ свойствами и заслугами каждаго изъ людей опредѣляетъ и судьбы ихъ. Такимъ образомъ Онъ наказываетъ не по такому, или другому рожденію, а по свойству нравственныхъ расположеній Но довольно теперь говорить о судьбѣ; въ другое время мы займемся разсужденіемъ объ этомъ съ большею полнотою и подробностію. А что мы по большей чести слывемъ бѣдными—это не позоръ для насъ, а слава, потому что душа какъ разслабляется отъ роскоши, такъ укрѣпляется отъ умѣренности Да и какъ можетъ быть бѣденъ тотъ, кто не имѣетъ недостатка, не жаждетъ чужаго, кто богатъ въ Богѣ? Скорѣе бѣденъ тотъ, кто имѣя многое, домогается еще большаго. Я скажу, какъ думаю: никто не можетъ быть такъ бѣденъ, какъ онъ родился. Птицы живутъ безъ всякаго наслѣдства отъ родителей и каждый день доставляетъ имъ пищу; однако они сотворены для насъ. Мы владѣемъ всѣмъ, коль скоро ничего не желаемъ. Какъ путешественнику тѣмъ удобнѣе идти, чѣмъ меньше онъ имѣетъ съ собою груза, такъ точно на этомъ жизненномъ

пути блаженнѣе человѣкъ, который облегчаетъ себя посредствомъ бѣдности и не задыхается отъ тяжести богатствъ. Если бы мы считали ихъ полезными, то просили бы ихъ у Бога, и Онъ безъ сомнѣнія могъ бы намъ дать сколько-нибудь, потому что все принадлежитъ Ему. Мы лучше хочемъ презирать богатство, нежели владѣть имъ; мы болѣе стремимся къ невинности сердца, болѣе желаемъ терпѣнія, болѣе стараемся быть добрыми, нежели расточительными. А что мы чувствуемъ недостатки тѣла, и терпимъ ихъ,—это не наказаніе, а принадлежность нашего воинствованія. Ибо мужество укрѣпляется немощами, и несчастіе бываетъ часто школою добродѣтели. Наконецъ силы душевныя и тѣлесныя разслабляются, если не упражняются въ подвигѣ, и всѣ ваши храбрые мужи, которыхъ вы ставите въ образецъ, претерпѣли много бѣдствій, прежде чѣмъ достигли славы. Посему не думайте, чтобы Богъ не былъ силенъ помочь намъ или оставилъ насъ, ибо Онъ управляетъ всѣмъ и любитъ Своихъ, но Онъ подвергаетъ каждаго несчастію для испытанія; Онъ смотритъ на его нравственное расположеніе въ опасностяхъ и слѣдитъ до послѣдняго вздоха за волею человѣка, зная, что у Него ничто не можетъ погибнуть. Такимъ образомъ мы испытываемся несчастіями, какъ золото огнемъ.

XXXVII. Какое прекрасное зрѣлище для Бога, когда христіанинъ борется съ скорбью, когда онъ твердо стоитъ противъ угрозъ, пытокъ и казней, когда онъ смѣется надъ страхомъ смерти и не боится палача, когда онъ сохраняетъ свою свободу предъ царями и владыками и преклоняется только предъ Богомъ, Которому онъ принадлежитъ, когда онъ, какъ торжествующій побѣдитель, смѣет-

ея даже надъ тѣмъ, кто приговорилъ его къ казни! Ибо тотъ побѣдитель, кто достигъ чего домогался. Какой воинъ въ глазахъ полководца не будетъ смѣло идти на встрѣчу опасности? Никто не получаетъ награды, если не будетъ испытанъ и признанъ ея достойнымъ, и однако полководецъ не даетъ, чего не въ силахъ дать,—онъ не можетъ продлить его жизнь, а можетъ только воздать честь воинскому мужеству. Но воинъ Божій не оставленъ среди страданія, не гибнетъ среди смерти, и христіанинъ можетъ только казаться несчастнымъ, но не быть такимъ. Вы сами возносите до небесъ героевъ несчастія, напримѣръ Муція Сцеволу, который, промахнувшись убить царя, непремѣнно погибъ бы среди непріятелей, если бы не сжегъ на огнѣ правой руки. А сколько изъ нашихъ христіанъ претерпѣли безъ малѣйшаго стона сожженіе не руки только, но всего тѣла, между тѣмъ какъ, если бы захотѣли, могли бы избавиться отъ страданій? Я сопоставлю своихъ мущинъ съ Муціемъ, или Аквилемъ, или Регуломъ, но у насъ не только мущины, даже отроки и женщины наши, вооружившись терпѣніемъ въ страданіяхъ, презираютъ ваши кресты, пытки, звѣрей, и всѣ ужасы казней. И вы не понимаете несчастные, что никто не захотѣлъ бы безъ причины подвергать себя казни, никто не могъ бы безъ божественной помощи вынести такія мученія. Но можетъ быть васъ обольщаетъ то, что, и незная Бога, многіе изобилуютъ богатствами, пользуются почестями, обладаютъ могуществомъ? Несчастные!! Они возвышаются для того, чтобы глубже пасть: это жертвы, которыя откармливаются для закланія, украшаются цвѣтами для умерщвленія. Нѣкоторые изъ васъ достигаютъ вершины власти и могущества для того только, чтобы злоупотреблять

данною имъ властію и удовлетворять своимъ прихотливымъ страстямъ. Да и можетъ ли быть счастіе безъ знанія Бога, когда подобно сну, это счастіе улетаетъ прежде чѣмъ его схватятъ. Царь ли ты? самъ столько же боишься, сколько тебя боятся, и хотя тебя окружаетъ большая свита,—ты одинокъ въ опасности. Богатъ ли ты? опасно полагаться на фортуну; большіе запасы для краткаго пути жизни составляютъ не подспорье, но тяжелое бремя. Ты хвалишься тѣмъ, что ходишь въ пурпуровой одеждѣ и предъ тобой носятъ пуки прутьевъ съ сѣкирою? Но нелѣпое заблужденіе, безсмысленное почитаніе своего достоинства—блистать багряницею и быть грязнымъ душею. Ты славишься своею знатностію, хвалишься доблестями своихъ родителей? Но всѣ мы родимся равными, одна добродѣтель только отличаетъ насъ. Итакъ мы, которые цѣнимъ себя только по невинности и добрымъ нравамъ, справедливо гнушаемся худыхъ удовольствій, удаляемся отъ вашихъ торжествъ и зрѣлищъ: мы знаемъ ихъ суевѣрное происхожденіе и осуждаемъ ихъ гибельныя приманки. Кто не ужаснется, видя до какой степени доходитъ безумство народа на играхъ курульскихъ? Въ битвахъ гладіаторовъ не преподаются ли уроки человѣкоубійства? На театрахъ вашихъ такое же неистовство, такое же возмутительное безобразіе: то актеръ разсказываетъ или представляетъ любодѣянія, то комедіантъ представляя, постыдную любовь, возбуждаетъ ее и въ вашихъ сердцахъ. Тотъ же комедіантъ безславитъ вашихъ боговъ, изображая ихъ прелюбодѣянія, ихъ вздохи, ихъ вражды, или выражая своими минами и жестами печаль, вызываетъ у васъ слезы. Такимъ образомъ вы поощряете дѣйствительное убійство, на аре-

нѣ, а потомъ проливаете слезы при видѣ мнимаго убійства на театрѣ.

XXXVIII. Что касается до того, что мы не ѣдимъ жертвеннаго мяса и не вкушаемъ жертвеннаго вина, это не есть выраженіе нашего страха, а доказательство нашей свободы Въ самомъ дѣлѣ, всякое произведеніе природы какъ ненарушимый даръ Божій, не оскверняется никакимъ употребленіемъ. но мы воздерживаемся отъ вашихъ жертвъ, чтобы кто не подумалъ, будто мы уступаемъ демонамъ, которымъ онѣ были принесены, или стыдимся нашей религіи Кто можетъ подумать, что мы пренебрегаемъ цвѣтами, которыми даритъ насъ весна, когда мы срываемъ розы и лилии и всѣ другіе цвѣты пріятнаго цвѣта и запаха? Ихъ мы раскидываемъ передъ собою для благоуханія, изъ нихъ сплетаемъ вѣнки себѣ на шею. А что мы не кладемъ этихъ вѣнковъ на свои головы, то извините насъ мы имѣемъ обыкновеніе нюхать запахъ хорошихъ цвѣтовъ обоняніемъ, а не верхушкою головы и волосами. Мы не кладемъ вѣнковъ и на умершихъ. я даже весьма удивляюсь вамъ. зачѣмъ вы сожигаете умершаго, если онъ чувствуетъ; если же не чувствуетъ, зачѣмъ украшаете вѣнками. Цвѣты блаженному вовсе не нужны, а несчастному не доставятъ радости. Мы совершаемъ погребеніе съ тою простотою, какая видна и въ нашей жизни. Мы не кладемъ на покойника вѣнковъ, которые скоро увядаютъ. но надѣемся получить отъ самого Бога вѣнцы изъ цвѣтовъ неувядающихъ. Скромно, съ упованіемъ на милосердіе Божіе мы живемъ надеждою будущаго блаженства, по вѣрѣ въ величіе Божіе, открываемое въ настоящей жизни. Такимъ образомъ мы и воскреснемъ для аженства и теперь живемъ счастливые созерцаніемъ бу-

дущаго. Пусть Сократъ, аѳинскій говорунъ, громко признается, что онъ ничего не знаетъ, хотя и хвалится внушеніемъ самого живаго демона, пусть Аркезилай, Карнеадъ, Пирронъ и все множество академиковъ предаются сомнѣнію; пусть Симонидъ все отсрочиваетъ время для рѣшенія даннаго ему вопроса. Мы презираемъ гордость философовъ, которые, какъ мы знаемъ, были люди развращенные, прелюбодѣи, таранны, которые такъ краснорѣчиво говорили противъ пороковъ, которыми сами были заражены. Мы представляемъ мудрость не во внѣшнемъ видѣ, а въ душѣ нашей; мы не говоримъ возвышенно, но живемъ такъ: мы хвалимся тѣмъ, что достигли того, чего тѣ философы со всѣмъ усиліемъ искали и не могли найдти. Зачѣмъ намъ быть неблагодарными? Чего намъ желать болѣе, когда въ наше время открылось познаніе истиннаго Бога? Будемъ пользоваться нашимъ благомъ, будемъ держаться правила истины; да прекратится суевѣріе, да посрамится нечестіе, да торжествуетъ истинная религія!

XXXIX. Когда Октавій кончилъ свою рѣчь, мы съ Цециліемъ нѣсколько времени въ молчаливомъ удивленіи смотрѣли на него. Что касается собственно меня, то я былъ сильно изумленъ искусствомъ, съ какимъ онъ изложилъ доказательства, примѣры и свидѣтельства на истины, которыя легче чувствовать, нежели высказывать,—отразилъ враговъ тѣми же стрѣлами философовъ, которыми они сами вооружаются, и представилъ истину не только удобопонятною, но и благопріятною.

XL. Въ то время какъ я въ молчаніи передумывалъ это съ самимъ собою, Цецилій воскликнулъ: я отъ всего сердца поздравляю Октавія, а также и себя самого, и не дожидаюсь рѣшенія нашего судьи. Мы оба побѣдили; и я

по справедливости приписываю себѣ побѣду; ибо Октавій побѣдилъ меня, а я одержалъ побѣду надъ заблужденіемъ Что касается до сущности вопроса, то я исповѣдую Провидѣніе, покоряюсь Богу и признаю чистоту религіознаго общества которое отнынѣ будетъ и моимъ. Остается еще нѣсколько недоумѣній, не противорѣчащихъ истинѣ, но которыя нужно разъяснить для полнаго вразумленія моего. Но объ нихъ удобнѣе будетъ поговорить на свободѣ завтра, а теперь солнце уже склоняется на западъ

XLI А я—сказалъ я въ свою очередь—даже болѣе всѣхъ васъ радуюсь тому, что Октавій одержалъ побѣду, потому что онъ избавилъ меня отъ непріятной необходимости произносить приговоръ. И я не въ силахъ воздать достойной хвалы его рѣчи. Свидѣтельство человѣка и притомъ одного человѣка недостаточно. Самая лучшая награда ему отъ Бога, который вдохновилъ его слово и даровалъ ему силу къ побѣдѣ

Послѣ сего радостные и веселые мы отправились въ путь, Цецилій радовался тому, что увѣровалъ, Октавій—что разрушилъ его заблужденія, а я обращенію Цецилія и побѣдѣ Октавія.

КОНЕЦЪ.

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР